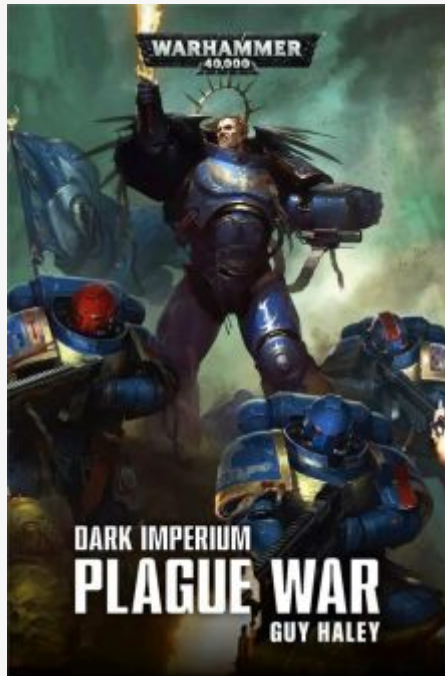

Тёмный Империиум: Чумная война / Dark Imperium: Plague War (роман)

Тёмный Империиум: Чумная война / Dark Imperium: Plague War (роман)

Автор	Гай Хейли / Guy Haley
Переводчик	Хелбрехт
Издательство	Black Library
Серия книг	Тёмный Империиум / Dark Imperium
Предыдущая книга	Тёмный Империиум / Dark Imperium
Следующая книга	Тёмный Империиум: Божья болезнь / Dark Imperium: Godblight
Год издания	2018
Экспортировать	 PDF, EPUB

□

Содержание

Первая глава

Вторая глава

Третья глава

Четвёртая глава

Пятая глава
Шестая глава
Седьмая глава
Восьмая глава
Девятая глава
Десятая глава
Одиннадцатая глава
Двенадцатая глава
Тринадцатая глава
Четырнадцатая глава
Пятнадцатая глава
Шестнадцатая глава
Семнадцатая глава
Восемнадцатая глава
Деятнадцатая глава
Двадцатая глава
Двадцать первая глава
Двадцать вторая глава
Двадцать третья глава
Двадцать четвёртая глава
Двадцать пятая глава
Двадцать шестая глава
Двадцать седьмая глава
Двадцать восьмая глава

Первая глава

ХРОНИКИ NOVAE IMPERIA

Слабый свет проникал сквозь крошечную черноту, отбрасывая бледный круг, который расширился и сжимался на полированном синем мраморе с давно опустошённого мира. Гул гравитационного двигателя пронзал тишину заброшенного зала, хотя и не настолько громко, чтобы прогнать укоренившееся здесь спокойствие эпох. Лампа была тусклой, словно свеча, и сильно затемнённой обрамлявшим её железным фонарём. Угол, под которым сервочереп держал фонарь, ещё сильнее сужал освещение, но даже в слабом свете камень мерцал золотыми пятнышками. Пол просыпался на мгновение от его нежных прикосновений, вспыхивая с яркостью звёздной туманности, прежде чем сервочереп двигался дальше, и великолепие облицовочных плит снова терялось в темноте.

На границе света шла одинокая мужская фигура, иногда охваченная им полностью, но чаще уменьшенная до теней и мягких бликов по краям. Капюшон грубой домотканой мантии был накинут на голову. Сандалии из плетёных шнуров равномерно следовали за светом. Круг света выглядел небольшим, но эхо шагов показывало, что пересекаемое мужчиной в мантии помещение было огромным. Окажись здесь кто-то ещё, он немного смог бы сказать об этом человеке. Мужчина был священником. Мало что можно было добавить кроме этого. Конечно, как случайный наблюдатель мог узнать, что он являлся милитант-апостолом лорда-командующего. Он не одевался, как люди его положения, обычно облачавшиеся в парчу и драгоценности. Он не казался величественным. Он, конечно, и сам не чувствовал себя таким. Для себя и тех несчастных, которым он предлагал помощь благословения

Императора, он был просто Матьё.

Матьё был истинно верующим человеком, и космические десантники казались ему безбожниками, не познавшими подлинного величия божественности Императора, и всё же в Mortuis Ad Monumentum присутствовала атмосфера святости.

Поэтому Матьё нравилось здесь.

Кроме звука обуви священника и гула черепа тишина в Mortuis Ad Monumentum была столь абсолютной, а чувство изоляции столь полным, что даже отсутствовал фоновый шум гигантских двигателей, толкающих *“Честь Макрагга”* сквозь варп. Остальная часть корабля дрожала, иногда яростно, иногда мягко, грохот систем присутствовал всегда и везде. Но не там, где шёл священник. Безмолвие древнего зала было не подвластно им. В пределах его границ само время задержало дыхание.

В спокойные дни Матьё исследовал зал. Самыми примечательными его особенностями являлись теснившиеся вдоль стен статуи. Они стояли не по одной или парами, рельефными образами, чтобы вокруг них прогуливались и любовались, также они не располагались в альковах, чтобы украшать или увековечивать. Нет, это были толпы каменных мужчин местами по сорок человек в глубину, все без исключения Адептус Астартес в древних моделях брони. Возможно, раньше их размещали с осторожностью, но эти времена давно прошли, и чем дальше в зал, тем беспорядочнее становились их композиции. Когда-то в прошлом в зал пробили брешь и некоторые статуи разбились. Груды конечностей небрежно свалили в кучи, и уродливые следы ремонта отмечали раны древних времён.

Воины, в память о которых воздвигли статуи, умерли за десять тысяч лет до рождения Матьё. Возможно, они даже пали в войнах Императора за создание самого Имперiums. Такую невероятную продолжительность лет трудно постичь, и всё же теперь создание, которое вело этих мертвецов в бой, снова командовало кораблём.

От мысли, что он служит сыну Императора, у Матьё кружилась голова. Даже после всего произошедшего и увиденного он не мог до конца поверить в это.

Матьё остановился в темноте возле группы статуй. Белый камень во мраке светился серым цветом. Возникло ужасное чувство, что они ожили и собирались преградить ему путь, фаланга призраков, разгневанных на богохульника. Он отбросил эту мысль. Он проигнорировал ползущую по спине холодную руку страха. Он просто слегка сбился с пути и только. Было достаточно легко потеряться в зале в полмили шириной и почти столько же в длину.

У серво черепа на лбу были нарисованы буквы “XB”. Он обращался к нему только “B”. Он не мог заставить себя называть её имя.

- “B”, - произнёс он чистым и сильным голосом. Голос прорубил тени и отпугнул темноту. Матьё был невзрачным человеком, молодым и невысоким, но его голос был изумительным, более великим оружием, чем потёртый лазерный пистолет на левом бедре или цепной меч, с которым он шёл в битву. Громкий и властный перед паствой, он показался слабым и тонким перед лицом мёртвого прошлого, но, как и серебряный колокольчик, звенящий в чашобе замёрзшего зимнего леса, голос был чистым, ясным и прекрасным.

“B” издал ровную, наполненную статикой мелодию подтверждения.

- Поднимись на пять футов. Подними фонарь, перемещай его слева направо.

Двигатели черепа запульсировали. Он поднялся в высоту пустот монументума. Свет оставил Матьё, падая вместо жреца на ближайшие неподвижные фигуры. Каменные лица появлялись из темноты, словно пользуясь шансом, чтобы их вспомнили, а затем снова быстро исчезали во мраке, когда “В” поворачивался. На мгновение страх Матьё вернулся. Он не мог узнать, где находился, пока бледное искусственное освещение “В” не омыло капитана космического десанта какой-то забытой эпохи, сломанная в локте рука которого была гордо устремлена вверх. Этого воина он узнал.

Матьё облегчённо вздохнул.

- Спускайся на исходную высоту. Поверни фонарь вниз, чтобы осветить мой путь. Продолжай движение.

“В” ответил прерывистой трелью. В звуке присутствовали намёки на мелодичность, но примитивный вокс-транслятор, прошедший уже как минимум через пятые руки, был найден на свалке, как и остальные детали “В”, и чрезмерная эксплуатация негативно сказывалась на благозвучии.

- Продолжай двигаться в скит, теперь быстрее. Моё время для этой обязанности истекает.

“В” опустил и помчался вперёд. Матьё прибавил шаг, чтобы не отставать.

Адептус Астартес не скрывали, что с пренебрежением относятся к религиозному поклонению. Адептус Министорум было хорошо известно, что они не считали Императора богом. Матьё знал это на протяжении всей своей службы. Правда же оказалась не столь простой. На корабле было много святилищ, любовно украшенных изображениями смерти и хранивших кости героев в усыпальницах, которые в показной роскоши соперничали с последними пристанищами самых величайших святых. Культ у Ультрадесанта был силён, хотя они и не занимались поклонением. В отрицавших религию часовнях их жрецы в черепах-масках громогласно отрицали человеческую природу Императора и примархов, почитая их как богов во всём, кроме имени. Их обычаи чести, долга и повиновения претворялись в жизнь с высочайшей преданностью.

“В их обычаях присутствует элемент умышленной слепоты”, - подумал Матьё.

Отношение Адептус Астартес к Робауту Жиллиману граничило с благоговением. С самого начала Жиллиман предупредил Матьё не поклоняться ему и что он не сын бога. Священник лично видел, как раздражался Жиллиман на тех, кто не прислушался к его словам. И всё же его безбожные сыновья смотрели на него с едва скрываемым рвением.

Матьё сделал то, что ему сказали. Ему было не по душе смотреть на Жиллимана, как на человека, как тот желал, но близкое общение с примархом более чем стоило того. Матьё и в самом деле глубоко и искренне уважал примарха.

Преыдущие милитант-апостолы выделяли себе небольшие королевства во дворце Жиллимана на вершине гигантского линкора. Занимаемому ими положению соответствовали роскошные покои. Незадолго перед появлением Матьё самое большое помещение было переделано в часовню Имперского Культа. Она выглядела безвкусной, слишком заинтересованной в демонстрации богатства и влияния, а не веры. Матьё приложил все усилия, чтобы сделать часовню более строгой. Он убрал некоторые самые вульгарные украшения, заменил статуи кардиналов древности на своих самых любимых святых. Раньше там стояла скульптура Императора во Славе, гордо возвышавшегося на алтаре с мечом в руке. Матьё заменил её на изображение Императора во Служении, гримасничающий труп, прикованный к Золотому Трону. Матьё всегда предпочитал подобный образ, который показывал величайшую жертву Императора, принесённую ради Его расы. Служение Императора человечеству было гораздо важнее, чем Его аспекты

воина, правителя, учёного или провидца. Матьё всегда пытался следовать примеру Императора во Служении, отказываясь от своего небольшого комфорта ради помощи страдающим людским массам.

Часовня была запятнана нечистоплотностью святых людей. Он предпочитал вести религиозные службы с крепостным экипажем корабля в их промасленных церквях. Он сохранял личную часовню только потому, что этого ожидали от него. Он редко молился в ней.

Для своих уединённых молитв он спускался к этому заброшенному культовому памятнику неверующих людей.

В конце зала располагался небольшой склеп, где ряды черепов павших героев сложили в мрачных орнаментах. Пыль покоилась толстым слоем на всём внутреннем убранстве, когда Матьё нашёл его. Никто не приходил сюда уже очень давно.

Под безглазыми взорами трансчеловеческих черепов он установил простой деревянный алтарь, на котором также появилось изображение Императора во Служении. Вокруг стояли меньшие статуи девяти верных примархов, которые можно было встретить в любом святилище. Изображавшая Робаута Жиллимана была в три раза больше остальных. Матьё преклонил колени перед Императором и Его Мстящим Сыном, хотя настоящий Жиллиман вполне мог наказать его за подобный поступок.

Он стоял на коленях некоторое время и молился статуям: сначала Императору, затем Его сыновьям и затем, наконец, Жиллиману. Он встал и взял из большого ящика для боеприпасов тридцать шесть свечей, которые добавил к сотням, стоявшим на подставках по периметру помещения. Расставив свечи, он зажгёт маленькое прометиумное пламя и от него один за другим воспламенил фитили, торжественно шепча над каждым:

- Император наблюдает за тобой, - произнёс он. - Император наблюдает за тобой.

Каждая свеча символизировала желание помолиться кого-то из обслуживающего персонала, одного из тех простых людей, которые составляли большинство имперских граждан, но не имели никаких других прав. Когда кто-то просил у него благословения света, Матьё никогда не отказывал, не важно насколько высокое или низкое положение занимал человек, и обещал поставить свечку за каждого просящего. Но даже в небольшом мире космического корабля было так много просьб и так много боли, что он не мог и надеяться сдержать обещание. В конце концов, он принял помощь, как и настаивали его диаконы. Раньше он всегда отказывался от слуг или сервиторов и был обеспокоен тем, как легко привык к ним. Он никогда не хотел стать похожим на других высокопоставленных представителей церкви, свиты которых достигали тысячи служителей, и боялся, что сделал первый шаг на подобном пути.

Поняв, что принял сервиторов как должное, он наложил на себя епитимью, приказав автобичевателю наказать его. После бичевания, он привёл в порядок скит, вычистив его голыми руками, вымыл полы и изготовил предметы поклонения. Закончив работу, он почтительно поставил ещё одну подставку для свечей, чтобы показать свою искренность, поэтому теперь у каждой потерянной души стало по две горевших за неё свечи: одна вверху, зажжённая слугами, и одна внизу, зажжённая им. Скит был тёмным, когда он пришёл. Он гасил свечи перед уходом и вновь зажигал их каждый раз, когда возвращался, пока они не сгорали до огарков. Новых свечей на замену всегда было больше.

- Лорд Жиллиман выбрал меня за смирение, - сказал он сам себе. Недрогнувшей рукой он касался прометиумным пламенем каждой восковой палочки. Вторая рука так крепко сжимала мантию, что в свете свечей костяшки пальцев побелели. Автобичеватель работал на среднем уровне мучений. Он позволил боли проходить сквозь тело, очищаясь от эгоистичных мыслей.

- О Император, не дай мне сойти с пути на этой службе. Не дай мне погрязнуть во грехе, забыв о Твоей благодати и выбранной Тобой для меня цели. Позволь мне освободиться от гордыни. Позволь моим помыслам остаться чистыми. Позволь мне помочь лорду Жиллиману увидеть истину Твоего света. Помоги мне, о Повелитель Человечества.

Спустя час он закончил молиться. Он достал санктус-астрогатор из мантии и включил поиск вероятного местоположения Терры. Матьё не знал, работало ли устройство должным образом в варпе, но всё же последовал его совету и преклонил колени в направлении прародины человечества, где в величественной боли обретал Император.

После этого он подошёл к своему столу.

Он зажёл шесть больших свечей, поставленных в открытые вершины пары черепов. Они принадлежали безымянным праведникам, которых замучили до смерти мародёры Хаоса. Он поблагодарил каждый из них за свет во тьме. Затем он сел и открыл лежавший на столе фолиант в кожаном переплёте. Бумага была гладкой и кремового цвета, намного лучше любой, которой он пользовался прежде. Есть некоторые выгоды в том, чтобы быть инструментом примарха. Книга открылась на титульном листе, показав название "*Великая Чумная война*". Матьё перевернул страницы и осмотрел уже законченные главы, но их цветные рисунки и орнаменты ещё оставались грубыми эскизами. Прежде чем доверить мысли книге, он работал и редактировал их в брошюрах до тех пор, пока не сочтёт готовыми к первому написанию. Сегодня был важный день. Следующая часть его изложения завершена и может быть изложена для последующих поколений.

Жиллиман требовал от него столь мало. Определение Матьё, что милитант-апостол - это глашатай оказалось вполне точным. Время от времени его вызывали дать примарху советы по вопросам взаимодействия с церковью или произнести речь перед каким-либо собранием. Часто Жиллиман переписывал его проповеди.

Матьё заполнял время служением Императору в меру своего понимания этого служения. Как раньше он ходил среди бедных и больных на мирах Ультрамара, так и теперь ступал среди сервов ордена и корабля, служивших на борту "*Чести Макрагга*", подавая милостыню или медицинскую помощь и принося духовное утешение. В убогих часовнях нижних палуб он говорил о милосердии Императора. Простые люди на флоте были обескуражены религиозными проявлениями, поскольку Ультрадесантники относились к открытому вероисповеданию с неприязнью, но и не запрещали им верить. Матьё давал им то утешение, которое мог. Их жизни были тяжёлыми. Он жалел их.

В другое время он писал. Отчасти в этом он слепо подражал святому примарху, проводившему всё свободное время в своём скриптории. И всё же главной причиной являлась убеждённость, что деяния Робаута Жиллимана должны быть записаны одним из верующих для других верующих, а не только храниться в неизвестности библиариума Ультрадесанта.

Матьё перевернул до пустой страницы и открыл чернильницу. Он отвёл взгляд от книги, положил пальцы на бумагу и потратил несколько секунд, чтобы успокоиться, очистить разум и подготовить душу к священной работе. Только после этого он взял перо, опустил кончик в чёрные чернила и тщательно написал витиеватое заглавие.

Триумф святого Жиллимана на Эспандоре над ужасами нечестивых сил. Он медленно выводил буквы, заполняя пустоты в каждой декоративными расцветками. Позже, если написанное выдержит его критический взгляд, он разовьёт эти художественные начинания и украсит рукопись прекрасными

иллюстрациями. Сейчас же он просто сделал несколько набросков, совсем незаметных, чтобы затем их можно было легко стереть. Сделав это, он подумал, стоит ли назвать себя автором главы. Он колебался, но затем решил, что стоит, и быстро написал, пока не передумал.

Рассказано милитант-апостолом фратером Матьё, монахом нищенствующего ордена Акронитов, послушником третьей степени, который лично принимал участие в кампании.

Едва закончив предложение, он пожалел о своём тщеславии. Каждый раз, когда он брался за перо, начиналась эта бесплодная битва. Он слишком хорошо знал, насколько фрагментированными могли со временем становиться документы, поэтому ставил своё имя под заголовками всех глав. Хотя он лично находился на Эспандоре и собирался сослаться на события, которые видел собственными глазами, было мало необходимости в подобном упоминании и тем более в указании, кто он и кем он был. История была не о нём, а о примархе, и всё же он очень хотел, чтобы о его авторстве было известно. В подобной формулировке содержалась двойная гордыня: сначала он говорил о своём высоком положении, а затем убеждал в своём скромном происхождении, чтобы все знали, как высоко он поднялся.

Он размышлял несколько секунд, прося у Императора прощения. Он решил закончить полный отчёт о войне, а затем удалить своё имя. Это казалось правильным решением. Он продолжит ритуальную полемику до конца, а затем вычеркнет себя из повествования.

Дыша ровно, чтобы не сбиться с почерка, он начал свой рассказ.

На Эспандоре святой Жиллиман отбросил армии отвратительного примарха Мортариона, да будет тот навечно проклят на страдания в наказание за предательство Императора. С великой силой и разумом имперский регент Жиллиман, последний и вернейший из сыновей живого Бога-Императора, направил свои воинства против неопикуемых существ и изгнал их из мира и прилегающих планет. В соседних звёздных системах он атаковал с такой агрессивной уверенностью в победе, что падший вражеский флот был отброшен, блокада снята, а Эспандору принесено облегчение. Города были освобождены, и в них святой Жиллиман возрыдал, увидев храмы отца осквернёнными, а ряды слуг Терры сильно поредевшими от болезней и войны, ибо только десятая часть прежнего населения Эспандора смогла продолжить службу святому Жиллиману, а также Ультрамару и Ему, кто правит с Терры.

В течение пятнадцати дней примарх сражался по всему Эспандору, ниспровергая гегемонию демонов и еретических Астартес. Хитрой стратегией он гнал их перед собой, сокрушая их мощь и уничтожая по частям со всей яростью. Молниеносным ударом и неожиданным нападением он разделял врагов и побеждал их. В шпильях Приандора он разгромил ржавяющих демонических големов падшего легио Онер. Река Гангателлиум так сильно почернела от демонического ихора, что для очищения её вод потребовались молитвы двадцати двух высокопоставленных кардиналов. В провинциях Береника, Эбора и Йорскира враги были разбиты и умерщвлены. Наступление примарха было настолько быстрым и сокрушающим, что все впадали в оцепенение перед ним: и демоны, и смертные и не умершие легионеры. В каждой битве примарх шёл впереди с мечом отца, ярко горящим в его руке. Вокруг святого Жиллимана защита Его ангелов и Его святых ярко пылала внушающим страх нимбом, который наполнял души верующих великой силой и поражал слуг врага, куда бы ни пало его сияние. Приспешники Повелителя Чумы, которые питались отчаянием и обречённостью, сами познали отчаяние. Да! Их кожа дымилась от прикосновения света, боевое снаряжение распадалось, а машинные твари, которые не должны существовать, разваливались на дымящиеся части и навсегда изгонялись из нашего мира.

Семь сражений примарх провёл вопреки нечестивому числу Повелителя Чумы, ибо семь дарует силу Повелителю Чумы. Седьмая битва была величайшей из всех.

В начале каждого боя Жиллиман выходил перед своими армиями и произносил эти слова для всех, дабы услышал каждый.

- Я - примарх Робаут Жиллиман, ярость Императора! Эти миры находятся под моей защитой. Вы будете изгнаны и низвергнуты, и убиты все до единого. Не будет никакой пощады тем, кто отвернулся от святого света Терры и бросил вызов божественному милосердию Императора. Я взываю к вам и обращаюсь к вам, представьте передо мной архипредателя Мортариона, моего брата, павшего примарха и вознёсшегося демона, и я сражусь с ним и убью его, и ваши орды познают милость быстрой смерти.

Я - милитант-апостол Матьё, знаю, что эти записи истинны, поскольку я был там рядом со святым Жиллиманом и сражался во имя Императора пред взором примарха.

Естественно, Жиллиман не произносил именно такие слова, и, возможно, сила примарха была немного приукрашена. Но Матьё был убеждён, что Император сражался рядом со своим сыном. Он почти видел Его. Однажды Жиллиман поверит в правду о природе отца и будет благодарен Матьё, что тот показал ему путь к вере. Написанное им не являлось абсолютно точным, но было правдой, и он не сомневался в этом.

Подобные незначительные дополнения ничуть его не беспокоили, зато другая часть действительно тревожила.

Его позорная гордыня снова проявила себя. Он болезненно прикусил губу, перечитывая строки, где упомянул себя. Он сражался там. Имя Императора всегда было на его устах. Оно повергло больше павших существ, чем разряды света, которые выпускало его священное оружие. Но в этом он был ничуть не уникален. Многие другие праведные воины Империи атакуя, возносили молитвы и выпускали лазерные лучи. Их имена не были записаны, тогда почему его было? Но являлось ли таким неправильным упоминать о собственном скромном участии в битве? Во многих агиографиях рассказчик развлекал читателя собственными деяниями на стороне святых. С другой стороны, сколько он прочитал других отчётов, где, казалось, не было никакой связи между рассказчиком и повествованием, потому что писатель уступил скромности ради большего почтения к теме повествования, хотя его деяния были намного значимее, чем у Матьё?

Шея Матьё покраснела. Он почувствовал желание стереть последнее предложение. Он не собирался включать его. Гордыня двигала его рукой.

Перо зависло над неоконченной строкой. Другое воспоминание остановило его. Жиллиман сказал ему после битвы у Охлаждающего шпиля на выжженном экваторе Эспандора, что он сражался хорошо. Ему было даровано одобрение примарха. Разве он не заслужил право хотя бы немного отметить себя?

Он отложил вопрос на будущее. В ближайшее время ему нужно быть на нижних палубах, и он хотел закончить, прежде чем отправиться туда. Быстрый укол автобичевателя перефокусировал разум. Как только боль прошла, он вернулся к работе. Росчерки пера выводили буквы, и он вернулся к ритму повествования.

Силы врага сломали постепенно. Эспандор не увидел последней славной битвы, потому что трусливые враги не принимали сражения, предпочитая тихие пути болезни и отчаяния. Во многих

сотнях ожесточённых стычек они были, наконец, уничтожены. Противоборство выдалось грязным и упорным, и казалось бесконечным. Болезни и душевные расстройства плохо сказывались на всех, кроме самых верных слуг Императора. Но Его милосердием силы зла не были нескончаемыми, и поэтому Эспандор освободили шаг за шагом, пока на его священной земле не остались только небольшие группы врагов, которых окружили осадными линиями мстящих воинств и отметили для очистительного насилия в должное время.

Примарх возложил выполнение заключительных задач своим заместителям на Эспандоре. Да, ибо война бушевала на небесном своде от Таласа до Иакса и повсюду между этими системами. Тогда мудрый лорд Жиллиман обратился к своим полководцам:

- Один человек не может находиться во всех местах одновременно, но он может быстро передвигаться и обрушивать всю свою мощь на самые слабые места, и подобным давлением сломать стены врага и разрушить его линии снабжения. Так мы одержим победу и очистим Ультрамар.

Сказав это, он отбыл и с ним ушли восемьдесят девять целых три десятых процента его армий. От загубленных лесов Эспандора лорд-примарх Робат Жиллиман направил своё могучее воинство к Парменион, где в великом множестве собирались силы ужасного Хаоса.

“Так будет лучше, - подумал Матъё. - Более честно”.

Варп встретил примарха чудовищным штормом, и огромный корабль “Адарнатон” был потерян со всем экипажем, а другие безжалостно рассеяны. Свет Астрономикона мерцал и тускнел, и на какое-то время был затемнён, и флот разбился на части. Воистину! И священные поля Геллера обрушились, и демоны набросились извне на корабли слуг Императора, и примарх сражался вместе со своими сынами и меньшими людьми, и изгнал порождения варпа со своего корабля, примером своим вдохновив остальных повторить его подвиг.

Сражаясь, верующие громко выкрикивали молитвы Императору, и свет маяка снова вспыхнул ярко, и варп утих, а оставшиеся демоны были сожжены песнопениями верующих, так что скоро не осталось ни одного нечестивого существа, а поражённые неестественными болезнями чудесно исцелились, а умиравшие выздоровели и встали на ноги!

Я видел это. Я был там.

Он поморщился. Он снова сделал это. На этот раз он настолько увеличил мощь своего болезненного устройства, что не сдержал крик при его активации.

После этого пространства эмпиреев успокоились до идеальной глади, ибо Император всего Человечества повелел им так, и флот примарха вовремя вышел в системе Тюзен, расположенной недалеко от системы Парменион, и снова воссоединился. Это стало большим облегчением для кораблей и экипажей, которые считали, что сбились с пути, а вместо этого вернулись обратно и могли начать оправляться от потерь.

Следующим начинанием стал приказ флоту привести себя в порядок, и было объявлено об остановке сроком в три терранские недели.

На девятый день случилась великая радость, ибо небеса расступились и из варпа вышел сто один корабль слуг Бога-Императора. Многие верные дети человечества путешествовали со всех концов Империи, словно бы по воле случая, и воинство Жиллимана благодаря этой удаче значительно усилилось. Воспользовавшись возможностью, Жиллиман приказал всем астропатам без страха

прокричать сообщение, поскольку варп был спокоен, и он велел им вызвать ещё подкрепления к Ультрамару, потому что много вооружённых людей и военных машин были под его началом, но требовалось ещё больше.

После этого он удалился на некоторое время в стратегиум и предался размышлениям.

Он вернулся десять часов спустя, и воистину! Было обещание победы на его лице, и свет сиял над его головой.

- Скажите моим самым лучшим астропатам связаться с их братьями в звёздной крепости Галатан, и вывести её на орбиту главного мира Парменион, и пролить огонь с небес на неверующих и неверных, дабы я обязательно уничтожил брата моего и исправил дело рук отвратительного Чумного бога.

В имматериум вошли без происшествий и в прекрасном построении корабли снова плыли по морям эмпиреев, где каждый мог увидеть свет Императора и обращённый на себя Его взор.

От Тюзена до Пармениона было всего лишь две недели пути, и свет маяка в эмпириях сиял ярко и в морях душ наступил полный штиль, поэтому навигатор "Чести Макрагга", великого корабля Жиллимана, покинул навигаториум, дабы поведать о чудесах и проявлении веры, которые он увидел в течениях Иного Места. Об ангелах, и святых, и золотых стенах, которые сдерживали приливы зла, грозившие утопить нас всех и вырвать души из наших тел.

По милости Императора сообщения беспрепятственно проходили между флотом и крепостью Галатан, которой командовал в тот день магистр ордена Новадесанта Бардан Доваро. Он поклялся в верности и обещал полное повиновение, но передал искреннейшие извинения. Звёздная крепость, расположенная в то время у Дроля, из-за своей огромности была медленной и опаздывала из-за собственной мощи, ибо воистину на ней было установлено множество оружия и размещена огромная армия воинов Императора, и требовалось много усилий, чтобы привести её от Дроля к Пармениону. Мстящий Сын не стал ждать, а сказал Доваро двигаться со всей возможной скоростью и по прибытии использовать древнюю мощь Галатана во благо Имперуума.

Жиллиман решил с большей частью армий поспешить к главному миру системы Парменион, где враг собрал едва ли не все свои силы, и тем спасти добрых граждан Имперуума от мучительной смерти и забвения души. Победу гарантировала Его воля, ибо Император защищает, что известно всем верующим людям.

Вторая глава

ВОЛЬНЫЙ ТОРГОВЕЦ

Матьё отложил перо. Он излагал только то, что являлось важным. Он не стал рассказываться о своих достижениях на Эспандоре или ближайших мирах. Он не написал о молитвах, которые выкрикивал, и от которых распадались демоны. Он не упомянул ни об удивительном выстреле с пятидесяти метров, когда попал в единственный глаз чумоносца и спас от смерти Сестру Тишины, ни о благословениях и утешениях умирающим. Не говорил он и о том, как шёл сквозь ядовитые туманы Гвардии Смерти или как не заболел от токсинов их оружия.

При других обстоятельствах его действия заслуживали бы внимания. По сравнению с деяниями примарха они были ничем. Он был рад жить в такие героические времена.

- Возможно, я всё же не слишком тщеславен, - произнёс он, хотя и не особо в это верил.

Он опаздывал. Он слишком долго потворствовал себе. У него были обязанности, к которым следовало вернуться. Он поспешно посыпал последние слова песком, позволил чернилам высохнуть и закрыл книгу.

Сирены зазвучали по всему кораблю, оповещая о том, что через пять минут для тысяч смертных начнётся новая смена. Он оставит книгу здесь. Никто не приходит сюда и ему нечего скрывать от читателей.

Возможно всё дело в том, что он хотел, чтобы книгу прочитали? Он смутился, задумавшись, стоит ли её спрятать. Не являлось ли ещё одним проявлением гордыни, когда он оставлял книгу, и её могли найти? Но не будет ли ещё большим тщеславием считать свой труд настолько важным, что его необходимо прятать?

Он задумчиво постучал по обложке и оставил всё как есть. Он искупит гордыню молитвой и умерщвлением плоти. В следующий раз, когда он придёт в Mortuis Ad Monumentum, то зажжёт ещё сто свечей, чтобы показать своё благочестие.

Приняв решение, он собрался уйти, но тихий шум заставил его обернуться.

Полуночное лицо Яссилли Сулимании показалось из темноты пустого алькова.

- Как долго вы здесь? - спросил Матьё. Он был в ярости. Он почувствовал себя голым и оскорблённым от того, что за ним наблюдали без его согласия. Сулимания была худшим из людей, смертным человеком, которая не верила в божественность Императора, еретичкой, и поэтому он не скрывал своего презрения.

- Я пришла сюда за десять минут до вас, - ответила она. В отличие от разгневанного Матьё она говорила ласково и улыбалась. Она спустилась из алькова и выпрямилась, а затем прислонилась к пустому постаменту. Всё это было проделано с естественной ловкостью. Сулимания двигалась экономно. Она была настолько высокой и стройной, что голова казалась слегка большей для тела, а шея - длинной, но изящество превращало это скорее в плюс, чем в минус. Она напоминала лозу, молодое и гибкое дерево, наслаждавшееся ветром.

Теперь, когда её видели, Сулимания активировала электронные татуировки. Замерцавшие на её лице узоры включала фрагменты текста, провозглашавшие её потомком дома вольных торговцев Сулиманийн, но её униформа соответствовала Logos Historica Verita, штатным ищейкам Жиллимана. По общему мнению, они считались историторами, но их внимание распространялось на вещи, которые Матьё считал далеко выходящими за пределы сферы компетенции простой истории.

- Что вы здесь делаете? - спросил он. - Это - мой санктум. Вы вторгаетесь в мою личную жизнь.

- Это корабль лорда Жиллимана, а не ваш, - возразила она. - У вас есть покои в командном шпиле. Зачем вы приходите сюда? Насколько я понимаю, в ваших каютах есть записывающее устройство.

- Значит, вы копались в моих делах и там.

- Копалась? - рассмеялась она. Планетарные владения дома Сулиманийн располагались на жарком мире, который щедро омывался излучениями родительской звезды. Исключительно адаптивный человеческий геном призвал для своей защиты наследие экваториальных терранцев минувших эпох. Поэтому кожа Сулимании была бархатисто-чёрной, настолько тёмной, что казалась синей при мягком

освещении. Густые волосы, которые сейчас были укрощены в сложную косу на боку головы, в распушенном состоянии напоминали звезду тёмной материи. Сулимания была очень красивой женщиной. Матьё был святым человеком, и его интересы вышли за рамки потребностей плоти. И всё же он отмечал её физическую привлекательность, и полагал, что она заметила это. Разобравшись в этом, он задумался, не являлась ли её внешность причиной его антипатии к ней.

- Я читала вашу книгу, Матьё, - сказала она. - Я - историк. Меня интересует то, что вы пишете. Должна признаться, что на мой вкус это немного слишком. Я предпочитаю историю историям.

Она рассмеялась над собственной шуткой, и её улыбка казалась прекрасным полумесяцем в тусклой комнате.

- Я рассказываю истину о происходящем. Кто-то должен записывать подобающую религиозную историю этой войны или как верующие будут просвещены? - раздражённо сказал он.

Вокруг запястья Сулимании обернулось небольшое существо. Восемь конечностей сжались вокруг руки. Не было никаких узнаваемых особенностей кроме лапок и мягкого серого меха, который контрастировал с тёмно-синим цветом униформы. Если у существа и была голова, Матьё не мог сказать, с какой стороны она располагалась, обе сужались в одинаковые цепкие конусы, которые иногда поднимались подёргаться в воздухе.

- Религия - это не истина, Матьё, это - величайшая ложь из всех. Ваша работа очень хорошо подойдёт для школ, но ей не хватает комплексности, как и множества других важных вещей, - добавила она. Она ласково пощекотала существо. Оно замурлыкало и изогнулось. - Мой зверёк ничего не знает об Императоре или тёмных богах и никому из них не поклоняется, но он во власти их всех. Вера бессмысленна в его мире. Это справедливо?

- Дело не в справедливости. То, что он ничего об этом не знает, ещё не означает, что вера не должна быть частью жизни, - сказал Матьё. Он встал со стула, чтобы стоять перед Сулиманией, и прислонился к краю стола, но ему было трудно смотреть ей прямо в глаза. У неё было живое лицо, а глаза искрились интеллектом, дразня и испытывая его. - Вы разумны в отличие от него. Вы способны понять величественность божественного.

- Я понимаю, что вселенная в бедственном положении из-за созданий колоссальной силы. Это не делает ни одно из них богами.

- Вы отрицаете силу Императора, как и Его божественность?

- Разве я такое говорила? - сказала она. Она подняла запястье, пересаживая существо на плечо, где оно устроилось на эполете. - На самом деле, если вы действительно внимательно подумаете о сказанном мною, то увидите, что я говорила прямо противоположное. О силе легко судить. Мой орден изучает тайны за пределами истории нашей расы. Более старые виды понимали то, что вы называете божественным, намного лучше, чем мы когда-либо сможем. И прежде были могучие сущности. Но не думаю, что и их можно назвать богами.

- У альдари есть так называемые боги, - возразил Матьё.

- Вы знаете, что я говорю на нескольких диалектах альдари, - сказала она, - настолько хорошо, насколько может человек. Их слово "бог" обозначает не то же самое, что наше слово "бог". Оно обозначает бога, но ещё и с десятков других вещей. Вы не можете называть их богов "так называемыми", а наших "реальными", а затем ссылаться на их мистицизм в качестве доказательства для своей версии.

Вы пытаетесь усидеть на двух стульях.

- Не пытаюсь. Император - истинный бог.

- Вот об этом я и говорила.

- Божественное наполняет нас всех, как высочайшую вершину эволюции. Даже космические десантники чувствуют святость, пусть и отрицают это. Этот зал огромен. Хотя я уверен, что на протяжении большей части последних десяти тысяч лет на борту корабля никогда не было столько Ультрадесантников, как в последнее время. Когда я вступил на борт, флот был до отказа заполнен воинами, и всё же они так никогда и ничего не сделали с этим местом. Его не стали переделывать под свои нужды. По-вашему почему?

- Я ожидаю, что вы скажете мне, - ответила она.

- Благоговение. Благочестие. Память о мёртвых. У них есть свои культы. Все мы - святые, и Император - наисвятейший среди нас.

Сулимания провела длинным пальцем по погружённому в стену тяжёлому лбу черепа сверхчеловека.

- Если Он - бог, то Он окружён множеством других аспектов с похожими качествами. Простой факт, что кто-то проявляет все особенности божественной сущности, ещё не означает, ни что эта сущность - бог, ни что ей нужно поклоняться, как богу. Если бы это было так, то все мы склонились бы перед Губительными Силами.

- Богохульство! - выплюнул Матё. - Вы - еретичка. Недостойная.

- По вашим понятиям, да. По моим - вы безумец. Удачи в поисках того, кто сожжёт меня на этом корабле, как еретичку, жрец, - сказала она. - Я не отрицаю могущества Императора и что Он наблюдает за нами, но всё это всего лишь проявление экстраматериальных физических законов. Психическое царство можно понять, как науку, ей не нужны ваши бестолковые бормотания.

- Не то, чтобы наука была в почёте в эту эпоху, - тихо добавила она.

- Вера сильнее рациональности.

- Десятки тысяч лет человеческой глупости подтверждают ваши слова. Но это не означает, что вера права, - сказала Сулимания. - Порой вам стоит слушать примарха. Он многому научил меня. Думаю, вы будете рады услышать, что меня собирались казнить за мои убеждения. Даже моя семья не могла помешать этому. А Жиллиман спас, он поступил так по причинам, по которым подобные вам люди обличают меня. Разве вы не видите в этом некоторой иронии?

- Это он послал вас шпионить за мной?

Глаза Сулимании расширились в притворном удивлении.

- Зачем ему это делать?

"По множеству причин", - подумал Матё.

- Значит, вы явились сюда, чтобы искусить и прельстить меня, потому что чувствуете, что имеете на это право. Вы не понимаете, Сулимания. Я не стал бы вас сжигать, я стал бы вас спасать.

- И, скорее всего, сделали бы это через сожжение. И к чему же вы считаете, я собираюсь вас искушать и прельщать? - Она посмотрела на него таким взглядом, от которого ему стало очень неудобно. И всё же он сумел не покраснеть.

- Заставить усомниться в вере в пользу разума, - ответил он, хотя не это было главным искушением. Он всё ещё не решался посмотреть ей в глаза. - Видимо вы ненавидите меня. Вы хотите увидеть меня сломленным.

Она рассмеялась. Его застенчивость сменилась гневом, который снова растаял до смущения, когда она подошла к нему и положила изящную руку на плечо. Шероховатая ткань мантии обрела чувственную жизнь от её прикосновения.

- Вы мне нравитесь, Матьё. Я и в самом деле хочу понять вас. Вы - хороший человек, но ваши усилия неверно направлены.

- У вас всё? - резко произнёс он. - Сигнал о смене вахты прозвучал несколько минут назад, и я опаздываю на религиозную службу. Закончившие смену устали и жаждут получить благословение Императора перед циклом сна. Нас ждут новые конфликты, но я ставлю удовлетворение духовных потребностей чернорабочих на борту этого корабля намного выше боевой славы. Есть более крупная война, чем та в которой сражается примарх, она ведётся в сердце каждого мужчины, женщины и ребёнка. Вы забыли, что корабль некоторое время принадлежал врагу. Порча могла остаться. Мы должны быть бдительными. На этом театре войны я - генерал, солдат, бронетехника и космические корабли. Я не должен уклоняться от своего долга.

- Присматривая за духовной спиной примарха? - произнесла Сулимания. - Вы высоко себя ставите.

- Именно для этого он и взял меня.

- Неужели?

- Спросите имперского регента, если считаете мои усилия бессмысленными. - Он сохранял спокойствие, несмотря на её бесцеремонность.

- Я никогда не говорила, что они бессмысленные, - сказала она. - Уверена, что и он не считает их такими. Они только неверно направлены, - повторила она.

Сирена проревела снова, три коротких гудка, извещавшие о начале новой смены. Тихая дрожь прошла по кораблю, когда десятки тысяч людей поменяли день безжалостной работы на четыре коротких часа отдыха, а другие заняли их места.

- Я должен идти, - произнёс он. - "В". Активация.

Он отошёл от Сулимании и стал собирать свои вещи.

Бездействующий сервочереп запищал и вернулся к жизни. Под гул включившихся репульсоров он неуверенно поднялся в воздух.

- Я всегда считала чем-то неправильным, когда черепа наставников следуют за учениками в таком виде, - сказала она, глядя на череп.

Для Матьё это оказалось уже слишком, и он попытался справиться со вспышкой гнева.

- В этом нет ничего неправильного! Так почитают слуг Императора. Это честь за всё, что она сделала для меня.

Сулимания с интересом наклонила голову:

- Она?

Матьё и так сказал уже слишком много. Он повернулся спиной к историтору и ушёл, "В" гудел позади него.

Сулимания смотрела в спину милитант-апостола, пока он не скрылся в темноте.

- Она, - произнесла она, постукивая пальцами по стене. Она нашла нерв, хотя и не собиралась его трогать. Сулимания некоторое время сидела и думала, затем внезапно встала и коснулась медной заколки на плече, активируя встроенную вокс-бусинку. Открылся канал к расположенному сотней палуб выше центру управления логоса.

- Пожалуйста, сообщите лорду Жиллиману, что я хочу поговорить с ним в ближайшее время. Я покину флот как только мы выйдем из варпа.

Не дожидаясь ответа, она отключила связь. Матьё не потушил свечи, и они слегка задрожали после её ухода, ненадолго придав зацементированным в стены мрачным черепам причудливые признаки жизни.

Третья глава

НОВАДЕСАНТНИК

В галактике сплошь и рядом встречались реликвии промышленности и войны. По всему космосу исполинские конструкции вращались вокруг звёзд, в некоторых случаях являясь единственным, что осталось от создавших их людей. Искусственные миры-платформы; полые сферы, достаточно огромные, чтобы вместить планеты массой в сто тысяч раз больше Терры; кольца, охватывавшие солнца металлом; а в случаях, когда такие конструкции разрушились - сверкающие металлические пояса искусственных астероидов. Многие были созданы в мирных целях, но в сто раз больше было сделано для войны.

Галатан являлся самой большой звёздной крепостью ультрамарцев. Он был сто километров в ширину. Его население исчислялось миллионами. Его мануфактории соперничали с верфями Луны. Его вооружение было сопоставимо с флотом имперского сектора. Достаточно большой, чтобы формировать собственные полки для Ультрамарской ауксиллии, он содержал гарнизон численностью в несколько десятков тысяч специально подготовленных для войны в космосе солдат, усиленный с началом Чумной войны сотнями космических десантников и другими более секретными сотрудниками.

Галатан сам по себе являлся миром и был способен разрушить планету. Значительно более могучий, чем другие пять космических бастионов, охранявшие космические трассы царства Жиллимана, ставший слишком пугающей целью даже для самолюбивого Тифа, прискорбной специализацией которого в последнее время являлась ликвидация звёздных замков Ультрамара.

Именно на Галатан и к охранявшим его по воле примарха Новадесантникам отправили Юстиниана Парриса, космического десантника-примарис.

- Это - пики Титанов. Здесь мы чтим память героев нашего ордена. Это - Гонорум, это - наш дом. Это -

пики Титанов. Читите статуи героев, потому что они такие же ваши братья, как и мы. – Успокаивающий голос разносился над гористым пейзажем, неотличимым от любой высокогорной местности.

Юстиниан стоял на плоской вершине горы. В скале тщательно вырезали сотни пятидесятиметровых статуй, ноги которых оставались единым целым с горными породами, в то время как остальная часть пика вокруг была расчищена. Они были космическими десантниками, высокими и гордыми. Самые древние окружали границу плато, поэтому былая резкость граней их доспехов обтёрлась и обветрилась, а лица стали неразличимыми. Новейшие стояли ближе к центру, хотя и они несли следы непогоды. Судя по их виду, работы над горой завершили в далёком прошлом и скульпторы перешли к следующей вершине, когда всё место закончилось. Затем к следующей, а затем к следующей.

Ни одна гора вокруг, насколько мог видеть Юстиниан, не избежала подобной судьбы. Пологий дождь хлестал статуи на ледяном ветру.

Под каждой статуей сидел на корточках подросток, многие из них опирались на копыя. Они казались призраками в тенях славы. Молния осветила их, а затем снова отбросила в полумрак. Они жестокими глазами наблюдали за другими юношами, охранявшими другие статуи.

- Здесь племена Гонорума доказывают свою значимость, – произнёс голос в голове Юстиниана. – Они наблюдают и охраняют героев прошлого. Это – один из путей к Испытанию. Если кто-то из них дрогнет в добровольном неусыпном бдении, то ему бросят вызов, и таким образом потенциальный претендент сможет встать на стражу героя положением выше. Положение определяется возрастом. Положение определяется доблестью. Служи долго, служи хорошо и получишь высокое положение. Тебя тоже станут почитать. Это – пики Титанов. Это – Гонорум. Это – наш дом. Почитай мёртвых.

Юноши не видели Юстиниана. Они были призраками данных, вызванными для его обучения когитатором и инфокристаллом. Или фантомом был он? Технология заморозила его. Эффект оказался тревожно реальным, не похожим ни на что из испытанного ранее в гипномате. Псевдовоспоминания, внедрённые другими машинами за его долгую жизнь, в ретроспективе ощущались реальными, настолько реальными, что порой он мог говорить о них, как о подлинных воспоминаниях, но он никогда не переживал эти события непосредственно сам, только помнил и при тщательном изучении их фальшивость можно было обнаружить. Это же отличалось. Он чувствовал, что находился на родном мире Новадесантников, а не в капсуле сенсорной депривации. Ему сказали, что со временем он перестанет нуждаться в капсуле или гипномате, и научится входить в это состояние по собственной воле и связываться с мёртвыми на Гоноруме посредством чего-то, что капелланы называли “Теневой Новум”.

Это опасно напоминало колдовство, о чём он им и сказал. Его заверили, что это было всего лишь умственное упражнение, ставшее возможным благодаря дарам космических десантников и глубокой медитации.

Его разум блуждал. Его собственные воспоминания боролись с образами из машины. В этом поддающемся внушению состоянии он заново переживал их, изображения и звуки казались наложенными на успокаивающий голос чтеца. Вспышки вечера триумфа Раукоса, когда Индомитский крестовый поход был распущен и все братья из Ненумерованных Сыновей ждали новых приказов. Самым отчётливым оказалось лицо бедного Бьярни, когда он и остальные сыновья Русса в крестовом походе узнали, что должны сформировать ядро нового ордена для охраны Бездны. После всего пережитого Бьярни так и не вернётся домой на Фенрис. Все его опасения оправдались.

Юстиниан также не вернётся домой или, по крайней мере, не вернётся надолго. Он надеялся, что будет

выбран в орден основания. Он хотел получить честь служить в синих цветах Ультрадесанта. Он дрожащими руками развернул свиток с приказом из капсулы. Подробности были редкими, но чёткими: он должен присоединиться к Новадесантникам, легендарному ордену, происходящему из линии Жиллимана и основанному великим героем.

Но они не были Ультрадесантниками.

Юстиниан являлся частью Ультрамара. Традиции Ультрадесанта стали его традициями. Эти Новадесантники казались ему чуждыми, причудливо мистическими, они взяли пути Ультрамара, изменили и переделали их, словно знакомую мелодию играли на чуждом инструменте.

Гипномантные записи предназначались для неофитов, набранных в качестве пополнения странствующих рот Новадесантников. Как бы орден не пытался призывать всех своих членов с холодного и бесплодного родного мира, он оставался мобильным и разделённым братством. Боевые группы ордена могли веками находиться вдали от крепости-монастыря, и поэтому они часто набирал рекрутов в том месте, где располагались в данный момент времени.

Изображение дрогнуло. Юстиниан потерял ложную реальность машины. Ему сказали сконцентрироваться - на самом деле приказали - вот только он не справлялся. Ругаясь, он опять начал пробивать путь в иллюзорный мир.

Снова открыв мысленный взор лжи гипномата, он понял, что неподвижно стоит у подножия горы, полностью покрытой барельефом с изображением сражавшихся Новадесантников. История, словно лента по спирали разворачивалась к вершине, где глава ордена давно минувшей эпохи держал над головой сломанный меч и победно вскинутый кулак.

- Узрим славу в полном величии, потому что это - Гонорум, самый прекрасный из миров, - произнёс голос.

С креном более тошнотворным, чем при самой грубой боевой высадке, сознание Юстиниана швырнули высоко вверх. Пики Титанов сжались, став частью массивных Высоких гор, которые разделяли единственный континент Гонорума на две части. От населённой части крепости Новум в центре горного массива во все стороны протянулись скульптуры. Всё кроме самых дальних вершин на горизонте было переделано в огромные статуи. Гигантские аквилы открывали кричащие клювы к звёздам, из космоса были даже видны отдельные перья величиной с космический корабль. Целая область представляла собой вырезанные в камне бюсты магистров ордена Новадесантников. Самое скромное изображение принадлежало Лукрецию Корвону, основателю ордена. Вероятно, всё началось именно там: честь стала традицией, от повторения превратилась в навязчивую идею. Под поверхностью было то же самое. Горы Гонория пронизывали залы, погружавшиеся в глубокое тепло мира. Сами горы являлись крепостью-монастырём. Орден добавлял их к дому с самого основания. Там хватило бы места для сотни орденов.

Для Юстиниана это выглядело нелепой и напрасной тратой времени.

Гонорий прижимался к западному полушарию планеты, словно боялся упасть. Цветами Гонорума были серый, чёрный и белый. Мрачная, монохромная литография планеты. Вершины горных статуй покрывала корка снега. Большая часть остальной земли представляла собой суровое и негостеприимное нагорье: коричневые торфяники, расколотые тёмными долинами; или потрескавшиеся каменные плато. Рождавшиеся над бескрайним океаном исполинские штормы с неослабевающей яростью накатывались на континент. Мокрее, холоднее и мрачнее, он был больше похож на Макрагг, чем сам Макрагг. "Макрагг Ультра", - подумал он. Орден, по-видимому, именно из-за схожих черт выбрал его.

Благочестивый выбор, часть их желания сохранить домашние традиции при разделении легиона. Это не помогло. Новадесантники всё дальше и дальше удалялись от своих корней, пока не превратились в пародию на Ультрадесант.

- Это - Округлое море, наш океан. Обычно наши посвящённые испытывают себя, отправляясь в его глубины на охоту.

Океан был кремнисто-чёрным. Только на континентальном шельфе море меняло цвет, становясь торфяно-коричневатым от вод миллиона речушек, которые вымывали даже ту редкую плодородную почву, что имела земля. Волны Округлого моря выглядели немыслимо огромными, и они были холодными, он чувствовал это костями. Есть что-то в холодной воде, что придаёт ей даже больший холод, чем вакууму. Магос сказал бы, что это происходит из-за теплопроводности воды, тогда как вакуум - идеальный изолятор. Это было банально. Встревоженная реакция Юстиниана на океан являлась первобытной, наследственным недоверием, порождённым ужасом человечества перед давно исчезнувшими морями Терры.

Толстые белые шапки собирались вокруг полюсов. Айсберги, столь же монументальные, как и всё на этой негостеприимной планете, выплывали армадами из постоянно раскалывавшегося плотного льда.

- Это - Гонорум, это - наш дом. Это - твой дом. Мы отправляемся увидеть...

"Бедный Бьярни, - подумал Юстиниан. - Он принял своё новое назначение настолько плохо, как только мог сын Русса. Физически. Свирепо".

Казармам на "*Раденсе*" потребовалась новая столовая, когда он, наконец, успокоился.

"Могу ли я честно сказать, что поступаю лучше?" - подумал он.

Он больше не выдержит.

- Достаточно! - произнёс он, хотя его слова были безмолвным вихрем в воде. Юстиниан сорвал с головы громоздкий гермошлем. Он почувствовал прилив слабости от магнитных индукционных полей, стимулирующих неправильные части мозга, пока оборудование поворачивалось вокруг черепа.

Он плавал в солевом резервуаре, мультилёгкое дышало потоком пузырьков в обогащённой кислородом жидкости. Ревел сигнал тревоги. Машины снаружи неодобрительно жаловались на то, что он сделал с их братским устройством.

Два космических десантника с другой стороны стекла выглядели не намного довольнее. Вода хлынула сквозь решётку на пол зала, оставив его насквозь промокшим и замёрзшим, словно ледяное прикосновение Гонорума последовало за ним из машинного видения. Вот что значит быть Новадесантником? Всегда нести в себе этот холод?

Мысленно онемев, Юстиниан поднялся по лестнице и выбрался из люка. Рядом с его резервуаром стояло ещё с дюжину таких же, в каждом находился десантник-примарис, назначенный вместе с ним в орден. Многие стали его отделением, его братьями, хотя раньше он не знал никого из них. Крышка одного из резервуаров была открыта. Он не был единственным, кто сопротивлялся ассимиляции.

Он задумался, кто это был.

- Брат-сержант Паррис, спускайтесь, - позвал его капитан Орестинио. Он и капеллан Вал Дирез были в полных доспехах. Орестинио стоял без шлема. Линии татуированных изображений подкрадывались по

его шее до самой верхней части горла, сворачивались вокруг линии челюсти и касались уголков губ. Лицо Вал Диреза скрывала маска-череп. Как и в некоторых других орденах, капелланы не показывали лица никому ниже определённого ранга. И всё же Юстиниан почувствовал неодобрение Диреза.

Он спустился и встал перед ними. Босые ноги упирались в пластины палубы, которые сильно вибрировали. Звёздная крепость Галатан была во много раз мощнее любого военного корабля, и работа реакторных комплексов передавала этот факт каждой частичке структуры. Он был рад этому после кладбищенской тишины Гонорума. Спокойствие холодного, мраморного мира пришлось ему совсем не по душе.

Капитан Орестинио грустно посмотрел на него снизу вверх – Юстиниан был на голову выше его. Капитан был урождённым гонорианцем. Это было видно по выражению его лица. Это было лицо, которое каждый день просыпалось от дождя.

- Ничего не получается, – несколько раздражённо сказал Юстиниан, и промашка в манерах рассердила его ещё сильнее. Он отмахнулся от пары сервов в разделённой на четыре части геральдике Новадесантников, которые подошли с полотенцами. Он хотел, чтобы вода стекла с него, словно так он сумел бы избавиться от воспоминаний о чёрном океане. Его преследовала нелепая мысль, что если он высушит воду слишком быстро, чёрное море разольётся и станет изводить его во сне.

Его кожа сильно дрожала, как у промокшего пса.

- Ты сопротивляешься, брат, – произнёс Вал Дирез. Его голос был таким же несчастным, как лицо Орестинио, и казался ещё печальнее из-за вокса маски. – Ты не должен так делать. Ты должен узнать о своём новом доме. Ты должен стать одним из нас.

- Мне жаль, – ответил Юстиниан. – Возможно, дело в возрасте. Возможно, мой мозг уже слишком развит, чтобы принять машины.

- Новум гипномат одинаково хорошо работает с любым мозгом, – сказал Дирез. – Эти машины используются как полноправными братьями, так и неофитами.

- И они настроены на десантников-примарис?

- Настроены, – сказал Орестинио. – По спецификациям Велизария Коула.

- Коула?

- Мы спросили, и он ответил, брат, – сказал Орестинио.

Юстиниан позволил гневу взять верх:

- Они не работают. Они...

- Брат мой, – мягко перебил капитан. – Я понимаю. Ты пережил тяжёлое испытание. Непросто пережить разрыв братства.

Юстиниан перевёл взгляд с бесчувственного костяно-белого шлема капеллана на Орестинио. “Следует держать язык за зубами”, – подумал он. Не получилось.

- Откуда вам знать это? Вы – гонорианец, рождённый стать Новадесантником, – резко произнёс он.

- Тебе стоит следить за своими словами, брат, – сказал капеллан. – Ты разговариваешь со своим

командиром. Вина лежит на тебе, а не на нас.

- Пожалуйста, брат-капеллан, - сказал Орестинио. Он поднял руку, не взглянув на воина-жреца. Пальцы были сжаты в свободный кулак, но не агрессивно. Так не сжимали дубинку, а бережно держали что-то хрупкое.

- Послушай меня, Юстиниан Паррис. Я действительно понимаю, - продолжил он. - У нас есть дом - Гонорум и наши сердца там. Но мы - странствующий орден. Поэтому для нас столь важен Гонорум и почитание деяний мёртвых. Такие вещи связывают нас, когда мы разделены. Мы часто далеко друг от друга.

- И чем это похоже на то, что я испытываю? - спросил Юстиниан.

Орестинио наставительно склонил голову. Он не сердился. Юстиниану показалось, что он жалел его.

- Я не договорил, брат. Мы можем сражаться вместе столько же, сколько ты и другие Ненумерованные Сыновья. Иногда дольше. Мы можем прийти в орден, и расти до определённого возраста в одной группе. Связи между нами глубоки. Но мы должны идти туда, куда велит долг. Когда мы, наконец, возвращаемся домой, наши братства распадаются согласно велению войны. Мы можем больше никогда не увидеть наших товарищей. Теперь это кажется тебе похожим?

"Я больше никогда не увижу своих братьев", - подумал Юстиниан.

Орестинио сжал его плечо.

- Всегда есть другое братство, брат. Всегда. Ты уже совершил много достойных деяний. Я читал твою боевую историю.

Юстиниан неловко кивнул.

- Идём с нами. Мы совершим поминовение. Ты получишь татуировки о былой славе, как и у нас всех. - Он потянул за край мягкой подкладки на шее и показал искусно выведенное чернилами изображение умирающего альдари.

- Дабы Император мог оценить наши деяния, когда мы умрём, - произнёс капеллан.

- Обычно нам требуется подтверждение от авточувств и братьев ордена, - продолжил Орестинио, - чтобы мы знали, что деяние истинно. Мы верим тому, что ты сказал о своих заслугах. Это поможет твоему чувству сопричастности. Ты должен сделать это сейчас до начала кампании на Парменионе.

- В другой раз, - сказал Юстиниан. Он отвёл взгляд, больше не в силах смотреть в искренние глаза капитана. - Это была моя старая жизнь. Это - моя новая. Я буду записывать деяния на службе этому ордену, как в нём принято. Мои былые деяния принадлежат прошлому.

- Хорошо, - сказал Орестинио. Он был разочарован, но не стал настаивать. - Как пожелаешь.

Взгляд Диреза, похоже, стал свирепым за отказ от традиции ордена. Юстиниан чувствовал его сквозь чёрные линзы маски-черепа.

- Если позволите, я бы хотел уйти, - сказал Юстиниан. - До начала служебной смены моего отделения ещё два часа. Я хотел бы потренироваться. Для этого будет мало возможностей, когда мы доберёмся до Пармениона.

- Война - наше призвание. Ступай с моим благословением, - сказал Орестинио.

Капеллан Вал Дирез промолчал.

Четвёртая глава

ПРИЗЫВ КУ'ГАТА

- **Больше помоев! Больше запёкшейся крови! Больше гнили! Больше! Больше!** - проревел Септик Седьмой, седьмой повелитель седьмого поместья, великий нечистый Нургла, и самый удачливый слуга Ку'гата Чумного Отца, третьего в милости Нургла.

Или как Септик называл себя сам. Сегодня был не самый удачный день. Ку'гат - блистательный, напыщенный, возвышенный Ку'гат - и так никогда не отличавшийся жизнерадостностью, казался особенно разочарованным. Его настроение становилось ужасным.

- **Больше глаз и печени, кишок и запёкшейся крови! Больше отчаяния! Больше боли! Больше печали! Быстрее, быстрее, быстрее!** - кричал Септик на работников чумной фабрики с театральностью мелкого торговца. - **Узрите, каким печальным стал наш повелитель. Не позволяйте ему так страдать!**

Септик поднял дряблую руку:

- **О, посмотрите на его рыдания!**

Это был несколько неискренний призыв к действию. Ку'гат Чумной Отец всегда был печален. Он с негодованием взирал сверху на своего заместителя. С угрюмым выражением он помешал гигантским деревянным черпаком в котле Нургла, затем скорбно посмотрел внутрь и откинулся на корточки с грустными причитаниями. Болезненное зелёное сияние осветило гниющее лицо, показав раны и клыки под самым неудачным углом, благодаря чему оно стало выглядеть особенно мерзко, но даже это не порадовало Ку'гата. Он скорбно сгорбился, и его облезшие плечи задели сломанные края крыши разрушенной больницы, которую легион реквизирует для чумной фабрики. Падавший с неба дождь ручьями стекал по его жирной плоти. В нынешнем облике он был таким огромным, что его приспешники укрывались под ним, включая Септика.

К его вечному огорчению, угрюмое настроение Ку'гата никогда не могло найти отклика в демоническом воинстве. Страдание любит компанию, а у него её не было. Чумную фабрику заполнял шум ликующей промышленности. Демоническое веселье вливалось в каждое ухо невыносимым смехом. Нурглинги не переставали хихикать во время работы. Когорты чумоносцев бубнили, подсчитывая количество демонических клещей, смертных болезнетворных микробов, новых недомоганий, сверхъестественных недугов, мух, паразитов и всего того, на чём останавливались их блуждающие слепые взгляды. Они были утомительно посвящены работе.

Мало что осталось от комплекса, где теперь располагалась чумная фабрика. Этажи были пробиты до самого нижнего подвального помещения. Крыша больше не защищала от отравленного неба. Некогда белые стены покрылись чёрной слизью. Крошащийся камнебетон покрывали мох, грибы и пожелтевшие сорняки. Кучи опавшей листвы завалили ржавые больничные койки. Стекланные шкафы выглядывали сквозь покрытые слизью листья огромными оконными глазами. Кости мерцали в устилавшей пол болотистой мульче. Вот и всё, что осталось от оборудования и пациентов медицинского комплекса. Всё остальное поглотил Хаос. На Иаксе сад Нургла простёрся за пределы варпа и превратил планету в

живой ад. За стенами больницы заболоченные равнины Гитеана преобразились в зловонное болото, где плавали чудовищные существа. С каждым днём порча распространялась за пределы водных границ, отравляя планету и принося её обитателям опьяняющее удовольствие болезней Нургла.

Вскоре после прибытия демоны разрушили больницу, загрязнив и разложив для собственных нужд, превратив место исцеления в мануфактурум болезни. Главное место в развалинах комплекса занимал котёл Нургла. Он не был связан с физической вселенной в каком-либо значащем смысле и вырос в размерах после прихода чумного воинства.

Большинство внутренних перегородок пришлось разобрать, чтобы вместить его колоссальный объём. Огромный пролом прогрызли сквозь внешнюю стену, чтобы доставить его сюда. Огонь разбухших от влаги брёвен, вырванных из умирающей растительности Иакса, давал медленное тлеющее пламя, которое нагревало котёл. Ядовитые пары лениво поднимались из него день и ночь. Не сумев подняться высоко, они сдавались и растекались по бокам котла дымными водопадами, которые изливались за пределы больницы. Снаружи дым и пар смешивались с туманом, медленно выжимавшим жизнь из мира.

Ку'гат и сам вырос, чтобы соответствовать котлу, вскормленный дующими в смертное царство ветрами Хаоса, пока не стал размером с холм. Септик доходил до его колена. Нурглинги стали для него словно блохи. Он был невозможным, слишком огромным для функционирования анатомии смертных существ, но для Ку'гата не было ничего невозможного. На Иаксе, когда колдовство набирало силу, а физические законы отступали, он носил телесную форму, которая нравилась ему больше всего.

Планы Чумного Отца, как и его размер, потребовали множество изменений в медицинском комплексе. Края некоторых этажей оставили нетронутыми и очистили внутренние помещения, чтобы они служили рабочими местами. Палаты заполнили булькающими перегонными кубами с грязными стёклами. Кабинеты стали местами для размещения гниющих деревянных ящичков с запасами. Щепотки отборных ингредиентов распада, взятые из десятков реальностей, покоились в заросших мхом и поваленных на спину шкафчиках персонала.

Никаких усилий не пожалели для создания этой гигантской лаборатории. Для распространения сети распада на Иакс не было ни малейшей необходимости даже в алхимических часах Мортариона. Котёл являлся артефактом самого Нургла, его частью, и потому эпицентром всех усилий Чумного бога на Ультрамаре. Он был краеугольным камнем замысла Мортариона и Ку'гата. Из его пузырящихся глубин порча Хаоса растекалась по сети трещин варпа, порождённой адскими устройствами Мортариона, и распространялась по всему Ультрамару.

Легионы демонов трудились на чумной фабрике, обеспечивая успех плана. Вокруг котла вилась спиралевидная дорожка из гниющей и покрытой язвами древесины, по которой бесчисленные нурглинги поднимались к краю и к верхнему слою мерзости внутри. Для переноса своих хлюпающих грузов они использовали всевозможные предметы, которые смогли найти в смертном мире. Они тащили ночные горшки и бутылки, пустые черепа и украденные детские люльки, тыквы, чашки, миски, ржавые ванночки, шлемы, фляги, консервные банки, пустые контейнеры для еды, разрезанные пополам покрышки и сломанные пластины брони. Всё это было ржавым, гнилым и настолько покрытым затвердевшей коркой грязи, что о назначении многих предметов оставалось только догадываться. Капля за каплей, помой за помоями, слизь за слизью, нурглинги вываливали отвратительные вещества в котёл. Довольно многие приходили в такой восторг от работы, что и сами падали внутрь, вызывая бурное веселье у товарищей.

Септик нервно посмотрел на своего повелителя:

- А ну быстрее, гниющие негодники, быстрее заполняйте котёл! Вы замедляете великую работу своим бездельем!

- **Так не годится, так не годится!** - проворчал Ку'гат. Перед его слезящимися глазами булькала зелёная воронка. Её прозрачный стержень уходил за пределы границ загубленного мира-сада в другие времена и места. Ку'гат увидел себя в некоторых из них и ласково улыбнулся распаду, который он выпустил там.

- **Но не здесь!** - пробрюзжал он. - **Нет! Не здесь!**

Он задрожал от разочарования. Слои гниющей кожи отслаивались от его рогов и падали в котёл, обрекая на гибель целые группы кричащих нурглингов-носильщиков.

- **Я... Я... Я буду хлестать их ещё сильнее!** - произнёс Септик, заставляя себя казаться весёлым. - **Я прикажу орде направиться в болото и принести больше болезней. Мы приведём больше смертных для вынашивания болезней Нургла. Позвольте своим слугам прислушаться к моему, Септика, слову. Не утруждайте себя, дорогой повелитель. Позвольте Септику сделать всё за вас!**

- **Нет, нет, это не поможет,** - печально ответил Ку'гат.

- **Возможно, тогда мелодия развеселит их!** - объявил Септик и разрезал реальность, чтобы достать мешок с кишками и ветром для своих чумных дудок.

- **Никаких дудок!** - взревел Ку'гат. Его гнев оказался настолько бурным, что болезненное небо исторгло жёлтую молнию и прогрохотало с диспепсической болью. Нурглинги перестали хихикать и изумлённо заморгали, глядя на своего хозяина, а затем подались назад, чтобы не привлекать его внимание. Гудящий подсчёт чумоносцев сначала сменился бормотанием, а потом прекратился.

- **Вообще никаких дудок. Никакой музыки. Ничего такого. Нет, нет, нет и ещё раз нет!** - произнёс Ку'гат. - **Дайте мне немного покоя! Дайте мне немного тишины!**

Он переключил внимание на центр котла. Шум вернулся, сначала спокойный, но хихиканье нурглингов было неудержимым, а чумоносцы застонали ещё громче, когда поняли, что подсчёты нужно начинать заново.

- **Ваши усилия - ничто, Септик. Этот котёл взят у самого Дедушки. Использовать его - великая честь! Он может вместить бесконечный объём слизи, внутренностей и остальной всевозможной мерзости. Его невозможно заполнить. Вы можете вылить в него вселенную нечистот, но смесь никогда не перельётся через край. Воистину он - чудо. Место моего рождения, моя боль.**

Нурглинг заполз на один из волдырей Ку'гата и встал на болячке, как командир на обнажённом утёсе. В отличие от дурачащихся приятелей этот нурглинг оказался хмурым бесёнком, который изучал котёл с видом разочарованного знатока.

- **Он знает,** - Ку'гат пощекотал дрожащие подбородки бесёнка гигантским чёрным ногтем. - **Он знает, что значит настолько погрязнуть в печали.** - Он нежно улыбнулся. - **Не беспокойся, малыш. Я не сделаю той же ошибки, что Дедушка сделал со мной.** - Он сощипнул нурглинга с лица в рот, положив между напоминавшими могильные плиты зубами. - **Это ужасно порождает сущность в мир только для того, чтобы она страдала, ужасно.** - Произнёс он. Он угрюмо

посмотрел на котёл и повёл в нём черпаком. - **Возможно, однажды она будет создана, эта болезнь за окончание всех болезней, болезнь, которая убьёт примарха и навечно свяжет всё царство Ультрамара с пышным садом. Но... о беспокойство,** - Ку'гат вздохнул и посмотрел на свою когтистую ногу. - **Оно начинается с зуда и ожога! Ползучая плотность грибковой инфекции. О!**

- **Кажется восхитительным,** - заметил Септик.

- **Не кажется! Не кажется!** - простонал Ку'гат. - **Это - неприятный зуд Mucota Profundis. Лорд Мортарион призывает меня.**

Ползучий мицелий пробежал по ступне Ку'гата, бросая перекрещивающиеся усики на его ноги, пах и живот, где они росли в размере и толщине, и продолжали свой бег к его лицу.

Первые вены коснулись его губ. Одна разорвала лицо и погрузилась в глаз, превратив его в молочный, а затем в чёрный.

- **Чёрт бы это всё побрал! Септик, помешивай, пока меня не будет. Я ненадолго.**

- **Милорд?** - спросил Септик.

Ку'гат застыл. Его гигантский рот раскрылся. Септик задержал зловонное дыхание, когда массивная туша Ку'гата закачалась мясистой лавиной. Чумной Отец обвалился внутрь себя и сохранил вертикальное положение.

Облегчённо выдохнув, Септик подошёл к подножию пандуса и поднял руку к скрипящим брёвнам.

- **Прочь с дороги!** - прогрохотал он. - **Вы слышали, я должен помешивать! Смесь не должна загустеть!**

Ку'гат понял, что воссоздан в миниатюре в виде живого бюста, который покоился на ножке поганки. Колдовство воссоздало его голову и плечи во всех подробностях, включая обычно скрытые пульсирующие внутренние органы, показанные проекцией в поперечном сечении. Демону не хватало ощущения тела, какое есть у смертного, будучи вечным и непостоянным по форме, но хотя Ку'гат кем только ни был во многих формах в течение своего неизмеримого существования, он счёл ощущения от Mucota Profundis несколько странными. По правде говоря, он обрадовался им. Вечная жизнь предлагала мало новых ощущений.

Mucota Profundis использовался исключительно в горариуме Мортариона, и хотя физическое местоположение помещения с часами менялось - часто оно располагалось в Чёрном поместье на Чумной планете, в разлагавшихся ульях Моргильника или в варпе в крыле особняка самого Нургла - последние десять лет оно находилось на "*Стойкости*", флагмане демонического примарха со дней его службы Императору. Сквозь прогнившие просветы в стене сияли ненавистные и незапятнанные смертные звёзды. Ку'гат почувствовал снаружи запах чистого и нетронутого порчей Нургла вакуума.

Мортарион находился меньше чем в десяти футах от воплощения Ку'гата и был до горла покрыт чёрным мицелием, который позволял их общение. Огромные часы в центре помещения остановились. Их маятником служила Тишина, боевая коса Мортариона, но сейчас оружие находилось в неподвижной руке примарха. Из стеклянного колпака на аппаратуре смотрел чуждый призрак приёмного отца Мортариона.

- О величайший и могущественнейший Мортарион! - воскликнул демон посреди стука переполнявших помещение часов. **- Какую службу я могу сослужить вам? Вы призвали Ку'гата Чумного Отца и он отозвался!**

Ирония, что Ку'гат должен был играть жизнерадостного слугу Мортариона, так же как Септик играл для него самого, не ускользнула от великого нечистого. Данное обстоятельство чрезвычайно раздражало его.

Рот Мортариона был скрыт позади уродливой дыхательной маски. Несмотря на это его голос был ясным и замогильным, глубоким, как звон по проклятым душам полуночных колоколов в утонувших соборах.

- Мой брат приближается. Он прибудет в систему Парменион в течение ближайших дней. Я предвидел это. Наши планы меняются. Я требую твоей помощи.

- Но это же часть плана! - произнёс Ку'гат. **- Вы вынуждали его прибыть на Парменион. Он идёт по семи шаговому пути к гибели, как вы и желали.**

- Он идёт по этому пути слишком быстро. Он раскрыл тайны варп-часов намного быстрее, чем я хотел. Он изгнал Карамара, хранителя последних дней, в варп. Соединяющая миры корневая сеть уязвима без непрерывной стражи Карамара.

- Я почувствовал его переход. Он - пятый в милости Нургла. Шторм его возвращения в сад поднял дуновения, запах которых ещё витает в воздухе.

- Ты спокойно говоришь о его изгнании, - заметил Мортарион.

- У меня очень уравновешенный характер. Я не последователь Кровавого бога, чтобы гневаться по каждому поводу или бесконечно проклятый изменитель, который предугадывает планы и заговоры и корчится от недовольства. Я вижу вещи такими, какие они есть. Вполне в силах Робаута Жиллимана навсегда покончить с подобными Карамару. Меч, который он несёт... - Ку'гат задрожал.

- Ты боишься его, третий в милости Нургла?

- Боюсь, - ответил Ку'гат, решив, что лучше быть честным. **- Меч, который он несёт, пылает ранящим огнём Анафемы. Смерть от него не позволит возродиться, только конец. Меч - творение сущности, имя которой я не хочу произносить вслух. Это оружие может убить меня. Оно может убить вас.**

- Ничто не может убить меня.

- Ах, лорд Мортарион, не будьте столь уверены, - сказал Ку'гат с преувеличенной мудростью. **- Карамару повезло. Он находится в конце всего сущего, он всегда там был и поэтому всегда будет. Судьба даровала ему защиту, на которую ни вы, ни я не можем рассчитывать.**

- Тогда ещё важнее, чтобы наш план сработал правильно. Жиллиман движется слишком быстро. - Незрячие белые глаза Мортариона пронизывающе смотрели на Ку'гата.

- Мы приспособимся к этим потрясениям. Мы победим.

- Твой вирус готов?

Ку'гат поморщился:

- **Вам обязательно было спрашивать?**

- **Если ответ "нет", то он и в самом деле движется слишком быстро!** - заметил Мортарион. - **Если он придёт на Парменион, я должен увести его на Иакс. Когда он погибнет там, его царство станет моим в материуме и варпе. Но он придёт слишком скоро. Я не готов. Корневая сеть между часами ещё недостаточно разрослась.**

- **Разве его нельзя замедлить, о предвестник разрушения? Возможно, вы могли бы использовать своё мастерство, чтобы поднять волнения в варпе?**

- **Я пытался,** - сдержанно ответил Мортарион. - **Эфирные шторма затихли. Первые направленные против него демонические легионы побеждены. Посланные позже не смогли приблизиться к его кораблям. Мои попытки заставить его изменить курс ни к чему не привели.**

- **Неприятно,** - произнёс Ку'гат.

- **Более чем неприятно,** - поправил Мортарион. - **Боюсь, что он под защитой трижды проклятого Императора.**

Ку'гат вздрогнул от открытого высказывания запрещённого имени.

- **Я сказал, что не хочу называть Его по имени, зачем вы это сделали?!** - взвыл демон.

- **Варп успокоился, впрочем, Жиллиман слишком лишён воображения, чтобы видеть, что именно ненавистный свет подавляет шторма перед его кораблём. Возможно, это работа моего отца.**

- **Кто же ещё это может быть?**

- **Мой брат Магнус. Он также мой соперник.**

- **Уж лучше красный циклоп! Если ваш так называемый отец снова направляет Свою волю настолько скоординировано, то нам многого следует бояться!** - с тревогой воскликнул Ку'гат.

- **Не только меч, но и сам Анафема? Это невозможно! Мы не сможем встретиться с таким врагом и выжить.**

- **Успокойся, Чумной Отец.** - Бесстрастно и шумно вздохнул Мортарион. Жёлтый пар вырвался из вентиляционных отверстий его респиратора. - **Влияние моего проклятого родителя в этом царстве уже давно остаётся слабым. Если бы Он набрал больше сил, мы бы узнали. Вполне возможно, что неуместная вера смертных облегчает продвижение Жиллимана. В своём лицемерии Жиллиман окружил себя колдунами, жрецами и псайкерами. Возможно, это их дело. Или, возможно, нам просто не повезло. Или, возможно, мой отец больше не бесполезный труп и снова полон сил. Я ничего не вижу. Числа не ясны. Мои предсказания ни о чём не говорят мне.**

- **Я не настолько оптимистичен,** - сказал Ку'гат.

- **А ты бываешь оптимистичен, Чумной Отец?**

Рога Ку'гата робко задрожали:

- Согласен, я склонен к пессимизму, но слишком много всего происходит. Примарх уже век шагает среди звёзд, и святые Анафемы и Его неживой легион встречаются всё чаще. Всё это знаки, что Он-на-Терре снова набирает силу.

- Это возможно, - сказал Мортарион. - Если и так, то Он опоздал на десять тысяч лет. Планы нашего хозяина и его враждующих братьев продвинулись уже слишком далеко. Человечество ждёт исчезновение. Хаос затянет всю галактику в глубины варпа, и Великие Силы насытятся душами всех рас. Мы должны собрать все земли, которые сможем, пока их не вырвали из наших рук и они не стали королевствами других сущностей. Ультрамар будет нашим, если ты сейчас поможешь мне.

- Я занят, - ответил Ку'гат. - План требует моего внимания на Иаксе.

- План изменился. Ты со своей Чумной Гвардией должен прибыть на Парменион. Моим воинам нужна поддержка славного Нерождённого Нургла.

- Что с моей великой работой? Если я сейчас уйду, то возникнет опасность, что она не будет закончена и все наши усилия пойдут прахом.

- Нет никакого смысла в великой работе, если мой педантичный брат не окажется в нужном месте, чтобы получить её в дар. Как и во всём, Ку'гат, для достижения результата материальные усилия должны сочетаться с эфемерными. Парменион - дом шестой чумы. Мориакс Божья Болезнь не может быть шестой чумой, он должен быть седьмой, потому что, если он не будет седьмой, то не сможет стать Божьей Болезнью. Иакс-который-станет-Мориаксом является домом седьмой чумы. Так предопределено. Число - всё, выбор времени - всё. План должен идти своим чередом до священного порядка трёх и семи. Или семьсот миров в Ультрамаре и за его границами должны быть нашими или ни один не должен быть.

У Ку'гата глубоко в животе раздалось ворчание.

- С тобой всё в порядке? - спросил Мортарион и продолжил с опасным блеском в глазах. - Возможно, ты не согласен.

- Нет, нет, священным числам Нургла следует уделять надлежащее внимание и заботу. Всего лишь прикосновение благословенного ветра. - Он с шипением выпустил зловонный газ из отверстий в обнажённых внутренностях.

Мортариона было не так легко провести.

- Я знаю тебя, Ку'гат. Ты не согласен со мной. Позволь мне показать ситуацию с другой стороны. Ради своих целей Жиллиман привёл много людей и кораблей из-за пределов Ультрамара. Его царство стало местом сплочения для Имперуума. Тебя могут не слишком волновать действия смертных и миры из плоти за пределами детской песочницы для твоих эпидемий, но происходящее в этой смертной сфере затронет тебя. Великая победа Нургла будет отложена. Возможно, наши успехи будут утрачены. Тебе придётся начинать всё сначала. Сколько раз ты уже не сумел расплатиться с Дедушкой за своё рождение и не смог воссоздать его величайшую болезнь, которую сожрал от собственной жадности? Скоро её получится воссоздать. Или не получится, если мой брат

разовьёт своё преимущество.

Ку'гат отвёл взгляд, смущённый упоминанием о своём рождении. Он был недостойным, паразитом, который обрёл могущество по воле случая. Мортарион беспощадно сыграл на струнах его неуверенности.

- Мне нужно подкрепление, - сказал Мортарион. - Как минимум я должен замедлить наступление Жиллимана, заставить его потерять время на восстановлении сил, чтобы преобразование Иакса в Мориакс было завершено, и новая Бедственная звезда засияла губительным светом в центре Ультрамара.

- У вас есть более амбициозный план?

- Взять его живым. Отрезать его от армий. Если мы будем удачливыми и смелыми, то сумеем захватить и пленить его, и затем ты смог бы в свободное время применить свои великие умения на его теле.

- Это было бы очень кстати.

Мортарион кивнул.

- Да, - сказал он. - Но он должен умереть на Иаксе, схватим мы его или нет. Только тогда часы пробьют в болезненной гармонии, и корневой путь, что связывает их ход, затянет это жалкое царство в сад Дедушки. Повелитель Гнили будет рад. Если ты откажешься помочь, Жиллиман выбьет нас с Пармениона и начнёт теснить с наших плацдармов в его королевстве, порадует ли это лорда Нургла? Станет ли он смеяться и потворствовать нам, если триллион триллионов триллионов бацилл будут вычищены из существования?

- Не станет, - стоически произнёс Ку'гат. - Что насчёт Тифа? Разве он не может вам помочь? Последнее, что я помню об общем ходе войны, что он возглавляет значительную часть вашего легиона. Вызовите его.

Покрытое шрамами лицо Мортариона сморщилось от гнева.

- Мой сын не прислушивается ко мне. Он использует несогласие с изменением приоритетов, чтобы соперничать со мной за благосклонность Нургла. Он не видит, что разорения Ультрамара чумой и мечом недостаточно. Он не видит большего приза. Тиф никогда не отличался видением, выходящим за пределы его собственного прославления. Примарх должен умереть в том месте и в то время, когда нам нужно, и умереть от чумы. Его царство должно быть преподнесено Нурглу под нашим управлением или другой из четвёрки заберёт его. Именно мы вдвоём должны осуществить этот план. Втроём было бы лучше. Двоих должно хватить.

Вздых вырвался из больных лёгких Ку'гата. Он не хотел оставлять свою работу.

- Хорошо, - сказал он. - Чумная Гвардия присоединится к вам. Если вы предоставите мне несколько дней, чтобы подготовить путь через сад от моего места к вам. Путь извилист и идти по нему не просто, я...

Мортарион с трудом поднял руку. Нити Mucota Profundis мешали лёгкому движению, но жест был ясным. Молчать.

- Всё подготовлено. Твоё продвижение будет лёгким. Мориакс - устойчивый якорь, нет никакой необходимости идти запутанными путями сада Дедушки. Кабал ведьмаков-паразитов начинает ритуал призыва. Они высокого мнения о своих силах. Я позволю им показать, как мало на самом деле они значат, эти мерзкие заклинатели. - Он ухмылялся, говоря о колдунах. Он был погружен в волшебство и всё же до сих пор пытался отрицать истину своего существования.

- Очень любезно с вашей стороны сообщить об этом, прежде чем оторвать меня от моих дел, - сказал Ку'гат. Он был наполовину искренен. Призыв мог быть резким и неприятным. Ку'гат сурово обходился со смертными, которые осмеливались прерывать его эксперименты своими глупыми просьбами и требованиями силы.

- Хотя я знаю, что ты недоволен мною, я и в самом деле не желаю, чтобы твои начинания пошли прахом, потому что это и мои начинания, - примирительно сказал Мортарион. **- Робаут Жиллиман должен умереть от чумы, и он должен умереть на Иаксе. Если кто-нибудь во всех царствах и может сделать это - так это ты, Чумной Отец. Ты искупишь свою вину, а я залужу вечное расположение Нургла. Твоё присутствие необходимо здесь, на Парменионе Прайм, чтобы любым способом направить моего брата на Иакс. Без тебя я не смогу этого сделать.**

- Мне почти кажется, что вы льстите мне.

- Лъщу, - согласился Мортарион. Без предупреждения он вырвался из заключивших его в кокон волокнистых грибковых нитей. Взмах Тишины рассёк стебель, на котором держалось воплощение Ку'гата. Оно упало, и миниатюрная голова врезалась в пол, превратившись в кучу прогорклого мяса, отослав Ку'гата назад в его тело.

- Хмм, - произнёс Ку'гат, открыв глаза. Его тучное тело дрожало, разрывая покров мицелия. Лианы высыхали ещё быстрее, чем прежде росли. Мгновенно весь Ку'гат оказался покрыт лишь какой-то плёнкой чёрной слизи. Септик быстро отступил от края котла, оставив черпак владельцу. Он спустился по спиральному трапу, давя на ходу нурглингов, и занял своё место у колена Ку'гата.

Чумной Отец посмотрел сверху на Септика. Печальное выражение его лица контрастировало с весельем слуг.

- Что Повелитель Смерти хотел от вас, мой самый зловонный благодетель?

- Много того и много сего, - ответил Ку'гат. **- Для столь очарованного молчанием он говорил слишком много. Вот только он не стал озвучивать свои опасения.**

- Что вы хотите сказать? - спросил Септик.

- Мортарион беспокоится, что я не выполню своё обещание! - с негодованием произнёс Ку'гат. Он взял черпак и стал размешивать жижу в котле. **- Я варю величайшие болезни во вселенной. Он посмел читать мне нотации о важности правильного использования священных чисел!** - добавил он. **- Словно это имеет значение. Чума будет эффективной независимо от того, где её выпустят, и какой порядок какой-то последовательности падший Мортарион сочтёт важным. Тьфу!** - Он тяжело фыркнул, выдув верёвки соплей и потоки личинок из носа. **- Семь это и три то, он - одержимый! Как будто числа оправдывают его связь с варпом. Числа!**

Расстояния, на которые Мортарион пытается дистанцироваться от колдовства, смехотворны. Примархи были существами нашего мира ещё до их падения, и теперь он - архиколдун. Он - лжец и, и, он оскорбил меня! Я - творец! - Ку'гат печально посмотрел на Септика. Его настроение испортилось, и он перемешивал всё медленнее.

- Так и есть, милорд. Вы - самый талантливый творец! - воскликнул Септик.

Ку'гат фыркнул.

- Если Мортарион хочет, чтобы чума убила одного из отпрысков Анафемы - он получит это. Со временем. - Он печально посмотрел на котёл. **- Мортарион - беспокойное создание. Он не показывает свою ревность, но хорошенько запомни мои слова, Септик, я подозреваю, что вся эта кампания - результат желания доказать брату свою стойкость и только. Вероятно, семь раз,** - проворчал он.

- Прекрасная возможность показать преданность нашему Дедушке, который повелевает выносливостью во множестве владений, - сказал Септик, пытаясь успокоить Ку'гата. **- Теперь у вас появилась возможность проявить себя перед Нурглом и создать самую мощную болезнь из когда-либо придуманных!**

Едва он произнёс это, как гневный взгляд Ку'гата явно показал, что его усилия пошли прахом. Сочувственная улыбка Септика исчезла, когда Ку'гат зарычал.

- Или, возможно, снова потерпеть неудачу.

- Никогда, милорд! - воскликнул Септик. Он проковылял ближе и заботливо положил руку на жирное бедро Ку'гата.

- О да. Снова. Каждый раз, когда я пытаюсь, всё заканчивается неудачей! Если я могу довериться тебе, дорогой Септик.

- Конечно можете!

Голос Ку'гата опустился до свистящего шёпота.

- Боюсь, что я никогда не воссоздам величайшую чуму Дедушки. - Он перестал помешивать и опустил голову. **- Гнилиус ждёт, чтобы занять моё место, снискав расположение Дедушки. Он желает стать третьим или, возможно, даже выше! Я не могу сейчас потерпеть неудачу или лишусь места по правую руку от Дедушки.**

- Вам нужно только ещё немного времени, ваша гротескность.

Ку'гат тяжело вздохнул. Нурглинги с беспокойством посмотрели на него, забыв о своих играх.

- Что я могу об этом знать? Мортарион, конечно, прав. Я - всего лишь скромный смешиватель болезней. Мортарион рождён полководцем. Сейчас все мы должны следовать его руководству. Если он говорит, что появление великого разрушителя нужно отложить, тогда мы должны положиться на его слова. Септик, - произнёс Ку'гат.

- Ваше самое паразитное?

- Возьми свои мерзкие дудки и призови Чумную Гвардию. Отзови половину наших легионов

из городов Иакса-который-станет-Мориаксом, собери носильщиков моего паланкина из выгребных ям и сточных колодцев. Нам предстоит заразить новый мир. – Ку'гат вернулся к размешиванию деревянным черпаком моря липкой жижи. – Этому придётся подождать, хотя, возможно, не всё потеряно, потому что мы добудем новые ингредиенты, которые разнообразят смесь.

Он кивнул сам себе.

– Да. Мы ненадолго!

– Я прослежу, чтобы всё было сделано, милорд! – воскликнул Септик. С демонстративной почтительностью он схватил пригоршню нурглингов. Их хихиканье превратилось в вопли, когда он сплющил их, плюнул на них и подбросил месиво в воздух. Во время падения сокрушённые тела слились, растянулись и надулись с влажным хлопком, превратившись во всё ещё живой желудочный мешок гигантского зверя. Септик поймал эластичную массу, и с нежным сжатием заставил три верхних костяных позвонка трижды громко треснуть. Наконец, он потянулся в просторный карман позади откидного лоскута кожи на груди и вытащил мундштук из слоновой кости. Он слизал липкие соки, затем взял кишку, свисавшую из желудочного мешка, и соединил неровный конец с мундштуком. Он поместил импровизированную волынку под руку и надавил для проверки. Костяные дудки издали невероятно отвратительный звук, от которого лопнуло несколько нурглингов. С ликующей улыбкой на пузырчатых губах Септик поместил мундштук между зубами и глубоко вдохнул.

Внезапность движения Ку'гата застала врасплох всю чумную фабрику. Его туша задела деревянный помост, сломала его и заставила часть подъёма обрушиться. Чумной Отец уставился на Септика так грозно, что незакреплённый глаз вывалился и повис на щеке.

– Если ты начнёшь дуть в эти ужасные дудки там, где я услышу их, Септик Седьмой из седьмого поместья, я вырву твои грязные кишки и сожру их на твоих глазах.

Септик раболепно склонил голову.

– Милорд, – сказал он. С удивительным благолепием он опустил мундштук и ушёл, крикнув оставшимся шести телохранителям Ку'гата следовать за ним.

Нурглинги завизжали от смеха. Чумоносцы впали в безумие, пытаясь подсчитать каждое радостное дыхание.

– И вы тоже все заткнитесь! – проревел Ку'гат. Он повернул огромную голову, и его свирепый взгляд заставлял замолчать каждого на кого падал. Его приспешники впали в боязливую тишину. Даже чумоносцы перестали вести подсчёт вслух.

Ку'гат благодарно вздохнул, позволив раздражению сгуститься в капельки слизи и пролиться в варево в котле. Это было ему по душе. Небольшие мурашки беспокойства никогда не повредят хорошей болезни. Он облизал глаз, смазав его, и впихнул обратно в глазницу.

Помешивание отвлекло его от забот. Он наслаждался непродолжительным покоем, прежде чем дудки Септика начали орать за стенами чумной фабрики. Нурглинги снова стали веселиться, а чумоносцы стряхнули испуганное оцепенение и возобновили подсчёты. Молотки застучали, восстанавливая подъём. Ку'гат устало покачал головой и присел на корточки перед котлом, желая в своём гнилом чёрном сердце, чтобы они все просто ушли.

Пятая глава

ОСАЖДЁННЫЙ ТИРОС

Майор Девор из Калтского девяносто девятого полка убрал магнокуляры и прижался к мешкам с песком передового наблюдательного пункта, словно несколько лишних сантиметров могли дать ему более ясный обзор сквозь затянувшийся берег Гекатона туман. Тёмные воды накатывали на камнебетонные сваи около его позиции. Край причала представлял собой твёрдую полосу бледно-синего цвета на фоне моря. Неподалёку собирались враги, вываливая свои камни.

Ветер был свежим и дул от Келетона с противоположной стороны Речного моря. Девор пошёл на риск и дышал воздухом, капюшон костюма был откинут, а маска болталась на ремнях. Каждое движение и шаг распространяли нагретую вонь костюма. Запах его собственного тела был почти столь же невыносимым, как нависший над отравленными болотами на востоке смрад, и оказаться вместе с ним под маской было намного, намного хуже, и поэтому он рискнул. Кроме того он видел лучше, когда между ним и окружающим миром не было поцарапанного пластика.

Глаза моргнули на грязном лице, измученном недосыпанием. Он прищурился, пытаясь увидеть то, что мог без магнокуляров. Существовал компромисс, большое увеличение с устройством против более широкого обзора простыми глазами.

Оба взгляда говорили ему одно и то же: Тирос обречён.

Портовый город был гордым местом. Люди здесь независимо мыслили, островитяне возвышались на восемьсот метров над берегом. Вполне достаточно, чтобы доплунуть до материка при попутном ветре. “Часть Гекатона, но всегда сама по себе”, часто повторяли старую поговорку тиросцы, особенно в присутствии чужаков.

Никогда это чувство не казалось более верным. Тирос оставался свободным от болезней и неестественного воздействия. Невидимые в жёлтом тумане широкие равнины Гекатона между городом и горами были заражены и первым и вторым. Гекатон, горный город и не самый уживчивый соперник Тироса, превратился в яму грязи.

Гвардия Смерти взяла то, что хотела в Гекатоне и разграбила остальное. Но хотя они захватили материковые портовые сооружения Тироса спустя считанные дни после вторжения, прошли месяцы, и им ещё только предстояло взять сам Тирос. Пока Тирос держался, враг не мог пересечь Речное море за городом. Речное море представляло собой обычную лужу, пятьдесят километров в самом широком месте. Но на келетонском берегу рассудок сохранялся ровно столько, сколько держался Тирос.

Благодаря усилиям тиросцев половина Пармениона оставалась незапятнанной. Пока стоит Тирос, напомнил себе Девор. Он оглянулся на повреждения, нанесённые месту его рождения объявившей о начале войны бомбардировкой. Городские стены высоко возвышались позади основной линии обороны. На них прищлись основные повреждения, прежде чем орбитальные защиты Келетона отогнали чумной флот. Огромный пролом, достаточно большой для того, чтобы проводить сквозь него парады под музыку, зиял в ста метрах позади его командного бункера.

“Типично для Келетона, – подумал Девор. – Никогда не приходят вовремя, но затем проявляют себя на все сто”.

Опоздавшие открыть ответный огонь защитные лазерные батареи на дальнем берегу Речного моря не

смогали с начала атаки. Ничто не подлетало близко к городу в атмосфере или по орбите. Ничто не могло. Тирос не покорялся.

Сыновья Мортариона работали над исправлением этой ситуации. На краю берега они начали строительство насыпной дамбы. День за днём их техника с бульдозерными отвалами сбрасывала тысячи тонн камней в воду, медленно двигаясь через канал. Расстояние уже сократилось на три четверти, и приближавшихся сапёров теперь защищали гигантские гусеничные мантилеты Гвардии Смерти. Сейчас они находились на расстоянии в двести метров, и этого было вполне достаточно, чтобы доплунуть.

Когда Гвардия Смерти пересечёт воду, всё закончится. Пролом представлял собой открытую дорогу со слабой дверной пружиной оборонительных линий и бункеров.

“Декорация, – подумал Девор, – чтобы показать, что мы не сложили руки”.

Он не был глупцом. Враги легко войдут в город.

Пока Гвардия Смерти приближалась к имперским порядкам, ультрамарцы также приближались к ним, перекапывая плоские причалы у основания стены, чтобы протянуть траншеи и редуты до края воды. Сначала Гвардия Смерти находилась в пределах досягаемости имперских орудий, но и только. Это было ещё одной вещью, которая изменилась. Он должен быть более бдительным. Он находился в зоне досягаемости болтера.

Девор посмотрел на хронограф. Он носил его поверх прорезиненного защитного костюма, который перестал восприниматься, как одежда и стал казаться чем-то средним между второй кожей и тюрьмой.

– Должно быть сейчас, – сказал Девор. Он держал магнокуляры одной рукой.

Разумеется, работы остановились. Конец дамбы покинули. Мантилеты зловеще маячили в тумане.

– Всегда в одно и то же время каждый чёртов день, словно еретические Астартес хотят, чтобы мы знали.

Он отошёл от стены из мешков с песком и закричал так громко, как только мог, своему командному отделению, хотя они находились всего в нескольких шагах от него:

– Они снова начинают! Все в укрытие! Немедленно! Задействованы протоколы химической и биологической угрозы!

Вокс-связист Ваккул закрутил динамо-рукоятку вокс-передатчика. Вражеский подход к войне наносил вред их оборудованию не меньше, чем и их телам, и за четыре недели они использовали годовой запас деталей для вокс-систем. Их ещё не разбили, но они уже должны были подходить к ремонту творчески. Девор смотрел, как Ваккул передавал приказ по линии и пробормотал тихую благодарность технопровидцу 4-9 Солум за изобретательность в ремонте снаряжения.

От контрвзрывной линии на дальней стороне портового канала десятки установленных на танках mortar выкашляли смертоносные грузы. Густой дым поднялся над орудиями, изгоняя туман. Звук отставал от глаз, глухие удары доносились несколько секунд спустя, мягкие, словно падавшие на пол мельницы мешки муки. К этому времени снаряды уже достигли вершины подъёма.

Когда несколько стихшие пронзительные сигналы о начале обстрела пошли на второй круг, снаряды с воем обрушились с неба.

Суровые условия выживания вбили много уроков в офицеров Девора, и наблюдение находилось наверху

списка. Большинство из них наблюдали за позициями Гвардии Смерти подобно ястребам, и они начали кричать своим людям, искать укрытие и использовать защитное снаряжение, даже раньше, чем получили приказы по воксу.

В тридцати метрах над линией бункеров и траншей снаряды взорвались, заполнив пожелтевшее небо растущими облаками коричневого газа. Подобно порошковой краске, вылетевшей из бумажных пакетов, которые лопнули от хлопка в ладоши, дым раскручивался лукообразными кольцами. Сила тяжести тянула его полосатыми линиями к земле.

- Ваккул, убирайся отсюда! - велел он. - Остальные, прочь! Прочь! Газ, газ, газ!

Он махал руками своим людям, выгоняя их из наблюдательного пункта.

Командное отделение буквально сгрело папки с приказами, картами и другими важными документами и отступило быстро и спокойно. Девор почувствовал прилив гордости. Он уходил последним, остановившись, чтобы посмотреть, как коричневые шлейфы падавшего порошка протянули длинные смертоносные пальцы в траншеи. Они попали в полосу атмосферы, рассеялись по сторонам и ветер превратил их в смертельный дым. "И всё же недостаточно сильный, - отметил он, - чтобы сдуть газ". Газ был тяжёлым и неестественно плотным. Девор плотнее застегнул защитный костюм, также машинально, как обычный человек завязывает шнурки. Затянувшаяся ткань наглухо запечатала его перчатки. Молнии и пуговицы спереди были крепко закрыты. Он взглянул на обхватывавшие ноги обмотки. Либо они перекрыли всё крепко, либо нет. Не осталось времени волноваться об этом.

Он ждал до последнего, прежде чем накиннул капюшон, надел респиратор на рот и нос и защёлкнул кнопки-застёжки на прорезиненных ремешках, оказавшись в сауне старого пота, зловонного дыхания и страха.

К тому времени, как он покинул передовой пост, химический дым свободно дрейфовал по траншеям, достаточно плотный, чтобы в некоторых местах скрыть из вида стены Тироса. Он добрался по боковой траншее до главной оборонительной линии перед проломом. Сквозь газ доносился жуткий скрип рукоятей, которые поворачивали, закрывая амбразуры бронестёклами. Иногда Гвардия Смерти выпускала несколько разрывных снарядов, чтобы поймать бегущих в укрытия людей, но сейчас они довольствовались тем, что предоставили газу делать его работу. Он мог быть вирусным или только химическим. Иногда оба варианта. Чумным воинам нравилось держать защитников в неведении. Когда всё закончится, он попросит 4-9 Солума составить отчёт. Результаты добавятся к остальным в журнале, заполнив столбцы мелких примечаний в записях о многочисленных смертях, обрушенных на них врагом.

Он добрался до конца ответвления и ввалился в главную траншею. Где-то впереди возвышалась стена, всё ещё невидимая, но ощутимая в тумане. Газ густел. Из мрака доносились крики. Он повернулся в поисках их источника, тяжело дыша в маске. Нога зацепилась за мягкую преграду. Он едва не упал.

Тело. Он остановился, чтобы проверить признаки жизни. Он знал, что это бессмысленно, но Девор был человеком с добрым сердцем и он не хотел позволить войне изменить это.

Неуклюжими из-за перчаток руками он перевернул солдата. Маска свободно болталась. Кислота в газе разъела ремешки. Остальное сделал яд. С покрытого волдырями лица смотрели безжизненные белые глаза.

Девор не узнал погибшего, лицо несчастного было слишком изуродовано. Он подобрал идентификационные жетоны солдата и положил их в большой наружный карман. После дезинфекции он

передает их в городе прикомандированным к полку Адептус Министорум. Имя солдата запишут в какую-нибудь книгу и быстро забудут, но этого требовала процедура.

- Жаль, - произнёс Девор.

Предохранитель лазерного пистолета задел кожаную кобуру. Ему и в самом деле стоит с этим разобраться.

Он выпустил лазерный импульс в глаз солдата, запекая мозг в желе. Из разрушенной глазницы вырвался пар. У них не было вспышки ходячей оспы уже несколько недель, но и это должно было быть сделано.

Процедура.

Предохранитель задел кобуру, когда он убрал оружие.

Он последовал на звук прерывистого свиста вентиляторов, которые очищали бункеры от газа. Порывы очищенного воздуха волновали дым. Вскоре Девор оказался у тусклой пласталевой двери своего командного пункта возле пролома в стене. Он нырнул в прохладный поток дезинфицирующего душа, а затем вышел из двери дальнего шлюза возродившимся капающим резиновым человеком, который шагнул в уютную внутреннюю обстановку.

Он снял маску и добавил своё дыхание к общему спёртому воздуху остальных пяти. Антисептики, пот и химические контротравляющие вещества смешались с неуместным ароматом цветочного мыла, от которого слезились глаза, и всё же он вздохнул несвежий и переработанный воздух с облегчением всплывшего на поверхность утопающего.

- Куда вы запропалились? - спросил Ваккул.

Здесь собралось всё командное отделение, они сидели на ящиках с боеприпасами и облокотились на лазганы, как нищие на костыли.

- Сэр, - сказал Девор. Он занялся проверкой и перепроверкой уплотняющих печатей.

- Да идите вы, сэр, - сказал Ваккул. - Что случилось?

Он был на нервах и беспокоился за командира.

- Я остался посмотреть, - ответил Девор.

- Вы слишком рискуете, - сказал Ваккул и добавил, - сэр. Я хочу сказать, что вы нас устраиваете. Это одна из причин, почему я не хочу, чтобы вы погибли, но главная заключается в том, что вы - последний старший офицер в этом подразделении и если вас не станет, командовать будет комиссар Тренк.

- Я тронут твоей заботой, - сказал Девор.

- Могу представить, что Тренк скажет о телах, которые остались "посмотреть", - насмешливо продолжил Ваккул. Он тоже проверял свои печати. Пару раз хлопнуть, пару раз натянуть, пару раз разгладить; процедура Астра Милитарум не без излишнего рвения насаждалась солдатам Империи, но даже самый жестокий сержант-инструктор по боевой подготовке не мог научить их также быстро, как бесчисленные возможности умереть от Гвардии Смерти. Нет герметизации, нет жизни. Простое уравнение, на которое каждый солдат знал ответ. Пару раз хлопнуть, пару раз натянуть, пару раз

разглядить.

- Могу представить, что он, скорее всего, застрелил бы человека, - сказал Девор. - Потому что он охотно стреляет в людей, включая тех, кто не называет своего командира "сэр", вот главная причина, почему, Ваккул, ты надеешься, что со мной ничего не произойдёт.

Девор снова похлопал по уплотнителям. Он понимал, что это стало граничить с одержимостью. Ему повезло, что разум только изнашивался, а не сломался, как у многих других.

- Именно этого я и хочу, - сказал Ваккул.

- Хорошо, хорошо, - раздражённо произнёс Девор. - Я в порядке.

Ваккул счистил грязь с вокс-передатчика.

- Так точно, сэр, - сказал он.

Остальные молчали. Они следили за разговором затравленными глазами.

Девор расположился на перевёрнутом ящике для боеприпасов. Силовые ячейки, которые в нём доставили на передний край, давно закончились. Их должно было хватить как минимум на десять циклов перезарядки, но энтропия, танцевала на Парменионе под музыку Гвардии Смерти, и батареи истощились за несколько месяцев. Он прислонился затылком к пласкритовой стене. Снаружи грохотал обстрел газовыми снарядами, напоминая прерывистое сердцебиение умирающего гиганта.

Он так устал. Сон стал роскошью, которая ревниво охранялась. Минута отдыха, всего одна минута, он застрелил бы любого, кто попытался бы её украсть. Всего одна минута...

Голова Девора дёрнулась вверх. Он резко моргнул. Его люди уставились в пол, являя собой натюрморт страдания. Они уже были мертвы и напоминали картину на стене музея.

Он снова моргнул. И снова. Он не мог заставить глаза не закрываться. Периоды темноты перемежались со светом. Он не хотел засыпать. Беспорядочные воспоминания переполняли воображение, отчаянно требуя внимания, прежде чем уходили из бодрствующего мира в черноту.

Сокрушительный рёв потряс его от макушки до самых пяток, швырнув боком в стену. Он перевернулся, кашляя расплывённым камнебетоном. Микрочастицы затуманили воздух затмившей всё пыльной метелью.

Смертоносный град фугасных снарядов прицельно обрушился на линию бункеров и редутов. Ублюдки загнали их в укрытия, словно скот.

Жгучая вонь сменила эту мысль. Трещина в стене. Змея коричневого дыма просачивалась внутрь. Яд незримо предшествовал дыму: внезапно заложило нос, в гортани вспыхнул жар, готовый подняться и сжечь его мозг.

- Газ! Газ! Газ! - Глаза слезились. Химическое тепло щекотало лёгкие. Панику поглотило гигантское столпотворение из криков и взрывов. Его пыльно-белая рука скользила среди обломков на полу в поисках маски, вместо этого находя пятна крови под каменной крошкой. Горло сжималось. Люди кричали снова и снова, пока шипение не заставило их замолчать, и смерть не вытянула дыхание.

От Ваккула почти ничего не осталось. Рука и нога украшали разбросанные внутренности рядом с вокс-

передатчиком, который остался до смешного неповреждённым. Этпин лежал на полу, капюшон вмяло в дыру в затылке, напоминая наполовину убранный в кулак носовой платок фокусника. Яков схватился за лицо, царапая пальцами месиво из соплей и сгустков крови, выкашлянных изо рта. Два других солдата Девора сидели именно в том месте, куда попал снаряд. Снаряд для уничтожения бункеров, взрывная волна тонким конусом направлена вперёд для разрушения укреплений. Сила взрыва, целеуказания и доставка были тщательно выверены. По идее ударная волна должна была уничтожить всех находившихся внутри. Гвардия Смерти специально не стала так делать. Они презирали быстрые и лёгкие смерти.

Девор глотнул воздуха. Горло сжималось. Газ оказался простым химическим оружием. Никаких дополнительных болезней. Его судьба – задохнуться. Могло быть и хуже.

Цветные пятна замелькали перед глазами, суетливые, как бактерии в чашке Петри. Вот и всё. Смерть пришла. Двадцать девять лет жизни закончились.

Снаряды сотрясали землю. Девор закашлял. Горячее стекло разрывало горло. Никакого воздуха не поступало в лёгкие.

Металлическая рука схватила его за волосы, другая ударила в подмышку, отвела его бессильное предплечье и грубо потащила. На лицо натянули маску. Твёрдые пальцы дёргали застёгнутые ремни и проверяли уплотняющие печати. Другая рука оттянула воротник униформы. Холодный наконечник прижался к шее и прошипел едкий поцелуй в кожу.

Неожиданно Девор снова мог дышать. Он наполовину подпрыгнул, глубоко вдохнув фильтрованного воздуха.

Твёрдая металлическая рука прижала его спиной к стене. Раздался женский голос, мелодичный, несмотря на потрескивание вокс-передатчика.

- Успокойтесь, позвольте антидоту подействовать. Скоро вы снова будете сражаться, слуга Императора.

Шлем старшей сестры Иоланты навис над ним, её красные доспехи были ярче крови, впитавшейся в камнебетонную пыль. Позади неё сестра-госпитальер в белой броне перезаряжала медицинскую перчатку новыми ампулами с антидотом.

- Он в порядке, иди. Спаси столько, сколько сможешь.

- Да, старшая сестра, – ответила госпитальерка и покинула бункер. Невероятно, но задняя часть командного пункта осталась неповреждённой и продолжала работать. Очистительный шлюз спокойно открылся. Распылители всё ещё выпускали воду, когда Сестра прошла к выходу. Разбитая передняя часть бункера выглядела так, словно принадлежала другому месту.

Иоланта пихнула ему в руки лазган. Он был чужой.

- Вставайте, вы нужны. Они начинают атаку.

- Они специально целились в меня.

- Похоже, что так, но по милости Императора вы живы. Идёмте.

Он вышел вслед за ней из командного пункта. Её безупречное военное снаряжение стало маяком насыщенного малинового цвета, который вёл его в лишённом красок мире смешанных облаков

коричневого газа, белой пыли и серого дыма.

- Сюда, - сказала она. Отделение Иоланты было пятнами жизни, быстро продвигавшимися по оборонительной линии в строгом порядке, словно не было никаких взрывов, обломков или угрозы прорыва. Иоланта посмотрела на небо. Её вокс-передатчик щёлкнул, когда она переключилась на личную частоту.

- Они приближаются, - сказала она Девору. - Посмотрите на небо и попросите о спасении. Я кое-что покажу вам, кое-что чудесное. Молитесь увидеть это, прежде чем умрёте.

Западный ветер подул сильнее, поглаживая капюшон Девора и холодя кожу неприятными прикосновениями резины. Даже через дыхательную маску он почувствовал зловоние: водянистый смрад, вызывавший воспоминания о затхлых болотах и ямах, забитых почерневшей плотью сваленных трупов.

В разрыве в тумане появилось гудящее чудовище, а затем второе, столь же высокое и массивное, как смещённый к носу наземный автомобиль.

Это были механические отродья из плоти и металла, сделанные при помощи дьявольских искусств и вызывавшие отвращение каждой своей деталью. Их назвали машинами, но механические части - явно различимый стеклянный окукус, броня и хрипящий моторный отсек - не могли скрыть варп-происхождение. Они являли собой отвратительное объединение материального и нематериального. Пульсирующая плоть свисала на фоне позеленевших медных контейнеров в бронированной оболочке, слишком свободно закреплённых, словно все они должны были одновременно соскользнуть и выплеснуться на землю. Каждое чудовище напоминало большую ракообразную тварь.

Иоланта подняла руку. Отделение немедленно остановилось, и Девор врезался в силовой ранец на её спине. Она не двигалась. Он шагнул назад.

- Ждите, - сказала она.

Демонические машины пролетели мимо, вентиляторы в кольцевых обтекателях с трудом прорубались сквозь дым битвы. Они исчезли из вида.

Люди Девора открыли огонь. Истончавшиеся облака газа осветили красные полосы. Взрывы света расцвели на корпусах механизмов, выбив из ржавой брони фонтаны жёлтых искр. Толстый луч из лазерной пушки поразил одну из машин в борт. Чёрный дым закружился из раздутой плоти и сердцебиение демонического механизма ускорило. Машина зависла в воздухе, ряды труб, свисавшие из подбрюшья, начали извиваться. Слабый наклон трёх двигателей заставил её лениво поворачиваться на месте.

Медные распылители с гулом извергли нечистоты.

Оборонительные сооружения почти не спасали. Жижа находила путь сквозь малейшие трещины, мгновенно разъедавая и заражая всех и всё к чему прикасалась. Крики переросли в бульканье. Нарывы со сверхъестественной скоростью набухали на уже таявшей коже. Девор беспомощно смотрел, молясь, чтобы ни капля жидкости не попала на него. Отвратительное зловоние и само по себе можно было посчитать атакой.

- Двигайтесь! - резко произнесла Иоланта. Она толкнула его вперёд. Сила, увеличенная боевой бронёй, направила его дальше.

Новые крики встретили шипение токсина, когда вторая машина открыла свои клапаны. Сестринство Иоланты остановилось и открыло огонь из болтеров, отогнав ближайшую из огромных машин в шторме микровзрывов.

- Сюда! - крикнула Иоланта. Она побежала. Дополнительная мощность загудела в её конечностях. Девор изо всех сил старался не отстать. Они бежали, когда новый артиллерийский залп обрушился на оборонительную линию, избегая взрывов только благодаря удаче.

Они вбежали в пустую огневую позицию. Иоланта остановилась, её куполообразный шлем поворачивался из стороны в сторону, пытаясь что-то найти среди обломков.

- Где она? - воскликнула Иоланта.

Не долетевший снаряд упал в гавань и поднял фонтан воды в сто футов высотой. Грохот взрыва и порыв короткого дождя оглушили Девора. Он вздрогнул. В ушах звенело. Сёстры стояли твёрдо.

Когда слух восстановился, он услышал их взволнованные крики.

- ...да. Она жива!

- Там! - одна из женщин указала на вершину обломков, которые были бункером, когда Девор видел их в прошлый раз.

По ним поднималась девушка в белом платье с короткими рукавами, она словно безмятежно парила, а не шла, двигаясь с подводной медлительностью околдованного человека.

- Что она делает? Верните её! - сказал Девор. - Что, во имя Священного Трона, эта девушка делает в порту?

- Ждите! - крикнула Иоланта. Женщины восторженно смотрели.

- Трон! - Девор выругался на них за бездействие. К этому времени он уже двигался, покинув пустую огневую точку и взбираясь по кучам разрушенного камнебетона. За спиной слышались отражённые от искусственного камня шаги Иоланты.

Девушка смотрела не моргая, её взгляд сфокусировался на небе, пока она поднималась по остаткам стены бункера. Из-под её ног вылетели ромбовидные осколки разбитого бронестекла.

Босых ног.

Девор присмотрелся к ней. Она была юной, возможно, шестнадцати или семнадцати стандартных лет. Происходящее было настолько странным, что он только сейчас осознал, что на ней действительно было только платье. Никаких чулок, обуви или перчаток, никакого шлема. Ничего, что могло бы защитить от вражеских болезней. Платье не защитило бы её даже от холода весеннего дня. И всё же ядовитая мгла не причиняла ей вреда.

Он неуверенно протянул к ней руки.

Она оглянулась, продолжая подниматься, не смотря под ноги. Спокойствие окружало её.

Девор попытался схватить её сзади за платье. Иоланта перехватила его руку с силой робота, мгновенно остановив.

Он посмотрел в её яркие глазные линзы.

- Ждите и смотрите, что произойдёт, - сказала она.

- Вы обрекаете её на смерть! - воскликнул он.

Иоланта ещё крепче сжала его предплечье. Её руки были маленькими даже в боевой броне, но проявленная сила - сокрушительной.

- Стойте, - приказала она.

- Хорошо! Я услышал ваше мнение, - ответил он, пытаясь вырваться. Он не смог.

- Я знаю ваше сердце, Девор. Если я отпущу вас, то вы попытаетесь спасти её. Я не могу позволить вам это.

Он беспомощно посмотрел на девочку.

- Наблюдайте, - сказала Иоланта. - Наблюдайте! Она та, о ком я говорила вам, девушка, которая очистила колодец.

- Это правда? - спросил Девор. - Это действительно произошло?

Иоланта не ответила и просто сказала:

- Приготовьтесь узреть чудо.

Взобравшись на край разрушенного бункера, девушка привлекла внимание демонических машин. Они остановили чумные потоки и в демонстративном презрении к стрелявшим по ним людям повернулись, спустились сквозь сверкавшее переплетение лучей лазганов и нависли над ней, кольцевые вентиляторы гудели, как насекомые.

Органические жидкости сочились из сопел. Демонические механизмы воняли тысячеклетней гнилью.

Девушка бесстрашно стояла перед ними. Её платье было белоснежным, что казалось невозможным при ужасной осаде. Кожа была безупречно чистой.

- Чистота предстала перед разложением, - произнесла Иоланта, даже сквозь вокс-передатчик в её голосе чувствовалось благоговение.

Удивительные явления стали обычным делом в эту эпоху. Девор видел вещи, которые не мог и не хотел объяснять. Это было чем-то новым.

Рубиновые линзы демонов мерцали молчаливой ненавистью к девушке. Яд собирался на кончиках выступавших спереди огромных шприцов.

Девушка подняла руку.

От механизмов донёсся стук и визг ускорявшихся насосов. Баки за распылителями забулькали от давления. Они одновременно выпустили смертельный поток.

Они все попали под него: девушка, Сёстры Битвы, майор.

Девор закричал, когда жидкость поразила его. Он продолжал кричать, когда она текла по лицу и

проникала сквозь уплотнительную печать капюшона. Он кричал, когда она заполнила ноздри и просочилась между губами.

Он всё ещё кричал, когда попробовал её. Его мозг застыл.

Жидкость во рту была простой водой, чистой водой, чище, чем всё, что он пил за последние месяцы. Он моргнул и изумлённо посмотрел на машины.

Из сопел лилась скверна. На людей падала вода.

Что-то защищало девушку. Прежде чем слизь касалась её, грязь изменялась, и сфера воды отражалась и разлеталась брызгами от невидимого барьера. Девор сразу предположил, что это было какое-то энергетическое поле, которым экипировали удачливых жрецов и высокопоставленных офицеров. “Все они уже мертвы, – подумал он. – Поля не помогли им. Но нет, этого не могло быть. На ней только белое платье. Она не несла ни снаряжения, ни какого-то иного устройства”.

- Как? – спросил он, рассматривая набранную в ладони отклонённую от щита девушки свежую воду.

- Император, – восторженно произнесла Иоланта.

Чудеса превратились в великие чудеса. Ярко-жёлтый свет вырвался из глаз девушки и вонзился в единственные немигающие глаза-окулусы машин.

- *Прочь*, – произнесла она. Голос был не её. Он звучал как... Он звучал...

Девор не мог вспомнить, на что он был похож, хотя услышал его всего несколько секунд назад. Но голос не принадлежал девушке, и это напугало его до глубины души.

Скрежетавшие лопасти вентилятора замерли. Механизмы внезапно упали с небес, сначала один, затем второй, словно висельники, верёвки которых перерезали. Дымившиеся остовы брони врезались в обломки пустыми, плотское содержимое исчезло. Ядовитый туман отступал от девушки и солнце засверкало вокруг её головы, когда... Нет, Девор увидел, что снова ошибся. Свет исходил вовсе не от солнца, а от самой девушки, сияя вокруг головы в удивительном ореоле.

Она повернулась и посмотрела на него, только на него, и весь страх, который Девор пережил за последние девять месяцев оказался ничем в сравнении с испытываемым сейчас ужасом.

- *Сохраний веру*, Девор, – произнесла она. Свет исходил из её рта точно так же как и из глаз, свет настолько яркий, что он не мог смотреть на него. Её голос обладал древней властью, которая вливалась в него и перестраивала часовые механизмы его души. - *Через веру ты обретёшь спасение. Вера – путь к победе.*

Туман закружился в страхе.

- *Верь и живи.* – Она посмотрела сквозь рассеивающийся газ на болезненное небо. - *Примарх близко.*

Прогрохотал единственный раскат грома, заглушивший ужасные звуки мортир Гвардии Смерти. Внезапный порыв ветра разошёлся от девушки, развевая плащи Сестёр и взметнув волосы вокруг её лица.

Ветер унёс газ с оборонительной линии. Туман рассеялся вместе с ним. Впервые за долгие дни Девор увидел за разбитыми стенами город Тирос.

Девушка поднесла руку к лицу, пошатнулась и со стоном упала.

- Чудо, - произнесла Иоланта.

- Чудо, - сказала она Девору и, наконец, отпустила его руку. Рука полностью онемела и вспыхнула болью, когда начала возвращаться кровь. Он едва заметил это, пока поднимался по насыпи к лежавшей девушке.

Свет погас, она выглядела хрупкой и юной. Он взял её на руки. Она ничего не весила, вообще ничего. Он осторожно потряс её. Сознание осталось решительно неуловимым.

- Я говорила вам, что вы должны пойти со мной этим утром, - продолжила Иоланта. Её военное снаряжение блестело капельками чистой воды. Некоторые Сёстры отложили болтеры и открыли крошечные стеклянные фиалы, с благоговением собирая бежавшие по доспехам капли. - Наконец Император повернул свой лик к Пармениону. Мы будем спасены.

Сёстры подошли к Девору. Они забрали у него девушку.

Он окинул взглядом оборонительные позиции. На краю дамбы виднелись фигуры, но они не выходили из тумана, а отступали вместе с ним.

- Чудо, - благоговейно произнесла Иоланта. Она положила руку на плечо Девора, и на этот раз прикосновение было мягким. - Святая.

Шестая глава

ВЫЗОВ ТИФУ

Фокусированный свет пронзал смог, предваряя продвижение Тифа в область перекрёстного огня. Сотни коллимированных лучей рассекали воздух стремительными импульсами. Слишком быстро для глаз, за исключением длинных очередей, которые пунктирными линиями просверливали дым.

Гвардия Смерти наступала в самую пасть огня, монотонно скандируя нечестивые гимны. Они стреляли на ходу, ржавые, но смертоносные и исправные болтеры синхронно тяжёлой поступи разрывали тела на куски и вырывали жизни. Тиф жалел о пустой растрате плоти. Пуля и клинок были эффективными инструментами в Долгой войне, но он предпочитал мор. Быстрое расчленение от взрыва почти не вызывало отчаяния, ограничиваясь только вспышкой шока. Тиф же наслаждался отчаянием. Его психические умения были велики, как никогда. Колдовскими глазами он наблюдал, как души погибших покидали тела, устремляясь в непостоянство варпа; к сожалению, они устремлялись туда слишком быстро.

Отчаяние было восхитительным. Полная утрата надежды являлась любимым вином Тифа, букет вкуса которого превосходила только встреча с немногими смертными, обладавшими достаточной сопротивляемостью, чтобы выжить, узреть истину и обратиться к поклонению Дедушке Нурглу. Но нужно выиграть битву. Он будет потворствовать своим желаниям в другой раз. От медленной смерти придётся отказаться. Он противился утрате возможных обращённых, потому что чувствовал растущую неуверенность врагов перед лицом своего заостренного величия. По крайней мере, нескольких можно было и обратить. Они все должны были умереть.

Оставшиеся защитники из полков Ультрамарской ауксии собрались во вспомогательных операционных залах вокруг командного центра орбитального космопорта. Среди них рассредоточились

несколько Адептус Астартес. Великие Чумные войны растянули защиту Ультрамара до предела, поэтому в любом случае на планете Одиссей не могло оказаться много верных труппу-богу космических десантников. Они все поднялись на станцию. С утомительным упорством космические десантники нападали и отступали, следуя предсказуемой боевой доктрине Жиллимана и пытаясь заманить Гвардию Смерти в ловушки и огневые мешки. Тиф и его воины шли прямо на них, веря, что повышенная сопротивляемость уберезёт их. Некоторые из них погибли, но это был путь Гвардии Смерти: неукротимое и стойческое перед лицом потерь наступление. Немного пролитой крови обостряло удовлетворение от убийства сыновей примарха-болонки.

Тиф сражался впереди. Нет ничего хорошего, когда главный верующий Нургла держится в задних рядах. Смертные должны видеть дарованную ему богом силу, дабы узреть, как мало их ложное божество дало им. Они должны увидеть славу Тифа, только так они смогут отринуть надежду и верность и броситься в объятия Нургла.

Тиф плавно сражался военной косой. Медленное изящество его движений увеличивалось длиной рукояти, превращаясь в безостановочно размытое пятно клинка. Оружие шипело в воздухе, оставляя за собой шлейф синих искр. Всё с чем оно встречалось, уничтожалось могучим ударом дезинтегрирующих полей. Тиф сохранял лезвие острым, но в основном жнец людей не рассекал, а сокрушал. Умелым движением он прочертил клинком круг, разрубив защитную линию из сварных пластин. Пласталь сломалась с лёгкостью плоти. Самодельная защита развалилась на две части. Ударом ноги он проложил проход сквозь баррикаду. Ещё один взмах. Три человека взорвались. Лазерные разряды врезались в энергетический щит, окружавший его доспехи типа "Катафракт". Он посмотрел на испуганного солдата, глаза которого расширились за затуманенным от дыхания визором противогаса. Тиф увидел колебание в ауре решимости человека.

- Сложи оружие! - обратился он к нему. - Забудь своего безжалостного бога. Присоединяйся к нам. Вечность смерти и возрождения ждёт! Отец Нургл щедр - у него много даров для верующих. У него для всех найдётся место на просторах его сада, где благословенные страдания выдерживают без боли или вреда, и радостно живут в священной грязи!

Человек ответил выстрелом из лазгана в лицо Тифа. Луч прогрызся сквозь силовое поле и оставил выжженную чёрную полосу на белом шлеме Тифа. Из раны засочился демонический иخور. Броня соединилась с телом Тифа целую вечность назад, и он почувствовал удар, как горячую иглу боли.

Заворчав от раздражения, Тиф протянул руку и сокрушил голову наглеца физической силой.

Смертные не слушали. Это печалило его. Они были такими глупыми, они видели только покрытых гнилью чудовищ. Они не понимали, что мутации Гвардии Смерти являлись проявлением милости, не видели благословение в своих болезнях. Тиф чувствовал ужас смертных. Если бы они могли видеть дальше вещей, которые считали уродством, то разглядели бы спасение и сочли бы дары Нургла прекрасными. Это было их ошибкой.

Тогда он заберёт их души силой.

Когда последний человек упал, перерубленный пополам клинком жнеца людей, на энергетическом щите разорвалась очередь болтов. Пара прошла до брони и детонировала на керамитовой шкуре Тифа. Он осмотрелся в поисках нападавших.

Подходы к командному центру пролегли по широкому и хорошо простреливаемому месту. Внешние ворота защищала пара выдвинутых бастионов. Проход охраняли опорные пункты. "Умелая работа,

вероятно, одного из сыновей Дорна”, – подумал Тиф. Конечно, всех кто находился внутри этих бастионов из листов стали и новых камнебетонных блоков были обречены на гибель, но защитники знали, на что шли. Они продавали свои жизни как можно дороже. Оставшиеся Адептус Астартес наступали на Гвардию Смерти, стремясь расстроить их продвижение и прижать огнём, чтобы, по крайней мере, замедлить. Безнадёжное последнее сопротивление. Армия Тифа представляла собой полную первую роту легиона космического десанта, силу, которая в несколько раз превосходила орден космического десанта, а здесь в космопорте их изначально находилась только половина – пять сотен.

Космические десантники были в доспехах самых разных цветов, сводные подразделения, собранные Жиллиманом из небольших групп, присланных в Ультрамар далёкими орденами. Хотя многие являлись сыновьями Жиллимана, у них не было связей внутри нового братства и они сражались без скоординированной точности старого XIII легиона. Это выглядело смехотворно. Страх заставил Жиллимана разделить легионы после падения Гора, и в результате они только ослабли. Тиф чувствовал одно лишь презрение к примарху и этим уменьшенным воинам.

Пятеро из них стреляли в него, игнорируя ближайшие угрозы и пытаясь сразить вражеского предводителя. Так и сам Тиф поступил бы на их месте.

Смерть скрывалась в токсичных миазмах, окружавших Тифа и его воинов. Силой мысли он втянул пары, сплёл в ищущие руки и метнул копьями в космических десантников. Они стрелами понеслись к слабым местам доспехов, атакуя дыхательные маски и более мягкие внутренние поверхности локтевых и коленных суставов. Воины стреляли ещё секунду, пока печати не растворились и заражённый болезнями воздух не проник в военные костюмы. Они попадали, хватаясь руками за горло, кровь фонтаном била из дыхательных решёток.

Сражение подходило к концу. Заболел уже сам космопорт. Когитаторные бактериальные вирусы разрывали его операционные системы, разрушали кабели и ретрансляторы вместе с машинным кодом. Защитные турели обмякли, их оружие выпало из разъединенных опор. Люмены погасли. Попытки вентиляционных и перерабатывающих систем очистить воздух от ядов первой роты закончились только перегрузками и отказами. Пожары вспыхивали на стенах, где изоляция отслаивалась от заражённой проводки. Свернувшиеся масла и смазки вытекали из неисправных устройств. Заражение машин было почти столь же прекрасным актом поклонения, как и умерщвление живой плоти. Нургл будет доволен. Когда люди умирали, их психическое сопротивление силам Нургла слабело. Волна порчи разорвала структуру порта Одиссея, мгновенно вызвав тысячелетний распад.

Умиравшая сирена пыталась объявить об активации механизмов самоуничтожения реактора порта. Она повторяла своё механическое предупреждение, пока не погибла в бормотании статики. Тиф напрягся, ожидая изменение вибрации, которая укажет, что регуляторы мощности отключены, а механизмы выброса ядра дезактивированы.

Реактор пульсировал, сотрясая палубы лихорадочной дрожью. Он был болен, но Тиф и заразил его. Какие бы попытки не предпринимали, чтобы уничтожить Гвардию Смерти вместе со станцией, они раз за разом срывались демоническим скрап-кодом и полуорганическими инфовирусами, которые быстро распространялись по внутренностям орбитальной платформы.

Трёхлепестные ржавые транспорты с мелтами пробили стену крайней левой башни, охранявшей ворота командного блока. Поток скверны из алхимического оружия ударил в пролом и покончил с сопротивлением в бастионе. Правая башня разделила подобную судьбу несколько секунд спустя. Нечестивый гнилотворец приблизился к входу, когда пласталь бастионов ещё шипела, и велел больным

смертным слугам обрызгать сгустившейся мерзостью всю поверхность главных ворот. Зазубренные линии коррозии поползли из каждой капли смеси, объединяясь в паутину распада. Там куда попали комки жижи, металл быстро окислялся, и сыпались целые слои ржавчины. Считалось, что адамантий неуязвим для подобного воздействия, но железная погибель являлась болезнью варпа. Для неё законы смертного царства не значили ничего.

Булька от удовольствия при виде инфекции, гнилотворец отступил, уродливые последователи поковыляли вслед за ним. Их место заняло отделение чумных десантников. Даже они старались не касаться самых пострадавших частей больного металла, пока прикрепляли к воротам бронебойные гранаты и активировали взрыватели, а затем отступив на несколько шагов.

Грохот направленных взрывов разнёсся по отсеку. Взрывы были достаточно громкими, чтобы вывести из строя смертных. Звуковые подаватели Гвардии Смерти давно перестали функционировать, но они хохотали от гула барабанных перепонок, упиваясь невосприимчивостью к боли.

Прежде чем последние наносы ржавчины упали на палубу, Гвардия Смерти продолжила наступление, стреляя синхронно своему устойчивому темпу. Лазерные разряды и конусы дробы вырвались из облаков дыма. Лазерные лучи мерцали, теряя силу, когда фотоны рассеивались в насыщенном металлом воздухе, но даже при этом было трудно промахнуться в ворвавшиеся в ворота раздутые фигуры. Помятые пластины керамики засветились от новых повреждений. Лазерный огонь с шипением проникал в мягкую и больную плоть. Это не причинило вреда сыновьям Мортариона. Тиф мрачно рассмеялся, видя, как его люди получают раны, которые вывели бы из строя верного космического десантника. Что такое выжженная дыра в коже воина, печень которого свисала с его бока?

Первая волна проникла и рассредоточилась по командному центру с текучей плавностью десятилетиями практики. Миновав ворота, они вошли в секторы обстрела автоматизированных защитных орудий блока. Теперь Гвардия Смерти действительно начала нести потери. Снаряды автопушки вгрызлись в одного из воинов, словно пули в глину, и, видимо, с таким же эффектом. Но пятнадцатый нанёс смертельный удар, и воин упал с разочарованным стоном. Второй был разорван на дымящиеся куски концентрированным болтерным огнём. Ещё одного пронзило из лазерной пушки. Он продолжал идти, пока, наконец, не решил, что мёртв, и только тогда упал.

- Цельтесь в оборонительные сооружения! - приказал Тиф. Он протиснулся вперёд, используя своё огромное тело, чтобы отодвигать воинов и вошёл в блок. - Выведете из строя стационарное оружие!

Ему не нужно было отдавать приказ. Его воины сражались в Долгой войне ещё когда ненавистный Ложный Император шагал и дышал, как живое существо. Гнилостные пусковые установки уже выстрелили, отправив картечь в турели. Стрелки с мелтами выдвинулись вперёд под прикрывающим огнём своих отвратительных собратьев. Немногие могли устоять перед хорошо обученной и лучше дисциплинированной Гвардией Смерти.

Им придётся заплатить немалую цену. Каждая орбитальная платформа отличалась от остальных, являясь продуктом индивидуальных вкусов, опыта и причуд своих строителей. Планировка этой делала честь её архитектору. Пульты управления находились в шести футах над уровнем пола. Операторы сидели лицом наружу, а внешние стороны постов были бронированы, как и любая оборонительная линия. Каждая группа представляла собой небольшой бастион, и они располагались таким образом, что прикрывали друг друга и пути между собой. С позиций относительной безопасности командная группа и их защитники обрушили огонь на Чумных Десантников. Их оружие обычно представляло собой незначительную угрозу, являясь смертельным для обычных людей, но не для избранных Нургла, кроме

тех случаев, когда использовалось в таком большом количестве. Так оно могло нанести вред.

Более насущными проблемами являлись выдвижные защитные турели, превращавшие подходы в полосы огня. Из-за низкого и бронированного, как и внешние стены потолка было невозможным использовать прыжковые ранцы. Всё выглядело гладким и лишённым украшений, а подпорки стен повернули и изготовили так, чтобы они предоставляли захватчикам минимальную возможность укрыться. Также в стены встроили оборонные пункты, в каждой четвёртой переборке располагались бастионы, защищённые подвешенным станковым оружием. Системы командования и управления огнём видимо были независимыми от внешней инфосети, поскольку отслеживали цели и стреляли, не демонстрируя ни малейшего эффекта негативного воздействия вирусного кода. Туманный воздух дрожал от множества твердотельных снарядов и энергетических лучей.

Некоторое количество Чумных Десантников упало. И всё же они наступали. Кто-то умный и обладавший властью, похоже, заметил Тифа, и на него снова внезапно обрушился непропорциональный объём огня. То, что пробилось сквозь энергетический щит, отскочило от брони. Пронзившее броню ударило в бесчувственную плоть. Первый капитан продвигался вперёд прямо по центральному проходу, игнорируя визжавшие о доспехи "Катафракты" снаряды автопушки.

Огневая точка с тяжёлым болтером взорвалась, её боеприпасы запеклись в серии маленьких и ненавистно чистых жёлтых взрывов. Зелёные пары загрязнили честный дым битвы, аромат разложения вполз в свежий и бодрящий запах фуцелина и горячей пластыли, но зловоние было слишком рассеянным, чтобы повредить командной группе. Тиф подозревал, что они облачились в высококачественные защитные костюмы. Нападения Мортариона на Ультрамар продолжались больше века, и подданные Жиллимана адаптировались. Он с грохотом приблизился к первому бастиону.

Под влиянием Тифа пары сгустились. Они словно живые наощупь исследовали путь по стенам бастиона. Изнутри донеслись крики, которые сменились рвотой и прекращением огня. Затем Тиф переключил внимание на обстреливающую его автоматическую пушку. Он поднял руку и послал вдоль прохода потрескивающий зелёный разряд варп-энергии. Одной его волей она была разрушена и смята, как от удара кулака самого Нургла.

Его воины воспользовались моментом. Семеро встали перед следующим бункером и отцепили гниlostные гранаты с поясов. Гранаты отличались внешне также сильно, как и их владельцы: от стальных канистр, выпускающих завитки газа, до ещё живых голов былых жертв, чьи природные отверстия были крепко защищены, чтобы не выпускать кишасие внутри болезни.

Медленными размашистыми бросками Гвардейцы Смерти швырнули гранаты в один из бронированных постов управления. Они приземлились с унылым стуком и взорвались ни с чем непримечательной силой. Однако эффект был мгновенным. Стрельба прекратилась. Завеса горчичного жёлтого газа, сопровождаемая удушливым зловонием, перевалилась через край стены. Человек в укрытии дико вскочил, цепляясь за горло, пока растворялся защитный костюм, а лицо сползло с черепа.

Гвардейцы Смерти рассмеялись и направились к следующему бастиону.

Тиф присоединил свою психическую мощь к этой атаке. Рой разрушения загудел в черепе, желая освобождения, но он воспротивился. Он покажет этим смертным, что даже их самые лучшие твердыни можно взять без использования его самого мощного оружия.

Его воины взяли ситуацию под контроль. Машины визжали и отключались. Люди кричали из бункеров, когда сопла извергателей чумы просовывали в огневые щели и разряжали.

Командующий порта и его телохранитель сражались на центральной платформе до последнего. “Как благородно”, – подумал Тиф. В свои молодые годы он бросился бы вперёд, чтобы лично снискать честь, убив вражеского командира, но десять тысяч лет войны и смерти сотен миллионов пресытили его. Пусть воины получают причитавшееся им удовольствие. Рой разрушения жаловался миллиардом голосов насекомых, желая развлечься. Тиф испытал дикое удовлетворение, запретив это. Истинное наслаждение обладать таким оружием, но ещё большее наслаждение обладать и властью решать, когда выпускать его, а когда держать взаперти. У него был выбор. Он не был лишённым воли демоном.

Два Чумных Десантника тащили мужчину по кровавому месиву в проходах между командными постами. Он безуспешно боролся в хватке одарённых силой Хаоса сверхчеловеческих чудовищ. Он не мог им помешать. Не стоило обращать внимания на то, что двое тащивших его воинов являли собой воплощение тяжелобольных. Один чихал и кашлял при каждом шаге, другой был ослеплён бородавчатыми опухолями, покрывавшими лицо, видимое сквозь пустые линзы повреждённого шлема. Не было у него и дыхательной маски. Он не мог её носить. Его рот представлял собою вытянутую морду с рядами ужасных зубов, а у первого вокруг защиты шлема обернулись щупальца, растущие из сплавленной плоти, пластика и керамики. Такие дары были распространены в легионе. Они делали своих обладателей ещё сильнее.

Чумные Десантники повалили мужчину перед Тифом на колени и сорвали с него респиратор. Едва вдохнув отравленный воздух, он начал задыхаться.

- Капитан порта, – прошипел слепой Чумной Десантник с крокодиловым ртом.

- Остальные? – спросил Тиф.

- Мертвы, милорд, – ответил другой.

- Достойные подношения нашему Дедушке. Покиньте командный центр. Обыщите коридоры и бастионы ближайших модулей, затем подготовьте порт для уничтожения. Уроните его на планету. Больше он никогда не будет использован против Чумного бога.

Капитан порта оказался храбрым человеком.

- Ты можешь уничтожить мою команду и забрать мою жизнь, но никогда не сможешь победить нас, предатель. – Он выплюнул кровавую мокроту. А всего век назад такие люди как он впадали в ужас от одного вида Гвардии Смерти. “Частая демонстрация притупила их страх”, – с сожалением подумал Тиф.

- Наш повелитель Жиллиман снова ступает среди нас и вернулся в Ультрамар, чтобы изгнать тебя. – Глаза капитана порта покраснели. Скоро он умрёт.

- Мне известно об этом факте, – сухо сказал Тиф. – У тебя есть какие-нибудь новости, которые могут меня заинтересовать?

Чумные Десантники усмехнулись. Они наслаждались издевательствами Тифа над слабым смертным.

- Единственные новости, которые я могу предоставить тебе, о смерти. Ты падёшь, предатель, и Император увидит твою осуждённую душу. – Он бесстрашно смотрел в светящиеся глазные линзы Тифа.

- Посмотри на себя, развращённая и плачущая мерзость. Я не могу поверить, что когда-то ты был космическим десантником.

- Я и сейчас являюсь им, просто мой хозяин более истинный, чем твой. Ты следуешь за трупом, – ответил

Тиф. - Я следую за Повелителем Жизни.

- Ты умрёшь. Ты будешь повергнут.

- Нет, - сказал Тиф. - Я так не думаю.

Он покачал моноцеральным шлемом и положил бронированную руку на голову капитана порта. Тиф собрался даровать ему благословение Нургла. Он был слишком циничен, чтобы ожидать, что командующий обратится, но всё же смертный получит свою долю страданий.

Что-то опередило его. На лысине мужчины выступили капли пота. Кожа вокруг интерфейсных портов покраснела. Прямо под взглядом Тифа белки глаз стали тёмно-жёлтыми. Он убрал руку с головы.

- Интересно, - произнёс он. В сверхъестественных чувствах Тифа помещение засияло множеством цветов. Дуги психической энергии пульсировали к капитану станции.

- Что ты со мной сделал? - воскликнул человек. Паника, наконец, прорвалась сквозь ультрамарскую дисциплину. Слюна вспенилась в уголках его рта, слетела с губ и попала на защитный костюм.

- Я? Я ничего не сделал, - ответил Тиф. - Это не одна из моих болезней. Но кто-то что-то с тобой делает. Интересно кто?

Капитана порта вырвало. Гвардейцы Смерти отступили, когда он опустился на четвереньки, и его стошнило чёрными сгустками крови.

- Будьте вы все прокляты, - выдохнул он.

- Несколько поздно пугать нас такими вещами, - сказал Тиф.

Капитан порта стиснул зубы и заворчал от мучений. Он рухнул на пол и забился в конвульсиях. Руки двигались в неконтролируемых спазмах, вытягиваясь и поворачиваясь под углами, которые показались Тифу забавными. Ноги дрожали, колени стучали. Он откинул назад голову, затрясся и жалобно застонал, пока не случился такой сильный приступ, что позвоночник выгнулся настолько, что треснул с громким влажным звуком. Его бёдра раскололись. Осколки розовой влажной кости пронзили одежду. Жемчужины жёлтого жира закапали на пол.

Кровавый гной изливался из горла задыхавшегося и дёргавшегося капитана порта. Он был всё ещё жив и стонал, когда его тело согнулось почти идеально пополам. При обычных обстоятельствах он уже давно был бы мёртв, но Дедушка Нургл добр и желает, чтобы все, кто страдает от его даров, в полной мере могли насладиться этим опытом, и поэтому душа мужчины ещё оставалась в теле. Его глаза безумно закатились, одновременно расцвели катарактой и погрузились в себя. Губы потрескались, а язык почернел и вывалился изо рта, корчась, словно посыпанный солью слизняк. Зловонная вонючая жижа разлилась вокруг него. Кишечник прохудился, а мочевого пузырь раздулся и лопнул. И всё же он ещё жил.

Феерия быстрого распада разворачивалась перед глазами Тифа, и он заморожено наблюдал, пока звуки боя удалялись от командного блока в сторону подъездных путей ангаров, где оставались последние очаги сопротивления. Жирная плёнка колдовства цеплялась за офицера. Абсолютное многообразие отмеренной Нурглом смерти само по себе являлось красотой, а это было самым прекрасным, что Тиф видел за последнее время.

Кожа капитана порта пожелтела и всосалась. Дозревший кишечник раздулся от гнилостных газов и

лопнул. Подобно быстро надуваемым воздушным шарам его кишки вывалились из-под рубашки, несколько мгновений они оставались фиолетовыми и полными, прекрасными в своей полупрозрачности. Затем они сдулись в чёрные клочки твёрдого вещества, оставив кожу капитана порта сморщенным, протекающим мешком. Руки и лицо расцвели фиолетовыми и чёрными цветами. Тело превратилось в картину великолепного заката синевы. Защитный костюм, так красиво выглядевший всего несколько секунд назад, окрасился в чёрный цвет трупными жидкостями, покрылся плесенью и разошёлся по швам. Через минуту мужчина стал выглядеть так, словно умер неделю назад. Через две минуты – словно месяц. И всё же он ещё жил.

Тиф подошёл на шаг ближе, из костяных отдушин его доспехов вырывались густые газы. Рой разрушения резко и громко загудел от движения, требуя выпустить себя, но Тиф снова проигнорировал его просьбы. Первый капитан Гвардии Смерти облокотился на жнеца людей, наклонился, насколько позволяла массивная терминаторская броня, и смотрел сверху на мёртвого-но-всё-ещё-живого мужчину, превратившись в воплощённое любопытство.

- Ты воистину благословлён Нурглом! Такое плодородие распада, такой цвет. Ты стал такой благодатной почвой для жизни. Знай, человечек, немногие из твоего вида испытали такое изысканное угасание и ещё меньше узрели, каким рогом изобилия и возрождения могут стать их смертные оболочки. Ты приближен!

Челюсть трупа щёлкнула и закрылась на засохших сухожилиях.

- Ты ещё и присутствие духа сохранил. Ты хочешь говорить? Тогда говори с Отцом Жизни и Смерти в вечном саду. Ты впечатлил меня, его живого герольда. Скажи ему, что Тиф счёл тебя достойным. Возможно, для тебя это ещё не конец.

Шипение вырвалось из сжатого горла мужчины, его душа говорила с колдовскими чувствами Тифа, когда тело больше не могло:

- У... убей меня, – сумел выдать он. – Милосердия.

- Ты уже получил милосердие. – Тиф снова выпрямился. – Возможно, в конце концов, ты недостоин.

Внимание Тифа привлекло движение внутри живота мертвеца. Очертания рогов надавили на прорезиненную ткань защитного костюма капитана порта, пронзили разлагающуюся ткань и выпустили на свободу кипящий поток личинок величиной с палец.

- Ну и ну, – произнёс Тиф. – День становится всё интереснее.

В тускнеющем свете командного блока появились рога, за ними показалась лысая и шершавая голова демонёнка, капающая гнилой кровью и другими зловонными жидкостями разложения.

Бесёнок заговорил:

- У меня послание для вас, лорд Тиф. Послание из поместья.

- Вот как? – произнёс Тиф.

- Минуту, – продолжил нурглинг. – Эта форма не подходит.

Слабые и тонкие руки разорвали последние остатки защитного костюма, и существо лихорадочно начало набивать рот всем, до чего могло дотянуться. Обрывки кишок, корчащиеся личинки, клочки

ткани. Всё летело в его просторную утробу и измельчалось на острых как иглы зубах. Мужчина застонал, царапая надгробные врата. И всё же он ещё не умер.

Нурглинг толстел прямо на глазах. Когда он сожрал больше половины капитана порта, у него по бокам появились рты. Самая огромная пасть открылась поперёк живота. К нему покатались остатки мёртвой команды мостика, сначала капли крови, затем кусочки плоти, потом руки и ноги, пока, наконец, к нему не потянулись и целые трупы. Существо продолжало насыщаться, но не могло проглотить слишком большие куски и поэтому они размягчались, словно воск в огне, меняя цвет на такой же зелёный, как кожа нурглинга, и подлетали к телу бесёнка, где соединялись прямо с ним.

Нурглинг громко рыгнул.

- Простите, - сказал он и лопнул, как перезрелый фрукт.

В мешанине сформировались эластичные кости. Сначала ступни и голени, затем бёдра, колени и таз, поднимаясь, как каркас примитивного дома в процессе строительства. Позвонки крутились и вставляли друг на друга, нанизывая себя на болтающийся спинной мозг. Пока рёбра росли из позвоночника, обнажённые мышцы поползли вверх, покрывая твердевший скелет, и к тому времени, как словно ветви дерева начали разрастаться плечи, на ногах появилась кожа. Из массы вырвались предплечья. Развились руки, и, наконец, когда кровавое строительство уже близилось к концу, из грудной полости появился поначалу мягкий череп, надулся, окреп и твёрдо встал на шею.

Явление демона происходило от рождения до смерти, без жизни между ними. Его кожа болталась мерзкими складками. Кишки распутались и упали на пол из рваного живота так же быстро, как и появились. Когда сосуд был закончен, начавший всё это нурглинг выглянул из пульсирующих органов в открытом кишечнике и подмигнул Тифу.

Голова поднялась. Единственный глаз открылся. Ряд ассиметричных рогов вырос вокруг головы подобно короне, самый большой торчал впереди, словно копье.

Тиф склонил голову. Он узнал создание перед собой. В другие времена, когда варп был слаб, Тиф командовал им. В текущих обстоятельствах, когда открылся Великий Разлом и реальность пылала, их позиции полностью поменялись. Оно требовало уважение. И всё же он не встал на колени.

- Как смертный герольд Нургла, - произнёс Тиф, упомянув титул, который даровал Чумной бог, - я приветствую вас, лорд Моллукос, Возвеличенный Чумоносец, бессмертный герольд Нургла, триста сорок третий в милости великого Дедушки.

Моллукос прищурил единственный глаз:

- Ты пренебрегаешь благословенной текучестью иерархии. Твои сведения устарели. Я - трёхсотый в милости. Порядок распада всегда в движении, эпидемии вспыхивают и угасают, демоны возвышаются, демоны падают.

- Вы получили священное число редкой ценности, - сказал Тиф. - Три раза по сто.

- Все числа священны для моего вида, - заметил герольд. - Идёт ли речь о первом капитане или четырнадцатом примархе, когорты чумоносцев считаю всё, всё учитывается.

- Демон вашего ранга, лорд Моллукос, может позволить себе говорить загадками, - произнёс Тиф, - хотя ваша цель вполне ясна. Вы пришли поговорить со мной о моём генетическом отце. Полагаю, что мои

опасения относительно его действий были услышаны?

- Опасения - листья умирающих деревьев, они падают в неведении о гниении ствола, - пробубльнул Моллукус. - Стражи поместья говорили с сенешалями распада. Сенешали распада сплетничали с камерариями энтропии, которые передали им слова великих нечистых. Нечистые знают мысли великого Дедушки, поскольку они, по сути, есть одно и то же. От Дедушки к нечистым, к камерариям, к сенешалям и к стражам поместья пришли слова, трижды три раза через три рта, чем привлекли моё внимание, дабы я мог доставить их тебе.

Язык Моллукоса показался между гнилыми зубами. Он задвигался в воздухе по собственной воле, щёлкнул миниатюрным ртом на кончике и отступил в тошнотворный пищевод возвышенного чумноосца.

- Твои опасения - ничто. Ты слушаешь. Ты повинешься.

- Что повелевает бог благословенного возрождения? - спросил Тиф. - Я предупреждаю вас, что не стану помогать генетическому отцу. Он - сентиментален. Он тоскует по утешению старых болей, вместо поиска нового страдания. Эта раздражительная война против брата, создание чумной планеты и планы превратить каждый встреченный им мир в отражение Барбаруса - они показывают его слабость к прошлому. Его желание не меняться отвергает потенциал Хаоса. Он хочет гниющей стабильности. Он слеп к славе бесконечного возрождения.

- В твоих словах есть правда, - согласился Моллукус. - И всё же Дедушка приказывает тебе прекратить соперничество с демоническим примархом Мортарионом. По высочайшему повелению ты должен собрать свой флот и поплыть по стерильным морям вакуума этого царства к Пармениону. Там ты нападёшь на оружие под названием Галатан и приведёшь его под руку нашего хозяина. Поверни орудия смертных на них самих, помоги Мортариону завоевать этот мир и тогда познаешь божественное благословение на семь лет.

Сообщение герольда разозлило Тифа. Именно он привёл Гвардию Смерти на службу Нурглу, именно его планам нужно было следовать, а не Мортариона. И, несмотря на всё прошедшее время это ещё ранило. Он был достаточно мудр, чтобы не сказать это прямо.

- Итак. Наш бог передумал, - холодно произнёс он. - План заключался в том, чтобы опустошить Ультрамар, разорить, заразить, извратить. Победа должна была посеять семена отчаяния в короле Пятисот миров, а не в том, чтобы даровать ему милосердие через смерть. Страдание примарха стало бы восхитительным проектом. Его смерть ничего не значит. Это было согласовано.

- Это не было согласовано. Ты произносишь слова верующего, но и сам страдаешь привязанностью к постоянству. Хаос - это изменение. Постоянство в разнообразии. Неизменность - смерть. Замыслы Мортариона эгоистичны, но похвальны. Ты поможешь ему перенести Ультрамар в сад, согласен ты с ним или нет. Ты увеличишь владения Нургла.

- Получается, что милорд Мортарион не способен заставить Робаута Жиллимана повиноваться. Я не стану служить ему.

- Не будь глупцом, смертный. Ты прыгаешь выше головы. Ты пытаешься предугадать волю Чумного бога. Он - непостижим. Ты не можешь предвосхищать такую силу, как он. Служи ему, как обещал или пострадаешь за последствия. Он - твой хозяин. Повинуйся.

- А если я откажусь? - спросил Тиф.

Лорд Моллукос неприятно улыбнулся.

- Возможно, среди всех смертных ты достаточно высокомерен, чтобы не повиноваться богу. Хорошо, если ты свернёшь с дороги в сад, то познаешь вечность божественного недовольства. - Бессмертный герольд бросил на Тифа хитрый взгляд. **- Почему ты сопротивляешься? Ты уже сорвал три звёздных поместья Жиллимана с этого жалкого небосвода. Сломать ещё одну безделушку Анафемы не может стать для тебя вызовом. Неужели ты боишься проверить защиты древнего могучего Галатана? Ты не только не верующий, но и трусливый?**

- Я ни то, ни другое! - прорычал Тиф. Он поклялся, что однажды, когда получит заслуженные награды и вознесётся до демоничества, то уничтожит саму сущность этого создания. Искушению прямо сейчас сокрушить его душу и изгнать в варп, как прелюдию мести было почти невозможно сопротивляться.

- Семь лет приближения или вечность мучений. Выбирай хорошо, Тиф, бывший Тифоном.

Единственный глаз герольда закрылся. Он испустил печальный стон и его тело развалилось в брызгах вонючей жидкости. Нурглинг вывалился из растворявшегося туловища и шлёпнулся на пол. Он высунул язык и полез назад в остатки внутренностей капитана порта, натягивая рогами лохмотья униформы и клочки кожи. Толстенькие ножки покачивались вокруг ягодиц, пока он зарывался внутрь, а затем его жирное тельце скрылось из вида. Психосфера командного блока изменилась. Магия рассеялась. Путь в варп закрылся. Герольд ушёл.

Наконец капитану порта, от которого осталось немногим больше, чем сморщенная верхняя половина туловища, позволили умереть. Он издал предсмертный хрип и шагнул в объятия ужасов варпа. Последние его останки запузырились и растворились в ярко-зелёной слизи.

Тиф некоторое время смотрел на месиво. Галатан. Он избегал встречи с величайшей звёздной крепостью ультрамарцев. Она была огромной и мощной, и охранялась не только простыми космическими десантниками. Но вызов был брошен и его необходимо преодолеть, появился шанс снова доказать свою силу духа.

- Хорошо, - произнёс он. - Я возьму Галатан и заставлю Мортариона подавиться славой моей победы, и ему придётся благодарить меня за неё.

Он развернулся, уже приказав своим людям перегруппироваться и покинуть орбитальный порт Одиссея.

Седьмая глава

НОЧЬ НА БОРТУ "ЧЕСТИ МАКРАГГА"

Яссилли Сулимани разрешили встретиться с примархом до прибытия в систему Парменион. Она сомневалась, что сможет увидеть имперского регента, если придётся ждать до выхода из варпа. Её корабль был готов покинуть флот, как только они выйдут из эмпиреев. Он не переживёт войну, на которую мчался Робаут Жиллиман.

Жиллиман вызывал её, когда она спала. Это произошло в конце шестой смены, время, которое примерно считалось ночью. Она немедленно проснулась, ополоснула рот тепловатой металлической корабельной водой и взяла небольшую стазисную шкатулку для примарха. Встречи с Жиллиманом были бесценными,

и она покинула каюту, прежде чем привела в порядок униформу. Она бежала по коридору и на ходу застёгивала пуговицы. Отведённое для неё время истекало медленно, но неумолимо. Страх потери каждой секунды аудиенции с примархом подрывал самообладание.

“Честь Макрагга” ворчала на рябь варпа. Корабль дважды встряхнуло, очень мягко, напоминая подёргивание животного, которое избавлялось от блохи. Путешествие было самым спокойным из всех, что пережила Сулимания за последнее время.

Она присоединилась к Робауту Жиллиману в ни чем не примечательном путепроводе. Он казался синей тенью во мраке, более заметный по производимому шуму, чем по виду. Он шагал с терпением машины, направляясь к далёкому носу. В своей броне он был похож на воина-робота легионов Кибернетики. Он не уступал им в росте и массе. Если его голова была бы скрыта, как и у них, металлическим куполом, его можно было бы принять за машину, но лицо было открыто – помещённый в керамит человеческий компонент, гордое лицо, суровое лицо. Он был гигантом, механическим чудом, постчеловеческим полубогом.

И всё же Жиллиман оставался человеком, несмотря на всё, чего в нём не было. Она инстинктивно знала, что они принадлежали к одному роду. Забота о ближних прочертила морщины на его лице. На его плечах лежали судьбы всех их.

Именно поэтому она не боялась его.

Среди жалобного визга и урчания боевых доспехов и лязга ботинок по металлической палубе, и, несмотря, на её лёгкую поступь примарх услышал приближавшуюся вольную торговку. Он не мог просто оглянуться поверх массивных наплечников военного костюма, поэтому заговорил прямо перед собой, достаточно громко, чтобы она услышала:

– Яссилли Сулимания, как идёт поиск истины?

Она побежала, чтобы догнать его. Он не замедлил шаг, который хотя и показался сзади тяжёлым, был быстрым. Разговаривая, ей приходилось бежать трусцой, чтобы не отстать.

– Медленно, милорд, – ответила она, и прижала стазисную шкатулку к груди. – Я, наконец, закончила сопоставлять всю информацию, которую мои агенты собрали в последней экспедиции. Приношу извинения, что это заняло много времени, но моё опоздание – признак нашего успеха.

– С нетерпением желаю ознакомиться с тем, что у вас есть.

– Это был хороший улов, милорд. Я перешлю материалы в вашу личную библиотеку с началом первой смены. У меня с собой краткий перечень для вас. – Она достала компактный инфопланшет из кожаного чехла на поясе и протянула ему. Он взял его, не читая.

– Мне жаль, что приходится встречаться в таком месте, – произнёс он, показывая на тесный путепровод. – Я должен полностью использовать всё своё время. Я обнаружил, что прогулка к носу помогает сосредоточиться и иногда мне нравится посещать места без лишней помпы.

– Я сказала бы, что это не отвлекает экипаж от работы.

– Так и есть, – согласился он. Его ораторский голос наполнил самое обычное утверждение энергией страстного выступления, хотя он говорил размеренно и без драматизма. – Чаще всего для моего собственного душевного равновесия. Слишком много фанфар. Слишком много людей в неудобной

униформе отдают честь так, словно от этого зависит их жизнь. Людям нужны их ритуалы, но мне не нужны жрецы, выкрикивающие мои титулы каждый раз, когда я открываю дверь. Откровенно говоря, это раздражает.

Она и в самом деле не знала, что ответить на это.

- Полагаю, вы готовы покинуть нас, как только мы выйдем из варпа?

- Моя команда в сборе. Мы готовы, - гордо сказала она.

- Я не стану спрашивать, понимаете ли вы всю важность того, что я прошу вас сделать, - сказал он, всё ещё шагая и глядя вперёд. - Вы слишком умны, чтобы не понимать.

- Это - риск. Большой риск. Но мой дом заработал свой патент, когда рисковал, и нажил состояние, рискуя ещё больше. Не стану же я подводить предков, уклоняясь от вызова? Отправиться в Нахмунд - звучит весело, на грани самоубийства.

- Веселье - форма оправдания действий, которая никогда не работала на меня. - Он улыбнулся, говоря это. - Но ваш энтузиазм мне по душе, пусть он и не полностью скрывает вашу тревогу.

- Вы сказали, что я умна. Мне и самой нравится так думать, но я была бы клинической идиоткой, если немного не боялась бы. - Она прижала стазисную шкатулку ещё крепче. Потребовалось много усилий и жизней, чтобы доставить её к примарху. Ей нужно дождаться подходящего момента, чтобы передать её, иначе это может оказаться не к месту. Она посмотрела на него, пытаясь прочесть выражение скульптурного лица. - Но если вы вдруг волнуетесь обо мне или даже считаете себя немного виноватым в том, что отправляете меня на верную смерть, это - честь.

- В прошлом я убил многих людей, оказывая им честь, - серьёзно сказал он.

- Со мной всё будет в порядке, - ответила она. - Я наслаждаюсь этим путешествием. Оно невероятно спокойное. В прошлых полётах мой корабль болтало, как жука в банке.

- Нахмунд изменит ваши взгляды на "спокойное", - мрачно улыбнулся Жиллиман.

- Путешествие в варпе проходит даже легче, чем в дни, когда Император ходил с нами среди звёзд, - продолжил он. - Тогда варп казался спокойным водоёмом в сравнении с бушующим морем этой невежественной эпохи.

- Робаут, - неожиданно произнесла Яссилли. Он искоса посмотрел на неё за обращение по имени.

Раньше она позволила себе такое только один раз и совсем недавно, и хотя он не упрекнул её за это, подобное обращение стало для него сюрпризом.

- Что? - сказала она, слегка насмешливо приподняв уголки рта. - Это же ваше имя, не так ли?

- Так, - согласился он, не смягчив голос. - Правда я на половину готов поверить, что моё имя "милорд", или "имперский регент", или "благодаренный примарх". Последнее я нахожу особенно раздражающим.

- Вы считаете моё обращение по имени дерзким?

- Совершенно верно, - с оттенком сухой иронии сказал он. Немного тона полубога ушло из голоса, немного тепла заняло его место.

Яссилли немного смутилась:

- Тогда прошу прощения, милорд Жиллиман.

Жиллиман остановился и посмотрел на женщину.

- Я сказал, что это было дерзким, я не сказал, что не одобряю это, Яссилли. - Его голос ещё смягчился, став ещё человечнее, и пусть героическое выражение лица совсем не изменилось, но он каким-то образом стал более располагающим. - Я нахожу вашу фамильярность приятной. Хорошо, когда напоминают, что я настолько же человек, насколько и примарх. И что бы вы ни слышали, у меня действительно есть чувство юмора.

- Я ничего не слышала об этом, милорд.

Он рассмеялся:

- Не лгите мне.

Она пожала плечами:

- Постараюсь.

- Вы и в самом деле не боитесь меня, не так ли? - спросил он. - Я нахожу это удивительным, а также печальным. Теперь все меня боятся.

Она ослепительно улыбнулась ему:

- Полагаю, что должна бояться вас, но нет, не боюсь. В галактике есть много вещей, которых стоит бояться. Зачем бояться того, кто пытается спасти нас?

Он навис над ней, сдвинул брови, взгляд затенили тучи неодобрения:

- Я - Робаут Жиллиман, примарх, генетически созданный сын Императора Человечества. Я - Мстящий Сын, Победоносец, Клинок Объединения, повелитель Ультрамара. Я - имперский регент. Империи дрожат передо мной. Я был создан за сто веков до вашего рождения, за тысячелетия до возвышения вашего дома. Я сражался с демонами и бросал вызов сущностям, которые называют себя богами. Расы умирали от моей руки. И теперь скажите мне снова, разве вы не боитесь меня?

Она посмотрела на него. Её улыбка стала не такой дерзкой, но она всё ещё гордо носила её, словно символ.

- Теперь, когда вы так сделали, возможно, немного.

Жиллиман вернул её улыбку десятикратно. Некоторые лица преобразались улыбками, но лицо Жиллимана к ним не относилось. Хотя в нём появилось тепло, оно сохранило выражение вырезанного из мрамора изображения для кенотафа.

- Ещё больше бесцеремонности, - заметил он, хотя тон был добрым. Он продолжил идти. - Можете называть меня Робаут, если хотите. Я скучаю по таким признакам простых отношений.

- Спасибо, Роби, - сказала она.

- Сейчас вы перешли черту.

- Мне жаль, милорд.

- Почему-то я сомневаюсь в вашей искренности, - сказал он, продолжая улыбаться. - Полагаю, что у вас есть дело, которое вы хотите обсудить, и вы не пришли просто проверить пределы моей снисходительности.

- Да, да, есть. Насчёт Нахмунда. Мне нужно знать всё возможное о проходе через разрыв. Я уже обращалась к вашим навигаторам, но вы знаете, какие они замкнутые. Они не будут говорить с моими. Аналогично с астрогаторами. На самом деле никто почти ничего не собирается мне говорить.

- Вопрос Нахмунда является особенно деликатным, - сказал Жиллиман. - У вас есть моя печать. Она откроет любую дверь. Если этого не произойдёт, пришлите несогласного ко мне, и мы посмотрим, чьим приказам повинуются.

- У меня действительно она есть, - сказала Яссилли. - Мне просто не нравится размахивать ею, когда вы на расстоянии всего в несколько километров от того, перед кем я её показываю. Это кажется... бестактным. Словно я хвастаюсь.

- Понимаю. Это дипломатично. В каждом разговоре с вами подтверждается правильность моего выбора для логоса.

- Вы хвалите себя или меня?

Он удивлённо посмотрел на неё.

- Я получу необходимую информацию. Сообщение, которое я хочу, чтобы вы передали хранителю Империиума Нигилус, готово. Его перешлют на ваш корабль за час до отлёта.

- Это очень точно.

- Точность - это то для чего меня создали. Содержание сообщения должно оставаться в секрете. Хотя оно зашифровано и запечатано в аннигиляционном контейнере, всегда найдутся способы добраться до тайны.

- Аннигиляционный контейнер? - изумилась она. - По мне лучше обойтись без этого.

- Вы поблагодарите меня за чистую смерть, если ваш корабль захватят, - сказал он.

С этим она не могла поспорить.

- И теперь к делу, о котором я хочу поговорить. Расскажите мне о Матъё. Вы ходили увидеться с ним, как я просил?

- В некотором смысле, - осторожно сказала она.

- Пожалуйста, расшифруйте "в некотором смысле", Яссилли. Надеюсь, вы не настроили его против себя.

- Возможно, - сказала она. - У него есть небольшое убежище в глубинах корабля.

- Я знаю, в Mortuis Ad Monumentum, - произнёс Жиллиман.

- Разве это не священное место? - спросила Яссилли.

- "Священное" не то слово, которое мне по душе. Это был мемориал почитания мёртвых, когда-то

давным-давно.

- Получается, вы не против, что он скрывается там?

- Он человек определённого склада характера. Пока я в курсе, где он, я не возражаю, чтобы у него было собственное пространство. Он набожный и вдумчивый человек. Я предпочёл бы, чтобы он мог где-то привести в порядок свои мысли, чем кипел бы у всех на виду. Полагаю, он нашёл монумент святым. Что вы думаете?

- Не думаю, что он что-то замышляет против вас или желает причинить вам вред.

- И по какой же причине он служит мне?

- С тех пор, как я воссоединилась с вами в Тюзене, я несколько раз разговаривала с ним. Я прочитала о нём всё, что смогла найти, расспрашивала его коллег. Полагаю, что единственная причина, по которой он служит вам, - служить Императору и Империи. Некоторые сказанные им мне вещи, заставляют меня думать, что он хочет обратить вас, но не желает причинить вам большего вреда, чем это.

Жиллиман кивнул:

- Все они хотят обратить меня, эти жрецы. В этом есть риск. Если я буду слишком пренебрегать его воззрениями, то существует опасность, что он выступит против меня.

- В самом деле?

- Это не станет первой религией, которая низвергла своего, так называемого, спасителя.

- Я могу кое-что у вас спросить? Кое-что дерзкое?

- Я уже разрешил вам быть дерзкой, Яссилли. Спрашивайте.

- Почему он? Почему не кто-то более уступчивый?

- Мне нужно как-то находить общий язык с простыми людьми, говорить с ними так, чтобы они понимали, - ответил Жиллиман. - Мой последний милитант-апостол был личностью, слишком принадлежавшей к высшим кругам. Матьё свежее, честнее и понимает страдания обычных людей. Он не в стороне от них. Я также знаю, что он стал таким, потому что более набожен и фанатичен. Я понимаю риск.

- Разве люди не передают свою религиозную преданность ему, а не вам, милорд?

- Именно этого я и хочу. Мне не нравится быть почитаемым. Я иду по очень тонкому пути. Я не могу отрицать божественность Императора, она слишком глубоко проросла в гниющее здание, которым стал Империи. Отрицать её - значит вызвать войну. Люди с вашими взглядами встречаются очень и очень редко.

- Главным образом, потому что нас сжигают заживо, - заметила она, поскольку и её саму ждала подобная судьба, если бы не вмешались агенты Жиллимана.

- К сожалению, я в курсе, - сказал он.

- Вы могли бы просто подыгрывать.

- В некотором смысле я так и делаю, но открытое принятие поклонения сделает меня лицемером.

- Есть и худшие преступления, чем лицемерие, милорд, - сказала Яссилли.

- Есть, но возложение на себя контроля над церковью, когда я стану её номинальным главой, будет иметь такие же крайние последствия, что и отрицание - раскол на фракции, за которым последует религиозная война. Насколько я понимаю, их было немало за время моего отсутствия. И как минимум я стал бы скованным их организацией.

Он неожиданно остановился, застав Яссилли врасплох.

- Я никогда не буду никому обязан, ни человеку, ни кому-то ещё, - решительно произнёс он. - Я был пленён слишком многими и меня использовали ещё чаще. Я должен свободно проложить собственный путь или человечество обречено. Стратегия, которую я использую с Экклезиархией, является горькой чашей с множеством неприятных вещей, но она должна быть испита, потому что альтернативы ещё хуже. Я должен быть свободным.

- Вы хотите сказать, что скорее умрёте?

- Угадывание моих мыслей - ещё одна дерзость, Яссилли, но да, я скорее умру. Я не могу позволить себе быть зависимым от чего-то, кроме выживания человеческой расы, даже от идеи, и тем более от веры. Если я стану поддерживать одну или другую фракцию, то стану служить её целям, а не целям человечества. Моя миссия должна оставаться чистой, столь же чистой, как Великий крестовый поход.

- Это возможно?

Он тяжело улыбнулся.

- Я скажу вам кое-что. Эти доспехи, - он провёл рукой по нагруднику. Языки бледного пламени светились на пальцах, когда витиеватый орнамент ловил люмены корабля. - Мне сказали, что они сохраняют мою жизнь. Альдари, которая помогла архимагосу Коулу пробудить меня, предупредила никогда не снимать их.

- Я видела вас без них, - сказала она и пожала плечами. - Я не смотрю на альдари, как на лгунов, кем считает их большинство, но ложь для них значит не то, что для нас. Никогда не помешает сохранять осторожность с эльдарами.

- Не помешает. Я так и делаю. Иврейн не солгала. Она верила, что говорит правду. Альдари никогда не делают ничего, что напрямую не помогает их расе. Они возродили меня не ради человечества, а ради собственной расы. Они рассматривают меня, как ещё одну фигуру в своей игре против исчезновения. Я не могу быть их пешкой, как я не могу стать и оружием Имперского Культа. Она сказала, что сделала так, потому что хочет видеть меня живым.

- В любом случае вы сняли их, - сказала Сулимания. Она на секунду задумалась. - Вы сняли их, чтобы бросить им вызов?

- Я никогда и ничего не делаю только по одной причине, - ответил он. - Вызов Иврейн был только одной из них. Мне не нравится, когда мне говорят, что возможно, а что нет. Но главная причина заключалась в том, что я не могу быть трэллом альдари. Если я позволю себе зависеть от доспехов, что произойдёт, если они начнут работать со сбоями или альдари отключат их? Коул создал доспехи, но сомневаюсь, что он понимает всю полноту работы, потому что многое ему просто продиктовали. Я не хотел насторожить их и поэтому сам занялся изучением доспехов судьбы.

- Не стоит думать, что на флоте нет агентов альдари, - сказал он, предупредив вопрос Сулимании. - Я не обладаю техническими навыками, которые были у некоторых из моих умерших братьев. Доспехи сложны, но я смог понять большинство их процессов и что именно они делали, чтобы сохранять мою жизнь. Эзотерическая варп-технология. Альдари не делают различий между материальной вселенной и имматериумом, не так, как делаем мы. Также я решил, что если сниму их, то смогу выжить. Теоретически.

- Я ждал минуты относительного покоя. Я никому не сказал о том, что собирался сделать. Я взял семь оружейных сервиторов, никого и ничего обладавшего разумом. Снимать доспехи было болезненно и трудно, тем более я не хотел повредить такой замечательный образец военного снаряжения. Кроме того, несмотря на всю решимость, я хотел оставить за собой возможность снова надеть его, если начну погибать.

- Сняв доспехи судьбы, я почувствовал, что принял верное решение, и когда пришла боль, вера в то, что мои действия правильные, не оставила меня. Не оставила и после того, как сила покинула тело и нанесённая мне братом в Фессалии рана открылась и закапала пахнувшей бессмертным ядом кровью. Я упал, моё тело поглотила агония. Мой разум пылал, но я держался за единственную мысль - я не могу умереть. Не в том смысле, что это невозможно, а в том, что я не позволю этому произойти. Когда Фулгрим победил меня в поединке, у меня была та же мысль. Я боялся, что некому будет скрепить Империум воедино, если я умру. Этот страх подтвердился миллион раз. Ставки сейчас намного выше, чем в прошлом. Возможно, это придало мне сил. - Он коснулся нагрудника. - В царствах мысли и ужаса, куда я попал и где пережил множество вещей, которые едва могу вспомнить. Но я проснулся. Я получил свой шрам.

Он провёл пальцем в перчатке по шее, где тягучая отметка раны Фулгрима выглядывала из-под мягкой подкладки воротника.

- Я ослабел, но худшее миновало. Я снова надел доспехи и продолжил исполнять свой долг. На той неделе я снимал их каждую ночь, и каждый раз это проходило всё легче, пока я не смог обходиться без них и чувствовать себя достаточно сносно.

- Вам больно, когда вы не носите их?

- Немного. Не так сильно, как раньше. Важно, чтобы меня видели без них. Имперский регент не должен показывать слабость и зависимость от расы ксеносов.

Человечность исчезла из него, когда он произнёс эти слова с недоступной для смертного силой.

- Не исключено, что моё тело восстановилось настолько, чтобы смогло самостоятельно исцелиться, - продолжил Жиллиман, - и что яд в моих венах был всего лишь остатком, с которым оно смогло справиться. Я не знаю, правда это или нет, но скажу вам, что правда. Я не позволю себе умереть. Империуму нужен весь я без остатка и свободный от влияния других.

- Тогда вам не стоит бояться Матё, - сказала она.

- Возможно и так. Пока. Впрочем, я действительно боюсь церкви.

- В эти времена, повелитель, я принимала бы любую помощь, какую могу получить, - заметила Яссилли.

Он покачал головой и снова начал идти.

- Я вспоминаю Никею, это было так давно. Среди моих братьев-примархов существовали разногласия относительно мудрости использования в легионах порождённых варпом сил. Император постановил, чтобы мы отказались от этой практики. Мы нарушили запрет, когда варп-искусство оказалось одним из самых эффективных оружия против армий Хаоса. Возможно, принятие веры в мой арсенал станет не более крайним шагом, чем увлечение колдовством, как оружием войны. - Он замолчал.

- Иногда я не знаю, что и думать. Я вижу стратегическое значение, даже необходимость Имперского Культа, но я не понимаю его. И не думаю, что когда-либо пойму. Из всех моих братьев только Лоргар обладал подлинным ощущением духовного. Когда-то он верил в моего отца, как и Матьё. Он был наказан за свою веру, а теперь вариант его религии - неотъемлемая часть государственного аппарата. Ирония настолько чёрная, что я могу только смеяться над ней. Это ведь Лоргар пал первым, а не Гор. Вы знаете об этом?

- Ересь Гора произошла очень давно, милорд. Для большинства она всего лишь легенда. Даже я, обладая достаточными привилегиями, чтобы читать материалы, которые собираю для вашей хронологии, почти ничего не знаю о ней.

- Этого точно не помнят. Вы знаете, что Лоргар был прародителем Имперского Культа?

- Да, - ответила она. Петля дурного предчувствия появилась вокруг внутренностей и крепко натянулась.

- Я... я не до Талсимара.

Он знал, что она принесла?

- Вы также знаете, что если эта информация получит широкую огласку, то вызовет невообразимые потрясения?

- Да, - снова ответила она. Её рука сжала стазисную шкатулку. Как странно, что он заговорил об этом именно сейчас. Теперь она и в самом деле немного испугалась его.

- Я скажу вам кое-что никому неизвестное. Император приказал, чтобы Лоргар, которого называли Аврелиан, прекратил поклоняться Ему. Лоргар не подчинился, поэтому мой отец поручил мне преподать ему урок. Лоргар возвёл город, восхваляя Императора. Они называли его совершенным городом. Мой легион разрушил его. Я не испытал от этого ни малейшего удовольствия. Хотя я и подозреваю, что порча пустила корни задолго до того, как Император принял Лоргара под свою руку, именно мой легион унизил Аврелиана и помог толкнуть его в объятия Хаоса.

Глаза Сулимании расширились от изумления:

- Вы вините себя в войне? Вы не могли знать, что произойдёт!

- Это моя работа - знать, - сказал он. - Я был создан планировать. Каждому из моих братьев досталось несколько талантов от самого Императора. Индивидуально наши таланты перекрывались - избыточность, как я полагаю, необходимая в любой системе. Лорд Дорн и я, например, оба унаследовали Его способность к стратегии и многовариантному планированию. Но комплексно наши таланты были уникальными. Дорн был величайшим строителем, чем я когда-либо мог стать, а я намного лучшим администратором. Ни один из нас не увидел, что грядёт. Даже Сангвиний, который обладал силой предвидения, уступавшей только самому Императору. Думаю, что из всех нас, пожалуй, только несчастный Конрад знал, потому что тоже имел силу видеть будущее.

- Ночной Призрак? - прошептала Сулимания.

Жиллиман кивнул.

- Правду ли говорят, что он обладал таким же даром, как и Великий Ангел?

- Обладал, - сказал Жиллиман. - И ещё был безумен. В ином случае, возможно, этого всего сумели бы избежать, если, конечно, Император не планировал всё это с самого начала.

- Вы и в самом деле так думаете?

Жиллиман вздохнул. Он казался уставшим.

- Яссилли, вы действительно считаете, что можете постичь работу моего разума?

- Нет! - ответила она. - Разумеется, нет! Это невозможно. Я довольно высокого мнения о себе, но вы намного больше, чем человек.

- Тогда вы сможете понять экстраполяцию. Я просто предполагаю, потому что в состоянии понять разум Императора настолько же, насколько вы способны понять мой.

Она поморщилась.

- Я сказал что-то, что встревожило вас? - спросил он.

- Это забавно, я не в смысле смешно, что сегодня в разговоре со мной вы упомянули своего брата Лоргара.

Жиллиман выгнул бровь:

- Почему?

- Вы можете читать мысли? - прямо спросила она. - Не думаю, что можете, но вы, ну, вы то, что вы есть.

Жиллиман мог бы рассмеяться снова, если бы не её смертельная серьёзность, повисшая в воздухе.

- Император не наделил меня какой-то заметной психической способностью.

Теперь она волновалась. Она быстро отцепила стазисную шкатулку от пояса и протянула ему, пока не передумала.

- Я принесла вам это. Как только я узнала, что это такое, то приложила все усилия, чтобы сохранить всё в тайне. Только я и Скопанжи видели это. Ещё Дантон, но он мёртв.

- Вы не доверяете своим коллегам.

- Я никому не доверяю, - спокойно сказала она. - Кроме себя и вас.

Она продолжала протягивать шкатулку:

- Она внутри. Я подумала, что вы, возможно, захотите увидеть её немедленно, и подумала, что именно я должна отдать её вам. Я была осторожной с ней. Она очень хрупкая. Полагаю, что ей около десяти тысяч лет или около того.

Он посмотрел на шкатулку.

- Вы верите в совпадения? - спросила она, набирая код на боковой панели замка.

- Раньше не верил, но теперь, имея достаточные доказательства, я рассматриваю любую идею.

Крышка шкатулки скользнула в сторону. Мягкий синий стазисный свет осветил лицо Жиллимана. Устройство гудело от напряжения, останавливая время. Это был глухой шум с тихим эпицентром. Внушающая суеверный ужас тишина неизменности исходила из середины поля сдерживания. Не может быть никакого шума, когда не течёт само время.

Жиллиман посмотрел в шкатулку. Его взгляд стал жёстким.

- Где вы достали это? - тихо спросил он.

- На Талсимаре, - спокойно ответила она. Она посмотрела на книгу внутри. Она ненавидела её.

- В вашем отчёте говорилось, что вы встретили противодействие, - сказал он. - Инквизиции.

Сожаление о смертях, заплаченных за поиски, омрачило взгляд Яссилли.

- Я не хочу, чтобы Logos Historica Verita воевала с Инквизицией, - произнёс он.

- Что бы ни произошло, это не зависит от вас, - сказала она почти шёпотом. - Наша миссия - открывать, их - скрывать. Мы противоположны по своей природе. Конфликт между нами неизбежен.

Она замолчала, прежде чем продолжила говорить, не желая приумножать проблемы уставшего создания перед собой.

- Столько талантов потрачено впустую. Полагается, что все мы на одной стороне. - Она посмотрела ему в глаза. - Надеюсь вы считаете, что это того стоит.

Жиллиман некоторое время смотрел на предмет внутри, прежде чем закрыл шкатулку.

- Я давно понял, что управление, как и война, это финансовый баланс, числа которого написаны кровью, - сказал он.

Восьмая глава

ПРИРОДА КОШМАРОВ

Директор школы Валерия была строгой, но прекрасной в своей строгости. Матьё наблюдал за ней, когда она шагала между длинными письменными столами в холодном зале школы. Она - одна, детей - много, но они беспрекословно подчинялись ей. Никто из них не говорил, никто из них не предавался дневным грёзам. Они сгорбились над своими табличками, стилусы рассекали воск, как носы тихих лодок в путешествии в поисках знания.

Отчасти ей повиновались из страха перед розгой, укуса которой они все боялись. Её характер был почти таким же взрывным, и столь же скорым на реакцию и удар. Это происходило примерно так: сначала её глаза расширялись, ноздри раздувались, а плечи распрямлялись, словно все позывы гнева проливаются с головы и изливаются водопадом по её телу. Как поток лавы или лавина в горах они устремляются по рукам к ладоням, потому что больше некуда идти, её гнев движется вдоль розги и оттуда со вспышкой движения в тело непослушного ученика. Первый удар сначала безболезненный, онемевшая линия, которая приятно нагревается, прежде чем начинает жечь. Все остальные причиняют боль.

Но дети подчиняются ей из любви не меньше, чем из страха. Они знают, что им повезло. Схола

предлагает им будущее, которое отличается от бедственных жизней их родителей. Быть достаточно одарённым для получения образования в Министоруме – уже само по себе знак чести, но успешно сдать экзамены... Успешно сдай экзамены, как говорит отец Матъё в те редкие минуты, когда они оба дома в бараках и никто из них не спит, успешно сдай экзамены и тебя ждёт высокое служение. Возможно, говорит он, если Матъё будет трудиться достаточно упорно, у него однажды может появиться своя собственная комната для размышлений, и еда, которая растёт на земле, а не поступает из питательного завода.

Существовали и другие школы. Высшие школы. С более возвышенными формами служения. Существование других учебных заведений не может ослабить амбиции Матъё. Стать священником и служить Богу-Императору – вот его самое главное желание. Матъё не хочет подвести отца. Матъё видит, что истощение забирает молодость отца. Он видит грязь в его морщинах, которую он слишком устал, чтобы смыть. Он видит, как отец худеет, когда сокращаются пайки, а работа удваивается. Матъё не хотел такого служения. Его служение должно что-то значить. Он не может стать забытой цифрой среди многочисленных триллионов человечества. Это стало бы напрасным расточительством.

Это – гордыня. Гордиться собой – оскорблять Императора. Гордость за служение приемлема, но гордость Матъё не является добродетелью. Он ненавидел удары розги Валерии, которые следовали за признанием, но часто признавался в своём грехе.

Он боялся разделить судьбу отца сильнее, чем ярости Валерии. Именно этот страх, а не страх розги заставлял его упорно трудиться. Он любил Валерию за путь к другой жизни, который она предлагала. И он любил её за розгу, потому что боль заставляла его трудиться усерднее.

Служение, гордость и страх сформировали глину его души.

Но был ещё один скульптор. У Матъё была тайна, которой он не делился с другими детьми. Отчасти потому что он думал, что они будут смеяться, отчасти потому что подозревал, что не один такой, и не мог вынести этого. Матъё считал Валерию красивой. Её физическая привлекательность поблекла. Хотя она ещё не стала старой, но уже и не была молодой. На лице появились морщины, глаза запали, волосы стали ломкими – обычная плата за бесконечно тяжёлый труд. Преждевременное старение сокрушало всех, кого когда-либо знал Матъё. Он чувствовал свет внутри неё. Он видел дальше её хмурого лица, видел, как она заботится о них, её желание, чтобы они преуспели и поднялись по путям образования. У неё была вера, она любила Императора и она любила их, потому что они будут служить Ему. Юное сердце Матъё подпрыгивало, когда она смотрела на него и коротко одобрительно кивала, отмечая его успех. Он жаждал большего.

– Император защищает, – говорила она ему, когда он изучал названия ксеносов и ненависть, присущую каждой чуждой расе.

Император действительно защищал Матъё. Он оставался, пока другие терпели неудачу и их уводили, дети не осмеливались обсуждать их судьбы.

Шли годы. Его стол, казалось, становился меньше, хотя на самом деле это он рос. Его почерк становился всё увереннее. С каждым стиранием воска он соскребал немного себя. Годы детства переписывались историей возмужания. Он брал и проходил испытания. Количество детей сокращалось по мере прохождения первой стадии детства. Оно сократилось ещё раз, когда они приблизились к половой зрелости и затем снова, когда они стали подростками.

Пять лет, шесть лет, семь, затем десять. Матъё наизусть выучил *catechism minoris* раньше всех

остальных. Он достиг *verses majoris* до того, как ему исполнилось четырнадцать лет. К шестнадцати он знал сотни благословений и псалмов, его понимание истории церкви было глубоким и взвешенным, а умение читать таро превзошли только трое одноклассников. Скоро ему будет семнадцать. Директор Валерия становилась старше, как и он становился старше, но он находил её всё более неземной. Когда он думал о ней, его тревожили странные мысли, и он уходил в скрипторий, где мог забыться, расписывая иллюстрации книг, которые давали копировать старшим детям.

Через четыре недели ему будет семнадцать. В классе осталось двадцать три ученика. Остальные не справились и перешли на другие формы служения. Ожидаемо в одних случаях и удивительно в других. Двадцать три мужчины и женщины остались от двухсот мальчиков и девочек. Они должны стать жрецами. Матьё радовался и гордился. Это была новая приемлемая гордость. Он всегда был истинно верующим. Теперь у него появились обязанности, и он помогал на кафедре, пел хорал, поднимая церковную службу от обязанности до восторга, но больше всего он стремился навещать беднейших членов общества и раздавать милостыню. Не потому что это радовало его – здесь не было ничего радостного, это было изнурительно, унижительно и в целом ужасно. Очень немногие люди в Империи были богатыми или даже просто жили в достатке. Большинство страдали от уровня бедности, который потряс бы людей из наименее просвещённых прошлых эпох. Бедственное положение отвергнутых этой жестокой системой было воистину ужасно. Матьё находил глубокое удовлетворение, помогая им даже в малом, даже если это делало его собственную жизнь тяжелее. Он отдавал всю еду, которую мог сэкономить, хотя у него самого её было мало. Он отдавал ткань, которую ему выдавали, чтобы он сшил для себя мантию. Он ходил в обносках. Он несколько раз отдавал свои сандалии. Каждый раз после второго случая его пороли. Боль стала подтверждением правильности его действий. Раз страдали получатели его подаяния, то и он будет страдать.

Матьё нашёл своё призвание.

Огонь изменил его путь. Огонь быстро окисляет. Огонь изменяет материалы из одного состояния в другое. Огонь превращает древесину и кость в газ и пепел. Но огонь изменяет и более тонкие вещи. Огонь может изменить судьбу. Огонь может изменить душу. Огонь преобразует жизни.

Огонь пришёл с неба. Огонь, смерть и кровь. Нет миров свободных от борьбы. Нет жизни свободной от боли. Нет людей избавленных от изменений.

Он отправился на агрофермы, чтобы помочь крепостными работникам. Он помогал их телам, раздавая еду, успокаивал их умы красивыми словами, а души обновлял верой.

Первым, что он услышал о нападении, стал искусственный гром спускавшегося с орбиты штурмового корабля. Они действовали быстро и точно, выведя из строя противовоздушную оборону и центры связи, перед тем как высадили наземные войска для подавления жалкого сопротивления.

Это были еретические Астартес в сине-зелёных доспехах. На их наплечниках была эмблема с многоголовым змеем. Их было немного, возможно, двадцать, но этого оказалось более чем достаточно, чтобы уничтожить роту солдат, защищавшую город Матьё, они справились бы и с пятью ротами. Они вырезали гарнизон с непринуждённой лёгкостью. Позже Матьё думал, что они специально сделали это настолько демонстративно. Они задержались. Закончив с солдатами, они переключились на жрецов.

Они целеустремлённо направились к сколе и творили там отвратительные вещи.

Матьё выжил, потому что бедняки спрятали его. Когда он побежал по грязной и немощёной дороге, они повалили его на землю. Они удержали его. Они оттащили его и связали в зернохранилище, и не

выпускали, пока всё не закончилось.

Их поступок был храбрым и стоил бы им мучительной смерти, но враги ушли, выполнив свою миссию, не тронув никого, кроме солдат и жрецов. Они подожгли представительство Адептус Администратум и казнили в нём главного чиновника, но пощадили писцов. Они произнесли речь. Они расставили акценты.

Вечером крепостные освободили Матьё. Первым, что он увидел, стал кружившийся столб серого дыма, восточная сторона которого казалась золотистой на фоне заходящего солнца. Он был настолько толстым, что выглядел твёрдым и поэтому невозможным. Узкое основание не могло выдержать такую колыхавшуюся массу. Он побежал туда.

На этот раз крепостные работники не стали останавливать его.

В городе царил смятение. Люди были потрясены, но радовались, что остались в живых. Из других городов ещё не пришла помощь, и Матьё неосознанно задумался, не повторилось ли подобное в других местах на планете. Эту проблему он отложил на будущее. Сначала он должен увидеть, что случилось с его товарищами.

Он должен увидеть, что случилось с Валерией.

Он бегом поднимался на холм, по реке булыжников которого грохотали колёса телег. Он вошёл в большое четырёхугольное здание семинарии и прошёл сквозь ворота в школу. Двери были сорваны с петель.

Запахи дыма и мяса смешались. Матьё был голоден, и его рот автоматически ответил выделением слюны. Ему стало стыдно.

Крыша обрушилась. Первые звёзды виднелись там, где раньше были фрески Императора. Брёвна школы всё ещё выделяли немного тепла.

Самых младших учеников пощадили. Они прятались в разных местах, или бродили в шоке или рыдали снаружи, но старшие, вступившие в первые годы мужественности и женственности, были вырезаны все до одного. Одноклассники Матьё погибли. Их убили изобретательно. Враги были жестокими, но свою самую изуверскую изобретательность они приберегли для госпожи дома, той, кто превратила пустые сосуды, такие как Матьё, в жрецов, наполнив их любовью Императора.

Его драгоценная Валерия в окружении трупов учеников сидела прибитая к стулу, покрашенному в кричащий жёлтый цвет. Её тело было распорото от промежности до шеи, органы удалены, поэтому она напоминала не себя, а безвкусно сделанный в виде женщины чехол с красной подкладкой. На её лбу потрясающе аккуратными буквами вырезали: "Deus Imperator".

Увидев это, Матьё упал на колени посреди крови и пепла и заплакал.

- *Посмотри на меня*, - произнёс голос.

Матьё не стал смотреть. Он с головой погрузился в страдания. Валерия была мертва. Его любовь, его вдохновение.

- *Посмотри на меня*, - приказал голос.

На этот раз Матьё не мог не повиноваться. У него не было выбора. Он медленно повернулся.

В воротах схолы за его спиной стояла фигура. Золотая и яркая, она превращала пепел в сокровища и обломки во дворец. Фигура, которой не было место в этих воспоминаниях. От неё исходила аура настолько прекрасного и ослепительного света, что Матьё не мог различить детали. И всё же ему показалось, что он знает, кто перед ним. Его сердце почти остановилось.

- *Узри меня и внимай моим словам, жрец,* - произнесло создание. Его голос звучал сладким громом. Его слова были блаженной болью. - *Сквозь муки твоих воспоминаний и боль твоих снов я обращаюсь к тебе. Запомни это. Я на Парменионе. Найди меня, используй меня, и победа будет неизбежна.*

Прежде чем фигура исчезла или Матьё проснулся - он не был уверен, что из этого происходило на самом деле - он мельком увидел кого-то ещё. Юную девушку, не ребёнка, но едва ли женщину. Он мог смотреть на неё без помех. Он видел её, хотя болезненный свет пылал из её глаз, столь же жаркий, как плазма кузницы.

- *Найди её, найди меня,* - произнесла девушка.

И в этот момент Матьё проснулся в своих покоях, и прошлое снова стало прошлым.

Это было в природе кошмаров - разрушать человеческий разум. Матьё не мог успокоиться после сна. Он некоторое время молился, а затем подверг себя очищающей боли автобичевания за тоску по Валерии. Ничто не помогло. Наконец, когда прозвенела шестая смена, он взял череп Валерии, не активируя механизмы, и направился в единственное место, где его никто не побеспокоит.

- *Они пробрили корпус, они здесь.*

Это были последние слова Сикария. После того, как он произнёс эти два коротких предложения, его мир изменился, и он изменился вместе с ним. Он больше не был тем, кем был. Он носил то же лицо, то же имя, но стал другим человеком.

Он стал человеком, который продолжал слышать крики.

Раньше всё было по-другому. Его мир всегда был полон криков. Визги ксеносов, завывания еретиков, вопли чудовищ, способные бросить вызов воображению человечества в широте ужаса и высоте злобы. Мёртвые или умирающие по его воле, по его приказу, от его руки. Брошенные в небытие при помощи болта, ботинка или меча. Смерти, бесконечные и бесчисленные смерти, они насквозь пропитали саму его душу кровью и болью.

Сикарий никогда не помнил крики тех, кого убил до Разлома. Он был праведен в их создании. Они не беспокоили его. Эти смерти были справедливыми.

Но крики своих людей он забыть не мог, и они сильно беспокоили его.

Горькая слюна просочилась из железы Бетчера. Он проглотил медленное истечение своих ядов. Крики звенели в голове. Громкие крики космических десантников в красных когтях агонии. Он ожидал, что обычные люди без даров Адептус Астартес будут так пронзительно кричать перед лицом смерти, но его братья?

Он закрыл глаза и склонил голову. Он перечислил мёртвых, вспоминая потерянных в варпе, и попросил, возможно, глупо, прощения у Императора.

Глубокий транс окутал его. Он вспомнил лица братьев и заставил себя снова пережить смерть каждого, когда он стрелял и отступал, не в силах помочь им. Погружённый в ужасы прошлого, он услышал жреца только в самый последний момент, и только когда тот тихо кашлянул, предупреждая Сикария, что тот больше не один на смотровой площадке.

Сикарий резко посмотрел на него покрасневшими глазами.

Матьё был стройным человеком, обманчиво слабого телосложения, и казался почти подростком. Он обладал пылкостью смертного, которому ещё не исполнилось тридцать лет, смесью надежды и отчаяния, отмечавших тех, кто хотел изменить галактику, но так никогда и не смог уговорить равнодушные звёзды переместиться. Сикарий видел, как он сражался, и знал силу, что скрывалась под залатанной мантией Матьё. Он видел, как Матьё говорил. Матьё был редким человеком, на которого звёзды могли обратить внимание.

Сикарий отбросил эту мысль как недостойную. Матьё был человеком, Сикарий – космическим десантником, и всё же...

Матьё сбрасывал волосы по бокам головы, оставляя длинные и масляные наверху. Они падали на лицо Матьё, закрывая один глаз, но не мешали внимательному взгляду. У Матьё был неприятный взгляд. В нём не было осуждения, но он вызывал у Сикария чувство неполноценности. Матьё покачивал в руках сервочереп. Если бы он был активен, то Сикарий, конечно же, услышал бы приближение жреца, но Матьё заботливо нёс его в руках, а системы черепа были отключены. Длинные пальцы одной из рук Матьё обернулись вокруг белой кости. Другие неосознанно поглаживали выгравированные на лбу буквы “ДВ”. Пальцы также выглядели слабыми, как пальцы эстета, подходящие для перебирания костяшек счёта и определения судеб людей, которых он никогда не увидит, росчерком пера. У многих мужчин были такие пальцы. Пальцы разрушителя, а не воина. Ещё одно заблуждение. Матьё был похож на бюрократа, если не обращать внимания на следы на его коже. Там можно было прочитать другую историю.

Мозоли на большом и указательном пальцах правой руки стали платой за боевое умение обращаться с цепным мечом, а бороздка на левом указательном пальце появилась от повторяющихся нажатий на спусковой крючок лазерного пистолета. На тыльной стороне правой руки виднелся перекрещённый шрам, где соединились старая и новая рана. У основания левой, где запястье встречалось с предплечьем, более толстая линия указывала на долго заживавшее тяжёлое ранение.

Сикарий хорошо умел оценивать угрозы. Жрец вовсе не был слабым.

– Капитан Сикарий, не так ли? – вежливо спросил Матьё. Они оба не раз присутствовали одновременно в одном месте. И всё же до этого момента они никогда не разговаривали. – Капитан Виктрикс Гвардии лорда-регента?

– Да, – ответил Сикарий. Он обдумал своё положение. Он хотел остаться здесь, остаться один. Он не хотел делить пространство. Он весьма обоснованно полагал, что смотровая площадка являлась прекрасным местом, чтобы побыть одному, пока корабль летел в варпе, хотя существовали и другие причины для такого выбора. Ставни были закрыты. Не на что было смотреть. Они находились опасно близко к краю. Кто захочет прийти сюда? “Теоретически, – подумал он, – Матьё мог прийти сюда в поисках одиночества, как и я. Но по какой причине? Только в поисках одиночества или было что-то ещё?” Он сконструировал несколько практических соображений, как выйти из этой ситуации. Всё усложняло то, что он не хотел показаться грубым. Если бы не это, то он просто ушёл бы.

Теоретико-практическая модель диалектики так глубоко укоренилась в нём, что он использовал её, не

задумываясь. Были времена, когда такой способ мышления в Ультрадесанте уходил на второй план, но никогда полностью не исчезал, и возвращение Жиллимана вызвало его возрождение.

- Он ужасно близко, не так ли? - спросил Матьё. Жрец посмотрел на пласталевые ставни и добавил. - Я имею в виду варп.

"Значит он хочет того же, что и я, - подумал Сикарий. - Больше, чем одиночества".

- По ту сторону металла за хрупким пузырьём поля Геллера лежат глубины эмпиреев, где возможное является лишь одним из множества, а невозможное истинно, - продолжил Матьё.

Сикарий посмотрел на ставни, словно впервые видел их, хотя и смотрел на них два часа и три минуты, перед тем как закрыл глаза.

- По ту сторону ставней есть только ад, - сказал он.

- О, нет-нет! - воскликнул Матьё с взволнованной улыбкой. - Там намного больше. Вы говорите об аде, но там есть и святость. Там Астрономикон горит чистым светом, который не может заслонить никакое зло. Зло затопило галактику, но не смогло ни погасить свет, ни коснуться его источника. - Он снова улыбнулся. - Разве вы не считаете это удивительным?

- Вы пришли сюда, чтобы быть ближе к своему богу, - понял Сикарий.

- Именно так, - согласился Матьё. Он закрыл глаза и выгнул шею, греясь в свете Императора, словно тот проходил сквозь закрытый окулус.

Сикарий поморщился. В этот момент он едва не ушёл. Возмущение удержало его, возмущение этим говорящим-с-богом, который пришёл сюда, прервал его размышления о криках и говорил о прекрасном свете там, где был только ужас.

- Как космическим десантникам удаётся так долго избегать истины Имперского Культа перед лицом всех доказательств? - спросил Матьё, неожиданно снова посмотрев на него.

- Что? - переспросил сбитый с толку Сикарий.

- Сейчас в галактике столько чудес. Почему вы не видите руку Императора? Вы не видите, как он работает на нас, от нашего имени? Мне и в самом деле интересно.

- Нас научили осмотрительно относиться к чудесам, - резко ответил Сикарий. - Они редко то, чем кажутся.

- Мы так много видели их даже в этой кампании. - Взволнованная улыбка Матьё была приветливой, такой улыбкой, которая приглашает к разговору и сочувствию. Сикарий сердито посмотрел на него, но жрец не остановился. - Вы лично видели в бою Легион Проклятых. Вы находились рядом с благословенной святой Целестиной. Эти явления даны нам Императором.

- Я видел то, что вы могли бы назвать чудесами. Вы не убедите меня, милитант-апостол, что увиденное мною во время службы божественно, потому что необъяснимо. Сотни раз я видел, как мои братья из либриума обрушивали разрушение на врагов, используя силу своих разумов. Если я последую вашей логике, то должен назвать их волшебниками и приклониться перед их мощью, приписав божественное происхождение силам, которые являются частью реальности этой вселенной. Вещи, которые они делают, странные и сверхъестественные по человеческим меркам, но есть много вещей в материальном

царстве, которые не менее необычны. Они все работа богов? Все трюки и колдовство – всего лишь действия чувствительных разумов. Если вы сказали правду и Император – бог, то в некотором роде и брат Тигурий и ему подобные то же боги.

- Пытаясь объяснить необъяснимое, вы совершаете ту же ошибку, что и философы с технологами во все эпохи. Варп невозможно объяснить, – сказал Матьё. – Это царство отличается от нашего, там тёмные силы противостоят нашему наисвятейшему Императору. Это сцена для представления богов.

- Ничто из этого не является божественным. Есть твари, которые называют себя богами. Они не являются ими. Я сражался с ними. Император сражался с ними. Император – человек. Милорд Жиллиман лично сказал мне это.

Матьё снова закрыл глаза от сияния Императора и тихо рассмеялся:

- Вы знакомы с Яссилли Сулиманией?

- Вольной торговкой на службе логоса милорда Жиллимана? Я встречался с ней. Я не слишком хорошо её знаю. Почему вы спрашиваете?

Матьё улыбнулся и открыл глаза:

- Она согласилась бы с вами.

- Примарх приглашает к себе на службу единомышленников, – сказал Сикарий.

- Он пригласил и меня, – заметил Матьё.

- Вы – необходимое исключение.

- Которое не приветствуется?

Движение Сикария головой ясно показало его мнение.

- Вы находите мою веру предосудительной, и это понятно. Но не стоит считать меня наивным. Лорд-регент сказал, что возвысил меня, потому что менее высокие участники его крестового похода считают меня воодушевляющим, – сказал Матьё. – Обычные солдаты. Самые низшие палубные матросы. Я рад этому. Моё призвание – служить смиренным. Но причина не в этом. Настоящая причина состоит в том, что моё участие в этой роли устраняет его от влияния высшей церкви.

- Он – примарх, на него никто не влияет.

- Если бы жизнь была такой простой, – сказал Матьё. – Я не думаю, что вы простодушны. Я хочу сказать, что вы знаете, что жизнь не так проста.

- Почему вы здесь на смотровой площадке, откуда некуда смотреть? – снова резко сменил тему Матьё.

- Не по тем же причинам, что и вы.

- Вы потерялись в варпе на некоторое время, не так ли?

Сикарий резко посмотрел на него:

- Вы хорошо информированы. Слишком хорошо информированы. Знание об этом не получило широкого распространения.

- Я пользуюсь доверием высокопоставленных людей. Каково это было? - спросил Матьё.

Сикарий покачал головой:

- Я не могу объяснить и не хочу пытаться. Я вернулся тайными путями на Макрагг и на службу примарху. Это всё, что вы должны знать.

Матьё крепче прижал сервочереп:

- Это - адская эпоха. Всем нам снятся кошмары. Вы не одиноки.

- Я одинок в том, что видел. Вы спросили, почему я пришёл сюда? Хорошо, я отвечу вам. Я прихожу, чтобы показать, что не боюсь и что отомщу тварям, которые убили моих людей. Если для этого потребуются десять тысяч лет, да будет так.

- Вот почему вы пришли сюда без оружия и в простой одежде, чтобы показать презрение?

С Сикария было достаточно.

- Ваше любопытство перешло границы, жрец. Милорд Жиллиман может и потворствует вам, но не я. Доброй ночи.

- Они правы, что боятся вас! Вы правы, что показываете им презрение! - мягко произнёс Матьё за его спиной. Его голос остановился на одном конце галереи и вернулся обратно. - Не бойтесь, капитан, возрадуйтесь! Император защищает!

Сикарий покинул галерею. Император не защитил его братьев, и никакие слова никакого жреца не заставят замолчать их крики.

Девятая глава

ГАЛАТАН ДВИЖЕТСЯ

Юстиниан занимался на арене в одиночестве. На Галатане находились десятки тренировочных центров: от небольших спортивных площадок до просторных и полностью имитирующих боевую обстановку экозалов, где воссоздавались чуждые миры. Но после того как гарнизон перешёл в состояние повышенной боевой готовности, размещённые на звёздной крепости воины проводили столько дополнительных тренировок, сколько могли, и большинство залов были переполнены. Юстиниан выбрал это место, потому что оно размещалось вдалеке от большинства казарм и поэтому редко посещалось.

Он хотел, чтобы его оставили в покое.

Раздевалки были чистыми и ярко освещёнными, но с налётом лёгкой заброшенности. Стояли ряды шкафчиков, все пустые. Он всегда пользовался одним и тем же. Он вынул из сумки табличку с именем и вставил в паз на двери. Простая костяная надпись на тёмно-синем фоне: "Паррис, Ю. серж. V рота, 6 аукс. отд.". Поддавшись порыву, он провёл по ней пальцами. Ему поручили возглавить отделение заступников. Десантники-примарис были прикомандированы к пятой роте. На данный момент они находились за пределами обычной структуры, как кодекса, так и организации, которой обладали в Ненумерованных Сыновьях. Это только усиливало отчуждение. Он и его люди были чужаками во всём и везде.

Он снял одежду, затем нательник, обнажив мощное мускулистое тело, покрытое нейронными

интерфейсными портами. Чёрный панцирь проступал более тёмными участками кожи, расчлняя плоть там, где заканчивался у основания спины, на вершине рук и ног. Под кожей двигались мускульные катушки, сеть дополнительных мышц, уникальных для десантников-примарис. Это было одним из трёх различий между его имплантатами – дарами Императора, как более старые космические десантники называли их – и первоначальными у Новадесантников.

Большинство Новадесантников принадлежали к более старому виду Адептус Астартес. Они присутствовали в Ультрамаре почти в полном составе, продолжая набор новобранцев всё время, пока сражались. Сейчас в ордене было всего несколько десятков десантников-примарис, но он задумался, сколько пройдёт времени, прежде чем каждый Новадесантник станет десантником-примарис.

Он прикрыл наготу парой широких тренировочных штанов, оставив грудь голой, и вошёл в учебный зал.

Тракторис-манекены и боевые сервиторы спали в ряду вертикальных стеклянных капсул в конце спортивного зала. Он прижал большой палец к панели. Капсула засветилась. Манекен выпрямился. Позади безликого пластекового лица замигали датчики.

- Тракторис-сервитор ждёт указаний. Сформулируйте задание и программу обучения.

- Стандартная боевая тренировка. Минимальное насилие.

- Выполняю, – ответила машина.

Дверь с шипением поднялась. Тракторис вышел. Юстиниану манекены казались жуткими. Они выглядели необычно гладкими для устройств этой эпохи, их тела состояли из подбитого мягкого транспластека с безликими головами. Строго говоря, они были малоизвестной разновидностью сервиторов. Где-то в грудной полости располагался человеческий мозг, но все биологические признаки были скрыты. Их разработали получать удары и возвращаться в капсулы без дальнейшей необходимости в серьёзном ремонте.

Тракторис-манекены двигались в предсказуемой серии боевых шаблонов. Они сильно уступали в универсальности настоящим боевым сервиторам, но последним везло, если они могли продержаться больше месяца в тренировочных клетках. Тракторисов использовали для укрепления мышечной памяти у космических десантников, чтобы отточить способности в отработке боевых форм, лёгких ударов и подсечек, а не для полноценной схватки.

В большинстве случаев сражение с тракторисом почти не требовало умственных усилий, более того воинов поощряли думать о чём-то другом во время рутинных упражнений, чтобы легче внедрить боевые навыки в подсознание – сражение стало физической медитацией.

Юстиниан не возражал. Тренировочный бой с тракторисом давал ему так нужное уединение.

- Выбор программы: панкратион. Выбор режима: режим зеркала.

- Панкратион, режим зеркала. Подтверждено, – произнёс машинный голос. Он исходил из стены, а не от устройства.

Машина последовала за ним к бойцовской площадке с мягким полом. Юстиниан шагнул навстречу манекену, подняв руки, чтобы защитить лицо в стойке, которую узнал бы любой кулачный боец в истории человечества.

Панкратион был одним из нескольких боевых искусств, которым обучили Юстиниана. Он не мог с

уверенностью сказать, являлись ли выученные уроки результатом реального опыта или были внедрены в память гипноматом. Его жизнь до Индомитского крестового похода была бесконечной серией коротких пробуждений разума и тела для проверки, и уроков, которые, возможно, не происходили нигде, кроме его головы. Если не считать нескольких случаев, его возвращали в стазис, прежде чем он даже успевал полностью проснуться. Разумом он понимал, что эти эпизоды, которые обычно длились не дольше десяти-двенадцати минут, были разделены сотнями лет. Для него они казались чередой повторяющихся дней, как если бы он постоянно пытался сосредоточиться на чём-то, но отвлекался бесконечными вопросами и тестами, или словно очень долгое время болел, никогда по-настоящему не засыпая и никогда по-настоящему не бодрствуя.

Это продолжалось почти восемь тысяч лет. Удивительно, что он сохранил рассудок.

Юстиниан был безмерно благодарен, что больше не находится в ящике.

После того, как его когорта-примарис была активирована и присоединена к временному ордену в Ненумерованных Сыновьях Жиллимана, Юстиниана тренировал более старый вид космических десантников. К этому времени движения уже стали привычными, хотя он прежде никогда не выполнял их физически.

Юстиниан выполнил серию ударов, которые становились всё быстрее и быстрее. Пока он боксировал с тенью, его кулаки издавали короткие и резкие звуки в воздухе. Он превратил выдохи в совпадающие звуки, тихие крики, которые добавляли силы ударам. Машина точно копировала его движения, помогая не сбиться с ритма и исправлять любые ошибки. Он сделал всего несколько. Он был хорошо заточенной боевой машиной с тысячелетиями обучения и веком боевого опыта.

Но он не знал, кем он был.

Он отлично помнил день, когда пришли в его школу на Ардиуме. Он не просил о вступлении в орден. На самом деле он и не собирался никуда вступать, но пришли люди с имперскими предписаниями, которые гласили, что все мальчики в его классе должны пройти тестирование. Он понятия не имел зачем. Он вошёл в небольшой и ярко освещённый медицинский кабинет школы, не зная будут ли его оценивать на генетические отклонения, проверять на преступные мысли, превращать в сервитора или заставят пройти какое-то медицинское обследование для непостижимых работ Адептус Администратум. Возможен был любой вариант.

Он вошёл испуганный. В тот день он украл у брата маленькую игрушку. Он боялся, что об этом узнали. В своём юном воображении он представлял будущее, как вечность бездушного киборга.

Тестирование проводил какой-то чиновник. У него были настолько тонкие зубы, что казались сероголубыми. Губы были очень розовыми. Вместе голубые зубы и розовые губы образовывали неискреннюю улыбку. Мужчина указал на стул. Юстиниан сел. Другой человек с металлическими глазами и в длинном белом пластековом халате с высоким воротником поднёс большое устройство к руке Юстиниана. Последовала острая боль и жужжание внутренних механизмов.

Прошла целая эпоха, прежде чем раздался щелчок, и лампочка на боку засветилась зелёным светом.

Вот и всё. Утром он пришёл в школу, ожидая вечером вернуться в тесные покои семьи, спросить отца, как прошёл день в мануфактории, которые заполняли нижние половины ульев по всему Ардиуму. Он спросил бы у матери разрешения пойти в небесные парки, где играл бы с братьями и сёстрами среди деревьев и смотрел бы сквозь оболочку из бронестекла улья на облака внизу. Ардиум был миром-ульем,

но он находился в Ультрамаре и жизни его людей вознаграждались. Жизнь была тяжёлая, но хорошая.

Он собирался вернуть брату игрушку.

Зелёный свет забрал всё это.

Больше он никогда не видел свою семью. Он сомневался, что родители даже узнали, что с ним произошло. Программа “Примарис” проводилась в условиях абсолютной секретности. Он задумался, какую ужасную ложь сказали отцу и матери, чтобы облегчить потерю сына.

Это произошло восемь тысяч лет назад, цифра настолько шокировала, что он заворчал, когда ударил кулаком.

Восемь. Тысяч. Лет.

Было мелочно думать так, когда галактика разрушалась, но всё равно это казалось несправедливым.

Внутренняя боль заставила мышцы напрячься. Движения тракториса спутались. Он заставил себя расслабиться. Он глубоко вздохнул, превратив блуждавшие мысли в стальную решимость. Машина скопировала его движения. Он стоял спокойно – машина также. Он прошёл первое из восьмидесяти семи тренировочных упражнений, пробиваясь сквозь них до конца, затем снова и снова, пока идеально не выполнил их все.

Ему дали великую силу. Он напомнил себе, что это была честь. Вместо того чтобы жить ничем непримечательной жизнью, ему дали шанс стать героем. Он был среди тех немногих, кто спасает жизни многим, чтобы другие маленькие мальчики могли ходить в школу и проводить день, мечтая играть в лесу под стеклянными небесами.

Он смирился с этим. Он смирился с произошедшими за это время в Империи изменениями и войной, в которой должен был сражаться. Если он не станет сражаться, его раса – вся галактика – будут захвачена Хаосом. Никто не мог игнорировать это.

С чем он не мог смириться, так это со второй потерей братьев, по воле тех, на кого он не мог повлиять.

Он начал снова наносить удары руками и ногами, добавив повороты и захваты из других единоборств, чтобы создать произвольный шаблон. Через несколько часов звёздная крепость покинет орбиту Дроля и направится к Пармениону, чтобы помочь там примарху в битве. Станция бурлила приготовлениями. Залы дрожали от растущей мощи реакторов. Он должен испытывать волнение. Он любил сражаться. Это была его цель.

Он оставался рассеянным.

Славного братства в сто тысяч воинов больше не существовало. Будущее в Ультрадесанте манило. Оно не наступило.

Каждый раз, когда он был в чём-то уверен, его лишали этого. Каждый раз.

Он не был единственным недовольным. Он вспомнил раскрасневшегося Бьярни сердитого, на то, что не вернётся на Фенрис. Как всегда сдержанный Калаэль принял своё назначение, не показав эмоций.

Хотя Феликс стал тетрархом и попал в Ультрадесант, Юстиниан не сомневался, что он, видимо, испытывал такие же чувства, когда разделили Ненумерованных Сыновей. Они все испытывали их, так

или иначе. Настолько важной была братская связь для космического десантника. Если связь не была крепкой или плохо проявлялась, возникало пространство для сомнения. Космический десантник не знал страха, но не был бесчувственным автоматом.

Его собственное назначение стало неожиданным откровением. Юстиниан смотрел на мир с рассудительным лицом. Его любили за это, доверяли. Каждый человек скрывает боль внутри. Так было и с ним.

Он закончил тренировку с горящими мышцами. Пот ручьями струился по коже.

Юстиниан пошёл под душ, три нормы обжигающе горячей воды смыли пот. Горячий воздух из тех же насадок высушил его. Он снова облачился в нательник, забрал табличку с именем и сел в монопоезд, который доставил его в оружейные залы роты. Хотя он специально выбрал удалённый тренировочный комплекс, ничто не располагалось удобно на огромном Галатане. До всего надо было путешествовать.

Казармы пятой роты Новадесанта являлись временными - звёздная крепость принадлежала Ультрадесанту - но в наличии оказалось много свободных помещений, чтобы разместить их. Как и большинство вещей в эту эпоху, она обладала большой избыточной мощностью. На ней находились Новадесантники, примерно сто воинов Караула Смерти и тридцать тысяч солдат Ультрамарской ауксиллии и всё же ещё оставалось свободное место.

Кто знает, сколько казармы простояли пустыми, прежде чем их отдали пятой роте Новадесанта? Возможно, всегда. Века в стазисе дали Юстиниану странное понимание заброшенных мест, словно он мог ощутить угасание под жизненной силой. Его привлекали такие места. Они ему нравились.

Он прошёл по центральному коридору в оружейный зал роты. Несколько воинов расположились в своих секциях, спокойно занимаясь оружием. Это казалось таким подавленным в сравнении с бурлящими залами "Раденсе". Он обменялся короткими приветствиями с возможными будущими братьями и вошёл в свою секцию. Доспехи висели на подставках, а оружие лежало на стойках. Его рабочее место было чистым и опрятным. Он не оставил его в таком состоянии. Сервы хорошо служили ордену.

Костяная и тёмно-синяя раскраска брони вызывала у него неприязнь. Космический десантник не мог не отождествлять себя со своими боевыми доспехами. Надетые, они двигались вместе с ним. Они становились частью воина. Он видел братьев в броне чаще, чем видел их лица. Они жили в своих доспехах. Поэтому они были двумя половинами одного существа. На мгновение он почувствовал себя уязвимым, почти угрозой, что собственная воинская сущность, висевшая так прямо и жестоко на подставках, протянет руку и раздавит его за слабость.

Чувство прошло. Он потянулся за доспехами и снял правую перчатку.

Ни одно воображение не смогло бы предсказать, как сложится его жизнь. Он много кем побывал за короткий промежуток времени, растянувшийся на тысячелетия. Мало что из произошедшего казалось правдоподобным, когда он думал об этом. Но если он не знал, кем он был, он знал, чем он был. Не важно, как неловко бы он себя не чувствовал, чувство замещения не могло это изменить.

Он был сержантом Юстинианом Паррисом, космическим десантником-примарис, верным слугой Императора.

Но он не был Новадесантником.

С этим глубоко укоренившимся в сердце чувством он коснулся звонка на стене и позвал сервов-

оруженосцев.

Галатан был крупнейшим звёздным фортом Ультрамара. Ещё до Ереси Гора он стоял на страже космических трасс Пятисот миров. Он являлся реликвией времён до известной истории, когда первая галактическая империя человечества возвысилась до высот технологии и силы, которые никогда больше не смогла достичь.

Галатан был не просто боевой станцией, а городом в космосе в сто километров шириной, и столь же огромный, как утраченные орбитальные платформы Терры. Его оружейные палубы оцетинились оружием разрушения, достаточно мощного, чтобы обращать в бегство флотилии кораблей. В Ультрамаре было шесть подобных звёздных крепостей. Целую вечность они несли стражу в глубоком космосе. Они двигались только в случаях величайшей необходимости. Во время Первой тиранической войны половина из них была передислоцирована из стратегических пунктов, но это случалось крайне редко.

Всё изменилось с появлением Великого Разлома и нападением Нургла на дом Жиллимана. Теперь они направлялись туда, где были нужны, а нужны они были везде.

Три пали от чумного флота Тифа. Целенаправленно выбранные и подавленные огромной силой, их защитников выкосили болезни, и они были разграблены и разрушены.

Никто не ожидал подобной участи для Галатана. Галатан был старейшим и крупнейшим. Он был оснащён оружием, которое мало кто мог понять. Никто не мог напасть на него и выжить.

Приказ готовиться к отлёту с Дроля поступил во время первой вахты, перед тем как Юстиниан пришёл в тренажёрный зал. К концу второй, когда Юстиниан облачился в доспехи и приступил к дежурству, приготовления шли полным ходом. Огромные счетверённые реакторы в центре станции выводили на полную мощность. Тысячи техножрецов молились, выполняя эту задачу с величайшим уважением к почтенным машинам. Все представители Культа Механикус, способные отложить обязанности, сделали так, желая показать уважение настолько полно пробуждавшимся таинственным двигателям прошлого.

К пятой вахте реакторы достигли максимальной производительности. Их ужасная пульсация встряхнула крепость. Затем началось самое главное. Звёздная крепость была окружена двигателями. Они вспыхнули по всей ближайшей к Дроль Магна стороне, отодвинув гиганта от защищаемой им планеты. Невероятно много энергии требовалось, чтобы переместить его массу, но ещё больше её было необходимо, чтобы питать целостные поля и структурные скрепляющие поршни, не позволявшие станции разорвать себя.

Дроль Магна задрожал. Движение Галатана вызвало землетрясение на южном континенте. Рушились городские здания, ослабленные выигранной Новадесантниками войной. На побережья множества островов Дроль Магна обрушились цунами. Если население не сократилось бы так сильно за время конфликта, то погибли бы миллионы.

Медленно, очень медленно Галатан натужно двинулся вперёд. Его гравитационный след перемещал оставшиеся после сражений флотов обломки. Он сбил астероиды с их орбиты в поясе системы. Семь дней он продвигался к внешней границе, мимо Дроль Секундус, Ганемид, Атоли и выжженных островов жилых орбитальных комплексов вокруг Дамара. Семь дней ушло на путешествие к внутреннему краю пояса Купера системы Дроль и расположенной там точки Мандевиля.

Точка была достигнута. Звёздная крепость остановилась, но на отдых не было времени.

Из самого центра звёздной крепости раздался громкий крик, пронизывая каждую частичку

исполинского корабля. Многочисленное население станции укрылось в своих покоях. Галатан вопил полтора дня, пока, наконец, не был готов к прыжку.

С всасывающим рёвом, который противоестественно бросал вызов тишине вакуума, варп-двигатели Галатана разорвали огромную дыру между грубой реальностью и имматериумом. Космические плазменные двигатели выпустили вспышки раскалённого белого пламени, толкая Галатан в дыру, и звёздная крепость перешла из этой реальности в варп.

Разрыв захлопнулся. Кометы, сошедшие из-за Галатана со своих привычных орбит во внешнем поясе, полетели по направлению к солнцу. Кроме них не осталось и следа, что крепость вообще была здесь.

Десятая глава

ЧУМНЫЕ КОРАБЛИ

“Копьё Эспандора” крестового похода прорвало варп и без промедления устремилось к центру системы Парменион и её главному миру. Благодаря подкреплениям со всего Ультрамара численность флота значительно увеличилась. Вернулись несколько ударных групп после выполнения заданий, отогнав отколовшиеся от основных сил флотилии Гвардии Смерти и обезопасив миры, в которые те вторглись. Остальные представляли собой подкрепления со всех концов сегментума. Основную часть сформировали Адептус Механикус: легионы скитариев, боевых роботов и три полулегиона титанов Оберон, Фортис и Атар. Десятки полков Астра Милитарум, конвентов Сестёр Битвы, ударных соединений Милитарум Темпестус и не только.

Жиллиман запрашивал часть этой помощи, но многие прибыли незванными, желая помочь примарху спасти его дом.

С командной палубы *“Чести Макрагга”* Робаут Жиллиман полностью контролировал свой флот. Огромный подиум из экранов располагался полукругом перед возвышением, с которого он наблюдал за всем происходящим. Советники стояли с правой стороны от него, а орда служащих с левой, готовые доставить его приказы повсюду, куда бы ни потребовалось.

Целый день двигатели кораблей работали на максимальной мощности, набирая скорость близкую к одной десятой скорости света, прежде чем проплыли внутренние границы и начали долгое замедление. Уязвимые транспорты летели в центре построения флота, защищённые развёрнутым строем кораблей сопровождения. Главные военные корабли образовали наконечник копья, *“Честь Макрагга”* находилась на самом острие.

Подготовка к нападению не останавливалась ни на секунду. Люди вокруг примарха приходили и уходили. Жиллиман не покидал пост. Он ел и пил прямо там, но ни секунды не отдыхал. Он отслеживал каждую операцию, его восприимчивый разум обрабатывал всё и вносил постоянные корректировки. Шкипер Браге, крошечный на своём командном троне перед постом примарха, отдыхал настолько мало, насколько только мог позволить себе смертный человек, и ушёл, только получив приказ от Жиллимана лечь поспать.

Всё ещё замедляясь, они быстро продвигались по системе, минуя миры, разорённые чумой и войной.

- Меньшие планеты Пармениона сильно пострадали, - произнёс тетрарх Феликс, бывший шталмейстер Жиллимана. Ему предстояло возглавить планетарную высадку на Парменион, и он часто отлучался, отдавая приказы воинам, но по возможности всегда выделял время для командной палубы, чтобы стоять

рядом с генетическим отцом и учиться.

- В своё время мы спасём и их, - сказал Жиллиман. - Первым необходимо освободить Парменион или мы окажемся в роли осаждающих. Мы ударим быстро и сильно в самое сердце порчи. Мы легко справимся с отдалёнными отрядами, когда мой брат будет мёртв. Мы не можем останавливаться.

Никто не стал спорить с этим. У всех были мрачные лица. Вид такого количества прекрасных миров Ультрамара, заражённых злом Чумного бога, опечалил всех. В их умах и сердцах не осталось места ни для чего, кроме мести.

Сияние Пармениона неизменно увеличивалось. Сначала один огонёк среди многих, затем он затмил звёзды, и прошло немного времени, как он светил ярче, чем шаровидные точки родственных планет, круживших вокруг солнца. Жиллиман пренебрёг собственноручно написанными стратегиями и вёл флот прямым курсом к планете, плывя по плоскости эклиптики и не страшась любого снаряда, который могли бросить в них. Этим смелым приближением он хотел послать брату сообщение: тебе не рады здесь, отступи или умрёшь.

Под внимательным взглядом Жиллимана Парменион увеличился от пятнышка до точки, затем до шара и до сферы. Три континента украшали его поверхность. Гардамаус располагался в одиночестве и далеко на юге посреди океана, в то время как другие два, Гекатон и Келетон, находились близко друг к другу и вместе доминировали над северным полушарием. По геологическим понятиям они разошлись совсем недавно, всего в миллионе лет друг от друга. Разделённые узким Речным морем отвергнутый Гекатон тянулся мысами к суровым и равнодушным холмам Келетона.

Новые огни вспыхнули в поле зрения, курсируя вдоль экватора ночной стороны планеты по устойчивой орбитальной траектории.

- Вражеский флот в поле зрения, милорд, - объявил шкипер Браге.

- Быстро предоставьте мне данные сканеров дальнего действия и анализ возможностей вражеских кораблей. Я хочу, чтобы главная система ауспиков немедленно была наведена на планету, - приказал Жиллиман.

Жиллиман скептически относился к чумному флоту, он был во много раз меньше имперских сил и обладал только тремя капитальными кораблями. И всё же его нельзя было игнорировать.

Они находились на различных стадиях распада, больше напоминая брошенные командами суда, которые можно найти пойманными гравитационными колодцами возле мест былых сражений, чем действующие корабли. Но они всё ещё могли плыть в вакууме, хотя и выглядели ржавыми и побитыми, курсируя среди полей обломков разрушенных орбитальных платформ Пармениона, словно больные морские хищники. Два показывали признаки дьявольского благословения и были полностью преобразованы по прихоти Нургла. Корпуса стали мягкими и покрытыми пышными наростами плоти. Они выглядели слишком прогнившими, чтобы представлять опасность, но Жиллиман был осмотрительным. Он отдал приказ выбрать их в качестве приоритетных целей.

- Флагмана Мортариона здесь нет, - произнёс трибун Адептус Кустодес Малдовар Кольцюань, который единственный не отходил от примарха во время всего полёта к планете, и стоял рядом, размышляя в золотых доспехах. - Его может и не быть здесь.

- Его корабль и не должен находиться здесь, - сказал Жиллиман. - Мортарион больше не примарх. Он наделён силой тёмных энергий варпа. Демон не нуждается в судах, чтобы путешествовать среди звёзд и

не пользуется ими. Он придёт. Он едва ли не сообщил мне об этом факте. Не обманывайтесь силой его флота. Это – приглашение. Обратите внимание, что размещённый им здесь флот состоит не из кораблей легиона, а принадлежит меньшим отступникам.

- Это – приманка, – заметил Феликс.

- Приманка, но я охотно проглочу крючок, – согласился Жиллиман.

- Падшие ордены презреннее предателей прошлого, – произнёс Кольцюань. Адептус Кустодес еле сдерживался в доспехах. Он редко говорил, но когда делал это, то выплёвывал слова на расстоянии дюйма от гнева. Он с силой изгонял изо рта каждый заряженный энергией пули слог. Кольцюань считал позором, что его орден сделал так мало до пробуждения примарха. Позор по-разному влияет людей. В Кольцюане он проявлялся в виде ярости: ярость, что Жиллиман почти узурпировал власть Императора, ярость на положение дел в галактике, но в основном ярость на самого себя. Он мог убить тысячу врагов, и этого не было бы достаточно. Каждый убитый им враг напоминал ему ещё о тысячах, которых разрубил бы его меч, если бы он не был прикован к Терре. – Они прыгнули в своё проклятье обеими ногами. Они ясно видели, что предлагалось и приняли это.

- Их причины – это их причины, – ответил Жиллиман. – Не заикливайтесь на иерархии степени их предательства. Мы должны сосредоточиться на том, что они собой представляют и как сражаются.

- Они испорчены. Не настолько умелые в бою, как легионы предателей, – сказал Кольцюань.

- И всё же они представляют собой внушительную силу, – сказал Жиллиман. – Ударная группа “Аттика”, отделитесь и атакуйте чумной флот. Не подпускайте их к нам, когда мы приблизимся к планете.

Люди поспешили передать приказы. Ударная группа, самостоятельный флот, на большой скорости покинула формирование. Меньшие эскадры отделились от других частей флотилии и сформировали боевой заслон между основной ударной группой и “Аттикой”, чтобы перехватить любые чумные корабли, которые попытаются прорваться.

- Мы определили потенциальный источник варп-энергии, милорд, – сообщил шкипер Браге. – В Гекатоне, столице восточного континента.

- Покажите, – приказал Жиллиман.

Гололитическая сфера тактикария замерцала. Появилось полное графическое представление Пармениона. Западный континент оставался нетронутым, южный на первый взгляд в целом выглядел здоровым. Эти два континентальных массива были коричневыми, зелёными и синими кристаллами здорового живого мира, хотя над крупнейшими городами поднимались длинные полосы дыма.

Гекатон был поражён и затянут болезненными жёлтыми туманами.

- Покажите его, – приказал примарх.

- Даю компенсацию на атмосферные условия, – произнёс трансмеханик, специалист ауспика.

Изображение замерцало. Тайные технологии убрали туман с гололита.

В прошлый раз, когда Жиллиман видел планету, его взору предстали поразительно изумрудные плодородные равнины Гекатона и различные с орбиты круглые поля зерновых культур, усеянные блестящими белыми вспышками мраморных городов и серых площадок транспортных центров. Всё

сменила грязь. На дальней восточной стороне гор, разделявших континент пополам, остались только пепельные пустоши, на месте сельскохозяйственных ферм и городских центров была только мёртвая чёрная земля. На западе, ближайшей к континенту Келетон стороне, появилось грязное чёрное болото. Оно затопило равнины Гекатона, прокладывая путь к берегам Речного моря и портовому городу Тирос.

- Покажите мне город Гекатон, - приказал Жиллиман.

Тактикарий завращался, пока Гекатон не оказался перед лицом Жиллимана.

- Приблизить, - приказал магистр ауспика.

Гололитическое изображение расширилось, приблизив наблюдателей почти до уровня земли.

Встроенные в горный склон знаменитые ступенчатые площади Гекатона посерели от сорняков. Каналы между водными садами превратились в мёртвые чёрные линии. Дополнительные слои накладывались на визуальную передачу, создавая новые цвета. Эффект напоминал тепловидение или ночное зрение, но этот конкретный фильтр создавался пси-окулусом корабля, эзотерическим оборудованием, позволявшим отображать эфирные энергии. Под этим ложным колдовским зрением весь Гекатон сменился вращавшимся над планетой многоруким вихрем. Он протянулся длинными потоками по всей планете, и в местах его прикосновения пускала корни порча.

- Вот где часы Мортариона на Гекатоне, - произнёс Жиллиман. - Предпочтителен орбитальный удар. Мы разрушим их и сломаем сеть, которую он сплетает в Ультрамаре. Определите экранирование.

- Сканирование указывает на наличие варп-поля, - ответил магистр ауспика. - Пустотных щитов нет.

- Передайте мне контроль над главной системой ауспика, - сказал Жиллиман.

- Как прикажете.

Пальцы Жиллимана затанцевали над многочисленными гелиевыми планшетами и медными клавиатурами. Время от времени он останавливался, переводя взгляд между экранами.

- Вот вероятный источник. - В гололитической сфере появился в виде пикта покрытый мясистыми венами энергетический комплекс. - Он защищён варп-полем. Подготовьте антипсайкерские ракеты. Пробейте щит. Разрыв не продержится долго. К сожалению, источник питания должен быть разрушен на земле.

- Тетрарх Феликс, капитан Сикарий. - Голос Жиллимана донёсся до десантных кораблей воинов из парившего вокс-ангела. - Приготовьтесь к немедленному развёртыванию.

Взревели сирены.

- Загружаю антипсайкерские ракеты, милорд, - объявил магистр ординатум.

Жиллиман посмотрел на экран, где авангард его флота и чумные корабли сражались в векторной сфере в виде пронумерованных треугольников.

- Ждите моего приказа открыть огонь. Браге, максимальное ускорение к планете.

- У нас не так уж много этих ракет, милорд, - проворчал Кольцоань.

- Именно поэтому мы не должны промахнуться, - ответил Жиллиман.

Флот космических десантников-отступников увидел, как *“Честь Макрагга”* оторвалась от кораблей сопровождения. Эскадре эсминцев удалось прорваться сквозь имперский кордон и устремиться в сторону флагмана. Браге приказал артиллеристам создать на их пути стену заградительного огня из масс-снарядов. Их смерть наступит через несколько минут, но они умрут.

- Дистанция до планеты, - произнёс Жиллиман.

- Тридцать две тысячи километров и сокращается.

- Тормозные двигатели на полную мощность, - приказал Браге.

- Милорд, боеголовки заряжены и готовы к запуску, - доложил магистр ординатум.

- Не стрелять, пока мы не окажемся в двух тысячах шестистах километрах, - приказал Жиллиман. - Точечные защитные лазеры и пучковые турели готовятся перехватить противоракетный огонь.

Он посмотрел на Кольцоаня:

- Мы не промахнёмся.

“Честь Макрагга” летела сквозь космос, метеорные осколки от разрушенных орбитальных платформ Пармениона мелькали на экране локальными грозами и вспыхивали по всем носовым пустотным щитам. Корабль стонал от двойной нагрузки замедления и растущей гравитации планеты. Все молчали. Команда, будь то простые люди, сервиторы или Адептус Астартес были поглощены работой.

- Дистанция две тысячи шестьсот километров, - доложил магистр ординатум. - Турели точечной обороны наведены и готовы.

- Тетрарх Феликс, капитан Сикарий, запуск, - приказал примарх.

Сто плазменных огней покинули посадочные палубы и ангары *“Чести Макрагга”*. Жиллиман ждал, пока штурмовики не минуют переднюю часть корабля и не устремятся к планете.

- Выпустить ракеты, - произнёс он.

- Выпустить ракеты, - передал Браге.

- Ракеты выпущены, - подтвердил магистр ординатум.

- Мы слишком далеко для орбитальной высадки, - сказал Кольцоань. - Они уязвимы.

- Обычно, да, - согласился Жиллиман. - Норма - сотни, а не тысячи километров. В таком положение щиты *“Чести Макрагга”* защищают их от чумного флота и мы готовы ответить на любые неожиданности, которые мой брат мог приберечь для нас. Смотрите и учитесь, кустодий.

“Честь Макрагга” слегка вздрогнула, что для военного корабля равнялось мягкому выдоху.

Из носа в форме плуга выскользнули четыре торпеды. Они были огромными, не уступая в размере некоторым меньшим кораблям флота. Вакуумные двигатели составляли заднюю треть. Ими управляли сервиторы, жёстко подключённые к обширным когитаторным комплексам ракет. Они обладали собственными батареями точечной защиты, системами глушения и пусковыми установками ложных целей; их боеголовки действительно были бесценными.

Каждая несла группу саркофагов, которые располагались словно пули в барабане револьвера глубоко

под слоями брони ракеты. Восемнадцать, в три ряда по шесть капсул, небольшой полезный груз для такой мощной системы доставки, но разрушительный при правильном выборе цели.

В капсулах находились усовершенствованные останки парий, людей, которые, как и Сестры Тишины, обладали минимальным присутствием в варпе и само существование которых являлось анафемой для существ и энергий того царства. Некоторые считали подобное оружие еретическим, и оно встречалось крайне редко.

У Жиллимана не было сомнений в своей правоте для его использования.

Сначала ракеты двигались медленно относительно флагмана, но двигатели разогнали их к планете. Облако отражающих частиц окружило их, каждые тридцать секунд пополняясь из бортовых пусковых установок ракет и оставляя в космосе блестящий след.

Ничто не стреляло по ракетам, пока они не приблизились к планете. Заградительный огонь замерцал на испорченной части Пармениона. Системы торпед приняли ответные меры против тех угроз, которые перемещались достаточно медленно для прицеливания. Быстрые ракеты изрешетили выпущенными гиперскоростными шариками. Микролазеры сожгли боеголовки. Вражеский лазерный огонь ослабел в поле частиц, когерентность луча рассеялась.

- Три минуты до удара, - объявил магистр ординатум.

- Ударная группа приближается к планетарной оболочке.

Ракеты опередили авангард вторжения Феликса. Оранжевый свет вспыхнул вокруг тупых носов. Тепловые щиты легко справились с жаром от входа в плотные слои атмосферы.

Загрохотали орудия "*Чести Макрагга*", швыряя огромные боеприпасы на мир внизу. Их цель состояла не в уничтожении врага - Жиллиман боялся слишком покалечить Парменион с орбиты - а в нанесении повреждений противовоздушной оборонительной сети комплекса.

Ослепительная вспышка мелькнула в окулозе, медленно затухая: вражеский корабль взорвался незамеченным. Все смотрели на антипсайкерские ракеты.

Жиллиман неожиданно наклонился вперёд, когда одна из ракет притянула шквал огня и взорвалась, пролив противопсихические осадки в стратосферу.

Полминуты спустя уцелевшие ракеты поразили цель. На экране тактикария психический вихрь сжался, словно вспыхнувшая бумага. Он задрожал на грани рассеивания и начал медленно восстанавливаться.

- Милорд, варп-щиты неактивны, - доложил магистр ауспика. - Пси-окулус указывает на растущую эфирную активность. По максимальной оценке щит вернётся в строй в течение десяти минут. Минимальная оценка: пять минут.

Жиллиман кивнул. Даже при худшей оценке Феликс высадится без страха врезаться в варп-щит. Он посмотрел на кружившееся око порчи, отравлявшее Гекатон. Скоро оно закроется навсегда.

Он открыл общую вокс-частоту флота:

- Нападение на комплекс будет опасным и малоприятным. Я не посылаю вас туда с лёгким сердцем, но другого пути нет. Варп-сеть Мортариона отравляет ткань материума по всему нашему царству. Она даёт силу его воинам. Она питает чёрными энергиями его демонических союзников, поддерживая их

существование. Она ускоряет распространение неестественных эпидемий. Победу на Парменионе будет одержать легче, если мы разобьём варп-часы. Этот бой, этот самый первый бой, станет одним из самых тяжёлых на этом мире. Поэтому я говорю вам: ступайте вперёд во имя Императора. Он ожидает от вас предельного напряжения. Он требует величайших усилий, поскольку одарил вас Своей силой, чтобы вы стали самыми могучими воинами и опекали меньших людей, защищали их и освободили от зла, которое терзает галактику. Пока вы сражаетесь, я буду смотреть за вами. – Он замолчал. – И мой отец будет смотреть за вами.

Он обратился к старшему вахтенному офицеру:

– Прикажите подготовить вторую волну десантных капсул. Отправьте сообщения на все пехотные транспорты и десантные корабли титанов приготовиться к немедленному развёртыванию, как только уничтожат варп-часы. Браге, выходим на стабильную высокую орбиту. Выберите позицию для стрельбы и цельтесь в собор Гекатона. Продолжайте подавляющий обстрел вражеской противовоздушной обороны.

Команда ответила хором подтверждений. *“Честь Макрагга”* замедлилась и повернулась, встав на стационарный якорь над городом. Ланс-батареи накапливали энергию и на палубах с макропушками орудийные расчёты трудились, заряжая оружие разрушительными магматическими снарядами.

– Командиры второй волны докладывают о готовности, милорд, – доложил магистр вахты.

– Запуск, – произнёс Жиллиман.

По приказу примарха пусковые трубы десятка кораблей извергли пламя, и космические десантники Ультрамара устремились сквозь вакуум и мимо умирающих остатков чумного флота к больной планете.

Одиннадцатая глава

ХРАМ МОРТАРИОНА

Удар, грохот реактивных двигателей. Ускорение толкнуло тело Феликса внутри доспехов. Ретинальные дисплеи мерцали соперничающими потоками информации. Предупреждающие перезвоны и слуховые уведомления заглушили вокс-отчёты ударного отряда. Инфопакеты распутались самостоятельно, потому что текст, графика и цифры отображались ровно столько, чтобы их успели заметить, а затем следующие заменяли предыдущие.

Наступило время неподвижности: физические законы перестали мучить его плоть, ускорение прекратилось, и он безмятежно парил, забыв на некоторое время о весе. Это продлилось совсем недолго. Парменион вцепился в корабль и потянул сквозь небеса вниз. Настал черёд рёва атмосферного трения и носового давления.

– *Четыре минуты сорок три секунды до восстановления варп-щита.* – Раздался напряжённый голос магистра ауспика. Феликс был благодарен за его страх. Приблизиться к вероятной смерти с вкрадчивым комментарием в ушах казалось неуместным.

– Запустить двигатели. Максимальное ускорение, – приказал Феликс по воксу стае атакующих кораблей. Приказу немедленно повиновались, хотя его исполнение выводило торпеды на грань разрушения.

Они должны достигнуть комплекса до восстановления щитов и сделать это быстро. Варп-щиты представляли собой колдовской вариант пустотных щитов, где тёмная магия играла роль технологии на имперских судах. Следовательно, они были непредсказуемыми. Главное значение имела скорость.

Десантно-штурмовые корабли и даже десантные капсулы были слишком медленными. Только абордажные торпеды, разработанные пробивать корпус корабля и доставлять воинов в целостности и сохранности, обладали достаточной прочностью, чтобы выдержать безумный рывок к поверхности Пармениона и последующий удар, не теряя драгоценные секунды на замедление.

Теоретически. Доказательство же лежало в практической плоскости, напомнил себе Феликс. Подобный манёвр редко использовался из-за его опасности.

В роли агрессивного инструмента абордажа торпеды могли разогнаться до очень высоких скоростей. Вот для чего они действительно не создавались, так это направляться прямо в гравитационный колодец с работающими на полную мощность двигателями. Столкновение предстоит нешуточное, если только небольшие корабли не сгорят в атмосфере. Абордажные торпеды обладали керамитовой теплозащитой, но она разрабатывалась для защиты носа от собственных мелтарезаков, а не от смертельного сжимающего нагрева при входе в атмосферу. Если они будут сохранять нос направленным на планету, то должны выжить. Древние космические корабли, *примитивные* космические корабли, по словам машинных адептов, работали на этих принципах в туманные эпохи предыстории.

Вот только это было теорией и только теорией. Никто на флоте не обладал опытом работы с такими отсталыми технологиями. Адепты вполне допускали, что все могли погибнуть.

Феликс сконцентрировался на ближайших действиях. Его ждала токсичная окружающая среда, охраняемая воинами, которые сражались за Мортариона с рождения Имперума. Спуск являлся наименьшей из проблем.

Торпеды подпрыгнули, войдя в нижние слои атмосферы. Знакомая дрожь возвращения в атмосферу встряхнула кости. Он очистил ретинальный дисплей, оставив только два хронометра, один отсчитывал предполагаемое время восстановления варп-щита, другой – время их прибытия. Значения были близки.

Ретинальный дисплей боевой брони Феликса превосходил экраны шлемов, которыми традиционно оснащали доспехи космических десантников. Голова Феликса сильно тряслась, но оба хронографа вели отсчёт с кристальной чёткостью.

Счётчики достигли отметки в минус одну минуту. Снаружи над городом курсировали штурмовики, готовые открыть огонь по целям, которые не сумеет уничтожить система противовоздушной обороны. Торпеды снижались по предсказуемым траекториям. Лёгкие мишени.

Они летели всё быстрее и быстрее, ревущие ускорители толкали торпеды к поверхности, обгоняя гравитацию и не обращая на неё внимания.

Всё закончилось очень быстро. Вспышка тормозных двигателей толкнула Феликса назад в защитной клетке, а затем колоссальный удар бросил его вперёд. Это оказалось не настолько тяжело, как он ожидал. Обычно металл встречался с металлом с лязгом и звоном, сотрясая всех в тесных корпусах торпед. Столкновение с экранированным комплексом происходило совершенно по-другому, скорее напоминая пронзавшую кожу трупа пулю, чем типичное при абордаже погружение гвоздя в металл.

На секунду он потерял сознание. Достаточно долго, чтобы дух-машина боевой брони впрыснул инъекцию из фармакопеи.

Торпеды пронзили раковую оболочку комплекса. Внутреннее кровотечение сглаживало продвижение, спуск по скользкому жёлобу вместо грубого и перемалывающего бурового проникновения, к которому привык Феликс.

В тех местах, где стены сохранили первоначальную структуру из камнебетона и пластали, торпеды слегка дрожали, мелты вспыхивали громче и стрелки на циферблатах, показывавших запасы энергии, опускались немного быстрее. Других уведомлений не поступало. Скачки и пропуски внутренних пустот, которые встречались в слоистой металлической структуре, также отсутствовали. Мерзкие наросты заполнили всё, заключив в плотском аду, как людей, так и механизмы.

В отличие от снижения, ползание в здании показалось вечностью.

Затем, когда Феликс почувствовал, что путешествие никогда не закончится, перезвон известил о достижении места назначения и открытом воздухе перед носом. Мелта-системы отключились, и гусеницы, которые тянули их вперёд, завращались в обратном направлении, останавливая торпеды.

Раствор плоти и отвратительных биологических жидкостей хлынул вокруг торпеды в коридор. Жидкость шипела, переливаясь через застывающий шлак.

На мгновение наступила тишина. Гудел охлаждавшийся металл. Снаружи в комплекс доносились приглушённые взрывы с поверхности.

Лепестковые двери распахнулись. Отделение Феликса из пяти ветеранов примарисов-головорезов отключило магнитные замки, которые удерживали ноги на полу. Ограничители в клетках упали и отодвинулись в сторону. Два воина впереди Феликса выпрыгнули в адские внутренности здания. Выходить первым было почётной, но опасной ролью. Многие космические десантники погибли, выскакивая из абордажного транспорта под вражеский огонь. Никто не встретил их. Они остановились у зияющего носа торпеды с поднятым оружием.

Феликс был третьим, кто покинул крошечный корабль. Следом за ним вышли ещё два десантника-примарис. Светившиеся в темноте маски-черепа промелькнули мимо часовых и заняли позиции в двадцати метрах по сторонам коридора. Когда они вышли на место, появился сержант Каспиан со щёлкающим в руке громоздким ауспиком.

Не прошло и пяти секунд с тех пор, как торпеда пробила стену, а шесть космических десантников уже покинули её и были готовы к бою.

Пульсирующие листы зеленоватой плоти покрывали большинство следов человеческой изобретательности. В нескольких редких местах проступали кусочки первоначальной структуры: капающие слизью коллекторы или затенённые ороговевшими наростами и всё ещё слабо сиявшие люмены. Другого освещения почти не было. Резкий свет исходил от подвесных фонариков на оружии космических десантников. Там куда падали круги жёлтого света, колеблющиеся реснички с чёрными глазами, словно обожжённые вжимались в стену.

Пол под ботиками Феликса мерзко колыхался. Встречались и более устойчивые участки, где чувствовалась решётка напольных панелей, но контраст между плотью и сталью только усиливал отвращение. Зелёный туман парил на высоте колена, скрывая всё, что было ниже. Щебечущие твари хихикали в тених, убегая, едва поворачивались в их сторону, и поэтому взгляд выхватывал только мимолётные омерзительные силуэты. Феликс осторожно двигался, готовый открыть огонь из болтерной перчатки. Он повторно активировал ретинальные наложения и переключил когитатор на совместную работу с ауспиком Каспиана, чтобы сообща анализировать диковинное окружение. Оно было однородно токсичным.

- Во имя примарха, - произнёс Модриас, один из ветеранов. - Какая вонь.

- Проверьте печати шлемов, - сказал Феликс. После этой фразы ему показалась, что она как-то испачкала его, словно слова оставляли тропинку, по которой порча электростанции проникала в него. Чувствуя себя неловко, он дважды проверил системы доспехов "Гравис". Ретинальный дисплей показывал, что броня полностью герметична, как против вакуума, так и против худшего, но резкий мясистой запах всё равно заполнял рот и нос, покрывая горло плёнкой горького аромата брошенной в огонь гнилой плоти.

- Броня всех солдат полностью изолирована от внешнего воздействия, - произнёс Каспиан. - Но я всё равно чувствую этот запах. Невероятно.

- Невероятно при обычных обстоятельствах. Это - колдовство, - сказал Модриас.

- Не позволяйте этому отвлечь вас, - сказал Феликс. Он изучал развёртывание остальных сил. Несколько торпед сбили. В комплексе находилось сто тридцать восемь космических десантников. Он оставил поток входящих данных от своих товарищей включённым. Он не стал связываться с ними. Если кому-то удалось попасть в комплекс незамеченными, он хотел чтобы так и оставалось. Вокс легко отследить.

Каспиан уже перенастроил ауспик на сканирование массовых плотностей и тепловых всплесков - верный способ засечь врагов в силовой броне:

- Враг не отображается. Евфейн, Далер. Подтвердите отсутствие визуального контакта.

- Коридор чист, - ответил по воксу Евфейн.

- Здесь настолько безопасно, насколько возможно, милорд, - сказал Каспиан.

- Обсидиановый Рыцарь Вои, - произнёс Феликс. - Вы можете безопасно выходить.

Ашира Вои сошла по наклонной рампе остановившейся торпеды. Несмотря на то, что она выглядела невысокой и небольшой в сравнение с огромными и громоздкими воинами Феликса, её окружала аура ужасающей силы, и она вошла в чумной корабль с меньшим трепетом, чем десантники-примарис. Она была вооружена висящим в ножнах на спине гигантским мечом и примагнитенным к бедру малокалиберным болтером. Как и космические десантники, она была облачена в силовую броню, хотя и лучше украшенную. Вратинные доспехи - или как их называли "доспехи обета". Уменьшенные системы и облегчённая броня позволяли обходиться без тяжёлого реакторного ранца, который носили космические десантники, и она двигалась свободно. Платой за увеличенную подвижность стала защита, вратинные доспехи не обладали герметичностью брони Адептус Астартес. Единственной защитой от токсичной окружающей среды являлся решётчатый бувигер, протянувшийся от шеи ко рту и носу. В нём находился респиратор, но хотя суставы доспехов открывали путь всем видам ядов и болезней, она не показывала страха перед загрязнением. Голову защищал высокий шлем, напоминавший шлемы Адептус Кустодес. Благодаря шлему и маске лицо выделялось, а рот оставался невидимым. Это служило наглядным напоминанием о клятве Спокойствия, которую в Сестринстве приносили, навсегда оставляя речь.

Вои сделала несколько жестов Феликсу, когда вышла, используя мыслезнаки своего ордена. Он отлично понял их, но дух-машина доспехов всё равно считал электрические контуры вокруг её рук и предоставил аудио перевод.

Ваш сержант прав. Это место погружено в варп. Она продолжила жестикულიровать. Запах - не физическое явление. Он сотворён Чумным богом. Смотрите.

Она подошла к Феликсу. Её психическое нулевое поле окутало его, защищая от злобы комплекса. Тяжесть упала с души, и запах отступил. Эффект, который она оказывала на само здание, был потрясающим. Пластины из плоти почернели, когда странные дары Вои отсекали поддерживавшие жизнь энергии варпа. Жирная корка свернулась со стены, показав проржавевшую пласталь. Куда бы она ни ступала, зелёный туман кружился и убегал, а покрытие из плоти дрожало от боли.

- Впечатляюще, - произнёс он.

Я - анафема для этого места, показала она. - Но вы поймёте истинное значение этого слова, как только устройство будет активировано. Держитесь ближе ко мне, тетрарх, продолжила она, и взгляд её глазных линз остановился на линзах Феликса. Смертельные болезни в этих стенах не могут причинить вам большого вреда, но есть болезни души. Без меня вы можете не устоять.

- Понимаю, - сказал Феликс. - Вас нужно защищать. Не рискуйте напрасно.

Она кивнула, но всё равно обнажила огромный палаческий меч. Рыцарю Забвения не требовалась защита. Она держалась сзади ради них, а не ради себя. В качестве страховки от разлагающих душу сил комплекса, если она погибнет, то они станут уязвимыми.

Феликс направил сжатый инфопакет своим войскам, напоминая о задаче. Они уже ознакомились с этой информацией больше ста раз. Феликс считал, что стоило повторить, хотя все они являлись ветеранами Индомитского крестового похода и сражались с множеством необычных врагов, никто из них никогда не ходил внутри настолько сильно заражённого места. Немногие экспедиции в гниющие сердца храмов Нургла смогли вернуться.

Он быстро собрал данные по остальным войскам. Несколько отделений головорезов рассредоточились от одного конца здания до другого, используя свои специальные умения, чтобы заманивать в засады охранявших комплекс Чумных Десантников. Капитан Сикарий и остальные силы играли роль приманки у входа в здание. Вместе головорезы и Виктрикс Гвардия должны были связать гарнизон боем. Хотя именно отделение Феликса выполняло главное задание, остальные ударные отряды Ультрадесанта также производили диверсии и если Феликс не справится, то комплекс может быть уничтожен ими.

- Наши братья ведут бой в нескольких местах. Не думаю, что нас заметили. Выгружайте устройство, - приказал он.

Каспиан снова занялся ауспиком, выгружая из торпеды последнего пассажира, тяжело бронированного сервитора. Верхняя половина человеческого тела была установлена у него спереди, напоминая гротескного кибернетического кентавра. Сзади располагалась платформа с перилами, на которой лежала чёрная сфера. Модриас и Вои осмотрели сферу и убедились, что сигнальные лампочки устройства мигают в правильном режиме. Пока шла проверка, Феликс воспользовался моментом, чтобы сориентироваться, его мощный гравис-когитатор пытался совместить фактическое окружение с древними планами этого типа генераториума, которые он загрузил. Картолит ярко сиял в глазах. Мало совпадений между первоначальным проектом и текущим расположением ничуть его не удивили. Собранные ауспиком данные показывали искривлённую органическую сеть, которая переварила и сильно перестроила первоначальные внутренние помещения. Было трудно поверить, что всё это произошло всего за несколько месяцев.

Большой снаряд врезался в поверхность планеты. Здание задрожало от удара. Долгий стон пронёсся мимо десантников-примарис, плотный и почти физический.

- Не нравится мне это место, - сказал Модриас.

- Не думаю, что и ты ему нравишься, - заметил Далер.

Феликс внимательно изучил варианты. Главный цилиндрический коридор, напоминавший огромный пищевод, вёл в том направлении, где должен располагаться реакторный зал. Он указал на него мечом. Это было столь же хорошее место для начала поисков, что и любое другое.

- Сюда, - произнёс он.

Двенадцатая глава

СЕРДЦЕ РЕАКТОРА

Феликс внимательно следил за ходом сражения, пока они двигались к цели. Три других подразделения, наступавшие с разных направлений, открыто направлялись к реактору, чтобы замаскировать отряд Феликса. Головорезы сеяли столько опустошения, сколько только могли, привлекая к себе взгляды болезненных глаз, прежде чем исчезнуть и напасть в другом месте. Группа Феликса встретила такое слабое сопротивление, что он начал подозревать, что Гвардия Смерти слишком полагается на свои сверхъестественные чувства. Присутствие Аширы Вои защищало их от психического обнаружения. Все данные свидетельствовали, что их не заметят, пока простое сканирование ауспика не обнаружит торпеду.

Пока они шли, он подумал, что в здании не осталось ничего такого прозаического, как машинные чувства. Сохранилось совсем немного механической структуры, и пусть генераториум был заполнен множеством причудливых наростов, они, похоже, не выполняли никакой полезной функции. Он упрекнул себя за ожидание, что наросты подчиняются логике биотехнологии, которую поверхностно напоминали. Они не имели дело с артефактом, созданным в материальной вселенной.

- Это - не здание, - напомнил он себе. - Это - игровая площадка безумия.

Едва он произнёс это, как его слова подтвердились. Они свернули в ведущий к центру здания туннель, заполненный по колено густой слизью, которая текла медленными и сильными потоками. Пока группа продвигалась по жидкости, им на каждом шагу встречались причудливые картины. Стены с глазами; коридоры, напоминавшие разветвления больных лёгких; и повсюду безобразные твари, скользившие в грязи и видимые только мимолётно.

Феликс вытащил ботинок из слизи. Краска отслаивалась, показывая тусклый керамит. Скоро начнут появляться выемки.

- Тетрарх, - голос Каспиана был полон отвращения. Он осматривал большой машинный зал сбоку от коридора. Устройства внутри были покрыты пульсирующими листьями чего-то среднего между животным и растительностью. Но взгляд сержанта задержался на стене.

Феликс подошёл к нему. Порог машинного зала был выше коридора, и тетрарх вышел из реки. Он с радостью покинул слизь.

Каспиан провёл установленным на оружии фонариком по стене. Луч поймал округлые органические силуэты. Руки, локти, лица, все человеческие и покрытые толстым слоем слизи. Сначала Феликс принял это за некое произведение искусства: барельеф, изображавший сто человек, прижавшихся друг к другу. Он напомнил себе, где находился. Если это и было искусство, то далёкое от общепринятого.

Сто человеческих тел были наполовину вплавлены в материал стены. Однородная поверхность оказалось иллюзией, порождённой слоем слизи. Где покров слизи был не слишком плотным, резкий свет Каспиана выхватывал значки, инструменты и клочки ткани разных цветов.

- Рабочие комплекса, - произнёс Каспиан. Он направил конус света дальше. - Смертные, сервиторы и адепты.

Феликс бросил на него краткий взгляд. Внимание тетрарха было сосредоточено на ходе битвы на экране. Они не слышали её, но в системы поступали отчёты. Потери росли.

- Отвратительно, - сказал Феликс. - Но мы можем порадоваться, что они мертвы. Идём.

После зала провисшая и заполненная слизью артерия, по которой они шли, медленно превращалась во что-то, напоминавшее коридор. Картолит в файле данных Феликса внезапно стал более узнаваемым. Реакторное ядро близко. Чем глубже они заходили в комплекс, тем больше встречали элементов разрушенной техники, и кое-где участки пласталевой стены остались свободными от налёта плоти, хотя и почернели от ржавчины и скопившегося ила. Медные таблички с трёхлопастным символом Нургла вросли в эту грязь, сочась зеленоватой окисью.

Спустя двадцать минут река бесшумно скользнула по полу в тёмную пустоту. Они достигли местоположения цели. Коридор выходил в огромный цилиндр, где когда-то размещались системы управления плазменным реактором. В центре этого цилиндра располагался сам реактор, заключённый в феррокритовую сферу. Ядро окружали и заполняли пространство расположенные друг над другом многочисленные технические палубы.

Феликс с сомнением проверил решётчатый пол. Внимание повелителя чумы превратило пол в коварный ландшафт, а там где текла река, он и вовсе расплавился. На противоположной стороне пласталь заканчивалась у толстых выступов феррокрита, протянувшихся из реакторного ядра. Они выглядели относительно твёрдыми, но путь туда был полон опасностей.

Чёрные вены протянулись по стенам, словно корни. Толстые как плющ они покрывали смотровые галереи, полностью скрывая их, но на прогнутых пластинах палубы встречались реке, раскинувшись сетью, которая бесконечно разделялась и воссоединялась, прежде чем собраться в канаты и проникнуть в феррокрит ядра. Они мягко пульсировали, живые. В промежутках между венами зияли отверстия, открывавшие вид на пропасть в тысячу футов глубиной.

- Ты получаешь показания реактора? - спросил Феликс.

- Нет, - ответил Каспиан.

- Вои?

Обсидиановый Рыцарь вонзила острие меча в пол. Она положила правую руку на рукоять, чтобы свободно общаться левой. *Варп-энергия особенно сильна там.* Она указала на реакторную сферу. *Феррокрит защищает нас, как защищает и плазменный реактор. Будьте осторожны, когда мы приблизимся.* Она жестикულიровала одной рукой, также эффективно, как и двумя.

- Значит наша разведка права. Продолжаем двигаться, - сказал Феликс.

- Баскво, охраняй сервитора. Остальные ступайте осторожно, - предупредил Каспиан. - По одному. Держитесь линии подпорок.

Они шли осторожно, следуя за несущими балками, которые поддерживали пластины палубы. Они виднелись сквозь решётку пола и были в ненамного лучшем состоянии, чем поддерживаемый ими металл. Настил скрипел и дрожал, пока головорезы шли по нему. Когда пробежала Ашира Вои, он едва шелохнулся, но едва Феликс ступил на одну из пластин, как она опасно застонала под тяжестью доспехов "Гравис".

- Осторожнее, тетрарх, - сказал Евфейн. - Возможно, вам стоит остаться здесь. Наши доспехи легче.

- Я осознаю риск, - ответил Феликс. Он оглянулся на ожидавшего в коридоре сервитора. - Киборг весит почти столько же, сколько я. Если я не смогу пройти - не пройдёт и устройство.

- Вам следует подождать, - сказал Модриас.

- Нет, - возразил Феликс и шагнул вперёд. Он шёл в равномерном темпе. Пол дрожал и шатался, но тетрарх без происшествий добрался до феррокритового кожуха реактора.

Разъеденный феррокрит принимал странные формы. Поверхность осыпалась влажным порошком, когда на неё наступали, но он служил лучшей опорой, чем пласталевая сетка.

- Переводите сервитора, - махнул Феликс.

Каспиан приказал киборгу двигаться. Простой мозг сервитора осознавал опасность. Гусеницы подёргивались от небольших регулировок курса, пока он прокладывал путь по ненадёжной палубе.

Феликс посмотрел вниз. Чердака одинаковых этажей была скрыта зловонной ночью. Если сервитор провалится, они не смогут доставить устройство вовремя, даже если оно не разобьётся на куски при падении.

Сервитор находился в трёх метрах от края, когда балка, по которой он ехал, не выдержала. Обшитая казавшимся твёрдым металлическим листом палуба превратилась в метель ржавых хлопьев. Киборг накренился вперёд во внезапно образовавшуюся дыру, но не провалился в неё. Передняя часть гусениц нацелилась в зияющую черноту, грудь же прижалась к сломанному краю дыры. Зазубренный металл проник в тело, и потекла кровь.

Сервитор запищал. Свет в аугметических глазах замигал. Гусеницы завращались сначала вперёд, а затем назад. Он дёргался на одном месте. Пол оседал. Металл лязгнул о пол внизу.

- Быстро! Отключите его! - приказал Феликс. - Пока его попытки не закончились тем, что он упадёт!

Гусеницы завращались в обратном направлении. Они впились в пластины палубы, кромсая их с металлическим перемальванием. Сервитор сумел частично вытащить себя из дыры, но в этот момент уже целая секция окружавшей его палубы не выдержала и рухнула вниз.

- Устройство! - крикнул Феликс.

Сервитор забрал с собой большой кусок отломанной металлической палубы. Две "кошки" с шипением пронесли от головорезов и глухо ударили в гладкую сторону устройства. Тросы туго натянулись. Евфейн заскользил мимо Феликса. Тетрарх протянул руку и схватил его за силовой модуль вокруг стабилизационного сопла. Евфейн продолжил скользить к краю феррокрита, но уже медленнее. Вес сервитора тянул и его и Феликса.

- Держись! - приказал напряжённым голосом Феликс. Он активировал магнитные замки. Они должны

были прикрепить его к железной поверхности кожуха реактора, но платформа вся прогнула и его ботинки просто вырвали из неё куски. Евфейн накренился ещё ближе к краю.

Модриас держал второй трос. Он откинулся назад, вцепившись в пистолет “кошки” обеими руками. Он пропахал длинную борозду в размягчённом феррокрите, пока его тянуло вперёд, и ворчал от усилия.

- Отцепляю замки груза! - крикнул Каспиан.

Неожиданно напряжение уменьшилось больше чем наполовину. Космические десантники подались от изменения веса. Сервитор рухнул в дыру, с оглушительным грохотом пробивая палубу за палубой.

Феликс помог Евфейну встать. Оба головореза начали наматывать тросы. Бесшумные двигатели вытянули устройство на платформу.

Вои и Каспиан подошли к сфере, чтобы изучить повреждения.

Устройство функционирует, милорд-тетрарх. Показала жестами Вои.

- Движение в южном секторе, - произнёс Каспиан.

- Они не могли не услышать этого. Время скрытности прошло. Мы должны действовать быстро, - сказал Феликс. Он отключил бесшумные протоколы и активировал все возможности доспехов.

Он нарушил вокс-молчание.

- Говорит Феликс, тетрарх Веспатора. - Он почувствовал себя странно, произнося эти слова. Он так ещё и не побывал на мире своей новой службы. - Внимание, ударный отряд “Очищение”, мы на позиции. Подразделения пять, девять и двенадцать прекращают выполнение текущих целей задания и собираются на моей позиции. Остальные отступают к месту сбора и ждут подкрепления.

Головорезы подняли оружие. Прицельные механизмы активировались, духи-машины пробудились и загудели новой энергией. Евфейн и Модриас подошли с двух сторон к сфере. Они отцепили тросы, оставив магнитные “кошки” прикреплёнными, словно ручки. Они подняли устройство и в свободных руках держали болт-карабины.

- Сюда, - сказал Каспиан. - Стены защитной камеры реактора пробиты. Мы сможем войти. Далер, Баскво возвращайтесь и обеспечьте прикрытие.

- Мы сражаемся за Макрагг, - прошептал Далер. Он и его брат исчезли в темноте, тихие приводы специализированной силовой брони не давали ни малейших указаний, где они находились. Если бы не символы, мерцавшие на картолите Феликса, он не знал бы об их местоположении.

- Если стена открыта, мы должны удостовериться, что никакой смертный механизм не приведёт щит в действие или мы все погибнем, - сказал Феликс. - Продолжайте двигаться осторожно.

В прошлом по периферии реакторного ядра стояли станции управления и оборудование для регулирования температуры плазменных реакций, теперь же они превратились в обломки. От консолей остались хрупкие разъединённые остовы, окружённые осколками крошащегося пластика, разбитым стеклом и мокрыми ржавыми пластинами. Не было никаких следов тысяч смертных и сервиторов, которые управляли оборудованием. Всё напоминало древние развалины, хотя Парменион подвергся нападению недавно и комплекс, пока не был захвачен, обслуживался также хорошо, как и всё в Ультрамаре.

Они подошли к отверстию в реакторном ядре. Гигантская трещина протянулась от пола до потолка, где ферроокрит рассыпался на куски и превратился в кучи ржавых отходов.

Изнутри доносился громкий стук и изливался мягкий не-свет, отбрасывавший серебряные тени и подсвечивая края предметов.

Каспиан собрался войти первым. Феликс остановил его.

- В этой ситуации наличие более тяжёлой брони является преимуществом, - сказал он. - И у меня ещё есть это.

Мысленно он включил железный ореол. Послышалось потрескивание, и вокруг него активировалась оболочка синей энергии.

Феликс переключил болтерную перчатку на стрельбу очередями. Он вытянул её перед собой, держа кулак на уровне груди.

- Ждите моего приказа. Защищайте устройство любой ценой.

Он шагнул в пространство, в которое не должен был входить не один человек. Плазменный реактор пленил искусственное солнце, его неистовая мощь переливалась в энергию, которая приводила в действие всё, что только могло потребоваться. Все колоссальные нужды города Гекатон удовлетворялись этим важнейшим местом. Запущенное реакторное ядро могло гореть вечно, если его правильно обслуживали и заправляли.

Звезда была мертва. Феликс вошёл в сферическую камеру, и перед ним предстала ужасающая картина.

В пустой оболочке реактора выросло огромное, пятикамерное, чёрное сердце. Громадная паразитическая опухоль, захватившая тело хозяина, занимала две трети пространства. Оконечности сердца находились достаточно близко к Феликсу, чтобы он мог дотронуться, но большая часть была прижата к противоположной стороне, создавая полость, окружённую с одной стороны пульсирующей плотью, а с другой - разложившейся технологией. Видневшиеся кое-где реакторные стержни покрывала ржавчина. В других местах они были погребены под поникшими складками прогорклой кожи. Верёвки бледно-белых мышц опутывали пульсирующий орган. Они дрожали от каждого колоссального удара. Тошнотворное жидкое месиво заполняло пространство. Каждое сокращение посылало пульсацию силы по венозной поверхности сердца. С него капала слизь. Там где её текло особенно много, она проела себе путь сквозь реакторные стержни, защитную оболочку из адамантия и ферроокритовую стену. Несмотря на внешний вид, сердце вовсе не являлось физическим органом. Феликс почувствовал что-то в задней части черепа, безумие пыталось прогрызть выход из заточения, словно крыса в клетке. Во рту появился мерзкий привкус. Остальные причудливые изменения комплекса ещё можно было почти принять за что-то естественное, но не это. Подёргивавшиеся аорты сердца качали энергию Хаоса. Отсюда распространялась порча.

Из цилиндра управления донёсся болтерный огонь.

- Мы привлекли внимание сыновей Мортариона, - сообщил по воксу Каспиан. - Они здесь. Два отделения, ещё больше в пути.

- Заходите внутрь, - сказал Феликс. Он перенаправил данные своего шлема остальной части маленького ударного отряда. - Мы должны поместить устройство около сердца, но не думаю, что смогу подойти намного ближе.

- Я принесу его, - сказал Каспиан. - Модриас и Евфейн, помогите братьям.

- Отставить, - сказал Феликс. - Подождите, пока я подсчитаю, где лучше поместить бомбу. Я буду...

Сзади раздались быстрые шаги. Феликс отошёл в сторону, когда Ашира Вои промелькнула мимо и прыгнула. Энергия доспехов помогла ей преодолеть разрыв. В прыжке она перевернула меч, направив острие вперёд и вниз.

Кромка кварцевого стекла с шёпотом прошла сквозь сердце, вызвав поток крови. Ашира повела мечом вниз, распарывая одну из сторон органа и скользя вниз по чёрной плоти. Сердце сократилось, и неизвестно откуда донёсся ужасный стон. Водопад зловонных жидкостей хлынул из раны, заполняя реакторную палату, словно чашу. Вои исчезла в них.

Каспиан присоединился к Феликсу, таща сферу.

- Обсидиановый Рыцарь! - крикнул Феликс.

Бассейн крови кипел, дымился и вопил, словно был живым. Из этого волнения появилась Вои, она убрала меч в ножны и побежала перед приливом, вскочив на полуразрушенные реакторные стержни, чтобы забраться на край пролома. Феликс и Каспиан подняли её, обливавшуюся грязью.

Бросьте устройство в рану, показала она.

- Хорошо.

Феликсу и Каспиану пришлось объединить усилия, чтобы бросить устройство. Оно было тяжёлым и неудобным, но вместе они справились, подняв его из пролома и перебросив через шестиметровый разрыв. Шар четыре раза перевернулся в полёте, и на пятом витке влетел в фонтанирующую дыру, которую Ашира вырезала в сердце. Оно дрожало от повреждений, края раны расширялись, но продолжало биться и проглотило устройство, как ни в чём не бывало.

Каспиан сверился с ауспиком.

- Оно активно, - сказал он. - У нас пять минут.

Он убрал сканирующий прибор и достал боевой нож, длиной с меч смертного.

- Мы должны сдерживать врагов и не позволить им разрядить сферу, - произнёс Феликс. Он направился сквозь пролом в стене назад в центр управления. Огонь из болтеров вспыхивал в нескольких десятках метров впереди, в ответ вели огонь из одного из коридоров. - Мы сможем пережить взрыв бомбы?

Да, показала Ашира Вои. Хотя это не будет приятно.

- Тогда будем защищаться здесь, - сказал Феликс. Он отправил закодированное сообщение, предупреждая остальных приготовиться к излучению устройства, а также инструкции их доспехам вести обратный отсчёт от его отметки.

Гвардейцев Смерти было уже достаточно много, они заполнили туннель на несколько рядов в глубину. Из безопасности теней четверо головорезов стреляли в приближавшихся врагов, не позволяя тем понять, откуда нанесут следующий удар. Феликс наблюдал за точками-символами своих воинов, которые меняли позиции между очередями, и был поражён их умением перемещаться в настолько ненадёжном окружении и поддерживать высокий темп огня. Он редко раньше сражался вместе с головорезами. Он

был ветераном открытой войны.

- До сих пор они приходят только из туннеля напротив того, которым мы воспользовались, - сказал Каспиан. - Они большие и раздутые. Они не хотят ступать на этот ненадёжный пол. Уверен, что мы сможем сдержать их. Если они не ударят с двух сторон.

Один из врагов заметил Феликса. Туберкулёзный кашель ржавого оружия донёсся из противоположной стороны помещения. Взрывы болтов о поле "Эгида" Феликса осветили его доспехи. Вспышки от попаданий показали его остальным и ещё больше болтов устремились в тетрарха. Далер сразил предателя выстрелом в голову. Реликтовый шлем разорвался и Гвардеец Смерти рухнул на палубу, заставив всю конструкцию задрожать, но она выдержала.

Увидев это, один из вражеских воинов прицелился из болтера в палубу и изрешетил её. Он прекратил стрелять, чтобы оценить результаты. Когда пластины остались на месте, он осторожно шагнул вперёд, не обращая внимания на попадавшие в него болты. Он надавил на палубу раз, второй, а затем уставился на Феликса безумными глазами. Безумно хохоча, Гвардеец Смерти зашагал по палубе. За ним последовала ещё дюжина. Бормоча, или распевая нестройные песни, или смеясь как сумасшедшие, они рассредоточились по палубе.

Они шли открыто, не используя немногочисленные укрытия между собой и противником. В них легко было попасть, но невероятно трудно убить. Они поглощали такое количество выстрелов, которое прикончило бы космического десантника, но не сбавляли шаг. Когда один всё же погиб, его товарищи, не задумываясь, переступили через дымящийся труп.

Первым погиб Модриас. Мортис-гул раздался в шлеме Феликса одновременно с тем, как идентификационный символ Модриаса исчез с миниатюрного картолита. Одновременно с его позиции перестали вылетать пылающие дротики болтерного огня.

Феликс обстреливал приближавших Чумных Десантников из болтерной перчатки, сдвоенные подвесные пистолеты стремительно пожирали боеприпасы, сохраняя поразительную скорострельность. Символы предупреждали, что оружие перегревается, а обоймы почти опустели. Но это уже перестало иметь значение.

Чумные Десантники дошли до них.

Первого Феликс убил гранатой, подкатив её врагу под ноги и взорвав под ним решётчатую палубу. Десантник-предатель упал, словно исчезающий в открытом люке демон в мистической постановке, его безумное хихиканье сменилось яростным воем, когда он рухнул во мрак нижних уровней.

Каспиан повторил действия тетрарха, бросив сначала несколько шоковых гранат, чтобы дезориентировать врагов, за которыми почти мгновенно последовали две бронебойных бомбы. Болты разрывали всё вокруг космических десантников, вырывая крупные влажные отверстия в гнилом феррокрите. Бронебойные бомбы детонировали, обрушив широкую секцию палубы и отправив троих Гвардейцев Смерти навстречу заждавшимся их смертям. Четвёртый успел схватиться за пол и цеплялся за край пальцами одной руки, сминая пласталь, ярко-розовое щупальце обернулось вокруг балки внизу. Его силовой ранец увенчивала причудливая коллекция самодельных, изрыгающих дым выхлопных труб. Его доспехи стонали от боли плохо смазанных механизмов, пока он вытягивал свою массивную тушу из дыры.

Феликс положил конец его усилиям очередью болтов, которые оторвали незащищённое бронёй

щупальце и разнесли шлем вместе с головой.

Имперские усилия приносили приемлемое соотношение потерь. Теперь пришло время проверить себя врукопашную.

Феликс шагнул навстречу зловонному чемпиону, о высоком статусе которого свидетельствовал ещё больший, чем у его товарищей размер и дребезжавшая демоническая муха, которая кружила вокруг его головы с постоянством механического украшения. Феликс проигнорировал муху, оставив ярость для её хозяина.

Воин замахнулся на тетрарха массивным силовым кулаком древней модели. Он отскочил от “Эгиды”, но Гвардеец Смерти мгновенно выпустил три болта из пистолета. Все вспыхнули в забвение на силовом поле Феликса. Тетрарх ответил резким выпадом меча. Острые пробило гнилой нагрудник предателя. Разрушительное поле во вспышке запекло внутренние органы. Зловонные жидкости потекли из бесчисленных отверстий в доспехах чемпиона. Он не умер, а захохотал и снова устремил силовой кулак к голове Феликса.

Удар так никогда и не достиг цели. Сзади мелькнул клинок, отрубив ржавую перчатку на уровне локтя. Феликс увидел ужасный поперечный разрез плоти и кости, которые противоестественно соединялись с бронёй. Кулак с оставшейся внутри рукой лязгнул об пол и чемпион с рычанием повернулся к нападавшему. Клинок выскользнул из его спины, искры и пламя вырвались из разрушенного реакторного ранца.

Чемпион упал, и стало видно Вои с мечом в руке. Муха с визгом бросилась на Обсидианового Рыцаря, щёлкая жвалами, но едва насекомое приблизилось, как испарилось в пятне жирного дыма.

- Спасибо, - произнёс Феликс. Он изрешетил болтами неуклюже приближавшегося к Сестре Тишины воина. Множество вспышек осветили внутренности врага, сияя сквозь проржавевшие дыры в броне.

Вои склонила голову и ушла, танцую сквозь битву и сражаясь массивным мечом с такой лёгкостью, словно это был крошечный дуэльный клинок.

Феликс увидел другую цель и прикончил врага из болтерной перчатки. Ещё один погиб от удара сзади. Он перестал сражаться клинком, больше рассчитывая на окружавшее перчатку силовое поле. Это было более медленное оружие, но обладавшее значительной разрушительной силой, которая давала больше шансов справиться с противоестественно стойкими противниками.

Счётчик устройства продолжал отсчёт. Феликс вонзил кулак в грудь предателя, продолжая стрелять из подвесных пистолетов и разрывая нечестивые сердца существа в фонтане густой крови и гноя.

Уже десятки врагов ворвались в центр управления реактором, и само здание отреагировало на присутствие имперцев. Поток зловонного вещества хлынул из коридора, формируя новый живой пол поверх прогнувшейся решётки. За ним прокатилась река слизи. Объединённый вес Гвардейцев Смерти разрушил бы первоначальный пол, но плоть выдержала их. По мере распространения, она прорастала причудливыми растениями, которые чернели и умирали, едва успев распуститься. Споры заполнили отвратительный воздух. Система атмосферной фильтрации Феликса запищала. Частички грязи прогрызались сквозь пустотные печати.

Ещё один Гвардеец Смерти погиб. Ковёр плоти светился, омывая реакторный центр отвратительным зелёным светом. Падающая по широкой сочившейся катаракте плоти река слизи принесла с собой свет, освещая этажи внизу. Там карабкался вверх провалившийся сквозь палубу Гвардеец Смерти.

Феликс выругался. Неужели ничто не могло убить эти мерзости?

Трое из них атаковали его, вынудив отбиваться изо всех сил. Они были даже старше, чем он, но если он провёл последние десять тысяч лет, погружаясь и выходя из анабиоза, то они всё это время сражались. Они знали его техники боя. И более великие, чем он герои, пали от их рук.

Его теснили. Они кололи ржавыми клинками. С зазубренных краёв капал чёрный яд, который кипел, прежде чем касался пола, заставляя воздух мерцать.

Счётчик дошёл до нуля. Феликс задержал дыхание. Ничего не произошло.

У него осталось время, чтобы испугаться самого худшего. Его прижали спиной к стене. Евфейн погиб, Далер находился в крайне тяжёлом положении. Каспиана не было видно, хотя мортис-руна не появилась, чтобы отметить его гибель.

Неудача манила.

Огромное давление возникло позади него, проходя сквозь тело. Это было не сверхсжатие обычного взрыва, а психическая атака беспрецедентной мощи.

Сердце в реакторе завопило человеческим голосом и умерло.

Странная пелена света окружила Феликса. Там где свет касался ковра плоти, он умирал, распадаясь в жидкую кашу, которая стекала по ржавому полу.

Как и торпеды, устройство содержало порошкообразные останки парий. Феликс слышал о них разные тёмные слухи. Говорили, что у них нет души. Они не только являлись враждебными для обитателей варпа, но затрагивали и каждую крупницу потусторонней энергии, включая души живых существ.

Именно поэтому с подобными Вои было так неприятно находиться рядом. Это же оказалось таким же ощущением, увеличенным тысячекратно. Волна взрыва физически тянула что-то в Феликсе, сжимая его душу, срывая эфирную энергию из уравновешенного синтеза между ней и телом, и угрожая погасить её навсегда.

Это была такая мука, с которой не могло сравниться ничто испытанное ранее. Его душа горела.

Он закричал.

Для погрязших во власти их дьявольского бога Чумных Десантников эффект оказался намного сильнее. Они стонали и падали, некоторые без признаков жизни. Другие вопили, словно внезапно открыли для себя ужас своего существования.

Время казалось вышло из-под контроля. Не осталось ничего, кроме криков вокруг.

Феликс одним из первых пришёл в себя и сумел подняться. Его едва не стошнило. Мышцы болели. Голова звенела. Он попытался активировать ретинальный дисплей, но устройство не отвечало.

В вокс-бусинке раздался голос магистра ауспика Жиллимана:

- *Тетрарх, мы зафиксировали взрыв антисайкерского устройства. Щит выключился. Подтвердите успех миссии.*

- Миссия успешна, - прохрипел он. Вены превратились в сморщенные чёрные нити. Пульсация сердца

стихла. – Реактор уничтожен. Мы отходим. Начинайте бомбардировку. Убедитесь, чтобы то, что находится здесь, больше не смогло возродиться.

– Мы целимся в кафедру над алтарём. Как только вы выйдете, милорд, мы сравняем генераторурум с землёй, – произнёс по воксу магистр ауспика. Связь с кораблём с потрескиванием оборвалась.

Феликс, пошатываясь, шагнул вперёд, не обращая внимания на опасность, которую представлял пол, и выпустил болт в голову стонавшего Чумного Десантника. Несколько из них выжили, растянувшись на палубе. Каспиан также уже поднялся и прикончил упавшего ножом. Вои помогала ему, похоже, взрыв антисайкерского устройства никак на неё не подействовал.

– Системы моих доспехов отключились. Доклад, – прохрипел Феликс.

Каспиан, Далер и Баскво выжили. Взорвались несколько последних болтов, добивая врагов. Предатели не дождутся милосердия.

– Уходим. Чем быстрее мы окажемся на поверхности, тем раньше лорд Жиллиман сможет сравнять это место, – приказал Феликс.

– Движение! – произнёс Каспиан. Головорезы развернулись, направив оружие на вход.

Группа космических десантников грохотала по коридору, все в синих цветах Ультрадесанта.

Капитан Сикарий из Виктрикс Гвардии приветствовал Феликса с края зала.

– Следуйте за мной, милорд, – позвал он. – Мы установили оцепление до самого выхода наружу. Это самый быстрый путь убраться отсюда.

– Вы присоединились к нам в адском месте, капитан, – сказал Феликс.

– Я видел намного хуже, – ответил Сикарий.

Тринадцатая глава

СВЯТЫЕ И ГРЕШНИКИ

Тихие звуки работавших на парашюте стены людей расслабили Девора. Его штаб сосредоточенно выполнял свои обязанности. Тихие переговоры и случайный писк поступавших вокс-сообщений были успокаивающими человеческими звуками, легко различимыми и так важными в серый день на Парменионе. Пролом рассекал стену едва ли не в двадцати метрах от позиции Девора, но защищавшие брешь линии обороны были выстроены с приятной геометрией и в этот момент казались достаточной защитой от врага. На противоположной стороне гавани сохранялся мир. Сегодня на дамбе не велись никакие работы. Враг ждал, как ждали Девор и его люди. Война изменилась в одно мгновение.

Имперский регент прибыл на Парменион.

Грохот артиллерийского обстрела доносился с далёких гор, там позиции противника вокруг Гекатона уничтожались с орбиты. Окутавшие равнины туманы пришли в смятение. Они больше не были сплошной массой, а стали кружившимися волнами, движение которых по опустошённым землям открывало разрушенные города и фермы, превратившиеся в покрытую воронками от снарядов грязь. Дымка в верхних слоях воздуха рассеялась, позволив впервые со дня прихода врага полностью увидеть весь путь

до Гекатона.

До войны вид был прекрасным. Большую часть дней воздух оставался чистым и прозрачным, и Гекатон лежал как на ладони. Город лениво раскинулся на склонах гор, филигранное украшение на фоне искусства природы: белые пики вверху, зелёные земли внизу. Люди приходили на стены Тироса, чтобы увидеть его, воплощение идеала Ультрамара, где человек и планета жили в терпимом равновесии.

Открывшееся после отступивших туманов ужаснуло его. Пики гор остались белыми. Всё остальное изменилось. Агриколы превратились в ядовитую трясику. Разрушенные города белели, словно кости в жидкой плоти. Гекатон пострадал особенно сильно. От острова до него было семьдесят километров, расстояние, которое уменьшало город от легко различимого объекта до неясной детали. Девору не нужно было приближаться, чтобы узнать, что город потерян.

Прекрасные башни искривились и почернели, как если бы частично оплавилась из-за ошибки, а затем были неумело исправлены каким-то глупцом, у которого не хватило ума понять, насколько жалкую реставрацию он сделал. Огромный купол Администратум Официо - чудесный в былые дни, три тысячи метров в диаметре и затмевавший небеса своим синевато-зелёным великолепием - исчез. Пригороды стали чёрными пятнами на склонах гор. В магнокуляры Девор видел реки грязи, стекавшие по крутым улицам.

Война барабанила в небесах и освещала их спорадическими вспышками энергии. Корабли вели неслышную битву на орбите за пределами видимости над облаками, но падавшие от сражения обломки и случайные попадания заполнили небо над равнинами грохотом и свистящими разрядами.

С противоположной стороны Речного моря, где непоколебимо стоял Келетон, мелькали полосы линейного света - яркие залпы оборонительных лазеров острова Эдимос. Характерный гром разрывался в небесах с каждой вспышкой коллимированного света. Облака собирались и кружились вокруг их следов, оставляя неприкрытые разрезы там, где небо проступало синим цветом, цветом, который Девор уже и не мечтал увидеть, затем облака возвращались, затягивая разрыв прерывистыми ливнями.

Лазеры стреляли только тогда, когда флот Гвардии Смерти попадал в их сектор огня. Изгиб планеты ограничивал их вклад в сражение. Девор был рад видеть их в деле. Слишком долго оборонительные лазеры являлись угрозой, а не активным участником войны.

Он снова посмотрел в магнокуляры. Победа станет актом неповиновения, а ни чем-то, что можно расценить, как успешную защиту. Ультрадесант может отбить Гекатон, но уже слишком поздно. Потребуется сжечь целые сектора Пармениона, чтобы вычистить порчу Гвардии Смерти.

Несмотря на мрачные мысли, он не поддавался отчаянию. Он не мог.

Скрип ботинок по щебню заставил его повернуться к старшей сестре Иоланте. Позади неё виднелась открытая внешняя дверь шлюза, ведущая в высокий Береговой бастион и проливавшая яркий свет люмена в серый цвет заражённого дня. Иоланта была без шлема, и, возможно, только в третий или четвёртый раз за всё время их знакомства Девор видел её лицо. Он с нетерпением ждал таких моментов.

“Это странно, - подумал он, - какие красивые все Сёстры Битвы”. Служение Императору, особенно в бою, не требовало такого эстетического совершенства. Он подозревал руку меньших нечистых мужчин в таком выборе.

Иоланта заплела белые волосы в косички на левой половине черепа, они были так крепко притянуты к голове, что между ними виднелась кожа. Правая половина была гладко выбрита, оставив место для

большой татуированной аквилы.

Два шрама повреждали лицо, один достаточно толстый, чтобы изогнуть линию губ, где пересекал их, другой тонкий и бледный как луна почти ровно протянулся слева направо через весь лоб. Слева он немного поворачивал вниз и утолщался, как большая галочка, словно Сестра получила знак одобрения от какой-то космической и кровавой силы.

Девор задумался, где она получила эти шрамы. Он не стал спрашивать. Он не осмелился. Иоланта была властной и жёсткой, с пронизывающими жёлтыми глазами. Девору казалось, что если он как-то похвалит её красоту, то она немедленно изуродует себя, чтобы доказать, что преданность Императору для неё превыше всего.

- Примарх пришёл, - произнёс Девор. Его взгляд задержался на лице Иоланты на секунду дольше, и он покраснел. - Я получил подтверждение из самых высокопоставленных источников. Мы должны ждать помощи.

Он посмотрел на гавань, желая, чтобы приказы изменились, и они совершили вылазку и вступили в бой с врагом. Он устал прятаться.

- Так и есть. Сын самого Императора пришёл, чтобы наказать предателей, - согласилась Иоланта. - Чудесные новости, но не самые чудесные.

Девор убрал магнокуляры в футляр. Магнитная задвижка щёлкнула.

- Девушка проснулась?

- Проснулась, - сказала Иоланта. - Идёмте со мной в бастион. Я предоставляю вам честь увидеть её.

Девор последовал за ней внутрь.

Девушка смотрела на Девора поверх одеяла, в её больших карих глазах застыло выражение застенчивости и доверия. Он не видел раньше, какого они цвета, ужасный свет затмил их.

Он отвёл взгляд. Свет, конечно же, должен был выжечь её глаза. Он не мог избавиться от картины пустых и почерневших глазниц.

- Как видите, она в порядке, - произнесла Иоланта. Она кивнула двум Сёстрам Битвы, стоявшим на страже. Они молча вышли.

Девор отметил, что охрана находилась внутри, а не снаружи.

- Разве у неё нет имени? - спросил он.

Иоланта пожала плечами. Подобная мелочь была для неё несущественной. Девушка не представилась.

Он подошёл к изголовью её кровати.

- Это майор Девор. Он - командующий ауксиллии гарнизона Тироса и главный в этом городе. Ты должна выказывать ему уважение, - многозначительно произнесла Иоланта.

- Привет, - сказал Девор. - На самом деле не должна. Показывать мне какое-то уважение. - Его не слишком волновали вступительные слова Иоланты. - Я простой солдат. Я могу присесть? - Он показал на

стул у кровати. Когда девушка не ответила, он всё равно сел. Она не сводила с него взгляда больших карих глаз. Он наклонился и одобряюще посмотрел на неё.

- Они сказали, что я должна поговорить с вами, но я думала, что полковник Ансельм - главный, - сказала она. Не было ничего удивительного в том, что ребёнок Ультрамара знал, кто является военным командующим. Как только началась война, и Макрагг ввёл военное положение, слово Ансельма стало законом.

- Он погиб, - объяснил Девор. - И полковник Бородино, и майоры Васк, Глэд и Хоуманк.

Он не стал вдаваться подробности.

- Когда вы приняли командование? - спросила она.

- Несколько недель назад, - ответил он.

Бородино погиб шесть недель назад, и его смерть была грязной. Он сражался в транспортном туннеле под гаванью, прежде чем защитники взорвали проход и смыли врагов. Полковник попал под действие одного из биологических оружия врага после того как установили подрывные заряды. Девор сопротивлялся нахлынувшим воспоминаниям, пытаясь остановить их возвращение, пока они не дошли до того места, где он увидит, как таяла кожа Бородино, как он издавал булькающие звуки, когда тонул в жиже из собственных лёгких, как...

"Не сейчас", - подумал он.

Он улыбнулся:

- Мы не стремимся без серьёзных причин ставить гражданских в известность о таких вещах. - Девор откинулся на спинку стула. Присев, он позволил усталости подкрасться и лечь на плечи. Физическая тяжесть навалилась на веки, пытаясь заставить их закрыться. Он зевнул и провёл рукой по лицу, снимая напряжение. Кожу поцарапали песчинки. В последний раз он мылся... Когда он мылся в последний раз?

- Извини, - сказал он. - Я устал.

Он рассмеялся, словно это было забавно.

- Я тоже устала, - сказала девушка. Она подтянула колени к подбородку. Девор пересмотрел её возраст на, пожалуй, четырнадцать стандартных лет. На передовой линии она казалась старше. Он предположил, что его дочерям сейчас примерно столько же, одна чуть старше, другая чуть младше. Если они ещё живы. Он понятия не имел, что с ними.

- Это очень утомляет, когда Он приходит.

- Кто? - спросил Девор.

- Он, - ответила она.

- Кто "он"?

Она молча посмотрела на него.

- Ты помнишь, как пришла на передовую?

Она покачала головой:

- Я помню, как благословенные Сёстры хотели увидеть меня. Они пришли в наш подвал и сказали, что слышали, что я сделала с колодецем и что должна пойти с ними и встретиться с вами.

- Ты помнишь, как очистила колодец?

- Немного. Я помню свет. И что-то двигалось сквозь меня.

- А потом? - спросил Девор.

- Всё как обычно.

- До сегодняшнего дня. Потом ты пришла на передовую. Ты ничего не помнишь?

Она снова покачала головой:

- Ничего, пока не проснулась здесь.

- Хорошо, - сказал он. - Как дела в городе? В последнее время у меня не было возможности вернуться за стены.

Она пожала плечами.

- Что со мной будет? - спросила она. Только сейчас она стала выглядеть немного испуганной.

Девор наклонился и похлопал её по колену. Это должно было получиться естественно, но он почувствовал себя неловко и сразу же пожалел о том, что сделал. Он давно разучился быть хорошим отцом, да никогда им и не был. У его девочек для этого была мать. Он очень редко видел их.

- Всё будет хорошо, - сказал он. Неискренность обещания устыдила его. Он не мог гарантировать этого.

- Тебе нужно отдохнуть.

Он посмотрел на Иоланту. Она кивнула. Они вышли из комнаты. Девор зашагал с мрачным выражением на лице по пыльному коридору. Он остановился под разбитой панелью освещения.

- Что именно вы собираетесь делать с ней? - спросил он. - Насколько я понимаю, вы показали мне её просто из вежливости.

Старшая сестра Иоланта впиалась в него взглядом жёлтых глаз. Она даже не моргнула:

- Так и есть. Хотя вы и являетесь временным губернатором города, в вопросах священного и нечестивого главная роль принадлежит Адептус Министорум. Я привела вас сюда, чтобы показать, что как командующая военной палаты буду наблюдать за состоянием девочки.

- Что вы собираетесь делать с ней? - повторил он.

Иоланта отвела взгляд, сложные эмоции бурлили под поверхностью её красивого лица со шрамами.

- Есть два варианта. Первый, что девочка одержима святой силой. Её действия в городе указывают на это, когда она очистила колодец и сделала нечестивое снова чистым. Она помнит это, но больше ничего. Ни странные огни, ни предсказания ракетных ударов, ни уничтожение демонического беса, который пробрался сквозь наши защиты.

- Когда это произошло? - с беспокойством спросил Девор. О том, что девочка сделала с колодецем, ему сообщили несколько дней назад. Он был слишком занят, чтобы прийти и лично убедиться в этом.

Остальные новости он услышал впервые, и они встревожили его. Гвардия Смерти привела с собой странных существ: злобных насекомых и хихикающих жирных тварей, напоминавших злобных детей, которые заполнили захваченную землю. Если только одна из них добралась до острова...

- Восемь дней назад, - ответила она.

- Почему вы не сказали мне?

- Не сердитесь. Я сама узнала об этом только вчера, когда пришла вывести девочку из города. Её люди скрывали произошедшее, пока мы не пришли. У меня не было времени передать эту информацию. Вспомните атаку, и как она повергла вражеские механизмы на передовой.

"Это шутка?" - подумал Девор. Он сомневался, что Иоланта обладает чувством юмора:

- Как я мог забыть?

- Эти явления согласуются со святым влиянием.

Они некоторое время смотрели друг на друга: мужчина в грязной униформе и женщина в нетронутых тёмно-красных доспехах.

- Второй вариант заключается в том, что она - ведьма, - произнёс Девор. - Это единственная другая вероятность, так? Несанкционированный псайкер, или, что ещё хуже - пешка врага.

Иоланта кивнула:

- К сожалению, так.

- Если же нет, то получается, что она святая? - Он не мог поверить в это. Не на Парменионе.

- Я так не думаю. Я лично видела благословенную святую Целестину. Я прочитала жития святых, которые появлялись во времена опасности во имя нашего наибожественного повелителя, Бога-Императора Терры. Здесь что-то другое. В самом худшем случае, это может стать нашей гибелью. Много раз появлялись создания, которые претендовали на святость, но не обладали ей. Враги Императора коварны. Это может быть одной из их хитростей. Ложным богам нравится вселять надежду в отчаявшиеся сердца и использовать нашу веру против нас. Мы должны сохранять осторожность.

Девор прищурился:

- Вы говорили о каких-то чудесах.

- Говорила. Если она не ведьма и это не хитрость... - Она замолчала.

- Тогда что?

Она не могла сказать.

- Надежда перевешивает рациональность. Факт должен быть установлен. - Лицо Иоланты ожесточилось.
- Её нужно проверить. Она должна пройти Probos Mallefica.

- Проверку на ведьму? Она ещё ребёнок. Она заслужила это?

- Кто-нибудь вообще заслужил хоть что-то из этого? - ответила вопросом на вопрос Иоланта. - Одни из самых худших чудовищ в истории появлялись из детей. Невинность не является защитой от зла.

Скажите спасибо, что я поставила вас в известность. Вы не можете остановить меня. Мне не требуется ваше благословение или разрешение. То, что я сказала вам, является ещё одним проявлением вежливости. Вы должны быть благодарны.

- Вы могли хотя бы спросить её, - сказал он.

- Кто сказал, что я не спрашивала?

- Вы спросили?

- Она согласилась.

- Она напугана, - сказал Девор. - Она, вероятно, согласилась бы на всё, что угодно.

- И у неё на это есть причины. Скажите мне, майор. Если бы вы оказались на её месте, вы захотели бы остаться в неведении, что являетесь источником порчи? Вы предпочли бы умереть чистым или стать причиной разрушения всего, что вам дорого? Если она чиста, если то, о чём я молюсь, произошло, то она может спасти всех нас. Если же нет, то мы хотя бы можем спасти её душу. Немного боли и гибель смертной оболочки небольшая цена за то, чтобы избежать вечного проклятья.

Девору стало не по себе. Жестокость экскрутиаторов Адептус Министорум ни для кого не была тайной.

- Легко говорить, когда это не ваша боль, - сказал он, удивив самого себя. Он не до конца мог понять, почему для него так важны страдания этого ребёнка.

Иоланта с презрением посмотрела на него:

- Я сообщу вам о том, что мы обнаружим. Не вмешивайтесь.

Девор очень устал. Он не хотел спорить, но моральные принципы заставили его воспротивиться усталости:

- Сестра, - начал он. Больше он ничего произнести не успел.

Бастион задрожал. С потолка посыпалась пыль.

- Что это было? - спросил он.

Иоланта уже двигалась, она шла быстрее, чем он мог её догнать. Он последовал за ней по коридору. Она первой вошла в открытый фортификационный шлюз. Дверь зашипела, закрываясь за ней, и он безрезультатно застучал по панели управления, пока выполнялся положенный цикл процедур. Ещё один удар сотряс башню, и ещё один.

Дверь шлюза открылась, и он поспешил войти.

- Давай, давай! - пробормотал он, пока машины гудели, проверяя и перепроверяя присутствие загрязнения. Четвёртый удар, более сильный, чем предыдущий потряс и его и устройства в шлюзе. Их сигнальные огни потрясённо замерцали с зелёных до красных и обратно.

- Чистота подтверждена, - произнесли машины. Перезвон. Внешняя дверь скользнула в стену. Девор протиснулся наружу, прежде чем дверь полностью открылась.

Иоланта стояла на стене в окружении толпы людей. Они оставили дела и смотрели на Гекатон. Девор подошёл как раз вовремя, чтобы увидеть, как пятое и последнее копьё ударило с орбиты. Множество

лучей под разными углами, вероятно, исходившие с разных кораблей. Они были хорошо нацелены и ударили так близко по времени, что казались выпущенными одновременно. Он вздрогнул от обжигающего света. Облака разбегались от пронзавших воздух лучей, которые подобно молотам расплющивали поражённые порчей шпили Гекатона. Мгновение стало всей мерой времени, что потребовалось для свершения суда Жиллимана. Люди выдохнули, прежде чем раскаты ударов достигли ушей Девора. Кольца плазменных выбросов расходились с места удара, светящиеся газы расширялись и рассеивались в жёлтом тумане. Наконец звук догнал свет, и над равнинами прокатился искусственный гром.

Гекатон превратился в оранжевые брызги в горах. Недолговечные потоки лавы потекли вместо грязевых рек.

Вдоль стены и на передовой уставшие люди срывали респираторы и радостно кричали.

- Узрите! Император свершил суд над врагами Своими, недостойными искупления, и поразил от космоса до земли и до варпа, - произнесла Иоланта неизвестную Девору цитату. - И гнев Его был непревзойдённым, и все увидевшие Его трепетали от Его праведности, и пала ярость Его на тех, кто был предателем, и резня разверзлась согласно воле Его и действиям Его.

Несколько людей опустились на колени, шепча молитвы над сложенными в символе аквилы руками. Несколько самых набожных подошли к святой воительнице в поисках благословения.

- Встаньте, - сказал Девор, смаргивая остаточное изображение. - Ещё не конец. Возвращайтесь к своим обязанностям.

Иоланта торжествующе посмотрела на него:

- Примарх сказал своё слово, и прежде чем он придёт сюда, я буду готова предложить ему голову ведьмы или средство спасения.

Она покинула стены, громко разговаривая по вокс-устройству на воротнике с экскутиаторами.

Четырнадцатая глава

ПУТЬ ПЛОТИ

Грязный дождь моросил с зелёных небес. Извержения войны грохотали по всей планете, доносившись с одной стороны горизонта. Слуги Бога-Трупа были совсем рядом. Время захватчиков истекало.

Гвардия Смерти разбила лагерь в небольшой долине в горах к северу от Гекатона. Это было жалкое и унылое место. В его центре высоко над землёй располагалась ржавая платформа из трёх соединённых кругов. На ней под взглядом матово-белых глаз Мортариона стояли триста сорок ничтожных смертных. Они принадлежали к культу Бесконечного Разрастания, секте провидцев на службе Нурглу. Все до единого были псайкерами и некоторые очень талантливыми. Они посвятили свои загубленные и непродолжительные жизни прославлению Чумного бога, и стремились угодить своему бессмертному повелителю. Хотя они обладали немалой силой, она была ничем в сравнении с силой Мортариона. Рядом с могуществом повелителя Гвардии Смерти их дары были слабыми умиряющими вспышками на фоне солнца.

Мортарион расположился на троне с высокой спинкой, который изготовили из сложенных зелёных костей. Его бронированные руки сжимали подлокотники из колонн перевёрнутых черепов. Вокруг

стояли семь терминаторов Савана Смерти, их огромные облачённые в броню тела выглядели карликовыми рядом с необъятностью их демонического повелителя. Их гигантские косы казались миниатюрными в сравнении с гигантской Тишиной, висевшей на ржавых скобах над головой Мортариона. Сила Хаоса раздула Мортариона далеко за пределы его исходных размеров. Он был создан Императором в два раза выше смертного человека, но Нургл увеличил его ещё больше до тридцати футов в высоту, что соответствовало его высокому статусу при дворе Чумного бога.

По длинному ковру из сшитой гнилой человеческой кожи к ногам Мортариона хрипло двигался высший чудотворец секты провидцев. Он был благословлён избытком плоти Нургла. Высокий и остроконечный капюшон, украшенный тусклой бронзовой булавкой в форме мухи, скрывал всё, кроме покрытого струпьями рта. Длинный килт прикрывал нижнюю половину, но грудь была обнажённой, а раздутый живот тяжело перекинулся через пояс.

Чудотворца сопровождало тощее существо, закутанное с головы до ног в тускло-зелёную мантию. Оно несло грязный засохший флаг с намалёванной мухой Нургла.

Высший чудотворец остановился перед тронем Мортариона и с явным усилием опустился на колени. Безликий приспешник стоял за его спиной, знамя секты развевалось на влажном чумном ветру.

- Мы готовы, милорд, - сказал человек. Сектанты боялись его. Сотни плели заговоры друг против друга, чтобы угодить ему. Он был высокомерным, жестоким, хорошо сведущим в тёмных искусствах и благословлён своим богом. Опустившись на колени перед демоническим примархом, он дрожал, словно зверь на бойне.

Из дыхательной маски Мортариона зашипели ядовитые испарения. Лёгкие повелителя смерти загремели в глубоком вдохе.

- ***Тогда начинайте,*** - произнёс он. Мортарион посмотрел поверх головы просителя на шторм на горизонте. Лучи лансов били по поверхности. Боеприпасы падали подобно метеорам. Его ненавистный брат собирался уничтожить Гекатон. Взрывы грохотали на позициях вокруг города в постоянном ритме. Времени оставалось мало. - ***Приведи Ку'гата и его Чумную Гвардию до падения храма и часов, или познаешь такие мучения, которые не сможет ослабить даже самая искренняя вера в Чумного бога.***

Капюшон человека затрясся, усиливая его испуганную дрожь.

- Милорд! - воскликнул он. Для такого толстого и больного человека он слишком энергично вскочил на ноги. Он поклонился и зашаркал спиной вперёд по ковру из потрескавшейся кожи, повернувшись только, когда удалился на почтительное расстояние.

- Во имя Нургла, всемогущего бога жизни и смерти, да начнётся ритуал!

Глухо прогремел медленный удар гонга. Началось скандирование. Колдуны встали неразрывным кольцом вокруг точки пересечения трёх платформ, оставив лишь один разрыв в стене болезненной плоти, чтобы располагавшийся на самом краю северного круга Мортарион мог всегда видеть центр.

Семеро из трёхсот сорока вышли к центру этого круга, их шаги соответствовали торжественному ритму скандирования. Они встали на равное расстояние друг от друга, сформировав малое кольцо в большом. Одновременно они подняли руки и сбросили капюшоны, затем расстегнули плащи и позволили им упасть, оставшись голыми под дождём.

Были выбраны семь благословлённых последователей Нургла. Разнообразие их уродств впечатляло. Ни единая частичка их тел не избежала пятна или болезни. Одному слоновьей болезнью раздуло ноги до гигантского размера, конечности другого засохли и пальцы отвалились из-за проказы. Лицо третьего обвалилось само в себя, его череп пожрала остеопатия, оставив сморщенное и свистящее отверстие, которое служило ртом и носом. Всех покрывали язвы, оспины, бубоны и пятна яркой синевы. Кожа стала равномерно обесцвеченной и дряблой. Паразиты, которых стало видно после раздевания, удирали в подмышки и пах, прячась от дождя. Их недуги превосходили самые тяжёлые болезни, которые мог выдержать человек и не умереть. Никто не любил работать с плотью больше Нургла. Широкая пасть с рядами чёрных зубов зияла в животе женщины. Мужчина укачивал трепетавшее щупальце, заменившее ему правую руку, а ещё один был окружён роем мух, которые выкрикивали названия утраченных болезней на грани слышимости и выползали и заползали в тончайшие полости в его коже.

- О великий Нургл! - произнёс нараспев чудотворец, перекрывая монотонное гудение своего ковена. - В своём великодушии ты благословил этих счастливиц. Мы славим тебя за их болезни, мы возносим хвалу твоей щедрости, мы пресмыкаемся в поклонении твоей доброте! Мы предлагаем вернуть их тебе, чтобы ты забрал их в свой сад, где сможешь восхититься своей работой и насладиться своим мастерством!

Его поющий голос стал громче:

- Забери своих достойных сыновей и дочерей на небеса своих бесконечных садов, прижми их любовь и поклонение к своей гниющей груди, дабы они могли вечно жить и возрождаться во всём многообразии разложения!

Молния вспыхнула над головой, зазубренный семиконечный трезубец ядовито-зелёного электричества замерцал и заметался по всему небосводу.

Семеро вскинули ритуальные атамы в кулаках и свернувшихся щупальцах, показав металл небесам.

- Возьми нас, о Дедушка, пригрей нас! - запели они.

Молния ударила снова, заземлившись в их кинжалы. Дрожа от танцующей по коже энергии, семеро вонзили кинжалы в животы, и быстрыми, мучительными, вертикальными движениями выпотрошили себя.

Они кричали от боли и экстаза, пока вываливались их внутренности. Бог уже принял подношения и их кишки позеленели, разрываясь от корчащейся жизни личинок под песнопения ковена. Семеро бросились в объятия смерти, упав в слизь собственных распадавшихся внутренностей, пока жизнь вытекала из них в грохот ливня.

- Откройте путь! - прокричал чудотворец. - Трижды три раза по три великими именами Чумного бога я повелеваю это! Откройте путь!

Трупы задёргались. Молния снова ударила в них. Их грудные клетки распахнулись с отвратительным треском, выворачиваясь из мёртвой плоти и разрывая позвонки. Сияя тлетворным фосфоресцирующим светом, кости поднимались вверх, кружили друг вокруг друга и увеличивались. Из ниоткуда хлынула тёмная материя и стала покрывать их. Щупальца потянулись от одной грудной клетки к другой со скоростью эпидемии, стремительно раскручиваясь и извиваясь. Они изворачивались, шипели и завывали нечеловеческими голосами, прежде чем соприкоснуться и притянуться друг к другу, соединяя кости в кривую эллиптическую арку двадцать пять метров высотой.

- Нургл! Нургл! Нургл! - пела толпа в лихорадочной рапсодии.

Тошнотворный свет вспыхнул в центре ворот, который быстро стал таким ярким, что грозил ослепить всех собравшихся на платформе. Реальность пошла рябью, словно пойманное жаром магии искривлённое стекло, выгибаясь наружу грубыми выпуклостями, под мучительную песнь физических законов.

- Нургл! Нургл! Нургл!

Лучи лансов пронзали небо на юге. Гекатону пришёл конец. Нурглу было, что на это ответить.

Огонь вырвался из разрыва и вонзился в глазницы сектантов-провидцев. Зелёные энергии протянулись из ртов и одежд, от моментально высохших промокших мантий повалил запёкшийся пар. Заикающийся гром, который, возможно, был благочестивым смехом, прокатился по кипящим небесам. С ужасающим грохотом врата широко распахнулись, разорвав открытую рану в коже реальности.

Сектанты мгновенно попадали мёртвыми, в живых остались только высший чудотворец и его знаменосец. Тела рухнули на коричневый металл, словно мешки, переброшенные через задний борт телеги.

Другой мир, более больной и испорченный, чем Парменион, показался сквозь всасывающий разрыв в варпе. Иакс, мир-сад, планета, которую Мортарион переделывал и собирался переименовать в Мориакс, сердце и краеугольный камень его планов затянуть весь Ультрамар в варп.

Открывшийся вид внезапно заслонила гора отвратительной плоти на гигантском паланкине, который несла толпа хихикающих чумных клещей.

Печально нахмурившись, демон Ку'гат шагнул сквозь варп, перейдя из одного мира в другой за один удар своего гнилого сердца.

Дождь, не переставая, моросил из зелёных облаков, невольно заставив Ку'гата подумать о своём сопернике Гнилиусе. Появление на Парменионе не принесло радости разорения Тартеллы или захвата чумой Иакса. Рога Септика были скрыты под капюшоном, а лицо мрачным. Остальные заместители выглядели не менее мрачными. Нурглинги хныкали и жаловались под громадной тушей Ку'гата. Он из злости раскачал паланкин, чтобы у них появился настоящий повод стонать.

Семь великих нечистых Чумной Гвардии приблизились к Мортариону. Демонический примарх сгорбился на троне, сложив крылья от проливного дождя. Парменион оказался мрачным и несчастным, но не в том смысле, как ожидалось. Свежий ветер изучал границы зловонных туманов, угрожая разорвать их на части и сдуть славное зловоние. Неподалёку оружие смертных рассекало атмосферу. Не самый приятный вид.

Ку'гат посмотрел на видимое только глазами демона сияние в небесах.

- **Сила Нургла ускользает**, - произнёс Ку'гат. Иакс обернули саваном варпа, из которого он мог черпать силу и энергию для существования в агрессивной вселенной. На Иаксе он чувствовал себя полным жизни. На Парменионе он ощутил рыхлую обыденность под потоком варпа, песок под простынями удобной кровати. Он понимал, что если слишком сильно потянет, чтобы подпитывать своё колдовство, то он не выдержит. Он распадётся, и законы смертного царства изгонят его.

- **Ароматный воздух сада едва доносится до этого места.** - Он повернул могучую голову, чтобы посмотреть за платформы и пределы лагеря Гвардии Смерти. - **Ваши часы на месте. Разве они не работают?**

Он задрожал. Где-то неподалёку находилось что-то неприятно здоровое. У Ку'гата возникло чувство, что на него смотрят недружелюбные глаза. Все демоны ощущали это. Они молча выходили из разрыва. Нурглинги утратили веселье, став такими несчастными, какими обычно были чумоносцы, а сами чумоносцы замкнулись и шептали свои подсчёты. Звери Нургла сгорбились на кислотных дорожках слизи и скулили, слишком напуганные, чтобы играть. Чумной Отец оглянулся на каменные лица своих заместителей: Септика, Голода, Долговязого, Пестуса Трана, Толстозадого и Бубондубона. Последний единственный сохранил хорошее настроение.

- **Вы, что обманом затащили меня сюда?** - требовательно спросил Ку'гат. Он наклонился вперёд, вызвав тревожные визги у носильщиков паланкина.

- **План ещё более осложнился,** - ответил Мортарион. - **Варп отступает. Сила, которая помогла моему брату пересечь иноеморе, находится и здесь на поверхности, работая против нашего повелителя. Я столкнулся с барьером на западной оконечности этого континента, город не пал. Он под защитой.**

- **Какая сила остановила вас? Вы определили, что это: ваш постоянно изменчивый соперник или...** Он, - произнёс Ку'гат. Дурное предчувствие заполнило его несчастное сердце и вылилось между гнилыми зубами. Чувство было настолько мощным, что Мортарион поглубже подался на троне, словно дворняга, испугавшаяся кнута хозяина.

- **За пределами города земли остаются не благословлёнными плодородными дарами Нургла. Одна медленная стабильность, свободная от гнили и возрождения.**

- **Я спросил, какая сила, о Повелитель Смерти,** - сказал Ку'гат. Мышцы задёргались вокруг его незакреплённого глаза, и он поднял руку, чтобы не дать ему вывалиться.

- **'Это не имеет значения,** - произнёс Мортарион. - **Результат не зависит от того, кто противостоит нам. Цели не изменились. Парменион - сцена для второго акта падения Жиллимана. Я вознёс молитвы Дедушке, прося о помощи. Предзнаменования хорошие. Меня услышали.**

- **Вам нужна ещё помощь?** - недоверчиво спросил Ку'гат. - **По вашему требованию я привёл большую часть демонического воинства Иакса-который-станет-Мориаксом.** - Он вздрогнул. Плоть на его гористых боках задрожала. - **Ничего больше нельзя привести сюда. Легионы Нургла - септеты бесконечности, семь раз по семь раз и ещё по семь раз и так до скончания веков, но течения варпа не смогут поддержать больше в этом месте.**

- **Посмотрим,** - сказал Мортарион. - **Нургл не оставит нас. Близится великая битва за душу Ультрамара. Я не буду знать покоя, пока не завоюю это царство для Дедушки. Он поддержит мои устремления. Мы покорим этот мир и приведём моего брата к гибели на Мориаксе.**

Ложные молнии космической войны на горизонте вспыхнули ещё ярче. Последние удары света обрушились с орбиты, стирая Гекатон. Его пожары освещали хмурые небеса очищающим оранжевым светом. С разрушением города варп-врата за спиной Ку'гата сморщились, сужая путь между мирами.

Демонический легион в ужасе взвыл и увеличил скорость, чтобы пройти, пока проход не закрылся.

- Поспешите! - закричал Пестус Тран. - Поспешите!

Ку'гат изумлённо открыл рот:

- И теперь сила уменьшилась ещё больше. Наш вид не сможет долго здесь оставаться.

- Брат обнаружил и нейтрализовал варп-часы быстрее, чем я ожидал, - сказал Мортарион. - Но предзнаменования хорошие. Всё идёт по плану.

Ку'гата было не так легко убедить.

- **Достаточно лжи, Мортарион,** - произнёс он и сосредоточился на том, чтобы удерживать врата достаточно долго и его демонический легион успел пройти.

Пятнадцатая глава

ДЕБЛОКИРОВАНИЕ

Ещё на один день ближе к смерти. Девор находился на передовом наблюдательном пункте у самой воды. Он ожидал получить помощь, когда увидел горящий Гекатон. Прошла уже неделя, но никто не пришёл, а враг подошёл к Тиросу как никогда близко.

В гавани взорвался снаряд. Высоко взметнулся фонтан воды, забрызгав Девора морской водой, которая уже превращалась в грязь. Враг был близко. Орудия городской стены направили настолько низко, насколько это было возможно. Неприятель приблизился к их минимальной дальности и поэтому орудия чаще попадали в гавань, чем во врага. Воздух вокруг позиции Девора смешался с морской водой, и стал влажным и солёным.

- Огонь! - хрипло прокричал он. Он произносил это слово так много раз, что оно стало бессмысленным. Лазерные пушки выстрелили, их лучи продержались достаточно долго, чтобы зафиксироваться на сетчатке пылающими призрачными вспышками. Расплавленный металл потёк с бульдозерных отвалов осадных танков Гвардии Смерти, смешиваясь с камнями, которые они сваливали в воду. Надежды Девора, что враг покинет дамбу и отступит от Тироса, не сбылись. Прибытие флота вызвало у врага безумную активность. Работа на дамбе велась с бешеной скоростью. Болезни вспыхивали на улицах Тироса. Странные машинные недомогания поставили под угрозу защиту города.

"Смотри на дамбу, - подумал он. - Вот где подлинная угроза. Сосредоточься". Тысячи ходячих мертвецов неуклюже двигались мимо танков. Им не доставало воли, чтобы стать полезными в качестве рабочих, поэтому Гвардия Смерти приковывала к их шеям камни и посылала вперёд. Ведомые желанием вкусить живую плоть мертвецы доходили до конца насыпи и падали прямо в воду, камни тянули их к мокрым могилам в фундаменте осадных работ. Девор приказал своим людям не стрелять по ним. Требовалось слишком много попаданий, чтобы прикончить их, а защитники не могли напрасно расходовать боеприпасы. Руки отлетали от тел, а они не замедлялись. Выстрелы пробивали их насквозь, так что вываливались внутренности и за ними был виден прозрачный воздух, но они продолжали наступать. Даже те, чьи ноги оторвало, ползли на руках к берегу. У защитников были более важные цели для стрельбы. Он будет волноваться о мертвецах, когда они доберутся до острова.

- Цельтесь в еретиков! Убивайте предателей! - закричал он, размахивая лазерным пистолетом над разрушенными доками.

Позади танков грохотали транспортёры, вываливая камни в сужавшееся море. Громоздкие фигуры космических десантников-предателей шагали между ними, они хлестали смертных рабов, которых пригнали на работу, и собственноручно сбрасывали в океан валуны весом с Девора.

Прошло немало времени с тех пор, как Девор видел Чумных Десантников так близко. Он сталкивался с ними несколько раз на других мирах. И всё же от их вида у него скручивало живот. Воспоминания казались слишком ужасными, чтобы быть реальными, чудовищно лживыми. Но правда врага снова предстала перед ним. Они были огромными отвратительными тварями, деформированным настолько, что это казалось невозможно осмыслить здоровым разумом. Девор смотрел на них сквозь магнокуляры и чувствовал, как хрупкий контроль над реальностью покидает его. В них он видел уродство тератоморфа Гвардии Смерти в ужасных подробностях. Шелушащуюся кожу, которая отслаивалась от дряблых обнажённых туловищ; края вычурно ярких щупалец, что высывались из-под пластин доспехов; конечности, превратившиеся в хлеставших червей. Их зловоние было ещё хуже внешности. Они воняли так, что он чувствовал запах над пенившейся водой даже несмотря на респиратор. Он подумал, что если они подойдут ближе, то он может умереть, просто находясь рядом с ними. Они пахли болезнями из самых безнадёжных больниц в худших зонах боевых действий и самых глубоких и тёмных чумных ям.

Они должны были умереть. Их раны выглядели тяжёлыми и гноились, а болезни были очевидными. Вместо того чтобы ослабить и свести в могилу, недуги сделали их сильнее. Их сопротивляемость казалась поразительной. Их доспехи напоминали едва ли не металлический мусор, но они не обращали внимания на прямые попадания из лазерных пушек и тяжёлых болтеров. Некоторые весело махали, когда в них попадали или издавали детские звуки. Ребяческое поведение только делало их ещё более ужасающими.

Девор старался лишний раз не смотреть на них в магнокуляры. В любом случае осталось недолго ждать, чтобы рассмотреть их во всех подробностях. Враги близко. Дамба находилась уже в ста метрах от берега, и он видел, как с каждой минутой она подползала всё ближе. По его оценке через час они пересекут гавань и доберутся до острова. Уродливые космические десантники ступят на землю Тироса, как и ужасающее количество чумных ходоков. Ему стало интересно, кто его убьёт: живой или мёртвый?

Тёмные облака сгустились над осадными танками. С берега подул пронизанный сыростью и плесенью холодный ветер.

- Огонь! - снова закричал он. И ещё раз лучи лазерных пушек врезались в бульдозерные отвалы, сталкивавшие камни, кости и почву в бурливший океан. Роторные пушки на лобовой броне танков ответили. Мимо защитников берега завывали пули, яростные и похожие на насекомых. Сапёры Девора усилили передовые укрепления, создав настолько хороший опорный пункт, насколько смогли. Новая стена из заполненных камнебетоном грузовых контейнеров выходила на гавань, создавая эшелонированную оборону из трёх линий. За этими барьерами люди находились в относительной безопасности, но количество пуль было слишком велико, случайные попадания стали обычным делом и многие погибали.

- Огонь! - опять приказал он. Тяжёлые болтеры обстреляли чумных ходоков и Гвардию Смерти, пробивая первых насквозь и отрывая куски от вторых. Мёртвые продолжали идти, а больные еретические космические десантники выходили на открытое место и приглашали к дальнейшим проверкам на стойкость, широко разведя руки. Хуже всего было то, что сначала работавшие с предателями люди падали замертво, а затем спустя непродолжительное время вставали и плелись с открытыми ртами за чумными ходоками. Они волочили ноги, присоединяясь к толпе.

- Огонь... - произнёс Девор. Его голос дрогнул. На дамбе сформировался вихрь чёрного дыма и болезненного света. Семь могучих существ вышли вперёд - космические десантники-колдуны, они были облачены в гнилую человеческую кожу и несли посохи из сучковатого зелёного дерева.

Они направили амулеты на море и запели слова, которые разрывали воздух извивавшимися полосами, загрязняя саму ткань реальности.

Люди закричали в тревоге.

- Колдовство! Колдовство! Колдуны!

Море забурлило. Белая пена на серой воде сменилась чёрной накипью на зловонной слизи. Вода превратилась из жидкой в твёрдую. Корчившиеся твари проталкивались сквозь уплотнявшийся океан, и возник настил из пульсировавших вен, капавший ихором в море из сочившихся соединений. Плоть росла и распространялась между ними. Девор узнал в растущем настиле формы и очертания местной морской флоры и фауны Пармениона, но ужасно искривлённой и увеличенной, пока всё сходство с естественной природой не исчезло в болоте плоти. Эта мерзость, извиваясь, прокладывала себе путь через океан, цепляясь вытянутыми выростами за сваи набережной и быстро оборачиваясь вокруг них с влажными всасывающими звуками. К тому времени, как многочисленные щупальца авангарда дороги из плоти достигли берега, её дальняя часть уже перестала представлять собой разрозненные затянутые плёнкой участки материи, укрепившись до твёрдого перешейка пульсирующей больной жизни.

От неё исходила солёная гнилая вонь, ощутимая даже не смотря на экологическое защитное снаряжение. Испарения поднялись и хлынули на берег, каким-то образом зажив собственной жизнью. Они казались клочками обычного океанского тумана, но были хищными и разумными.

- Огонь! - закричал Девор. Он был близок к панике. Он не мог показать её или его люди обратятся в бегство. - Стреляйте в мост! Стреляйте в мост!

Расположенное вдоль берега тяжёлое оружие мгновенно открыло огонь, обрушившись на поверхность живого перешейка. Усилия оказались бесполезными. Большинство выстрелов отскочило от эластичной кожи, варп-искусство отразило их от противоестественного организма. Его поверхность пульсировала и гудела, подобно барабану, разбрасывая брызги с каждым ударом. Где попадания действительно проникали в плоть, пузырились и выливались чёрные жидкости, напоминая нёсшие гибель морю нефтяные пятна.

Вокруг перешейка всё умирало. Поражённые гниением морские обитатели выбрасывались на поверхность.

- Сэр! Сэр! - позвал сержант. Его отчаянный жест переключил внимание Девора на противоположную сторону. Танки к счастью не двигались, у пропускной способности моста существовал явный предел. Но пехота наступала, сопровождаемая огромными роями гудящих злобных мух. Гвардейцы Смерти были буквально окутаны ими, массивные фигуры предателей скрывались среди клубящейся массы. Комично подпрыгивая, они пересекали перешеек, используя эластичность и упругость настила, чтобы двигаться быстрее, и демонстрировали свою неуязвимость для огневой мощи Астра Милитарум. Огонь тяжёлого оружия и залпы лазганов поглощались мухами, чьи движущиеся скопления образовывали ложные фигуры, скрывая настоящие.

Вновь раздался грохот вражеских самоходных мортир. На этот раз не использовались никакие вирусные снаряды, только простая взрывчатка. Они тяжело врезались в импровизированные линии защиты,

взрывая стены контейнеров с мучительными ударами. Туман усилился, молча подползая к солдатам и пробираясь сквозь мельчайшие щели. Отобранные испарениями умирали ужасной смертью. Они дёргались так сильно, что ломались конечности. Рвотная кровь окрашивала линзы противогазов в красный цвет.

Раненые выдыхали последние вздохи в ужасных муках. Те, кому повезло, умирали сразу.

Смерть воцарилась над гаванью, а Гвардейцы Смерти ещё даже не открыли огонь.

- Трубить отступление, - сказал Девор горнисту, предчувствуя поражение. - Немедленно.

Горнист щёлкнул каблуками и смело вышел из двери бункера с открытым лицом, как того требовал его инструмент. Чистая музыка горна прорезала шум войны. Когда офицеры Девора и командиры отделений услышали звук, к нему присоединились менее мелодичные трели гудков и пронзительный свист пальцев свистков, передающие приказ. Люди закричали и стали отступать, пока вокруг пронзительно ревели снаряды, и большой туман пожинаял всё больше жертв одним прикосновением.

Девор ждал. Неспособный увидеть много сквозь амбразуру поста, он оценивал прогресс отхода на слух. Когда он предположил, что большинство солдат начали отступать, то повернулся к новому связисту:

- Отправляй сообщение, немедленно. Полный обстрел по этим координатам.

- Каким координатам? - тупо спросил солдат.

- Нашей позиции! Передай приказ орудиям на стенах обстрелять наши позиции!

Солдат уставился на него. Девор выругался и выхватил вокс-рожок из его руки:

- Говорит майор Девор. Дежурный код Ультима Фи. Враг прорывается. Приготовьте вторую линию обороны. Немедленно начинайте обстрел моего сектора.

Потрескивание сообщило ему, что его услышали, хотя он и не различил слов. Гудение мух простёрлось за пределы человеческого слуха, забив вокс-частоты.

Гвардия Смерти почти пересекла воду. Толпа изуродованных болезнями парменионцев шла перед ними, поглощая большинство выстрелов, которые в ином случае оставили бы след на телах предателей.

- Уходим. Сейчас, - сказал он. Его штаб покинул бункер. Верный своим привычкам Девор вышел последним.

Девор убежал второй раз за неделю.

Демонические механизмы были ужасными. Происходящее сейчас было намного хуже: полномасштабное фронтальное наступление одних из самых смертоносных воинов в галактике. Он бежал через порт, уворачиваясь от взрывов, все мысли о командовании вылетели из его головы. Он вообще ни о чём не думал. Инстинкт взял верх. Тело требовало выживания и перехватило контроль над сознанием. Подъёмный кран получил прямое попадание и с лязгом завалился на бок недалеко от Девора. Он уклонился от него даже раньше, чем заметил падение. Группа людей погибла всего в двадцати метрах от майора, они в мгновение ока превратились из бегущих, кричащих и думающих существ в дымящиеся угли.

Сейчас стрелял весь город, уничтожая собственный порт тяжёлыми настенными орудиями. Девор

оглянулся на бегу. Обстрел вбивал башни жёлтого огня в кружащуюся массу насекомых. Наконец на мокрых камнебетонных причалах появились распростёртые трупы еретических космических десантников. Но их было немного, и они лежали далеко друг от друга, и даже если всех предателей повергли бы удачными выстрелами, ходячих мертвецов оставалось слишком много, чтобы убить и их всех тоже. Они медленно шли вперёд к пролому в стене со скоростью разливавшейся смолы.

За спиной раздался болтерный огонь. Звуки выстрелов, шипение ракетных двигателей и влажные удары, когда они взрывались внутри живой плоти, слились в ревущий грохот. Его поглотил ужас. Больше, чем испуг перед смертью. Невидимая пелена страха нависла над врагами, наполняя Девора холодным животным ужасом. Он едва не свернулся клубком позади штабеля ржавых бочек, чтобы дожидаться своего конца, но тело толкало его вперёд.

Впереди показалась вторая линия обороны, возведённая на обломках разрушенной стены и защищавшая пролом. Именно там Девор стал свидетелем дара девочки. Из города защитная линия казалась внушительной. Снаружи, глядя на могучую конструкцию разрушенной стены за ними, новые укрепления казались ущербными. Вражеская артиллерия била в брешь. Там, где снаряды попадали по уцелевшим участкам, стена держалась, но те выстрелы, что ложились точно, выбивали куски, обрушивали валуны камнебетона и расширяли пролом. В порту Гвардия Смерти уже открыла огонь из оружия среднего радиуса по сборным участкам линии обороны, закрывавшим путь в город. Они безжалостно обстреливали предназначенные для отступления береговые траншеи, заполняя их плазменными разрядами и вихрями вращавшихся осколков, предлагая убегающим рискнуть воспользоваться шансом между залпами. Девор бросился в один из этих смертоносных проходов, надеясь, что окажется одним из немногих, кто сможет преодолеть покоробившиеся ходы сообщения из пластали, пока враги будут убивать другого бедолагу.

Грохот городских батарей оглушил его. Там, где снаряды попадали в море, гигантские фонтаны брызг взметывались высоко в небо там, где они поражали землю – колонны смешанного с разорванными трупами камнебетона. Девор не слышал ответного огня медленно наступавших врагов. Всё смешалось в грубую стену яростного шума.

Потом он понял, что летит, подброшенный вверх безжалостным ударом взрывной волны. Воздух выбило из лёгких с такой силой, что непроизвольно запели голосовые связки. Он уставился на мчавшуюся навстречу землю, и она встретила его не менее недружелюбно.

В ушах зазвенело. Зрение стало чёрно-белым. Он чувствовал себя так, словно душа покинула тело.

Несмотря на это он поднялся, стремление выжить оказалось слишком сильным, чтобы от него отказаться, и заковылял ко второй линии обороны. Звон в ушах заглушал все остальные звуки.

Он потерялся на некоторое время в предвкушении смерти. Когда он пришёл в себя, то обнаружил, что защитный костюм и униформа на левом боку порвались, а по руке течёт кровь. Он прислонился к дымившимся развалинам бункера, расплавленный плазменными попаданиями пластик которого опасно капал рядом с ним. Он ожидал смерти, но стал свидетелем странного зрелища, когда вернулось сознание.

Мухи сбились в плотную массу, словно врезались в невидимое окно. Они колотились в препятствие и раздражённо гудели. Мёртвые проходили сквозь барьер, но слабели и когда в них попадали, просто падали и не поднимались. Только Чумные Десантники проходили беспрепятственно, но и они что-то почувствовали. Весёлые прекратили шутить и смеяться. Мрачные стали ещё мрачнее. Наибольшие

изменения произошли с колдунами, которых покинула сила, едва они пересекли невидимую линию. Их гневные крики пронзили шум битвы. Девор с изумлением смотрел, как они вскинули ржавые перчатки, пока их порождённое варпом могущество исчезало и улетучивалось.

Враги продолжали наступать. Их мистические силы уменьшились, но оружие сохранило зубы. Смертельные очереди перекрёстного огня пронзали зону поражения между оборонительной линией и гаванью. Гвардия Смерти продолжала наступать, не обращая на них внимания. И хотя ещё несколько предателей погибли, их упало гораздо меньше, чем требовалось. Энергетические лучи и пули свистели над головой, разрывая на части толпу ходящих мертвецов. Без мух, которые поглощали лазерные лучи и заслоняли цели, их эффективность слегка возросла, но недостаточно. Еретические Астартес не останавливались. Шеренги солдат сформировали отчаянный арьергард, стреляя и отступая рядами, поражая приближавшихся чудовищ с близкого расстояния, а затем в упор. Ещё один упал, затем второй, третий. Всего трое. Сотен выстрелов хватило бы, чтобы поколебать армию, а здесь только трое убитых врагов.

Гвардия Смерти перешла на неуклюжую трусцу, преодолевая оставшееся расстояние. Это нельзя было назвать бегом. Они были слишком разжиревшими и больными, но их скорость оказалась обманчива. Храбрецы Калта не дрогнули ни на шаг и встретили атаку прикрепленными штыками. Гвардия Смерти смела их. Солдаты кричали, когда их кости дробили сокрушительными ударами и неестественные болезни поражали их органы. Даже без завесы мух и колдунов Гвардия Смерти вырезала Астра Милитарум.

Ошеломлённый Девор приготовился к смерти. Он опустился на колени, сжал правой рукой в резиновой перчатке медальон в форме аквилы и начал молиться.

Рёв реактивных двигателей вывел его из отчаяния. Двухкорпусной десантно-штурмовой корабль промчался над головой, стреляя из орудий и выпуская ракеты из-под крыльев, и завис на месте. Космические десантники выпрыгивали из открытых дверей, маневрируя на гравитулах в самый центр врагов. Это были примарисы, воины с лицевыми пластинами в форме черепов и с длинными ножами. Следом за ними из гигантского штурмового корабля выпрыгивали воины с десантными ранцами, стреляя в воздухе.

Прилетел ещё один корабль, с рёвом остановился и начал приземляться. Высаживались Адептус Астартес в более тяжёлых доспехах.

Гвардия Смерти приостановила преследование Астра Милитарум, обрушив гнев на ненавистных братьев. Зрелище противостояния предателей и имперских космических десантников было ужасающим. Выпущенная битвой энергия сотрясла мир.

Ультрдесантники-примарис в чистой броне сражались против гниющих громадин. Теперь, когда они стояли друг против друга, Девор смог лучше оценить как низко пали Чумные Десантники. Свирепость, с которой они сражались с вновь прибывшими, о многом говорила. Десантники-примарис напомнили Гвардии Смерти, кем те были.

Силы сторон были равны. Десантники-примарис обладали повышенной живучестью, хотя и не совсем такой, как их проклятые кузены. Они получали попадания, которые уничтожили бы смертного человека, и продолжали сражаться, хотя удары в голову или грудь, похоже, убивали их, в то время как Чумные Десантники поглощали всевозможные боли перед смертью.

Первую линию атакующих десантников-примарис выкосили залпом выстрелов. Пока первые ряды

Чумных Десантников вели огонь, братья за их спинами достали мумифицированные головы с залепленными восковыми печатями отверстиями и зашитыми глазами. Некоторые из них крепились на коротких рукоятках наподобие гранат, и всех их одновременно бросили в примарисов. Гранаты врезались в броню подобно перезревшим фруктам, проливая большую материю на нетронутые доспехи. Краска пузырилась и чернела. Керамит становился хрупким и разрушался от единственного движения. Космические десантники, которых не могла убить ни одна смертная болезнь, корчились, кровавая пена вырывалась из их дыхательных решёток. Болты обрушились на Гвардию Смерти, убивая по несколько воинов в разных местах. Число врагов уменьшалось, но по-прежнему недостаточно быстро. Десантники-примарис потеряли многих в ответ.

Но время Гвардии Смерти на берегах Тироса подошло к концу. С востока летело всё больше кораблей.

Несмотря на отвратительную внешность, Гвардия Смерти не утратила ни капли тактической проницательности. Увидев приближавшееся подкрепление, они построились фалангой и начали отступать. Огонь с противоположной стороны моря усилился. Снаряды дождём сыпались на причалы, пока заградительные залпы лазерных пушек не подпускали десантно-штурмовые корабли. Гвардия Смерти отступала под огнём со стен, оборонительной линии и Ультрадесанта. Они миновали полосу моста, мухи снова окружили их и враги скрылись в зловонном тумане.

Тяжёлые орудия перенесли огонь на противоположный берег. К облегчению Девора вскоре после этого обстрел со стороны Гвардии Смерти прекратился. И всё же тишина не наступила, десантно-штурмовые корабли приземлялись, высаживая космических десантников старых и новых поколений, доносились резкие и ревущие крики из вокс-устройств. Но без артобстрела, непрерывного треска лазганов и кашля болтеров всё казалось почти мирным.

Туман отступал. Выстрелы вспыхивали в доках над водой.

Девор сорвал маску и его вырвало. Адреналин оставил его парализованной развалиной. Он с трудом оттолкнулся от разрушенного бункера.

К этому времени океан пересекали гравитационные танки, их лопастные колёса прокладывали глубокие равнины в море и высоко взметали вытесненную воду. Когда они достигли твёрдой почвы, вода обрушилась вниз и схлынула водопадом с их бортов. Гравитационные поля разглаживали всё вокруг, двигатели оглушительно ревели.

Рампы опустились, едва они достигли суши, и выскочило ещё больше космических десантников. За ними следовал медицинский персонал, рассредотачиваясь в поисках раненых и погибших. Девор подумал, что живых они найдут мало.

Вскоре показались меньшие лихтеры и невооружённые шаттлы. На многих виднелся спиральный медицинский символ. Они ревели в небесах, направляясь к городу.

Девор хромая пробирался сквозь столпотворение. У него не было чёткого представления о том, куда он направлялся.

Космический десантник в великолепных доспехах о чём-то спрашивал лежавшего на носилках раненого солдата. Мужчина поднял слабую руку и показал в сторону Девора. Воин немедленно направился к нему и представился:

- Капитан Сикарий, Виктрикс Гвардия Ультрадесанта, - произнёс он. - Вы здесь старший офицер?

- Вы не слишком спешили, - ответил Девор, бой выбил из него всё чувство уважения.

- Теперь мы здесь, - сказал он. - Вы - майор Девор?

Девор сумел выпрямить спину и кивнуть:

- Я.

- Мне приказано обеспечить безопасность в городе для примарха. Быстро скажите мне, каким образом вы защитили это место?

- Я не понимаю, что вы имеете в виду.

- Вражеская магия была остановлена перед городским периметром. Что сделало это? Скажите мне и не лгите. В Тиросе необходимо обеспечить безопасность.

Девор терялся в догадках:

- Это не вы сделали?

- Не мы, - ответил Сикарий.

Разум Девора был пустым. Неожиданно ответ сам пришёл к нему, а с ним вернулась и способность рассуждать. Он изумлённо посмотрел на Сикария.

- Ребёнок. Здесь есть ребёнок, удивительная девочка, почти совершеннолетняя, но ещё ребёнок. Это должно быть она!

- Псайкер? Она санкционированная? - Сикарий подошёл ближе. Тон его голоса напугал Девора.

- Она не псайкер, - с абсолютной уверенностью произнёс Девор, хотя он знал, что не обладает никакими доказательствами своего утверждения. Он просто чувствовал это.

- Тогда что? - спросил космический десантник.

- Она - чудо, - ответил Девор.

Вокс-оборудование Сикария щёлкнуло, когда он переключил частоты. Он не стал использовать настройки конфиденциальности и говорил открыто через решётку шлема:

- Сообщите тетрарху, что здесь есть что-то странное. Мне нужен его совет. Скажите примарху, что я рекомендую ему повременить с высадкой. Здесь может быть ловушка.

- Примарх? - произнёс Девор. Совершенно другой ужас охватил его. Позже он вспоминал, что самым смешным было, что в первую очередь он беспокоился из-за потрёпанного состояния униформы. - Примарх направляется сюда?

Жиллиман вернулся ещё при жизни прадеда Девора, но он никогда и не думал о том, что увидит его, даже когда пришли новости о начале освобождения планеты. Девор полагал, что будет сражаться в той же войне, что и повелитель Ультрамара, но увидеть его... Жиллиман был таким же мифом для Девора, как и для предшествующих поколений, когда примарх ещё томился в стазисе.

- Не сейчас, - ответил Сикарий. - Только после того, как я проверю этого ребёнка на предмет отклонений.

- Я буду...

Сикарий поднял руку, чтобы он замолчал, пока выслушивал личное сообщение.

Космический десантник что-то проворчал и посмотрел на небо. Приближалось ещё больше кораблей.

- Чёрт бы побрал всех жрецов, - произнёс он. Сикарий посмотрел на Девора, который увидел вспыхнувшее в красных глазных линзах обвинение, и грубо спросил. - Вы в курсе того, что происходит в городе?

- Что? - произнёс Девор, снова испугавшись. Поддавшись страху один раз, он стал его игрушкой.

- Религиозное шествие, - рявкнул Сикарий. - Эта ваш ребёнок его возглавляет. Я получил отчёты от разведчиков. Всё чёртово население вывалило на улицы. Вы здесь главный, так?

Девор ошеломлённо покачал головой, хотя был главным.

- Мой вокс-связист... - он беспомощно посмотрел по сторонам. Гиганты в синей броне настолько приковали его взгляд, что он не видел ничего больше, глаза не позволяли ему. - Я не знаю, где он. Моё оборудование уничтожено. Я нахожусь здесь с рассвета. Никакой связи с городом. Я сказал им оставаться в домах. Я приказал это!

Сикарий примирительно прорычал.

- Вы ведёте людей за собой. Тяжёлый бой. - Он переключил вокс-частоты. - Капитан Сикарий ударному отряду "Деблокирование Тироса". Охраняйте территорию гавани на материке и острове. - Он сжато ответил на реплики, которые не мог слышать Девор.

На противоположном берегу возникла вспышка, и над доками разнёсся грохот взрыва. Не прекращавшееся сражение неохотно отступало от Речного моря, утаскивая за собой завесу тумана. Открывшийся берег представлял собой голый остов беспорядочно обрушившихся сооружений.

Три космических десантника в доспехах, которые превосходили все видимые Девором произведения искусства, подбежали к капитану и молча окружили его, словно стеной. Сикарий стал синим замком в инкрустированной золотом кобальтовой крепости.

- Вы идёте со мной, - сказал Сикарий Девору. - Немедленно.

Шестнадцатая глава

ИМПЕРАТОР ЗАЩИЩАЕТ

Матьё шёл по улицам Тироса. Парменионцы любили высокие башни с крутыми стенами, и они составляли значительную часть городской архитектуры. Они все были одинаковой высоты и конструкции, и стояли так тесно, что с воздуха город напоминал постель с гвоздями.

Созданные врагами открытые пространства нарушали общую картину. Вокруг мест падения снарядов и попаданий лансов разрушение высилось концентрическими кольцами строгих ярусов. В середине ничего не осталось. Растрескавшаяся поверхность была пробита до скрытых под землёй уровней, трубы и транспортные пути робко выглядывали из-под обломков. Дальше земля разглаживалась и была покрыта стёртым в порошок камнебетоном, который сплавился в хрупкое стекло. Плоскую равнину окружал лабиринт разрушенных строений, где согнутые ударной волной стены и элементы конструкции бросали

вызов любым попыткам сориентироваться. Ступенька выше вела к следующему уровню беспорядочно склонившихся более высоких стен, и, наконец, к внешнему кольцу повреждений, где располагались опустошённые пожарами башни, которые снаружи стали мертвенно-бледными от выпущенного жара.

Городская сеть улиц была нарушена. Разбитые фасады завалили дороги ненадёжными языками феррокрита. Для движения пешеходов проложили беспорядочно прорезавшие обломки узкие дорожки, которые сдерживали листами рифлёной пластики и стягивали сетями из промышленных ткацких машин. Самые серьёзные разрушения находились у пробитой стены возле порта. Там линия горизонта была изрезана на полмили вглубь города. Артиллерия прорубила прямые пути между башнями, открывая причудливые проходы и странные остекленевшие дорожки, которые вели в никуда.

Ориентироваться в Тиросе стало трудно. Ровные прямые дороги превратились в тропинки столь же коварные, как горные тропы. Матьё мог велеть пилоту приземлиться в центре города, но вместо этого приказал доставить себя на одну из защитных башен Келетона, самую дальнюю от прибывающих имперских войск.

Несмотря на то, что Матьё ловко покинул флот, новости о его миссии достигнут регента. Время для работы было ограниченным. Он ожидал, что Жиллиман придёт в ярость. Он выдержит любое наказание. Его долг превыше любых других забот.

Он должен найти девочку из видения.

На улицах собралось много людей, привлечённых рёвом спускавшегося с орбиты корабля. Новости быстро распространялись по тесным подземным убежищам. Говорили, что осада снята. Примарх пришёл. Тиросцы покидали укрытия в подвалах и транспортных сетях, чтобы приветствовать спасителей, сначала медленно, медленно, а затем настоящим потоком.

Матьё внимательно прислушивался, ожидая услышать новости о девочке. Он не был разочарован. Группы взволнованных людей проходили мимо, обмениваясь слухами. Они ликовали и светились от счастья. Освобождение пришло.

- Она остановила болезнь! - сказала болтливая женщина. Как и многие вышедшие на улицы, она нарисовала камнебетонной пылью и сажей на лице череп-маску. Матьё уже видел такое на других мирах. Это был символ веры в Императора, демонстрация того, что её обладатель не принимает болезненную не-жизнь врага, а заявляет о своём стремлении к чистому концу на службе Повелителю Человечества. Матьё одобрял подобные проявления. В других городах и на других мирах верные люди теряли рассудок из-за вызываемых варп-сетью Мортариона психических заболеваний и связывали свою судьбу с предателями, даже на Макрагге. Но, похоже, в Тиросе дела обстояли другим образом. Конечно, это был знак.

Матьё замедлил шаг, чтобы не обогнать женщину и стал незаметно слушать.

Под мрачной головой мертвеца лицо женщины было восторженным, а глаза светились.

- Элоди была на имперском пути, - сказала она. - Я говорила ей не выходить во время комендантского часа, но она не послушалась и увидела, как Сёстры несли святую на золотом троне, и подошли с ней к стене. По словам Элоди вокруг неё засиял свет, и враги убежали. Они отступили! Затем прибыли космические десантники, призванные по её милости! - Она ликовала и тараторила без умолку. - Я обругала Элоди за то, что она ушла и хотела наказать, но она видела чудо. Она рассказала мне новости. Затем она сказала мне... - Женщину поглотила увеличивающаяся толпа. Матьё мельком увидел, что она

продолжала говорить.

Впереди улицу загромождали обломки, и она сужалась. Растущая толпа замедлилась и затопталась, попав в узкое место. Матьё медленно втянулся в дорожку через обломки. Там было темно, и стоял тяжёлый запах людей, которые многие недели находились взаперти без надлежащих санитарных условий. Матьё немало времени проводил среди обычной человеческой паствы. Запах человечества был для него святым ароматом и не мешал. Никто не замечал его, никто не знал, кем он был. Он упивался анонимностью. Он получал удовольствие став частью безликой массы масок-черепов.

Мужчина впереди разговаривал с женщиной, возможно, со своей женой:

- Она - святая. Настоящая святая. Ступает с благословением Императора!

- Джеррольд видел это, - сказал другой. - Он видел, как она очистила колодец. И они ещё говорят, что Он оставил нас. Людей надо сжигать за такие разговоры. Император защищает. Он пришёл, Он пришёл!

И снова:

- Император защищает.

И снова и снова:

- Император защищает.

Все вокруг Матьё услышали защитную фразу и повторяли:

- Святая, святая, святая. - Так что слова сливались воедино, создавая осязаемую ауру праведности из звука и веры.

- Император защищает, Император защищает, Император защищает.

Он чувствовал их радость, безопасность от знания, что взор бога остановился на их мире, и, увидев тяжёлое положение Своей паствы, Он послал Своих святых и Своего сына вывести их из тьмы.

За тропинкой толпа заполнила всю улицу. В руках появились свечи. Люди пели, пока Ангелы Смерти проносились в сиянии на металлических крыльях, разбитые окна дрожали от сверхзвуковых ударов кораблей. Благословенный Жиллиман был милосерден. Он уже доставил помощь для населения. За ракетами и мрачными воинами Бога-Императора следовали еда, вода и медикаменты. Жиллиман был настоящим святым, пускай и не знал, что являлся им. Его милосердие служило лишь ещё одним доказательством этого.

Решимость Матьё спасти его возросла.

Впереди ползущая толпа приняла вид официальной процессии, что-то из праздника Вознесения или дней поминовения святых примархов. Во главе её покачивались знамёна Экклезиархии. Рой сервочерепов гудел над головами. Среди резкого зуда камнебетонной пыли и окружающей мускусной вони немых тел он почувствовал запах ладана.

Все эти вещи были физическими и не волновали Матьё. Но здесь присутствовало и что-то ещё, что-то духовное. Необъяснимое влечение завладело его сердцем и потянуло вперёд к непонятному сиянию в начале процессии. Он проталкивался вперёд, пытаясь добраться туда. Он вытянул шею, протискиваясь между телами, сжатыми в объёмах радости и освобождения. Вот! Он увидел. Впереди был золотой трон.

Высокая спинка заслоняла того, кто сидел на нём, но он знал, что это был живой человек, а не какая-то реликвия древности.

Девочка из видения рядом!

Он протискивался и проталкивался, но так много людей вышли на улицы разрушенного города, что Матьё обнаружил, что не может пройти дальше. Он оказался зажат окружавшими людьми, и его продвижение замедлилось до общего очень медленного шага тиросцев. Впереди процессии раздавалась музыка и крики таких же, как и он жрецов. Он не мог приблизиться к ним. Разочарование омрачило благочестие, но как только он подумал, что не сможет сдерживать его, дорога закончилась. Разрушенные обстрелами здания обрамляли парящий фасад собора Тироса, огромного сооружения, перед которым едва ли не до самых небес возвышалась медная аквила. Препятствие исчезло, и толпа вылилась на площадь.

Перед орлом возвышалась груда камней. Процессия направилась к ней и подняла трон. Теперь Матьё увидел, что его несли Сёстры Битвы в доспехах цвета красного вина. Он воспользовался тем, что толпа рассеялась, и стал продвигаться вперёд, хорошо зная о множестве идущих сзади людей. Скоро они заполнят площадь также плотно, как и улицы.

Знамёна окружили возвышение. Музыканты заиграли религиозную музыку. В сравнение с грандиозными представлениями для примарха, которые видел Матьё, происходящее казалось заурядным, но оно было невероятно искренним. Он мельком увидел девочку, которая вскоре исчезла. Заворчав от огорчения, он принялся искать место получше. Она находилась слишком далеко, чтобы рассмотреть без помех, бледное пятно, окружённое золотом, но это была она. Он не сомневался в этом.

Одна из Сестёр Битвы вышла вперёд и заговорила:

- Люди Тироса! - произнесла она.

Разговоры толпы стихли до шёпота, а затем прекратились. Даже постоянный рёв штурмовых кораблей космического десанта и вспомогательных судов, казалось, стал тише.

- Мы стали свидетелями чуда! - продолжила она. Девочка сидела на троне и не двигалась, пока говорила Сестра. - В этом городе в величайший час нужды появилось святое дитя, чистая девочка, благородная девочка, девочка настолько совершенная, что стала достойным сосудом для Его божественного величества, Бога-Императора. Слава Ему!

Толпа всё ещё молчала, но Матьё чувствовал святой экстаз в сердце каждого на площади.

- Благодаря девочке эта война будет выиграна и чудовищные предатели, мерзкие идолопоклонники ложных и злобных богов, будут изгнаны с Пармениона и планета расцветёт снова! - сказала Сестра. - Мы снова будем жить! И пусть в наши жизни вторглись лишения и горе, они стали невообразимо богаче, ибо мы своими глазами узрели, что Владыка Всего Рода Людского, Повелитель Человечества, который пребывает в постоянном страдании на Святой Терре ради продления существования человеческой расы, смотрит на нас, на каждого из нас! Я видела, как девочка прогнала демонические механизмы врага. Я видела, как она превратила грязь в чистую воду. Я видела, как она безропотно вынесла боль и допросы экскутиаторов моего ордена, поскольку она чиста! В ней горит свет святого Бога-Императора. В ней наше спасение!

- Будьте благодарны, - продолжила она, и её голос дрогнул от радости сказанного. - Будьте бдительны. Молитесь Ему о Его милосердии. Вот, что Ему нужно. Ваша любовь и ваше служение. Дайте это Ему.

Дайте Ему вашу...

И затем девочка тихо вскрикнула и подняла руку, указывая на Матьё.

Толпа расступилась, открыв проход между ним и троном.

Десять тысяч пар глаз выжидающе посмотрели на него.

Сикарий двигался через город с изнуряющей скоростью. Космические десантники шагали настолько быстро, что Девор почти бежал, чтобы не отстать от них. Когда они миновали импровизированные ворота в проломе, Девор начал отставать. Не сбиваясь с шага, два гвардейца Сикария примагнитили оружие к броне и подхватили Девора под мышками. Жалобы ни к чему не приведут, он понял это ещё до того, как первое возражение сорвалось с губ, поэтому безвольно повис между ними. В постыдном молчании он позволил полубогам нести себя, словно неудобный человеческий багаж, кем он и был.

- Наверх, - сказал Сикарий своим воинам. Он говорил только по делу. - Жители собираются вокруг собора.

Бронированные ботинки дробили обломки в каменную пыль. Космические десантники запрыгнули на стоявшую под углом жилую башню, пьяно облокотившись на соседнее здание. Подъём был крутым и опасным, но это никак не сказалось на их поступи, и они увеличили скорость, которую теперь не смог бы выдерживать ни один смертный человек. От доспехов доносилось вкрадчивое мурлыканье и машинное урчание скрытого усилия. Силовые ранцы излучали мягкое тепло. Нагретый воздух выходил из планчатых вентиляционных отверстий, лаская Девора.

“Дыхание ангела”, - глупо подумал он.

Девор не впервые находился рядом с Адептус Астартес; он был солдатом Ультрамара и связи между правящим царством орденом и его подопечными были сильны. Но он никогда не находился так близко, чтобы дотронуться до них, и такой поступок даже стал бы для него своего рода святотатством. Он и вообразить не мог подобное вознесения в небеса на руках ангелов.

Они достигли вершины наклонившегося блока. Неутомимый Сикарий спрыгнул с разрушенного бельведера и побежал по террасе крыши следующего здания. Его воины последовали за ним и на мгновение Девор полетел. Он посмотрел вниз, на затенённый каньон, зияющий у него под ногами.

Они приземлились с шипением амортизаторов и спокойно продолжили путь, прыжок стал всего лишь ещё одним шагом в пробежке.

Сикарий остановился у обвалившейся балюстрады башни. На террасе размещались сады: ухоженные кусты и величественные деревья на прямоугольниках травы, окружённые строгой красотой ультрамарской архитектуры. Брусчатку покрывали куски камнебетона. Трава стала коричневой, бассейны опустели, деревья впали в хрупкую безжизненность, и всё же несмотря ни на что хорошо сохранились. На одном дереве виднелся одинокий зелёный лист, который поворачивался на ветру. Он полностью приковал внимание Девора. Дерево было живым. “Пока оно живо, - подумал он, - сможет ожить и Тирос”. Он молился, чтобы так и произошло.

- Майор, - произнёс Сикарий. Он показал пальцем в бронированной перчатке вниз.

Девор моргнул. Лист потерял значение. Его поставили на ноги, а он даже не заметил этого. Он

проследил за жестом капитана.

Они смотрели на центр города. Над площадью господствовал собор, над обломками гордо возвышался образовывавший его фасад двуглавый орёл из помятого металла. Крыша нефа на две трети обрушилась, и одна из поперечных башен напоминала обвалившийся песочный замок. Но орёл стоял, благородный, воинственный и непокорный, клювы смотрели в небеса, крылья защищали собор, обернувшись вокруг его боковых стен.

Девор видел, как площадь умирала. Когда он только прибыл на Парменион, она представляла собой воплощение порядка. На ней были деревья и тенистые места, где в солнечные дни собирались для учёбы дети школы. Он видел, как площадь дрожала под первыми ударами, когда взрывы уничтожали искусство. Видел её освещённой рядами защитных лазеров, отгонявших врага. Видел, как бомбы пробили крышу собора и наполнили его огнём.

Сейчас окружённая разбитыми окнами и зияющими уродливыми зданиями площадь и близко не напоминала прежнее место. Война сорвала славную человеческую работу, красивую обёртку. Мраморная облицовка обвалилась, обнажив безобразную и неприкрытую правду. В истерзанном войной городе всё выглядело таким, каким и было на самом деле: скрытые под краской пыль и грязь.

И всё же площадь снова изменилась. Её заполняли десятки тысяч людей. Истощённое человечество снова без страха собралось под открытым небом. Было облачно, но это были обычные облака, которые приносили дожди, а не ливни грязи. Люди стояли на новых холмах из разрушенного камнебетона и упавших кирпичей, фонари и свечи горели в их руках, и они напоминали россыпь звёзд, охраняемую богами-хранителями. На троне перед аквилой сидела девочка, окружённая почётным караулом из Сестёр Битвы. Толпа молча смотрела на неё. Война выказывала ей не меньшее уважение, чем люди. Взрывы и выстрелы Гекатона шёпотом сеяли смерть. Заходивший на посадку корабль виновато вздохнул, приземляясь.

Девочка не двигалась и казалась слабой. Говорила одна из Сестёр. “Иоланта?” – подумал он. Они находились далеко внизу, но её голос был прекрасно слышен, словно крик ястреба, который пронёсся над вересковой пустошью на ветру.

Иоланта говорила о спасении.

- Эта девочка? – спросил Сикарий. Его рычащий голос заставил Девора вздрогнуть.

Девор не мог говорить. Он застыл в восхищении. Он кивнул.

Сестра Битвы не договорила, когда девочка что-то сказала и вытянула руку. Она перебила её, словно не слышала ничего, что говорила Сестра, а молча ждала и что-то искала.

Иоланта неожиданно остановилась. Девочка встала и указывала пальцем.

- Среди нас есть один, – произнесла девочка, её слова скорее чувствовались, чем слышались. – Среди нас есть один, кто пришёл со звёзд и принёс надежду.

Девор боролся с желанием опуститься на колени. Он понимал, что это будет опасно в присутствии его спутников.

- Он там, – продолжила девочка.

Толпа расступилась вокруг человека, открыв его взглядам всех собравшихся. Для Девора он был ещё

одним пятнышком в потрёпанной одежде. Он бросил взгляд на космических десантников.

Сикарий напрягся. Доспехи усилили его агрессивную реакцию.

Толпа разошлась, и человек направился к каменной насыпи и трону на ней. Он опустился на колени перед девочкой, и она положила руку ему на голову.

Какое-то чувство распространилось от девочки и мужчины к толпе. В шелестящей тишине хранители свечей-звёзд опустились на колени.

- Император защищает, - сказала она.

- Император защищает, - повторили они. Скорее стон преданности, чем слова, наполненный благочестием и томлением.

Мужчина выпрямился. Он повернулся к толпе.

- Меня зовут фратер Матьё, - произнёс он столь же чистым голосом, как и Иоланта. - Я - милитант-апостол примарха Робаута Жиллимана, последнего сына Императора, Мстящего Сына, лорда-командующего Империиума и имперского регента.

Он глубоко вздохнул. Девор чувствовал его религиозный экстаз. Он хотел разделить его.

- Я видел чудо, - сказал он, и указал на девочку. - Император здесь.

Сикарий мрачно рассмеялся, рассеивая чары. Девор сморгнул незамеченные слёзы с глаз.

- Примарх будет в восторге, - произнёс Сикарий.

Семнадцатая глава

СБОР НА ПАРМЕНИОНЕ

Настало время великого появления и благоговения. Настало время речей, приказов и объявлений. Склонённый войной город пришёл в восторг от спасения и испытал облегчение от прибытия примарха. Два чуда в один день - это больше, чем могут выдержать большинство человеческих сердец.

Как только попытки придать происходящему помпезность подошли к концу, и поношенные украшения Тироса убрали, прохладная пелена вечера окутала разгорячённую кожу Пармениона, и Жиллиман нашёл время, чтобы поговорить со своими старшими офицерами: Феликсом, новоиспечённым тетрархом-примарис Веспатора, и капитаном Сикарием из Виктрикс Гвардии, героем Ультрадесанта. Также присутствовали Малдовар Кольцюань из Адептус Кустодес и сестра-командующая Беллас из Сестёр Тишины. Были и другие, кто мог принять участие в происходящем. Многие другие. Генералы Астра Милитарум, старшие принцепсы Коллегии Титаника, магосы-доминус Адептус Механикус и бесчисленные высокопоставленные офицеры Имперской Адепты. У большинства из них имелись причины обратиться к созванному на стенах Тироса совету, и они ждали своей очереди. Жиллиману требовались здравые головы. Кроме того он нуждался в умах, чьи чувства не были окрашены религией. Из всех на стене только Беллас можно было назвать набожной, но примарх верил, что она сможет отстраниться от своих убеждений.

Было слишком мало верующих, которым он мог бы доверять.

Для встречи Жиллиман выбрал плоскую крышу бастионной башни, выходившей на узкий пролив между островом Тироса и побережьем Гекатона, который образовывал городской порт. Земля по обеим сторонам канала утратила естественные очертания, её переделали в геометрические фигуры из квадратов и прямоугольников, которые не смогли уничтожить даже месяцы сражения. Но здания на изменённых берегах превратились в обломки, и перекрученные металлические конструкции были наполовину затоплены.

Исправлять такие повреждения дорого. Пройдут многие месяцы, прежде чем восстановят доки.

А пока Жиллиман выбрал для них другую роль. Космодром Гекатона располагался глубоко на вражеской территории. Портовые сооружения Тироса с их большими плоскими площадками, предназначенными для хранения грузовых контейнеров, представляли собой жизнеспособную альтернативу.

Началась работа по подготовке доков к сбору. Морской порт переделывали в космодром.

Ремонтные бригады Жиллимана работали круглосуточно, подготавливая противоположную сторону канала. Землю разделили на аккуратные сектора с мигающими на столбах маяками. Бригады расчистки и поющие жрецы шагали по этим секторам, выпуская пар и молитвы в тёплую летнюю ночь. Они появлялись и пропадали из поля зрения, исчезая позади разрушенных обстрелами складов и выходя из смятых контейнеров, и не покидали границы маяков, пока не осмотрели всё до последнего ящика.

На объявленные чистыми сектора направляли инженерно-строительную технику величиной с дом, под бульдозерными отвалами которой земля скрежетала протестующим металлом и отодвигаемыми в сторону ворчавшими феррокритовыми обломками. Гигантские бульдозеры медленно перемещались, сваливая мусор в насыпи вокруг пункта сбора. В ближайших к берегу секторах камнебетон полностью рассыпался, фундаменты разрушенных зданий остались единственным напоминанием о процветающем до войны порте. Они были видны считанные минуты, вскоре каждый из них выровняли, расчистили и превратили в посадочные площадки для космических кораблей, которые приземлялись и выгружали бесчисленное строительное оборудование, сборные укрепления и закалённых воинов для передовых гарнизонов.

Над узкой гаванью разносились дружные крики ветеранских полков, выбегавших из десантных кораблей под грохот перестраиваемого порта. Голоса приходили и уходили, сливаясь с оглушительным грохотом машин. С идеально равными промежутками времени все звуки заглушались кипящими в атмосфере плазменными двигателями ревущих кораблей. Среди грузовых судов, пехотных транспортов и тяжёлых посадочных модулей, опасно покачиваясь, спускались корабли-саркофаги – словно сходявшие на берег по шатким мосткам знатные дамы – пока не прощупывали пневматическими ногами землю и не вставали твёрдо, превращаясь в гигантские крепости, открывавшие ворота и готовые выгрузить колоссальные грузы. Пара “Псов войны” уже патрулировала периметр доков.

Жиллиман критическим взглядом осматривал происходящее. Воздух с каждой минутой становился чище. Реактивные струи, плазменная пламя и пары прометия разносились над узкой гаванью, но зловоние болезни исчезло. Его вытеснил резкий запах человеческой технологии. Примарх и офицеры сняли шлемы, осторожно вдохнули испорченный воздух и пришли к выводу, что дыхание Пармениона стало слаще.

Всё было бы хорошо, если бы не полученные несколько часов назад плохие новости.

- Поступили новые астропатические сообщения из системы Макрагга, - сказал Феликс. - Присутствие значительных сил легиона Гвардии Смерти подтверждено. В Ардиум снова вторглись. Макрагг атакуют.

Крепость Геры осаждена.

- Магистр Калгар справится, - сказал примарх. Его благородное лицо как никогда сильно казалось вырезанным из мрамора. Только губы двигались. Выражение лица было жёстким, как камень, глаза неотрывно следили за ходом сбора, словно сделанные из стекла. - Это - отвлекающий манёвр. Я изучил сообщения. Высадившиеся силы могут показаться многочисленными, но соотношение сил неудовлетворительное. Мой брат встревожен нашими успехами. Он хочет увести меня отсюда.

- Возможно, нам стоит разделить армию и отправить деблокирующую группу на Макрагг, - предложил Феликс.

- Я не могу одобрить подобное практическое предложение, - возразил примарх. - Мы знаем о плане моего брата, о разложении нашего царства демоническими часами и паутинах, что связывают их. Макрагг свободен от подобного пагубного влияния, как вы сами могли убедиться, Феликс. Мы испортим его главную игру. Он просто провоцирует нас.

Жиллиман окинул взглядом горизонт, где убегающие туманы отступали в предгорья.

- Мортарион здесь, - решительно сказал примарх. - Я уничтожу его, и вторжение развалится. Марней Калгар удержит Макрагг. Мы будем работать исходя из этих практических соображений.

Присутствие демонического примарха ощущается во всей психосфере планеты, показала Беллас. Его душа заражает её.

- Он нападёт на нас, - произнёс Сикарий. - Скоро.

Жиллиман прищурился, изменив одно скульптурное изображение на своём лице на другое:

- Он отзывает осаждающие города Пармениона армии. Он перегруппирует силы, направится к нашей позиции и набросится на нас. Он не изменился. Он всегда предпочитал грандиозные манёвры и несгибаемое столкновение, которые приносит открытая битва.

- Пусть приходит, я с удовольствием продемонстрирую ему своё умение обращаться с клинком, - сказал Кольцоань.

- Не обязательно сходить в ближнем бою, - сказал Феликс. - Наши титаны и бронетехника решат исход боя. Армии Мортариона больше наших, но качество его войск хуже. Его варп-связь разрушена. Дым безумия покидает умы людей. Наши передовые пикеты сообщают о дезертирах, которые пришли в себя и оставили его. Его танковые армады впечатляют, и я признаю, что значительное присутствие Гвардии Смерти представляет повод для беспокойства. Их общее количество Адептус Астартес намного превосходит наше, но под командованием лорда-регента находится три полуплегио Коллегии Титаника. У Мортариона всего один полуплегио. У нас в два раза больше рыцарей, чем у него. Сегодня я получил сообщение, что Галатан прибыл в систему. Как только он достигнет орбиты, судьба врага будет предreshена. Последние кусочки мозаики встанут на место. Без сомнения мы сметём его.

- Вы, десантники-примарис, слишком самоуверенные, - сказал Сикарий. Он не смотрел ни на примарха, ни на тетрарха, пока говорил, не сводя взгляда с болезненных равнин. - Теоретическая уверенность в победе мешает формулированию практических действий, которые не допустят поражения.

- Я просто говорю о том, что может увидеть любой человек. Наша армия мощнее. Мы победим его, - сказал Феликс.

- Мой опыт говорит мне, что не стоит полагаться на очевидные факты, - сказал Сикарий.

Слуги варпа непредсказуемы. Не следует судить о них по обычным меркам, показала Беллас. Колдовство отравляет этот мир.

- Значит, нам повезло, что вы с нами, - сказал Кольцюань.

- По моей оценке мы победим, - сказал Жиллиман. - Но теоретические выводы здесь слишком явно ведут к простым практическим решениям, и это вызывает у меня подозрения. Согласно нашей информации Мортарион не может выиграть это сражение, но хотя его спектакли в театре открытой войны не изменились, сам он стал коварным. До падения он никогда не отличался излишней хитростью, но его стратегии в этой войне: подрывная деятельность среди населения и эта опора на пандемию для избегания чистоты честного сражения, являются приёмами, которые он выучил у своего нового хозяина. Я ожидаю сюрпризов. Мы должны быть готовы к ним и суметь противостоять. Потери, которые мы понесём от его нечистого оружия, будут высоки, не зависимо от того, падёт ли он от первого удара или станет сражаться до конца. Прислушайтесь к словам Сикария. Это не будет лёгкий бой, тетрарх Феликс.

- Не будет, - согласился Феликс. - Не думаю, что будет. Но не сомневаюсь, что мы победим.

Он положил руку на парасепт. Ветер переменился и дул с запада, принося с собой запах здоровых земель и вытесняя последнее ядовитое зловоние с равнин. Холмы на келетонской стороне моря усеивали пятна зелёного и коричневого цветов и чистые от болезни ранние вечерние тени.

- Болото отступает, - сказал Феликс.

- Без поддерживающей его с варп-связи оно долго не продержится, - сказал Жиллиман. - Некоторые инфекции устойчивее других, но болезнь Чумного бога усиливается или ослабевает также как и любая нормальная болезнь, и, лишившись подпитки, со временем умрёт. Факт, за который я благодарен.

Феликс посмотрел на море засасывающей грязи за границей порта. Хотя омуты подсохли до сворачивавшейся слизи, и туманы ушли, цепляясь только за самые ядовитые впадины, рискнуть выйти на равнины станет верным смертным приговором для незащищённого смертного и, возможно, даже для космического десантника.

- Предатель нанёс большой ущерб, - сказал Сикарий. - Никогда не думал, что увижу что-то хуже, чем причинённое Ультрамару флотом-ульем Бегемот. Жаль, что я ошибся.

- Император наделил нас хорошими способностями для разрушения миров. Некоторые мои слабые братья так никогда и не поднялись выше этой цели, - сказал Жиллиман. Его горечь встревожила Феликса. - Если мы будем думать о том, что потеряно здесь, то проиграем от отчаяния. Вы увидите, что это зло можно обратить вспять. Мы встретимся с Мортарионом, и я убью его за то, что он сделал с Ультрамаром. Затем мы начнём долгую работу по восстановлению. - Жиллиман упрямо сжал рот. - Потребуется десятилетия, чтобы исправить то, что было разрушено за минуты, но это будет сделано. Теперь же, - сказал он, - время не ждёт. Мы должны перейти к другому вопросу. Девочка.

- Вы должны убить её, - прямо сказал Кольцюань. - Она представляет опасность.

- Я не могу поступить так, и вы хорошо это знаете, - возразил Жиллиман. - Представьте, что произойдёт, если я убью девочку, спасающую город. Люди будут потрясены. Даже здесь есть те, кто считает мои намерения нечистыми. Убийство предполагаемой святой докажет им всем, что моя цель - узурпировать трон отца.

- Участие Матьё значительно усложняет дело, - сказал Сикарий.

- К сожалению да, - согласился Жиллиман. Сдержанность, с которой примарх произнёс это, давала всем понять, насколько он разгневан. - Нам с ним придётся обстоятельно обсудить произошедшее.

- Если хотите, я лично вытащу его из собора, - предложил Кольцюань.

- Пусть проповедует, - сказал Жиллиман. - Его выступления благотворно сказываются на моральном духе города. Слишком поздно останавливать его, и я не стану предпринимать никаких действий, которые как-то могут подтвердить правоту утверждений этой девочки.

- Она без лишнего шума охраняется в крепости, - сказал Феликс. - Я лично занимался вопросами безопасности. Только десантники-примарис, выходцы с Марса. - Он краем глаза взглянул на Сикария, понимая свою бестактность. Старший космический десантник демонстративно посмотрел в сторону. - Никого с предками в Ультрамаре. Никого, чьи местные связи могли бы поколебать.

- Так лучше всего, - сказал Жиллиман. - Если эта девочка не окажется тем, за кого себя выдаёт, она превратит любую трещину в душе воина в мучительную рану.

Обсидиановый Рыцарь Ашира Вои неотступно находится вместе с ней, показала Беллас. Девочка должна оставаться в безопасности, пока идёт атака на армию Мортариона. Беллас остановилась. Её взгляд над решёткой респиратора на мгновение опустился. *Затем нам придётся решить, что с ней делать.*

- Придётся, - сказал Жиллиман.

Она может оказаться тем, за кого себя выдаёт, показала Беллас.

- Вы находитесь под влиянием вашей веры, - сказал Сикарий.

Жиллиман посмотрел на неё. Он по-прежнему не мог понять причины религиозности Сестёр Тишины.

Я исполняю свой долг перед Императором, показала Беллас.

- Много неверных решений принималось, когда решали, как исполнять свой долг, - сказал Сикарий. - Много практических действий проистекает из одного теоретического предположения, не все они одинаково верны.

- Не ссорьтесь, - предупредил Жиллиман.

Как прикажете, я повинуюсь, показала Беллас. Ваше слово значит для меня больше, чем любого другого, кроме самого Императора. Вы - Его живой сын.

- Не распространяйте на меня свою веру, - сказал Жиллиман. - Ваша вера в мою божественность неуместна. Я - не бог, Сестра, и вы не будете смотреть на меня, как на бога.

Беллас склонила голову.

- Феликс, ваше мнение о нашей юной гостье? - спросил Жиллиман.

- Теоретически, она может оказаться тем, за кого себя выдаёт, святой Императора. - Феликс постучал костяшками пальцев по стене, словно проверял свои аргументы на прочность.

- Настоящие святые - редкость, - сказал Жиллиман. - Насколько мне известно из моих исследований,

среди легиона претендентов была только горстка подлинных святых. История полна самозванцев. И я не уверен, что те, кого считаю подлинными, являются сосудами воли Императора.

- Тогда что они? - спросил Кольцоуань.

- Возможно, мой брат Магнус мог бы ответить, прежде чем допустил ошибку, - сказал Жиллиман. - Хотя я принимаю то, что когда-то считал суевериями, как оккультный факт, моё понимание эзотерики ограничено. Я полагаю, что они - разновидность псайкеров, чьи силы стабилизированы их верой в Императора. Я слышал, что Сёстры Битвы проявляют странные психические эффекты в критических ситуациях, и это вызвано их верой. Возможно, что святой - крайний пример этого явления.

Беллас единственная, кто могла не согласиться с подобным упрощением, но ничего не показала.

- Быть может, однажды наступит время, когда я займусь этим вопросом, - продолжил Жиллиман. - Некоторые из этих святых, по крайней мере, искренны, безотносительно происхождения их способности. Они могут быть могучими союзниками.

- Святая Целестина, - произнёс Сикарий. - Она подтвердила свою ценность.

- Она представляет большую ценность Императору, - согласился Жиллиман. - Есть много подобных псайкеров, но количество тех, кто представляет риск намного больше тех, кто не представляет.

- Продолжаем теоретизировать, - сказал Феликс. - Она, как полагает милорд, - псайкер благородного духа. Или она - обман, инструмент бога Перемен, возможно, созданный, чтобы помешать здесь целям вашего брата Мортариона. Так называемые божества Магнуса и Мортариона враждуют. В любом случае она опасна.

- Она представляет опасность при любых обстоятельствах, - сказал Жиллиман. - Если не с физической так с политической точки зрения. - Он ненадолго замолчал. - Может ли быть в этом замешан Магнус? Он предпочитает коварство больше, чем Мортарион, но редко действует настолько прямолинейно. Он любит продемонстрировать свой интеллект, хотя бог, за которым он следует, - это уже другое дело.

- Какая разница? Если они враждуют - мы должны радоваться. Гораздо лучше, когда враги убивают друг друга, - сказал Кольцоуань.

- Это не делает их нашими союзниками, даже если Мортарион и Магнус сражаются насмерть, - сказал Жиллиман. - Какое текущее состояние девочки, Беллас?

Способности девочки подавлены гексаграмматическими цепями. Она заблокирована Обсидиановым Рыцарем Вои. Если она - сосуд Императора, ничто из этого не повлияло бы на неё.

- Магнус может противостоять подобным средствам, - сказал Жиллиман. - Если она инструмент моего брата или какой-то другой силы, то может притворяться. Вы должны сохранять осторожность. Вы не можете полагаться на свои искусства, чтобы заблокировать такую мощь.

Так гласят легенды, её пальцы замелькали.

- Это не легенды. Магнус сильнее, чем когда-либо во времена просвещения, - сказал Жиллиман. - Я видел его способности. Остерегайтесь этой девочки.

При первом признаке нечистоты я увижу её мёртвой, показала Беллас.

- Проследите за этим, - сказал Жиллиман. - До тех пор действуйте осторожно. Тирос любит свою так называемую святую. Я не могу позволить, чтобы люди обратились против меня из-за поспешных решений. Оба мои брата знают это. Я скоро выступлю, прежде чем Мортарион будет готов.

Он замолчал. Гигантский саркофаг с грохотом пролетел в небесах, его гравитационные турбины гудели, готовясь принять груз у пустотных двигателей. Собравшиеся наблюдали, как он приземлился, и открылись двери. Сирены взревели, когда выдвинулась погрузочная платформа и сутулая фигура "Разбойника" задрожала, ступая в мир.

Когда шум стих, примарх посмотрел на небо, где первые звёзды мерцали, соперничая с кораблями флота, и снова заговорил:

- Мы ждём Галатан. Когда он приблизится, мы начнём атаку.

Восемнадцатая глава

ШТУРМ ГАЛАТАНА

Сигналы тревоги ревели гневные предупреждения по всему Галатану. Космические двигатели звёздной крепости сохраняли прежний режим работы и курс, но шум реакторов сильно изменился, когда они вышли на полную мощность. Шум был настолько характерным, что Юстиниан быстро научился распознавать его за время пребывания на борту.

- Внимание, внимание, - произносил механический голос. - Приближается вражеский флот, приближается вражеский флот. Подготовьтесь к бою через двадцать две минуты и три секунды. Запущены первые боеприпасы. Приготовьтесь к столкновению через двадцать две минуты.

Предупреждения звучали уже час. Вскоре после их начала отделение Юстиниана отозвали с места сбора для высадки на Парменион и перенаправили защищать станцию в расположенном относительно недалеко форте на перекрёстке. Они не воспользовались транспортом, оставив палубные поезда для менее могучих воинов, и пробежали пятнадцать километров до места назначения. Коридор был таким длинным, что терялся вдаль, прежде чем огибал центр станции. Потребовалась бы смертная жизнь, чтобы узнать весь Галатан, но, несмотря на внушительные размеры, коридор был переполнен людьми и бригадами поездов, спешившими к своим постам.

Юстиниан следовал маршруту спроецированного в шлеме картолита. Тусклая руна направления указывала путь. Его отделение изображалось пульсирующей зелёной точкой. Если он увеличивал масштаб, то она распадалась на части, показывая отдельно каждого солдата с указанием имён: Друз, Пименто, Ахиллей, Бруцелл, Кадриан, Даскин, Донасто, Михаил и его заместителя, Максентия-Дронтио. Символ Юстиниана на картолите был украшен черепом, Максентия-Дронтио - белой точкой в центре зелёной.

Десять воинов, все до недавнего времени облачённые в синие цвета Ненумерованных Сыновей Жиллимана. Теперь они были Новадесантниками, если не в сердце, то по названию.

Двухэтажный поезд промчался мимо по монорельсу. Вторая половина состояла из грузовых вагонов, перевозящих ящики с тоннами боеприпасов, и на платформах за ними - танки Астра Милитарум. Большие залы Галатана могли позволить вести танковую войну.

На станции царило напряжение. Они готовились к высадке, пока этот неожиданный флот не перехватил их

на половине пути по системе. Главный план пришёл в расстройство, вытесненный резервными стратегиями.

Магистр ордена Бардан Доваро отреагировал быстро. За всю имперскую историю Галатан ни разу не смогли захватить. Воины на его борту были уверены, что этого не произойдёт и теперь. Вопрос состоял не в том, что они проиграют, а в том задержат ли их на пути к лорду Жиллиману, мешая сыграть решающую роль в сражении на Парменионе, и на какие риски можно пойти, чтобы сократить это время.

Юстиниан отбросил эти мысли. Он был сержантом, а не капитаном. Это были не его заботы. Думать об этом было высокомерием.

Смертные члены экипажа и Астра Милитарум отходили в сторону и приветствовали их, когда отделение пробежало мимо.

Они прибыли на место назначения, форт на перекрёстке путей, построенный вокруг участка, где радиальный коридор пересекал кольцевую дорогу.

Хотя тысячи лет дополнений изменили форму Галатана, первоначально он был круглым, и его внутреннее пространство состояло из нескольких концентрических кольцевых коридоров, пронизанных каждые три километра ведущими к периферии магистралями. Каждый пересекающийся маршрут защищали подобные укрепления, усиленные пустотными щитами.

Перекрёсток представлял собой шестиугольник диаметром в полмили. Четыре несоединённые стенами круглые башни стояли на пустой квадратной площади и могли вести огонь в любую сторону. Их расположение создавало иллюзию, что коридоры образовывали простой крест. Впечатление усиливали монорельсы для корабельных поездов, которые пересекались посередине внутреннего двора. В центре высота потолка достигала тридцати метров. Два бронированных коридора смерти соединяли башни по диагонали, пересекаясь посередине и создавая большую букву "X" над рельсами. Другие четыре соединяли вместе углы площади. Ещё четыре бронированных моста вели из башен в основную часть станции.

Как только десантники-примарис вошли во внутренний двор, замигала руна. Поступила новая информация, направляя Юстиниана через площадь форта к командному центру.

Отделение с Юстинианом двигалось в идеальном порядке. Их двойная шеренга повернула и остановилась возле основания одной из башен. Системы дистанционного оружия отслеживали примарисов, пока духи-машины запрашивали полные идентификационные коды доспехов космических десантников.

Юстиниан оставил отделение.

- Ждите здесь, - произнёс он.

Дверь считала его генетический код. Затем неохотно открылась и закрылась сразу же за его спиной.

Он поднялся на пятый этаж, который целиком отвели под командный пункт. Бронированные окна с зеленоватыми стёклами под углом смотрели на подножие башни. Амбразуры пронизывали стены в метр толщиной. В полу зияли горизонтальные бойницы.

Лейтенант Новадесанта работал за гололитическим столом, который показывал огромный Галатан и приближавшийся вражеский флот, который находился в десятках тысяч километров и напоминал армию

москитов, атакующих карнозавра. Вокруг стола собрались несколько Новадесантников и множество смертных. Большинство людей были неизменёнными офицерами Астра Милитарум. Некоторые выглядели, как члены экипажа станции, также присутствовали сервиторы обычных записывающих подтипов и адепт Адептус Механикус с четырьмя веретенообразными механическими руками.

- Лейтенант Эдермо! Докладывает сержант шестого отделения ауксиллии Юстиниан Паррис. - Он отдал честь, приложив руку к груди, как было принято в Ультрадесанте. Он неожиданно понял, что никогда не видел, как официально приветствовали друг друга Новадесантники и понятия не имел, как они это делали, если вообще делали.

Лейтенант окинул его долгим оценивающим взглядом. Он был в шлеме, поэтому лицо оставалось скрытым, но язык тела явно выдавал подозрение.

- Я ждал тебя. Ты и твои люди приписаны к пятой роте?

- Да, последние три недели. Вы просили подкрепление, поэтому нас прислали сюда.

- Просил, - произнёс Эдермо. - Ты можешь быть не в курсе, но атакующий нас флот очень внушительный. - Лейтенант показал на символы, которые медленно приближались к трёхмерному графическому изображению Галатана. - Он сопоставим с флотом на орбите Пармениона. Новый игрок вступил в драку. Ведущий корабль - "*Терминус Эст*". Узнаёшь это имя?

- Так точно, милорд, это - флагман чумного лорда Тифа.

- Он приближается со всеми последователями. Его участие в сражении стало неожиданным, поскольку он действовал далеко от своего падшего примарха. Он попытается взять нас на абордаж и уничтожить Галатан. Именно поэтому тебя и твоих людей отделили от десантных отрядов и направили сюда.

- Я понимаю, брат-лейтенант.

- У вас есть боевой опыт? - спросил лейтенант.

Вопрос разозлил Юстиниана. Лейтенант выглядел внушительно, но Юстиниан не сомневался, что победил бы его в бою. Не в первый раз он сталкивается с холодным приёмом.

- Мы сражались рядом с примархом в Индомитском крестовом походе в течение последнего столетия. Мою когорту пробудили вскоре после его прибытия на Терру. У нас много боевого опыта, лейтенант.

Лейтенант расслабился:

- Хорошо. Ходят истории о вас, десанниках-примарис, как вы вступаете в бой прямо из стазиса, и это не всегда проходит успешно. Даже сейчас я продолжаю об этом слышать. Похоже ваше поколение бесконечно.

- Не думаю, что это так, сэр, - сказал Юстиниан. Он скрыл раздражение. Это было легко. У него было уже достаточно опыта.

- А кажется, что так, - продолжил лейтенант. Звание было новым для орденов, введённым "*Nova Codex Astartes*" Жиллимана. - Мне всё равно, сколько времени у вас было на тренировки и гипномат, и как долго. Воины закаляются в крови и ярости.

- Мы видели много и того и другого, - сказал Юстиниан.

- Ладно, ладно. Извини меня. Я ещё не сражался вместе с десантниками-примарис. Мы - орден с глубокими корнями и неприязнью к изменениям. - Он показал на болт-винтовку Юстиниана. - Но изменения могут быть и хорошими. Я слышал, что эти штуки стреляют дальше болтеров.

- Эффективная дальность увеличена на шестьдесят метров, - сказал Юстиниан. Он протянул болт-винтовку. Лейтенант взял её и осмотрел. Секунду оружие казалось неуклюжим в руках Эдермо. Мгновение спустя он обращался с ним, словно пользовался десятилетиями. Он осмотрел объединённый блок и ствол, который был гораздо длиннее, чем прикреплённый на магнитный замок к его бедру болтер.

- Тяжёлый. Не знаю, поменял бы на него свой болтер. Его останавливающая сила больше?

- Не намного. Самым большим преимуществом над болтером является дальнобойность, как вы и упомянули.

Лейтенант вернул оружие.

- Дальнобойность - это хорошо, но исход предстоящего боя решится в ближнем бою. - Он повернулся к гололиту. Тот замерцал и показал парящий список личного состава.

- У меня здесь пятьсот Астра Милитарум и четыре отделения нашего ордена. - Он замолчал.

Юстиниан почувствовал, как покраснели щёки. На безумный момент он решил, что от лейтенанта не укрылось его неприятие нового братства, и слова "нашего ордена" были вопросом, а не утверждением.

"Я становлюсь параноиком", - подумал он.

Лейтенант продолжал:

- Два полных тактических, опустошители и половина отделения штурмовиков. Я хочу присоединить вас к отделению опустошителей "Амарилло". Не подпускайте врага к ним. Их поддерживает Астра Милитарум, но вы - лучшие защитники, чем они. Если враг приблизится... - Он посмотрел в окно. С его точки обзора открывался хороший вид, как на радиальные, так и на кольцевые коридоры. Они были длинными и ровными, включая металлические подпорки, специально спроектированные так, чтобы абордажные группы получили самое минимальное укрытие, но характер сражения на борту космического корабля означал, что ближние бои неизбежны. - Если враг приблизится, то сделайте всё, что сможете, чтобы помешать им вывести из строя тяжёлое вооружение. Эти чумные воины очень живучие. Нам потребуются тяжёлые болтеры.

- Так точно, милорд.

Эдермо не стал упоминать, как отделение Юстиниана должно взаимодействовать со смертными солдатами. Из этого упущения Юстиниан сделал вывод о пренебрежительном отношении к способностям последних. Если он прав, то это ещё одно различие в культуре, которое он должен принять.

- Свободен, сержант, - сказал Эдермо. - У меня много дел.

Лейтенант повернулся, чтобы поговорить с помощником-человеком. Юстиниан склонил голову и покинул командный пункт.

Снаружи его братья-примарис проверяли оружие. Они почти не разговаривали.

Максентий-Дронтио безукоризненно отдал честь, показав одной рукой аквилу над нагрудником.

- Куда направляемся, брат? - спросил он.

- Мы должны охранять группу огневой поддержки, башня терцио.

Максентий-Дронтио фыркнул:

- Отстреливать тварей издалека. Я предпочёл бы ближний бой. Не люблю отсиживаться в тылу.

Юстиниан разделял его чувства. Блуждания по коридорам Галатана не могли сравниться с радостным волнением высадки на поле боя с границы космоса в качестве ударника, его прошлой воинской роли. Здесь новые братья отправили его заниматься сопровождением, на намного менее славную войну. Его держали в стороне, не доверяли.

Он не мог озвучить подобные мысли, хотя Максентий-Дронтио знал, что они оба испытывали такие чувства.

- У нас есть приказы. Мы исполним их, - сказал Юстиниан.

- Так точно, сэр, - ответил Максентий-Дронтио. Он махнул рукой. - Отделение, вы слышали брата-сержанта. Вперёд.

Силуэт *"Терминус Эст"* был известен по всей галактике, как предвестник ужаса, смерти и разложения. Нургл благосклонно отнёсся к флагману своего смертного герольда. Десять тысячелетий его заботы превратили пласталевого левиафана в разлагавшееся и рыскавшее чудовище, варп-зверя, который больше состоял из капающей плоти, чем технологии. *"Терминус Эст"* кипел чумной магией. Он мерцал в смертном царстве в тумане болезни и неистового плодородия. Часть царства Нургла была отсечена и отпущена бродить среди звёзд.

Компания, сопровождавшая *"Терминус Эст"*, представляла собой армаду, собранную со всех уголков истории. Хотя преобладали суда времён Ереси, человеческие корабли всех классов и даже суда ксеносов летели вместе в гнилом товариществе, трофеи, захваченные в войнах внушающей ужас первой ротой Тифа.

Несмотря на разнообразное происхождение, они имели много общего, поскольку все претерпели изменения силами Нургла. Их экипажи деформировались в отвратительные болезненные подобию самих себя. Объединённые в чудовищности, они не были похожи ни на что в галактике, кроме друг друга. В общем страдании они находили утешение.

Миллионы тонн боеприпасов летели перед флотом. Окислённые артиллерийские снаряды предшествовали торпедам, металлические обшивки которых перетягивали артритные кости. Покрывавшая их слизь оставалась демонстративно незамерзающей в убийственно ледяном вакууме. Зелёное пламя изливалось из двигателей, камеры сгорания которых грозили выйти из строя в любую секунду, но они летели достаточно верно, приближаясь широкой дугой к левому борту Галатана. Снаряды выпустили на половину дня раньше торпед, и они вырвались на сотни тысяч километров вперёд, но благодаря постоянному ускорению торпеды почти догнали их.

Корабли следовали за своими боеприпасами на полной скорости, построившись широким полумесяцем, чтобы охватить форт. На носу каждого судна слюнявые пасти с гнилыми зубами скрывали эмиссионные

направляющие древних ланс-батарей. Пока они молчали.

В космической войне важнее всего был выбор времени.

Суда в авангарде флота меньше остальных пострадали от порчи, и в них ещё можно было опознать творение человеческих рук. Канаты материи окутывали готические шпильки. На металлических корпусах выросли мясистые волдыри, поверхности выглядели противоестественно изрытыми коррозионными химическими реакциями, которым не было места в статичном вакууме. Но это были наименьшие из изменений. Слышалось мучительное бормотание идентификационных символов. Если сам внешний вид не являлся достаточным доказательством, то крики обречённых духов-машин говорили сами за себя – перед смертоносной армадой Тифа двигались недавно захваченные имперские суда. Посылаемые ими данные заставляли машины Галатана дрожать от страха. Когда они приблизились, и стоны проклятых экипажей распространились по всем вокс-частотам, воздействие на человеческих защитников оказалось таким же. Волна ужаса шествовала впереди чумного флота.

Фигуры были расставлены. На одной половине – исковерканный и несущий порчу флот Тифа, герольда Нургла. На другой – могучая звёздная крепость Галатан и немногочисленные корабли сопровождения. Одна сторона была ограничена физическими законами, а другая нет. В этом состояло преимущество Тифа. Его флагман окружал рой демонических мух, вызванные из не-вещества материума, чтобы служить живым щитом. Его корабли жили не так, как должны жить машины и обладали большей устойчивостью. Их боеприпасы обладали множеством странных и смертоносных свойств.

Галатан также располагал несколькими преимуществами. С разрешения размещавшихся на нём боевых конклавов Механикус в бой вступило древнее оружие, максимально загрузив счетверённые реакторы Галатана, которые благодаря активации тысячелетних клятв работали почти на полной мощности.

Прежде чем торпеды приблизились на расстояние в восемнадцать тысяч километров, заговорило главное оружие Галатана. Научные знания об этих орудиях давно утратили. Это были плазменные пушки невообразимой мощи. Тысячи техножрецов непрерывно молились об их бесперебойной работе. Но, несмотря на непонимание, оружие продолжало функционировать. Яркие энергии прочертили пылающие линии во тьме космоса и обрушились на чумной флот. Пустотные щиты последовательно разрушились, и один корабль сгорел дотла уже от первого залпа.

Всё происходило в тишине. Чумные корабли приближались. Галатан продолжал двигаться прежним курсом, Парменион медленно рос посреди космоса. Для стороннего наблюдателя Галатан казался неутомимой освещённой солнцем массой, титаническим существом, отбивавшимся от роя мелких тварей. Яростная деятельность его модулей оставалась невидимой; молитвы Императору и Богу Машине не отражались в вакууме. От защищённого глубоко в самом центре Галатана стратегиума до наименьших из тысяч его орудийных батарей, люди, киборги и транслюди трудились на стезе войны. Всё это безумство скрывалось строгой внешностью и вспышками мощного оружия.

И всё же чумной флот приближался, не отвечая на огонь, перед ним летели рассеявшиеся снаряды, за которыми следовали деформированные торпеды и ближе всего – захваченные суда.

Снова древнее вооружение Галатана породило сверкающий звёздный огонь. Снова вспыхнули пустотные щиты, испустив цвета, отличавшиеся от любого имперского энергетического барьера болезненно-зелёными и желчно-жёлтыми оттенками. Большой корабль был подбит и выведен из строя. Его реактор уцелел – если именно реактор до сих пор приводил его в движение – но он покинул строй и спорадические пожары вспыхивали в открытых мясистых пещерах его внутренностей, затянув корабль

чёрным дымом палёной плоти.

Астропаты в коммуникационном центре Галатана вздрогнули от его криков.

Чумной флот двигался прежним курсом, зловещий как призрачная флотилия из рассказов о потустороннем мире. Ауспики и пикт-устройства получили чёткие изображения приближавшихся врагов. Это была демонстрация силы, предвестник того, что грядёт. В стратегиуме магистр ордена Доваро был рад, что мало кто из смертного экипажа видел, какие ужасы надвигались на крепость.

Когда древнее оружие в третий раз открыло огонь, меньшие орудия и устройства станции наконец-то получили цели в пределах досягаемости. Третий выброс энергии стал сигналом для их залпа, и вакуум внезапно заполнился настолько интенсивным буйством света и огня, что казалось невозможным, что секунду назад всё было спокойным.

На этот раз имперские орудия выбрали в качестве цели *“Терминус Эст”*.

На этот раз чумной флот ответил.

Танцующие разряды зелёных молний пронеслись сквозь вакуум, смешавшись с яркими и ровными росчерками огня лансов. Освобождённые энергии в мгновение ока опередили торпеды и снаряды, и врезались в Галатан с разрушительной силой. Мерцающие штормы засверкали по всему левому борту, растянувшись больше, чем на двадцать километров. Пустотные щиты ярко вспыхивали, их свет менял спектр, по мере уменьшения возможности перемещать энергию в варп, пока они не превратились в пурпурные короны, цеплявшиеся за выдвинутые бастионы и стыковочные причалы.

Галатан был благословлён десятками уровней щитов. Глубоко в его бронированном корпусе под строгим контролем техноадептов трудились тысячи сервов. Хоры пели осанну во славу машины, пока рабочие бригады вынимали израсходованные щитовые конденсаторы и заменяли их новыми, привезёнными по визжащим рельсам из бронированных пакгаузов. Каждый был размером с небольшой десантно-штурмовой корабль и для подключения требовал мускульной силы сотен людей. Они тянули и выкатывали устройства из транспортов и помещали в напоминавшие пещеры разъёмы.

Флот и боевая станция беспрепятственно обменивались огнём. Стонущие вопли проклятых проникали в вокс-сеть крепости, пока не заглушили все коммуникации, заставив Доваро приказать отключить её и осуществлять передачу сообщений по проводной связи. Это не помогло. Источником криков являлось нечестивое смешение колдовства и науки. Одновременно ноосфера Галатана была атакована колдовским кодом. Он изливался из импульсных трансляций заражённых варпом электромагнитных волн. Глубоко в не-пространстве когитаторных систем и последовательно соединённых разумов сервиторов магосы вели информационную войну против демонического вторжения. Духи-машины Галатана оказались под осадой ещё до того как их человеческие защитники даже подняли лазганы.

И снова вспыхнули молниевые батареи и варп-лансы чумного флота. И снова их нечестивая магия обрушилась на пустотные щиты в одном месте, снимая слой за слоем, пока не осталась только неповреждённая щитовая матрица.

Микросекунду спустя ударили снаряды. Колоссальные взрывы превратили космическую пустоту в кипящее море огня, который прокатился и погас, забрав с собой последний щит.

За ними пришли торпеды, сжигая оставшееся топливо, чтобы увеличить кинетическое воздействие. Они врезались в корпус крепости. Мелтасистемами и жующими рядами демонических зубов они пережёвывали многослойный керамит и пласталь, подобно личинкам, зарывавшимся в шкуры

домашнего скота. Они взорвались глубоко внутри, выбросив вспышки пылающей атмосферы в пустоту вакуума. Галатан не обратил внимания на такую мелкую рану и продолжил стрелять, сбив два, три, затем пять меньших кораблей в главном флоте. Все захваченные имперские суда, кроме одного, были уничтожены. Как и все магистры Новадесанта до него, Доваро являлся мастером космической войны. Он видел, что задумал Тиф. Герольд Нургла был ответственен за потерю трёх звёздных крепостей. Его тактику уже хорошо знали.

- Сосредоточить огонь на захваченном корабле! - приказал Доваро. - Не подпускайте его!

Объятое пламенем вдоль бортов последнее захваченное имперское судно прорезало путь сквозь брешь между системами щитов и врезалось в ослабленную часть Галатана. Ржавый нос вонзился в наружную поверхность, разбивая шпили и орудийные башни, и распорол глубинную обшивку корпуса подобно божественному плугу, вспахивающему железное поле. Взметнулись взрывы от удара. Облака газа вырвались наружу белыми шлейфами, тысячи кубических метров атмосферы испарились в одно мгновение. Большой корабль задрожал, от удара из подбрюшья посыпались обломки. Его корма поднялась, а таран застрял в звёздной крепости, угрожая сломать киль. Залы Галатана сотрясли стоны раздираемого металла. Дорсальные манёвровые двигатели вспыхнули. Струи несообразной чистоты вырвались из ржавых щелей и сопел, и корабль остановился, нависнув правым бортом над звёздной крепостью, его нос мёртвым поцелуем впился в структуру станции. Оставшиеся орудия правого борта открыли огонь в упор, превратив шрам космической станции в пылающую бездну.

Сзади двигалась армада меньших кораблей. Древние штурмовые капсулы "Клешня страха" и абордажные торпеды всех размеров мчались вокруг атакующих таранов и десантных фрегатов типа "Захватчик". Антиистребительный огонь превратил вакуум вокруг Галатана в смертоносное переплетение света, но кораблей было слишком много. С ними приближался "Терминус Эст", выполняя свою древнюю роль десантного корабля. Огонь из оружия всех мыслимых видов вспыхивал на его пустотных щитах. Они мерцали отвратительным светом, отключаясь. Взрывы поражали корпус, разрывая сталь и плоть. Гной изливался в пустоту космоса. Пожары вспыхивали вдоль отвратительного корпуса, но его невозможно было остановить.

От застрявшего захваченного имперского корабля быстро остался один только остов. Выдавленный огнём Галатана он дрейфовал и горел в космосе, экипаж был принесён в жертву. Он исполнил свою роль. В толстой шкуре Галатана зияла открытая вакууму рана.

На раздвоенном носу "Терминус Эст" открылись ангары. Сотни десантно-штурмовых кораблей вылетели между гигантскими зубами.

Столь же многочисленные, как рой мух, последователи Тифа, первого капитана Гвардии Смерти, хлынули на борт Галатана.

Девятнадцатая глава

ВОЙНА ЮСТИНИАНА

Шум. Хаос. Дым. В голове Юстиниана звенело. Он лежал на спине, придавленный упавшей подпоркой. Предупреждающие руны мигали на ретинальном дисплее. Звенели тревоги, смешиваясь со звуками беспорядка, который заполнил форт на перекрёстке.

Давление на грудь ослабло. Фигура в поцарапанных сине-костяных доспехах отбросила зазубренный металл и протянула руку.

- Брат-сержант! - произнёс воин.

Юстиниан пришёл в себя. Он сжал бронированную руку и поднялся на ноги, стабилизирующие двигатели активировались, помогая восстановить равновесие.

- Брат Бруцелл, - сказал Юстиниан. Он уже проверял системы доспехов и отключал сигналы тревоги. - Спасибо.

Звуки за пределами брони затихали. Сенсориум предупредил о низких уровнях кислорода. Пол накренился под острым углом. Помещение ужасно пострадало от удара. Башня согнулась, и их опорный пункт сильно просел. Амбразуры смялись, не позволяя видеть коридоры снаружи. Большие потолочные плиты обрушились, убив многих неизменённых людей. Повсюду валялись их изувеченные тела, истекая жизненными жидкостями. Оторванные руки и ноги образовали завалы в деформированных углах помещения. Разорванные кабели плевались искрами. Трубы шипели смесью газов. Из-за стен ревели сигналы тревоги, затихая с каждой секундой.

- Там выходит атмосфера, - сказал Донасто.

Сержант Амарилло отвёл взгляд от одного из своих погибших воинов. Его броня была помята, а сигнум на ранце оторвался, свисая на перекрученном металле и проволочной оплётке.

- Такой удар проделал слишком большое отверстие, чтобы закрыть его. Они герметизируют станцию в нескольких километрах отсюда. Вся эта секция скоро попадёт во власть вакуума. Скоро мы окажемся в ловушке. - Амарилло в последний раз проверил воина. Он поднял разрушенный тяжёлый болтер, которым был вооружён Новадесантник. Модифицированный ранец погибшего был открыт. Болтерные гильзы мерцали в заклинившей системе подачи боеприпасов. Он опустил оружие.

- Все вы, отметьте его положение, - сказал он трём выжившим воинам своего отделения. - Кто бы ни уцелел, он должен убедиться, что аптекарии узнают, где он лежит, и смогут забрать геносемя.

Вокруг стонали умирающие солдаты Астра Милитарум. Юстиниан не обращал на них внимания, он ничем не мог им помочь. Он запустил прозрачный тактический экран и активировал проверку статуса своих воинов. Ретинальный дисплей слегка замерцал, пока перенастраивался когитатор. Его людям повезло. Большинство получили царапины и вмятины на доспехах, и некоторых предстояло вытаскивать из-под обломков, но повреждения оружия и брони были минимальными. Статусы систем отображались почти исключительно зелёным цветом, с незначительными вкраплениями янтарного. Пострадал только Ахиллей. Он сидел, и спокойно осматривал раздробленную левую руку, словно проверял неисправное оружие. Его наруч был пробит в нескольких местах, забрызганных кровью и сочившейся изоляционной пеной. Юстиниан подошёл к нему.

Ахиллей посмотрел на командира:

- Не затянется, - сказал он и критически посмотрел на раненую руку. - Пластина слишком сильно пострадала.

- Тогда отступай, - сказал Юстиниан. - Направляйся в аптекарион на палубе тета-19.

- Он не дойдёт, - возразил Амарилло. - Путь перекрыт. Лучше ему остаться здесь.

- Я не останусь здесь, - произнёс Ахиллей. Он встал на ноги. - Если она не затянется, я отрежу руку в локте, чтобы затянулось там. Минутное дело.

Он наполовину достал боевой нож.

- Хорошо, - сказал Юстиниан. - Тебе будет неудобно ампутировать самому. Пименто поможет тебе.

Остальные космические десантники собрались вокруг двух сержантов. Отделение Юстиниана смешалось с опустошителями, которых им поручили защищать, десантники-примарис возвышались над своими старшими товарищами.

- Мы получили тяжёлый удар, - произнёс по воксу Максентий-Дронтио. - Смертные потрясены.

Он посмотрел на семь уцелевших Астра Милитарум. Они были в космических шлемах и тяжёлых боевых костюмах, но оставались намного уязвимее космических десантников. Сквозь жёлтый пластик лицевых панелей виднелись потные лица. Примерно с дюжину погибли под обломками. Те, кто ещё не умер, скоро к ним присоединятся. Выжившие солдаты были храбрыми, но Юстиниан скептически оценивал их шансы в предстоящем бою.

- Кто командир вашего отделения? - спросил Юстиниан.

Один из них кивнул на труп, голову которому раздавил упавший вентилятор.

- Тогда кто главный?

Мужчина пожал плечами.

- Хорошо, доброволец. Подойди ко мне, - сказал он.

Мужчина подошёл.

- Назови своё имя, - сказал Юстиниан.

- Тессеран.

- Ты отвечаешь за остальных. - Это было утверждение.

Тессеран кивнул, неохотно приняв роль:

- Как скажете, милорд. Что мы собираемся делать?

Космические десантники не обратили внимания на его вопрос.

- Кто-нибудь вышел на связь с лейтенантом? - спросил Амарилло. - У меня работает только вокс отделения. - Он посмотрел через плечо на разбитые линзы прицельного устройства. - Эта забытая Троном вещь - просто мёртвый груз. Что насчёт тебя, сержант? Давайте проверим, так ли хороши ваши доспехи X, как говорят.

Юстиниан попробовал, запрашивая по каждой вокс-частоте:

- Докладывает отделение "Паррис", пятая рота. Значительные повреждения в нашей секции. Ждём приказов.

Единственным ответом стали ужасные стоны и жужжание мух.

- Ничего, - произнёс он, отключив вокс-связь. - Форт на перекрёстке разрушен. От нас нет пользы внутри этой коробки. Предлагаю выйти. Это - первый пункт повестки дня. Приказы могут подождать.

- Первый пункт повестки дня? - повторил Амарилло. - Необычное выражение.

- Мой отец был торговцем, что с того? - спросил Юстиниан. - Ты согласен или нет, брат-сержант?

Он слишком сильно нажал на "брат", чтобы это прозвучало искренне.

- Конечно, я согласен, - ответил Амарилло. Он отцепил мелтабаллон от пояса. - Я надеялся использовать его на врагах. Вместо этого он выведет нас отсюда.

Он секунду изучал помещение в поисках лучшего места для размещения заряда.

- Здесь, - произнёс он, указав на часть стены, которая теперь была повернута вниз. - Придётся прыгать.

Он прикрепил взрывчатку к стене и отступил.

- Вы. Солдаты, - обратился он к оставшимся Астра Милитарум. - Не смотрите на свет.

Мелтабомба с рёвом взорвалась, одноразовый термоядерный реактор превратил секцию стены размером с человека в пар и шлак.

Расплавленный металл закапал во мрак. Едва брешь успела появиться, как из неё вырвался воздух. Светящаяся неровная дыра стала подходящей рамкой для разрушения снаружи.

От форта остались одни руины. Пара башен на противоположной стороне площади исчезла в пропасти разрушенного металла. Их собственные опоры устояли, но всего в десяти метрах палуба резко обрывалась, превратившись в груды металлолома. Другая башня в их паре была раздавлена словно консервная банка, потолок Галатана обрушился на неё и завалил кольцевой коридор в том направлении. Аварийные люмены давали немного света, но многие из них были разбиты. Источником большей части освещения служили пульсирующие вспышки вдоль радиального коридора. Фонари доспехов Юстиниана включились. Конусы света вокруг глазных линз отодвинули темноту.

- Станция открыта вакууму, - сказал Юстиниан по воксу остальным. Станция задрожала от новых ударов.

- Слишком лёгкие для взрывов, - заметил Максентий-Дронтио.

- Абордажники, - произнёс Амарилло. - Если нас обнаружат здесь, то мы покойники.

Башня затряслась. Космические десантники покачнулись, когда её вес переместился. Металл скрежетал по металлу, передавая свою боль через подошвы ботинок.

- Нужно спускаться. Немедленно, - сказал Амарилло.

Солдатам спуск дался тяжело, и Новадесантникам приходилось помогать им. Наконец ступив на разрушенную площадь, они обнаружили, что ведущий к внешнему кольцевому коридору радиальный туннель также непроходим.

- Два варианта, - сказал Амарилло, пока они обходили расколовшую перекрёсток пропасть. - Идём прямо внутрь или окружным путём.

Они без происшествий добрались до более безопасного места, и там Юстиниан сумел восстановить прерывистую вокс-связь. Запросы о помощи поступали из центрального хаба станции, пробиваясь сквозь

гул помех и какофонию стонов. Хотя Юстиниан и Амарилло не получили прямого приказа они согласились следовать ему, и Новадесантники без промедления отправились от внешнего края к центру звёздного форта.

Эта часть Галатана пострадала особенно сильно. Хотя главный путь радиального коридора оставался проходимым, во многих местах он был открыт ледяному вакууму и полностью лишён атмосферы. Дождь непрерывных ударов по этой секции станции ослаб, сменившись далёкими сотрясениями взрывов и более размеренными отголосками оружейных батарей самого Галатана.

Теперь им не грозила внезапная смерть, выпущенная далёким космическим кораблём, но это служило слабым утешением. Враги нацелились на другие части Галатана, потому что здесь высадился их десант.

Они двигались осторожно и держа оружие наготове. Первыми шли опустошители Амарилло, переключившие громоздкие тяжёлые болтеры на непрерывный автоматический огонь. Астра Милитарум шли среди них.

Вскоре они столкнулись с врагами.

Кадриан разведывал впереди. Из-за отсутствия атмосферы они не могли услышать звуки боя, пока не окажутся перед ним лицом к лицу. Потребовались глаза, чтобы видеть, когда уши не могли слышать, но коридор изгибался в некоторых местах, скрывая прямые линии обзора. Первым предупреждением стала новая дрожь на металлических пластинах палубы.

- Бой, - произнёс Амарилло, посмотрев под ноги.

- Двигайтесь осторожно, - сказал Юстиниан.

Они отослали Астра Милитарум в арьергард. Отделение Юстиниана двигалось в форме веера перед отделением "Амарилло", прикрывая воинов с тяжёлыми болтерами. Когда они приблизились к смятому холму палубы, дрожь усилилась.

Кадриан взбежал на холм, легко отталкиваясь от истерзанного пола. Приблизившись к вершине, он замедлил шаг и низко пригнулся.

- Сержант, - произнёс он по воксу. Юстиниан подключился к авточувствам доспехов Кадриана.

Пригорок заканчивался низким утёсом срезанного металла. Расселина у подножия вела вниз во тьму и освещалась актиническими разрядами. За ней коридор остался неповреждённым. На радиальном пути виднелась незначительная пробоина, хотя незначительная только в масштабах Галатана.

На потолке над подножием утёса под углом выступал тупой нос штурмового тарана. Группа примерно из дюжины Чумных Десантников окопалась в обломках на ближней стороне пропасти. На другой стороне танки Астра Милитарум образовали барьер на ведущем вглубь станции пути. Большая часть техники была подбита, люки выбило, орудия безвольно свисали в креплениях, но сотня солдат в бронированных космических скафандрах продолжала обстреливать врагов. Немало мёртвых предателей лежало грудой в центре коридора, но оставшихся было более чем достаточно, чтобы справиться со смертными.

- Они долго не продержатся, - произнёс по воксу Кадриан. Он осторожно прятался, пока наблюдал.

- Что ты видишь? - спросил Амарилло.

- Дюжина предателей атакует Астра Милитарум, - сказал Юстиниан. - Мы находимся позади них.

Можем застать врасплох.

- Тогда атакуем, - произнёс Амарилло. Не спрашивая дополнительные разведданные, он позвал своих людей, и они начали подниматься по склону. Воины Юстиниана последовали за ними.

Вершина недавно возникшего холма была расплющена на несколько десятков метров в ширину. Сломанная опора монорельса была вырвана из палубы и брошена поперёк коридора. Она могла служить достаточно прочной баррикадой. У Амарилло хватило приличий не открывать огонь, пока не поднялись люди Юстиниана. Сопровождавшие космических десантников Астра Милитарум расположились рядом с тяжёлыми болтерами.

- Мы займём позицию впереди, чтобы не подпускать их к твоим людям. Прикройте наше движение, - сказал Юстиниан.

Амарилло задумался:

- Самый быстрый путь к победе, но он дорого обойдётся. Лучше занять огневой рубеж там, где ждёт брат Кадриан.

- Мы не можем позволить себе ввязываться в длительную перестрелку, - сказал Юстиниан. - Нужно идти до центра. Враги втянуты в бой. Мы можем добраться до них, прежде чем они поймут, что мы здесь. Если мы подведём твоих стрелков слишком близко, скорее всего, нас заметят. Ждите, пока мы не доберёмся до них, прежде чем открыть огонь.

- Тогда идите. Пусть Лукреций Корвон направит твою руку.

Благословение оказалось незнакомым для Юстиниана, но он был благодарен за проявление чувств.

- Отделение, вперёд, - приказал он.

Девять космических десантников последовали за ним, когда он начал спускаться с утёса. Предатели сконцентрировали всё внимание на гвардейцах и не заметили новую угрозу, пока по ним не стали стрелять с тыла.

Чумные Десантники были хорошо защищены обломками и входами в коридор. Только один погиб, когда отделение "Паррис" открыло шквальный огонь. Потребовалась секунда, чтобы они поняли, что их обошли и это позволило отделению Юстиниана преодолеть ещё десять метров.

Огонь из болтеров быстро переключился с Астра Милитарум на космических десантников. Кадриан упал, из его разрушенной груди брызнул фонтан крови. Пименто быстро стал следующим, когда разбили лицевую панель его шлема. Затем вспышки топлива тяжёлых болтов на мгновение ослепили Юстиниана, когда отделение Амарилло открыло огонь из тяжёлых болтеров и вынудило Чумных Десантников вернуться в укрытие, и отделение "Паррис" смогло продолжить наступление без дальнейших потерь.

Враги попали в ловушку, и они знали это. Не обращая внимания на Астра Милитарум за спиной, они покинули укрытия. Лазерные разряды вспыхивали на разложившемся керамите, но только нагревали доспехи, и они двинулись в контратаку.

Их оказалось больше, чем считал Юстиниан. Примерно двадцать. Они достали ржавые ножи и стреляли из болтеров одной рукой. Трое врагов были изрешечены тяжёлыми болтами, жёлтые жидкости вылились из гниющей брони. В ответ пал брат Друз.

Уродливый здоровяк, который умудрялся не задыхаться в безвоздушном проходе несмотря на проржавевший шлем и отсутствие дыхательной решётки, поднял капающий топор, демонстративно вызывая Юстиниана на поединок. Другой космический десантник из более вспыльчивого происхождения, возможно, и принял бы вызов. Юстиниан же ставил прагматизм выше чести.

Он посмотрел на Чумного Десантника и выпустил в него полдюжины хорошо прицеленных болтов. Насколько он видел, только три проникли внутрь, но этого должно было хватить. Но предатель не только не упал, а продолжил идти, хотя его плоть и броню покрывали воронки от разорвавшихся болтов. Воины Амарилло с тяжёлыми болтерами добились большего эффекта, кинжальным огнём уничтожив несколько Чумных Десантников, но и сами стали мишенями, и один из них пал от концентрированного обстрела из болтеров, а прицел остальных сбился, пока они искали новые укрытия.

Гвардейцы Смерти перебирались через обломки палубы. Ещё двое из них погибли, прежде чем они добрались до десантников-примарис и обрушились на них с мощью лавины.

Сражение распалось на части. Синтетические гормоны затопили тело Юстиниана, ускорив реакции и немного замедлив время, но эти враги имели те же истоки, что и он. Они обладали такими же способностями и получили ещё больше от своих Тёмных богов. Рукопашная превратилась в рычащий и бьющий водоворот клинков и кулаков. Щупальце хлестнуло по лицу Юстиниана, кислотные выделения вытравились на бронированном стекле его глазных линз. Он врезался плечом в мутировавшего обладателя щупальца и сбил его с ног. Шлем со свиным рылом усталился на него. Юстиниан раздавил его двумя ударами ботинка.

Раздался лязг, и он потрясённо покачал головой. Предатель без дыхательной решётки мелькнул в поле зрения, и Юстиниан повернулся в его сторону. Ржавый меч устремился ему в лицо.

Болты врезались в Чумного Десантника, разорвав раздутый живот и забрызгав Юстиниана нечистотами.

Амарилло спускался с холма вместе с выжившими в башне Астра Милитарум и двумя его уцелевшими людьми. Бой закончился. Молча рухнул последний Чумной Десантник.

Биохимическое равновесие Юстиниана медленно возвращалось к нормальному уровню.

- Дорого обойдётся, - произнёс по воксу Амарилло.

Почти половина отделения Юстиниана погибла. К павшим Друзу, Кадриану и Пименто присоединился Даскин. Выжившие воины спокойно занимались своими делами. Максентий-Дронтио помогал снять наруч у Даскина, чтобы заменить сломанную часть доспехов Ахиллея и обезопасить его рану. Позади подбитых танков Астра Милитарум размахивали оружием, радуясь победе.

- Идём, - сказал Амарилло. - У нас впереди длинный путь.

Двадцатая глава

ЛЕГИО ОБЕРОН НА МАРШЕ

Принцепс Калев Дюнкель откинулся на спинку командного трона, пытаясь найти наилучшее положение перед грядущим сражением. Угловатое кресло предоставляло большую честь, но мало удобств. Стальные входные кабели тянулись к голове принцепса. Рычаги располагались немного далеко от рук, а педали слишком близко к креслу. Эти средства управления были резервными грубыми механическими устройствами на случай, если выйдет из строя мысленно-импульсный интерфейс, но они оставались

необходимыми и должны при любых обстоятельствах находиться в пределах досягаемости. Не двигать руками и ногами было неудобно. Скоро он соединится с *“Гневом бога”* и ощущения человеческого тела сойдут на нет. Пока же он сосредоточился на том, что происходило вокруг, и боролся с судорогами.

Сзади модератус-примус и штурман руководили последними настройками оружейной команды. Проверочные вопросы и ответы поступали из головы-кабины в артиллерийский командный отсек и обратно. Протяжные фразы модератуса перемежались мягкими нажатиями кнопок и перезвонами уведомлений о хорошем состоянии.

- Милостью Омниссии подача энергии на цепной кулак осуществляется на полную мощность. Да будет течь движущая сила, - произнёс примус.

- Во славу машины пусковые трубы работают идеально. Да разорвут врагов выпущенные ими снаряды и взрывы, - ответил модератус-оружейник по прямому вокс-каналу.

- Пусть термоядерная реакция вашей мелтапушки средней дальности расплавит нечестивцев пылающим жаром, - сказал примус.

- Да будет так, - ответил Аррин, третий модератус-оружейник.

Дюнкель позволил приготовлениям ещё глубже погрузить его в изменённое состояние. Огромное металлическое тело его *“Разбойника”* на мгновение задрожало от увеличения мощности реактора, когда оборудование активировали, проверили и отключили. Единичные отчёты из инжинериума загудели в кабине, но ничто не могло нарушить успокаивающее бормотание экипажа.

Он закрыл глаза, позволив чувствам титана занять место человеческого зрения и слуха. Дискомфорт от прямого подключения манифольда в затылок исчез. Жёсткое сидение и неудобные физические средства управления его больше не беспокоили. Все человеческие ощущения стали ничем, когда его разум расширился и заполнил металлического гиганта. Ощущение собственного тела уменьшилось, став немногим больше, чем едва заметным раздражением.

Дюнкель становился *“Гневом бога”*.

Он стоял на гигантских широко расставленных ногах на бетонной площадке сортировочного парка. Он чувствовал электрическую дрожь гироскопов, которые сохраняли его равновесие, пока бедренные поршни *“Разбойника”* меняли положение, проводя точечную регулировку. Все системы работали идеально. Не осталось никаких защемлений в движении или жёсткости в суставах машины, которые он обнаружил в прошлый раз. Капитальный ремонт *“Гнева бога”* на пути к Тюзену оказался выше всяких похвал. Результаты были замечательными. Машинная личность титана также радовалась омоложению, и его кровавая душа рвалась в бой. И всё же Дюнкель пока сохранял дистанцию. Он видел свой разум, как череду слоёв, каждая функция его интеллекта изолировалась манифольдом, чтобы легче объединиться с великой сущностью *“Гнева бога”*. Примитивная душа титана перемещалась под электрическими путями интерфейса, верховой левиафан, ожидавший, когда Дюнкель возьмёт его под уздцы. Отголоски духов бывших принцепсов стали призрачными жрецами, служившими металлическому полубогу.

Принцепс всё глубже погружался в разум машины, смешивая своё сознание с механическими и электронными системами. Чувства Калеба дотрагивались до каждого из сотен устройств титана, а затем они исчезали из его физического контроля, и их работа становилась такой же автоматической и незаметной, как биение человеческого сердца. Дух каждого механизма слегка вздрагивал от его прикосновения, прежде чем успокоиться, но интерфейс машины сглаживал взаимодействие и *“Гнев*

бога” оставался таким же неподвижным, как идол.

Со своих электрических небес “Гнев бога” потянулся к Дюнкелю и его шести модератусам. Прежде чем Дюнкель слился с машиной, разумы экипажа проступили вместе по краям, соединившись благодаря великолепным технологиям манифольда. Шесть стали одним, священное число, дважды триединство Бога Машины. Дюнкель ликовал в самых глубинах своей души, потому что это было священное и благородное призвание.

Душа “Гнева бога” представляла собой ожидавший их тёмно-красный жаждущий насилия океан. Дюнкель с удовольствием погрузился в него.

Дрожь сотрясла военную оболочку машины.

- Подключение манифольда завершено. Все славят Бога Машину, - прошептал Дюнкель сам себе. Но он больше не был Дюнкелем, он стал “Гневом бога”. И когда его смертное тело говорило, слова вырывались громким рёвом из военных горнов “Разбойника”. Где-то глубоко в массе пластали клочок плоти улыбнулся и был забыт. Словно пробудившийся спящий, “Гнев бога” ожил.

Ноосфера протянулась над соединившимися сущностями принцепса, модератусов и титана, завершив слияние человека и машины. Если Дюнкель сосредотачивался на своём человеческом естестве, он всё ещё осознавал себя и личности модератусов, но это было отдалённое ощущение, сродни онемевшей от холода конечности, когда ты понимаешь, что она твоя часть, но не можешь её чувствовать. “Гнев бога” полностью пробудился. Под вой огромных механизмов и сервомоторов он переместился, повернув жесткокрылую голову слева направо.

Машинное зрение нарисовало уменьшенный мир в зрительных центрах Дюнкеля. В какой-то момент его человеческие глаза открылись, и призрачное изображение кабины и панорама сквозь окули титана толщиной в ярд наложились на то, что видел “Гнев бога”. Это было легко игнорировать. Титаны легио Оберон, Атар и Фортис стояли в шахматном порядке, каждый перед своим кораблём-саркофагом. Позади них плескались воды узкой полосы Речного моря Пармениона. Город-остров Тирос стоял израненным часовым над узким каналом, отделявшим его от берега Гекатона. Территорию доков на материке очистили и выровняли бульдозерами до камнебетона, и десятки кораблей-саркофагов стояли, словно звёздные небоскрёбы во временном городе. Проложили рельсы для служебных платформ, что позволило выгрузить из кораблей-саркофагов приписанные к титанам порталные краны и подъёмники для боеприпасов, которым было удобнее работать на открытом пространстве. План нападения Жиллимана благоприятствовал легио: ни рискованной высадки прямо в бой, ни отчаянной борьбы без снабжения. Коллегиа Титаника выступит в полном порядке.

Титанов окружала последняя линия новой оборонительной сети Жиллимана. Три полулегио насчитывали сто две высоких машины всех типов, и поэтому им требовалась своя собственная просторная база. Площадка титанов стала штабом Адептус Механикус на Парменионе, где демонстрировалась вся мощь Бога Машины. На просторном собрании присутствовали тридцать шесть бело-чёрных машин легио Оберон. Многие являлись подлинными героями, титанами, которые сражались десятки веков, с принцепсами и экипажами, репутации которых были заслужены в отчаянных битвах после открытия Великого Разлома. Десятки рыцарей Квестор Механикус и Квестор Импералис стояли вдоль дороги, достаточно широкой, чтобы позволить большим машинам покинуть форт, знамёна развевались на ветру.

Вокруг титанов ждали десятки тысяч скитариев в одеждах нескольких миров-кузниц: красных, охряных,

белых, чёрных и серых. Рядом с ними стояли в ровных рядах три тысячи военных роботов легио Кибернетики. За линией недавно возведённой куртинной стены располагались другие укрепления и центры военной власти: главный штаб Астра Милитарум и десантная кастелла Ультрадесанта и Белых Шрамов. Были флаги и других миров, представляющие мощь, собранную со всех концов сектора, но большинство принадлежали Ультрамару и связанными с ним мирами-кузницами. Эта война была делом Ультрадесанта и Адептус Механикус.

Сотни тысяч воинов. Откуда бы они ни пришли, они ждали, когда стальные боги Императора отправятся в путь.

Примарх произнёс речь. Дюнкель слышал и не слышал её. Слова, которые он понимал, забывались сразу же, как только были сказаны. Он попал под влияние косной воинственности *“Гнева бога”*, а *“Гнев бога”* не волновали разговоры.

Отдали приказы, они прошли от верховного командования примарха до различных глав дивизионов на Парменионе. Команды Дюнкелю поступили от старшего принцепса Урскейна, командующего манипулой, который находился на борту *“Владыки войны”* *“Воздаяние”*.

Слова были простыми, скорее осязаемыми, чем слышимыми.

- Смертельные Молнии, - произнёс он имя легио на низком готике, - вперёд.

Первыми стали *“Псы войны”*, из их военных горнов вырвался вой, сторбленные спины закачались из стороны в сторону от вызванного охотой возбуждения. Когда последний разведывательный титан вприпрыжку покинул периметр, настала очередь остальных.

“Гнев бога” горячился, пока выходили его братья *“Божья клятва”*, *“Погибель бога”* и *“Милосердие огня”*. Его растущее разочарование грозило затопить принцепса Дюнкеля и тому пришлось напрячь всю свою волю, чтобы укротить машину. Наконец настало его время. Дюнкель ответил на потребность своего титана идти, а не на голосовую команду Урскейна.

С тяжеловесной величием трёхпалая нога *“Разбойника”* сделала первый шаг на пути в битву. Неспособный и не желавший заглушить волнение титана Дюнкель издал безмолвный военный крик одновременно с протяжным воем *“Гнева бога”*.

Железные братья *“Гнева бога”* соединили голоса в хоре резни, изливая машинный гнев и искреннее намерение стереть предателей с поверхности Пармениона.

Ноги раскачивались, тяжёлые, как груши для сноса зданий, могучие, как башни. Разрушенные земли Гекатона проносились под поступью *“Гнева бога”* горчично-жёлтыми и тускло-зелёными пятнами. Воронки от взрывов первой атаки Гвардии Смерти превратили землю в лунный пейзаж. Посреди засасывающей пустоши стояли расколотые деревья и ступенчатые треугольники кирпичей, раньше служившие углами зданий. Плодородные земли превратились в вязкие болота, топи, порождённые обстрелами и ставшие пристанищем болезней всех видов. Полосы тумана испарялись с металлической тины. Ни одна дорога не уцелела, ни одно здание не осталось неповреждённым. Тишина смерти сокрушила всё живое вокруг. Существа Пармениона погибли или сбежали, и их ещё не заменили демонические отпрыски Чумного бога. Пришла армия Жиллимана, хлюпающие сотни тысяч ног и недовольный рёв танковых двигателей, сражавшихся с грязью, снова заполнили Гекатон жизнью.

Сотни танков прокладывали путь для пехоты. Они везли свёрнутые настилы из проволоки и дерева, которые разматывались с валов, приваренных к задней обшивке. Древесину взяли со всей планеты, ради

чего вырубали деревья на неиспорченных землях, где ещё не ступала Гвардия Смерти, оставляя на месте лесов одни пни. Инфекция Нургла распространилась далеко и множеством способов. Зачастую лечение приносило столько же бед, что и болезнь.

Легио шли на четверть скорости перед ордами людей и машин. Они были полководцами снующих под ногами армий муравьёв. Несмотря на размеры и вес титаны двигались почти неслышно, каждый широкий шаг за широким шагом, гул реакторов и скрежет механизмов вносил скромную лепту в общий шум продвижения. Только когда шаг завершался и опускался на землю с тяжёлым ударом, вызывая рябь в загрязнённой всеми цветами радуги воде, титаны могли заявить о себе. Каждая исполинская поступь становилась раскатом грома в землю, отбивающим медленную барабанную дробь армагеддона.

Они углубились в пустоши и обзор Дюнкеля - обзор *“Гнева бога”* - превратился в море клубящегося тумана. Чем дальше они продвигались, тем плотнее он становился, собираясь с силами после прошлого разрыва. Ядовитый воздух Мортариона сгущался, словно армия, которая перегруппировывалась после незначительного поражения. *“Гнев бога”* прокладывал путь сквозь мглу. Без возможности сравнить масштаб машина казалась человеком, переходившим в брод затянутое туманом море. Впереди горбатые *“Псы войны”* прорезали недолговечные пути, вызывая ассоциации со спинами крупных рыб, рассекавшими воду. Большие титаны, *“Владыки войны”* со всевозможными знаками отличия и другие, были более крупными людьми, возможно, рыбаками, шагавшими по отмели, чтобы поставить сети, их огромные корпуса казались закинутыми на плечи рыбацкими лодками. Штурмовики космического десанта ревели наверху, подобно морским птицам. Орда людей под пеленой тумана стала ордой малозаметных крабов.

Показания ауспика вливались в разум Дюнкеля столь же легко, что и увиденное его собственными глазами. Радиолокационные импульсы очерчивали схематичные контуры в мимолётных волнах света. Неактивные лучи и тепловизоры предоставляли свои собственные отдельные взгляды, которые смешивались с природным зрением Дюнкеля и резким машинным видом высокого разрешения *“Гнева бога”*. У непривычного к смешиванию сенсорных сигналов человека это вызвало бы тошноту, для Дюнкеля же это ощущалось так, как если обычно он был бы слепым, и только когда садился на командный трон титана, его глаза внезапно и чудесно прозревали.

Болтовня вокса и потоки данных нарушали безмятежность путешествия. Он заставил себя восстановить внимание и помнить, что его обязанностью было вести войну, а не только ликовать от управления машиной.

Множество голосов соперничали за его внимание. Когитаторы *“Гнева бога”* помогали упорядочивать их по важности. Первостепенное значение отдавалось его непосредственным командирам из легио, а затем верховному командованию. Все остальные, генералы, полковники и лидеры кладов, теснились на границе восприятия, ожидая, пока он подумает о них и сфокусируется на их болтовне.

- *Смертельные Молнии, манипула Квинтус, остановитесь*, - произнёс старший принцепс Урскейн. Его приказ был эхом приказа, который поступил секунду назад от командования легио, напрямую соединённого с примархом. - *Боевой порядок. Защита в три линии глубины. Выполнять.*

“Гнев бога” повиновался ещё раньше Дюнкеля. Могучая нога твёрдо упёрлась в землю, подняв ободок грязи вокруг квадратных пальцев. Задняя нога также скорректировалась. *“Гнев бога”* занял позицию для стрельбы, приготовившись к отдаче гигантского оружия. *“Милосердие огня”* остановилось в пятистах метрах слева, а *“Погибель бога”* и *“Божья клятва”* справа, став частью линии, которая изгибалась в направлении берегов Речного моря в пятидесяти километрах отсюда, где узкий залив расширялся

рядами бухт. В тумане вырисовывались скрытые по пояс силуэты титанов других манипул. Позади них остальные легио казались размытыми тенями в горчичных парах.

Весь легио выстроился подобно манипуле Урскейна. словно князя в сопровождении королевских гвардейцев “Владыки войны” заняли позиции в трёхстах метрах за ними в промежутках между меньшими “Разбойниками”, сформировав глубокое построение, как на доске для игры в регицид.

Поток передаваемых приказов уменьшился, стал более локализованным, потому что каждая часть имперской военной машины занималась своим делом. Напряжение росло.

Сущность, которая являлась объединившимися Дюнкелем и жестокой машинной душой, окинула внимательным взглядом море тумана. Не было никаких признаков врагов, но они приближались. “Гнев бога” чувствовал это. Перед боем единение человека и машины всегда максимально усиливалось. В такие моменты принцепсы оказывались близки к утрате своей индивидуальности. Дюнкель сопротивлялся, чтобы не раствориться в душе “Гнева бога”. Такое иногда происходило, принцепсы погружались настолько глубоко в машину, что терялись, и разъединение разрушало их разум. В самых глубоких местах своего естества он знал, что нужно сохранять дистанцию с “Гневом бога”, но было трудно устоять. Он хотел пойти дальше, ощутить силу в самом её источнике, соединиться с духами тех, кто был до него, и стать единым целым с машиной. Возможно, однажды его поместят в амниотический бак, и он познает радость самоуничтожения. Но не сейчас.

“Псы войны” двинулись дальше. Они бесшумно пробирались сквозь туман, нетерпеливые охотники, способные устроить засаду и застать врасплох, несмотря на свой огромный размер.

Больше приказов запульсировало, распространяясь по информационным путям с мерцающим скачком электронной проекции. Дюнкель предположил, что если бы мог это увидеть, то картина напоминала бы древо жизни, олицетворявшее собой священный поток движущей силы.

Пятнадцать рыцарей дома Конор размашистым шагом прошли мимо, чтобы поддержать своих больших кузенов. Они были медленнее “Псов войны”, а короткие ноги подвергали их дополнительному риску на труднопроходимой местности. Они прокладывали сложные маршруты, чтобы оставаться на самой устойчивой земле. Любой неверный шаг мог погрузить их в трясину. Они не сделали ни одного.

Вдоль линии наступали стаи “Псов войны” других легио, сопровождаемые союзными рыцарскими домами. В тени шагавших машин люди и меньшая техника армии строились в боевые порядки, не позволяя вздыбленной земле Гекатона нарушить строгие предписания Тактика Импералис. Никто не хотел сделать это пред взором примарха, собственные письма которого легли в основу этого священного текста.

Танки остановились в мелководной дельте. За ними укрылась пехота. В центре армии за линией титанов разместилась большая когорта сверхтяжёлых танков Ультрадесанта, развёрнутых в боевом порядке, продиктованном непосредственно примархом. Одной массой и мощностью двигателей они прокладывали путь сквозь болото, большие бульдозерные отвалы выравнивали непокорную землю. Говорили, что такое количество войск в таком построении редко встречалось со времён Ереси. Неуклонно, но на безопасном расстоянии позади них двигался командный вездеход Робаута Жиллимана.

Имперская армия ждала, пока стрелковая цепь из гигантских машин разведает, что впереди.

Урскейн отослал несколько альтернативных схем развёртывания по инфосети, классифицированные отдельными словами, специально выбранными для этого боя. Дюнкель знал их все наизусть. Туман

поднимался стеной, столь же высокой, как боги-машины на западе. Горы снова скрылись из вида. Густая мгла покрыла равнины. Солнечный свет за спиной ярко отражался от тумана.

Во мгле вспыхнули взрывы. Яркий свет плазменного разряда высветил силуэт одного из “Псов войны” легио Оберон и пару рыцарей поддержки в миле от него. От наступающих поступил шквал вокс-сообщений:

- *Замечен титан! Замечен титан!*

Залп из трёх гигантских ракет просвистел над головой и едва не попал в титана “*Величайшая стойкость*”. Одна из них была перехвачена и сбита огнём тыловой противовоздушной обороны армии. Остальные погрузились в пелену тумана и взметнули высокие конусы обломков в месте попаданий: грязь, люди и машины перемешались. Взрыв покачнул “*Гнев бога*”.

- *Атомные технологии отсутствуют. Отравляющие вещества отсутствуют. Плазма отсутствует. Стандартная конфигурация боеголовки,* - произнёс Урскейн. Резкие искажения вокс-траффика высокого уровня наложились на его голос. - *Вольно.*

Инфопотоки запульсировали между титанами, передавая быстрый бинарный разговор машин. Данные с пиктеров промелькнули в голове Дюнкеля. Тёмные силуэты, выхваченные разведывательными титанами. Вражеские машины окутывал туман.

К вспышкам высокоэнергетического оружия присоединилась лёгкая дрожь рвущихся где-то впереди снарядов.

- *Приготовиться к непосредственному столкновению. Зафиксировано семнадцать титанов, и количество растёт. Схема атаки - “Гербовый щит”,* - произнёс Урскейн. Он был спокоен и сдержан, ни малейших следов машинной души, с которой он соединился, и её вмешательства в его слова. - *Приготовьтесь встретить отступающих разведчиков. Прикройте и защитите их.*

Дюжина разведывательных машин легио вприпрыжку мчалась за эшелонированную линию титанов, поворачивая по широкой дуге, чтобы укрыться за спинами “Владык войны”. Оттуда они смогут снова выдвинуться и обойти врага с флангов, когда более тяжёлые титаны вступят в бой. Пламя вырывалось вдоль расплавленных отметин на их спинах. Рыцари продолжали сражаться. Их боевые переговоры отвлекали Дюнкеля, и он отодвинул краткие реплики на задний план осведомлённости.

Оранжевая вспышка окрасила сгущавшийся туман. Затем ещё одна. Уничтожение реактора рыцаря. Маленькие одноместные машины попали в беду.

“*Гнев бога*” подался в их сторону.

- Спокойнее, спокойнее, - сказал Дюнкель, словно успокаивал животное из плоти и крови. Одновременно он с помощью мысленно-импульсной связи усилил контроль над обрабатывающими центрами машины, подавляя её атавистическую потребность убивать.

Всё больше “Псов войны” возвращалось поодиночке или парами между растянувшейся линией легио Оберон. Один из манипулы Урскейна, “*Мир боли*”, отсутствовал. Дюнкель выделил секунду для стратегического картолита, который показывал состояние остальной линии: то же самое происходило по всему фронту.

Грохот войны приближался. Враг преследовал отступающую линию застрельщиков, но был слишком

опытен, чтобы выйти на оптимальную дальность стрельбы титанов легио Оберон. Только несколько выстрелов засверкали в воздухе к их линии.

- Адепт Син, держите щиты на максимальном уровне на случай, если эти заблудшие заденут нас, - произнёс Дюнкель по проводному воксу. Используя рот, он чувствовал себя странно. В сердце бурлило желание *"Гнева бога"* кричать вместе с его словами. - Мы должны вступить в бой максимально защищёнными.

- *Как прикажете, принцепс*, - ответил Син по воксу со своего поста в реакторном отсеке. Гул двигателя усилился.

По мере того, как сражение приближалось и становилось всё ожесточённее, рыцари прекращали наступление и следовали за *"Псами войны"*. Они пробежали мимо Дюнкеля, их сутулые спины скрывали головы от его взгляда. Меньшие машины доставали только до груди *"Гнева бога"*. По подсчётам Дюнкеля потери поддерживавшего их дома составили тридцать процентов. Рыцари всегда платили, защищая большие машины. Быстрые и маленькие в сравнение с их высокими кузенами, их роль заключалась в том, чтобы отвлекать огонь от титанов, и полагаться на скорость, чтобы остаться в безопасности. Но ловкость не могла спасти от прямого попадания богооружия.

- *Где вражеская поддержка?* - спросил по воксу принцепс Гуггльхем с *"Милосердия огня"*.

- *Обнаружены цели*, - произнёс Урскейн. - *Сорок семь вражеских машин-майорис, при поддержке примерно двухсот машин-минорис.*

Вспышки оружия исчезли, когда последний из рыцарей дома Конор встал позади линий Оберона. Грохот перестрелки сменился ровной поступью наступающих военных машин.

- *Они приближаются. Визуальное обнаружение*, - произнёс Гуггльхем.

- *Приготовиться вступить в бой. Зарядить всё оружие. Держать строй, действовать по моей команде*, - ответил Урскейн.

Дюнкель видел их неясные очертания в тумане. Они во многом были похожи на машины Оберона, но характер их душ повлиял на внешность, сделав горбатыми и зловещими там, где имперские титаны казались согнутыми бременем долга. Они целой толпой двигались в правом эшелоне, пара *"Владык войны"* на переднем крае оцетинилась оружием для ближнего боя. Прорыватели строя.

Легио обладали специальными символами, и обозначения каждого титана были настолько же уникальными, как отпечатки человеческих пальцев. Даже предатели были не настолько трусливы, чтобы скрывать свои грехи. Они гордо демонстрировали свою принадлежность и идентичность.

- *Легио Мортис*, - произнёс Фанторп, принцепс *"Божьей клятвы"*. - *Головы Смерти.*

- *Гордость. Она ещё осталась у них, когда все остальные представления о чести пропали, они сохранили гордость*, - сказал Москва из *"Погибели бога"*.

- *Подтверждаю, подтверждаю*, - сказал Урскейн. - *Предатели легио Мортис. Передаю вражеские опознавательные знаки.*

Имена и числовые обозначения титанов поступили в ноосферную инфосеть. Разум Дюнкеля наполнил длинный перечень злодеяний, простиравшихся глубоко в историю на сухом и бесстрастном лингва-технис.

Если защитная сетка Смертельных Молний располагалась манипула к манипуле, то Головы Смерти атаковали построением силой в пол легио, выставив вперёд самые тяжёлые машины. Ни у одной из сторон не было никаких укрытий, и вся мощь врага направлялась прямо на позицию Дюнкеля.

- Они ищут проход. Не позволяйте им прорвать строй, - произнёс Урскейн.

Со стороны вражеской линии донесли вопли вызова из военных горнов.

Оберон ответил, как и Фортис и Атар.

Мортис открыл огонь. Лоялисты не остались в долгу.

Мгновенно пространство между двумя линиями превратилось в простреливаемую зону, враждебную всему живому. Оружие титанов обладало потрясающими разрушительными возможностями, превосходя всё, кроме вооружения крупнейших космических кораблей. Воздух вспыхивал вокруг энергетических разрядов. Сверхзвуковые ударные волны от снарядов размером с тягач взметали фонтаны воды. Лазерные лучи превращали конусы тумана в ливни, их потрескивание звучало подобно равномерным раскатам грома. Мгла кипела от многоцветной плазмы.

Двух рукопашных "Владык войны" поддерживал монстр с оружием дальнего боя, обозначенный, как "Ядовитый мастер". Он был вооружён плазменным аннигилятором в правой руке, орудием "Вулкан" в левой и двумя огромными лазерными бластерами на корпусе. Его роль состояла в том, чтобы пробить брешь для специалистов ближнего боя легио Мортис. Всё его оружие заговорило одновременно, обрушившись всей мощью на "Погибель бога". Пустотные щиты приняли удар и, не выдержав, отключились с оглушительным грохотом. "Разбойник" шагнул в сторону, оставляя за собой шлейф дыма, когда "Ядовитый мастер" снова выстрелил, выжигая яркие полосы на композитной броне "Погибели бога". Он покачнулся. Приводы левой ноги заклинило, и она захромала.

- Вперёд, - приказал Урскейн. - Вступите с ними в бой.

Другие старшие принцепсы повторили его слова. Шахматное построение легио Оберон распалось, каждая манипула выбрала сектор вражеского эшелона. Стратегически, их разбитое на группы построение позволяло концентрировать огонь на отдельных целях. Противостоящий им вражеский эшелон предоставлял всем своим титанам чистые зоны огня. Чтобы лишить противника этого преимущества и максимально увеличить собственное, легио Оберон двинулся вперёд ступенчатыми непредсказуемыми линиями, манипулы заслоняли друг друга, таким образом, защищая любого титана от продолжительного концентрированного огня.

Три ракеты вылетели из пусковой установки корпусе "Гнева бога", его единственного дальнобойного оружия. У него было всего двадцать зарядов. Дюнкель не хотел ни один потратить напрасно. Звание принцепса "Гнева бога" досталось ему нелегко. Он хотел оправдать оказанную честь.

Ракеты врезались в щиты "Ядовитого мастера". Огни вспыхнули на потрескивающих энергетических полях, сбив ему прицел. "Погибель бога", хромая, вышел из поля зрения вражеского титана, пламя цеплялось за его левую ногу.

"Гнев бога" выпустил новые ракеты. В ответ сверкающие столбы лазерного света врезались в пустотные щиты, их вспышка ослепила Дюнкеля.

- Первый пустотный щит на двадцати процентах. Мы не сможем выдержать много ударов такой интенсивности, - предупредил Син.

- Увеличить мощность реактора. Больше энергии на двигательную систему. Приготовить мелтапушку, - приказал Дюнкель. Ему не терпелось приблизиться, чтобы использовать оружие.

“Милосердие огня” открыло огонь из гатлинг-лазера, устремив пылающие росчерки света во врага. Пустотные щиты *“Ядовитого мастера”* загудели и затрещали в тумане, подсвечивая корпус и капли воды, которые кружились в завораживающих узорах. *“Владыка войны”* ответил полным залпом из всех орудий. Огненная буря вырвалась из обеих рук, окатив *“Милосердие огня”* кипящим покровом пламени. Первый пустотный щит *“Разбойника”* отключился, второй вышел из строя несколько мгновений спустя, как и третий с четвёртым. Выстрел из лазерного бластера пришёлся прямо в бронированную грудь *“Милосердия огня”*. *“Возмездие”* Урскейна шагнуло мимо раненого титана, направив своё оружие на *“Ядовитого мастера”*, но всплески энергии показали чувствам Дюнкеля, что вражеский *“Владыка войны”* собрался выстрелить и добить свою цель. Два из их трёх *“Разбойников”* на данный момент не участвовали в бою, один, возможно, навсегда вышел из строя. Следующая манипула переместилась ближе, вызывая огонь напарника *“Ядовитого мастера”* и блокируя полосу обстрела вражеского эшелона. Они дорого заплатили за это, их пустотные щиты вспыхивали опасным светом.

Залп *“Ядовитого мастера”* обрушился на *“Милосердие огня”*, сорвав наплечную броню и искромсав сустав. Руку заклинило, оружие бесполезно опустилось к земле.

“Гнев бога” отреагировал на рану товарища многоголым яростным воем. Он неожиданно рванулся вперёд, застав врасплох Дюнкеля и *“Ядовитого мастера”*, подставившись под следующие выстрелы, которые предназначались *“Милосердию огня”*. Дождь искр пролился на шлем Дюнкеля. Сервитор задёрнулся в алькове, дым повалили из его входных портов.

Диссоциирующий вызов титана был встречен нечеловеческим воплем *“Владыки войны”*.

- *Назад! Дюнкель, отведи свою машину назад!* - приказал Урскейн.

Машина Дюнкеля мешала титану старшего принцепса сделать точный выстрел, но *“Гнев бога”* не собирался останавливаться. Его псевдоживотная душа на мгновение освободилась от власти Дюнкеля. Титан наклонился вперёд и перешёл на неуклюжий бег. Воинственность *“Гнева бога”* была хорошо известна в легио, ему специально подобрали такое имя, как и вооружение. Предполагалось, что Дюнкель сумеет укротить его гнев. Он не сумел.

- *Усмири его!* - завопил Урскейн

- Активировать глушители восприятия, - приказал Дюнкель. Он боролся с нереагирующим ручным управлением.

- *Логические машины отключены, принцепс,* - ответил Син. - *Его не остановить. Это - воля Бога Машины.*

- Тогда сделаем всё, что в наших силах. Открыть огонь из левой руки, немедленно! - Дюнкель вырвался из ментальных объятий машины, вызвав достаточно индивидуальности, чтобы прицелиться во врага и приказать модератусу выстрелить из мелтапушки. *“Гнев бога”* бежал. Его системы зациклились на сокровенном убийстве рукопашного боя. Целиться было тяжело. Дюнкель выбрал точку в центре *“Ядовитого мастера”* и помолился Богу Машине о попадании. Модератус Оберштен изо всех сил пытался поднять руку с мелтапушкой. *“Гнев бога”* сопротивлялся Дюнкелю, пытаясь поднять оружие ближнего боя для удара, но Дюнкель не позволил ему помешать выстрелу, и Оберштен сумел атаковать и выпустить термоядерный луч из мелтапушки, прежде чем *“Гнев бога”* тяжело врезался бы во врага.

В данной ситуации попадание в упор по вражескому титану из мелтапушки являлось более предпочтительным результатом, чем атака в рукопашной, поскольку энергия выстрела испарила бы пласталь. *“Гнев бога”* мог бы покалечить большего титана и даже убить одним выстрелом. Активные пустотные щиты рассеивали мощные микроволны оружия в варп, поэтому наилучшее решение заключалось в том, чтобы сбить щиты из пушки и оставить врага незащищённым для работы клинком.

Зарядка орудия была выполнена небрежно, и оружие выстрелило прежде чем термоядерную энергию должным образом сфокусировали, и всё же *“Гнев бога”* каким-то образом сумел выпустить своё огненное дыхание на цель.

Фокусировка луча произошла прямо внутри пустотного щита *“Разбойника”*. Её оптимальное положение для защищённого щитами титана находилось точно на границе поля, но получилось всё же достаточно близко и почти вся термоядерная реакция прошла снаружи, прежде чем рассеивание волн ослабило бы выстрел. Лучи высоко смертоносных микроволн пересеклись в точке прицеливания. Мелтапушка разрядилась на полную мощь, исполинские системы оружейных когитаторов *“Гнева бога”* сохраняли прицел неизменным, пока титан двигался в атаку.

Первой отреагировала вода в воздухе, нагревшись до температуры взрыва, затем сам воздух превратился в расширяющийся шар горячей плазмы.

Взрыв захлестнул пустотные щиты *“Ядовитого мастера”*. Молния пронеслась по всей энергетической оболочке, заземляясь вдоль извилистых линий активных ионов, выброшенных ударной волной. Взрыв, разряд и случайные модели проводимости, созданные возбуждёнными атомами атмосферы, объединились и обрушили пустотные щиты *“Ядовитого мастера”* один за другим.

“Гнев бога” прорвался сквозь рассеивающуюся защиту и врезался в *“Ядовитого мастера”*. *“Владыка войны”* был на несколько метров выше *“Разбойника”* и массивнее, но импульс *“Гнева бога”* был таким, что удар заставил *“Ядовитого мастера”* пошатнуться. Дюнкель оставил попытки обуздать духа-машину, задыхаясь от вызванной этим боли. Он разделил страстную радость машины, когда предоставил *“Разбойнику”* свободу. Тот издал душераздирающий вой. С участием модератуса или без него, цепной кулак поднялся, активированная гибкая цепь зубов превратилась в размытое пятно. Цепь была шире, чем гусеницы танка, каждый зуб размером с человека. Она понеслась вниз и вгрызлась в локоть левой оружейной руки *“Ядовитого мастера”*, пока тот не успел восстановить равновесие. Расплавленные осколки металла застучали по кабине *“Гнева бога”*. Перед глазами Дюнкеля замелькало, когда от скрежета вгрызавшихся в металл зубьев задрожала вся машина. Вражеский титан был покрыт каким-то органическим веществом, из которого сочилась едкая слизь. Пятна ржавчины покрывали броню. Бледная кабина в форме черепа казалась странно живой.

- Сильнее! - проревел Дюнкель. Сейчас он всецело оказался в плену боевого рвения *“Разбойника”*. - Сильнее!

Его разум работал с модератусом Креном и машинной душой титана, направляя огромное одностороннее оружие сквозь руку *“Владыки войны”*. *“Разбойник”* наклонился, переместив весь вес на левую руку, прорезая путь сквозь конечность большего кузена. Пустотный щит перезарядился и окутал их обоих.

“Ядовитый мастер” завопил от боли и ярости, зовя на помощь братьев. Дюнкель потерял из виду прорывателей строя, *“Владык войны”*, своим рукопашным оружием они легко справились бы с *“Гневом бога”*, но теперь было слишком поздно волноваться об этом. Он должен прикончить врага или

погибнуть. Дальнобойное оружие *“Ядовитого мастера”* было бесполезно на таком близком расстоянии. Но он всё равно выстрелил, выбросив фонтаны плазмы. Его пусковые стойки опустели. Ракеты проревели, почти вертикально исчезая в небе.

Дюнкель усмехнулся. Вражеский титан был в машинном шоке, его разум восстал против пилотов. Он стал уязвимым.

“Мародёры” флота пронесли над головой. Ракеты застучали по *“Владыке войны”*, снова сбив пустотные щиты. Несколько взорвались на корпусе. Его колени подогнулись от удара.

Лазерные пушки точечной защиты покалывали бок *“Гнева бога”*, пока *“Разбойник”* продолжал резню.

Рука-оружие *“Ядовитого мастера”* упала, потоки масла и вредоносной жидкости забрызгали переднюю броню меньшего титана. *“Владыка войны”* внезапно освободился от потерянной конечности и покачнувшись назад, оружие на его корпусе стало поворачиваться в поисках цели.

- *Дюнкель, сдержи духа-машину. Уйди с моей траектории огня!* - приказал Урскейн.

- *Всю энергию на двигательную систему!* - приказ Дюнкеля был наполовину криком. Он снова завладел разумом машины. *“Гнев бога”* сражался с ним за каждый шаг в сторону, желая только раздирать и рубить соперника, который причинил боль его товарищу. Дюнкель надавил на рычаги управления, используя их вместе с манифольдом, чтобы заставить *“Разбойника”* отойти от *“Владыки войны”*.

Вражеская машина отступила и развернулась, плазменные катушки на оставшейся руке с главным оружием вспыхивали кольцо за кольцом, пока заряжались для нового выстрела. Лазерные пушки на шарнирах и орудия точечной защиты, установленные по всему его корпусу, продолжали выплёскивать гнев на *“Разбойника”*, отслеживая его, пока тот убегал, но они не могли пробиться сквозь пустотные щиты *“Гнева бога”*.

Плазменное орудие могло.

“Ядовитый мастер” прицелился прямо в уязвимую спину *“Гнева бога”*, где броня была самой тонкой. Выстрел на полной мощности пройдёт сквозь щиты и броню до самого реактора. Дюнкель вёл машину по широкой дуге, пытаясь двигаться быстрее, чем *“Ядовитый мастер”* будет успевать поворачиваться. Металлические боги танцевали тяжёлый и неуклюжий вальс.

- *В нас попадут, - произнёс он. - Приготовиться к удару!*

Внезапный рывок *“Гнева бога”* заставил выстрел *“Ядовитого мастера”* пройти мимо и только слегка задеть недовольно загудевшие пустотные щиты *“Разбойника”*. Рядом с Дюнкелем вспыхнули и загорелись кабели, подожжённые обратной связью перегруженного щита.

Но они всё ещё стояли.

Потрёпанный попаданием *“Гнев бога”* снова стал послушным. Дюнкель развернул его, чтобы следующий удар пришёлся по передней дуге.

“Ядовитый мастер” умирал. Десятки меньших машин подкрались в тени *“Воздаяния”* и присоединились к огню *“Владыки войны”*. Три рыцаря объединили усилия, перерезая ногу *“Ядовитого мастера”* в колене совместными выстрелами из мелтапушек. *“Воздаяние”* пробивал его броню залпами из сдвоенного орудия *“Вулкан”*.

В кабине Дюнкеля раздались сигналы тревоги.

- *Реактор перегружен!* - завопил Син. - *Уходите!*

Реактор "*Ядовитого мастера*" вывалился из корпуса в полусфере ослепительной плазмы. Каким-то образом источник энергии остался чистым, когда сама машина уступила порче, и его очистительный свет сжёг все следы бывшего падения. Спустя столько времени душа титана всё же сбежала, чтобы найти покой в милости Бога Машины.

Рыцарь безвольно упал, его системы вышли из строя из-за электромагнитного импульса. Ему повезло больше, чем его напарнику, которого поглотило атомное пламя, пока тот пытался убежать.

У Дюнкеля появилось время критически оценить положение, в котором он оказался. Он прорвался сквозь вражескую линию. Он был единственным титаном на противоположной стороне от неё. Эшелон Мортис держался и давил в ответ. Первоначальное построение Оберона распалось на части. Хотя лоялисты нанесли значительные повреждения, их линия была нарушена. Мортис отходили машина за машиной, половины каждой пары по очереди прикрывали братьев, выдвигаясь и отступая. Один из прорывателей строя горел, всё ещё сохраняя вертикальное положение в полутора милях левее "*Гнева бога*". Они стали приманкой, дорогими жертвами, чтобы вытянуть лояльные легио в полный шторм огня эшелона. Второй прорыватель строя неистово прорубался сквозь армию под огнём тысяч танков. Атар втягивались в левую часть эшелона. Фортис было не так легко обмануть, и они продвигались вперёд, чтобы обойти врага с фланга далеко справа от Дюнкеля.

Ловушку раскрыли и от верховного командования поступили приказы с требованием остановиться. "*Гнев бога*" неохотно отступил, присоединился к линии титанов, противостоявших Мортис, и начал стрелять, пока не закончились ракеты. Затем ему пришлось ограничиться целями, которые оказывались в пределах досягаемости его огромной термоядерной пушки.

Легио оставались в таком положение некоторое время, обмениваясь ударами с грешными братьями всю ночь и рассвет.

Командный левиафан Жиллимана неумолимо двигался по пропитанной влагой равнине. Вес гигантской машины погружал её глубоко в грязь, и она не столько преодолевала ландшафт, сколько плыла по нему.

Примарх изучал позиции сил брата на карточном столе.

Под прикрытием машин легио Мортис располагалась огромная и злобная муха, жирная и доминирующая над пейзажем, подобно геоглифу. Центр из трёх взаимосвязанных масс элитных войск, где каждая часть поддерживала другую, образовывал геометрическое угловатое брюшко. Фланги развернулись назад, словно стилизованные крылья. Застрельщики выдвинулись вперёд длинными шеренгами, образуя ноги и жвала спереди и с флангов, арьергард зеркально отражал их. В общей сложности двадцать один блок войск, заострённые концы каждого отряда размещались так, чтобы собираться рядом с телом. Углы этих поворотов формировали узор, который, как подозревал Жиллиман, имел какое-то бессмысленное и загадочное значение для его обманутого брата.

Освещение в стратегиуме было тусклыми. Реагирующее бронестекло закрывало прорезь окулуса, из которого открывался вид на разорённую землю Гекатона. Туман окутывал всё вокруг и становился всё гуще. Влажность выщелочила звук из воздуха и распространяла свет в болезненном и ровном сиянии. Чтобы затенить этот свет и постоянные вспышки оружия титанов в его циркулирующих глубинах, окулус

стал дымно-коричневым. Поэтому внутри было мрачно. Бледное голографическое сияние освещало внимательные лица, тщательно изучавшие тактикарию: космического десантника, космического десантника-примарис и неизменённого человека.

- Почему вы ждёте, милорд? - прорычал Кольцюань.

Жиллиман воздержался от упрёка за его тон. Кольцюань был одним из его самых красноречивых критиков на Терре, вот почему Жиллиман приказал, чтобы он присоединился к Индомитскому крестовому походу. "Держи врагов близко", - так всегда говорил король Конор, принцип, которого Жиллиман не всегда придерживался к своему вечному сожалению.

- Чего-нибудь, - сказал Жиллиман. - Чего-нибудь не настолько ожидаемого.

Он показал на линию богов-машин легио Мортис, которые прогнулись назад так сильно, что правый фланг почти коснулся наступающего построения в форме мухи.

- Он заманивает меня в ловушку. Это настолько очевидная стратагема, что может быть только частью большей игры. Мортарион - прекрасный полководец, даже когда стремится доказать насколько он нестигаемый. Он там, прямо в центре своей армии. Это - насмешка. Он хочет вытянуть меня.

- Его не видели, - сказал Кольцюань. Он расхаживал назад и вперёд, редко останавливаясь и как всегда раздражённый.

- Он здесь, - Жиллиман махнул рукой в перчатке над гололитом. - В этом бессмысленном построении мы видим ренегатов, космических десантников-предателей, вражеских титанов, мутантов, ненормальных недочеловеков, наёмных рыцарей, тяжёлую артиллерию, гусеничную бронетехнику и всё прочее. Обычная демонстрация больных и обманутых последователей Мортариона. А вот кого мы не видим...

...- демонов, - произнёс Кольцюань. Он опёрся тяжёлыми золотыми перчатками на карточный стол. Изображение распалось вокруг его кулаков. - Где Нерождённые?

- Именно это и беспокоит меня, - сказал Жиллиман. - И в самом деле где? Пока мы не выясним, я не стану действовать. Мортарион, возможно, придерживает их, ожидая моего хода. Где они - там и он.

- Что с Галаганом? - обратился примарх к вокс-оператору.

Бледнолицый человек в парадной униформе повернулся от ряда мигающих машин:

- Флот сообщает, что станция приближается, но по-прежнему подвергается атакам Гвардии Смерти. Наши корабли движутся на помощь.

- Расстояние?

- Пятьсот тысяч километров и сокращается, милорд-командующий.

- Статус?

- Мы потеряли связь, лорд-командующий. Наши сигналы глушатся, но станция продолжает вести огонь по врагу.

- Значит она не захвачена, - сказал Жиллиман.

- Это всё ещё может произойти, - заметил Кольцюань.

- Может, - согласился Жиллиман, всё его внимание было обращено на вспышки и потрескивание искусственной стрельбы на гололите.

- Тогда позвольте мне и моим воинам отправиться туда, милорд, и склонить чашу весов в нашу пользу, - сказал Кольцоань. Он неожиданно остановился, весь напрягся, надеясь на разрешение.

- Нет, - ответил Жиллиман. - На Галатане хороший гарнизон. Мы должны доверять его защитникам. Мы не можем позволить отвлечь себя от боёв на планете.

Кольцоань раздражённо ударил кулаком по столу:

- Тогда, каков ваш приказ?

- Обстреливаем врага и стоим в обороне, - сказал Жиллиман. - И ждём.

Двадцать первая глава

ЗАЩИТА CRUCIUS PORTIS II

Бои на Галатане шли уже несколько часов, время измерялось короткими схватками, за которыми следовали продолжительные отрезки передвижения пешком. Юстиниан не потерял больше никого из своих людей, но Амарилло лишился одного воина от ран. Они оставили его, когда тело завернулось в мукраноидную оболочку и пообещали найти позже. Как только космические десантники пересекли пропасть, Астра Милитарум настояли на том, чтобы сопровождать Юстиниана и остальных. Они сказали, что для них это честь, но Юстиниан подозревал, что скорее дело было в том, что они считали, что вместе у них будет больше шансов выжить. Если так, то они ошиблись. Они погибали один за другим, пока не остались только Тессеран и ещё пара десятков человек. Когда они встретили половину полка Ультрамарской ауксиллии, которые удерживали крупный перевалочный пункт, Юстиниан приказал неизменённым присоединиться к ним, оправдываясь тем, что они смогут сражаться лучше. Хотя сам он думал, что так, по крайней мере, они погибнут среди таких же солдат, как и сами.

Космических десантников больше не замедляли смертные и они увеличили скорость, следуя в соответствии с указаниями, а если они отсутствовали, то ориентировались по сотрясавшим палубы перестрелкам. Дважды им приходилось резко сворачивать и обходить вражеские группы, которые были слишком большими, чтобы с ними справиться, пробираться по служебным туннелям или ползти вдоль сходных трапов прямо над головами врагов.

Других они уничтожали без милосердия, убивая абордажников, которые ещё не соединились со своими подразделениями.

Так они наконец дошли до дверей в переборке, закрытой для предотвращения дальнейшей потери атмосферы, охраняемой духами-машинами и сверхбдительным оружием. Коды и пароли Новадесантников позволили им войти, и, миновав бронированные шлюзы, они ступили в застоявшийся корабельный воздух.

Оттуда они продолжали движение ещё несколько часов. Они всё время приближались к центральному хабу, пока уставшие и израненные не подошли к Crucius Portis II.

Огромные надвратные башни защищали четыре главных радиальных коридора, ведущие в центр Галатана. Другие дороги упирались в стены. Попасть в центр можно было только через редуты Crucius Portis. Ядро само по себе почти являлось отдельной боевой станцией.

Из покрытой адамантием внутренней стены станции выступала пара башен. Широкие зубчатые укрепления свысока смотрели на поле смерти в два километра шириной. Оружие, обычно располагавшееся снаружи космической конструкции, усеивало их внешнюю сторону и окружало основания: гигантские турели с макропушками, ракетные батареи и прямое энергетическое оружие таких размеров, что если бы оно размещалось внутри меньшего сооружения и выстрелило, то рисковало бы пробить собственный корпус.

Галатан был достаточно крупным, чтобы выдержать такое наказание.

Последний из концентрических путей станции огибал центральное ядро, плавно расширяясь вокруг полей смерти и сужаясь в поперечнике до полумили за ними. Вся внутренняя стена-куртина станции была снаружи усеяна оружейными точками и стрелковыми балконами. Каждую милю на дорогу выдвигались замки меньшего размера.

Центр Галатана создали в Тёмную эпоху при помощи технологий, которые являлись непостижимыми для ныне живущих техножрецов. Броня вокруг сердца была в сто метров толщиной и сделана из чистого адамантия, охлаждённого таким образом, что все кристаллы его структуры были одинакового размера и идеально сцеплялись. Это было цельное сооружение, которое могло быть построено только на звёздной кузнице. Телепортационные глушители переплетали его структуру, и на внешней стороне также древним искусством были начертаны охранные символы, которые защищали от любой варп-сущности. Исследовавшие тайны Галатана техноархеологи выдвигали теории, что это были намного более поздние дополнения, относившиеся к падению Долгой ночи.

Юстиниан вёл Бруцелла, Ахиллея, Донасто, Михаила и Максентий-Дронтио по обширной металлической равнине к закрытым воротам. Группу космических десантников отслеживали автоматические турели, перекрёстные схемы огня которых предназначались для нанесения врагам максимальных потерь.

Они дошли без происшествий. В главных воротах приоткрылась скрытая дверь, пролив жёлтый свет на поле. Их личности установили издалека. Если бы потребовалось, их уже уничтожили бы.

За воротами стояла шеренга терминаторов, отбрасывая гигантские тени в длинный туннель. За ними виднелись танки Новадесанта.

- Входите, братья, - произнёс голос. - И быстрее. Враг приближается.

Для отдыха было мало времени. Юстиниан и его люди пополнили запасы. Татуированный интендант-человек с угрюмым выражением лица ушёл в поисках редких боеприпасов для их болт-винтовок. Он вернулся час спустя с тремя пласталевыми ящиками.

- Это всё, что есть, милорды, - сказал он, недовольный, что ему пришлось искать необычные болты и борющийся со стыдом, что не смог найти больше.

- Спасибо, - ответил Юстиниан. Мужчина неловко извинился, смущение промелькнуло на его татуированном лице.

Юстиниан и Максентий-Дронтио раздали боеприпасы.

- Для нас шести их более чем достаточно, - сказал Максентий-Дронтио.

- Так было бы даже если нас всё ещё оставалось десять, - сказал Юстиниан, - и мы пришли бы пустыми.

Вскоре сержанта Амарилло отослали в другое место. После краткого прощания он и выжившие воины его отделения покинули группу. Ни у него, ни у Юстиниана не нашлось сил для тёплых слов. Они оба потеряли много братьев. Они не понимали друг друга.

- Новадесантники молчат в своём горе, - заметил Ахиллей.

Юстиниан рассеянно кивнул. Его всё ещё смущал суровый характер ордена.

Уменьшенному отделению "Парис" приказали занять позицию в помещении справа от надвратной башни, откуда открывался обзор на главный сектор поля смерти. С высоты четвёртого этажа металлическая зона поражения выглядела более впечатляюще, чем с уровня земли. Турели постоянно вращались в бесконечных циклах поиска целей, впрочем, пока на радиальном пути, по которому они пришли, не было видно никаких врагов.

Коридор из их бункера протянулся сквозь стены метровой толщины внутренней станции. В центре его перекрывала пятислойная дверь, ведущая в больший коридор, в конце которого находился точно такой же бункер, выходящий во внутренний двор крепости. С внутренней стороны ворот радиальный коридор был значительно уже. Шеренга из четырёх "Лэндрейдеров" перегораживала путь в сердце крепости. Выставленные против возможного прорыва в ворота силы выглядели впечатляющими по меркам ордена. Шестьдесят терминаторов образовывали живой барьер перед танками. Три почти полностью укомплектованные тактические роты занимали надвратную башню. Девять штурмовых отделений ждали в резерве позади "Лэндрейдеров". Вокруг находились многие высокопоставленные офицеры Новадесанта. Шесть тысяч смертных солдат из разных полков поддерживали их. Здесь собралась большая часть мощи Галатана. Так приказал магистр ордена Доваро. Враг показывал все признаки сосредоточения для одной сконцентрированной атаки на Crucius Portis II.

Оставшиеся защитники форта были отведены для обороны трёх других ворот и стены. Доваро оставил большие сектора внешней станции, чтобы защитить ядро, где располагались главные двигатели, реакторы, командные центры и - самое главное - системы древнего вооружения. Юстиниан понял, что Тессеран и его товарищи несомненно погибнут.

Юстиниан и Максентий-Дронтио ненадолго отошли от братьев, чтобы посоветоваться во внутреннем бункере. Они сняли шлемы, радуясь, что не нужно дышать собственным переработанным воздухом.

- Задержать их, пробиться сквозь флот, помочь Жиллиману на Парменионе, не важно сумеем мы отбросить врага или нет, - произнёс Максентий-Дронтио, наблюдая за собравшимися Новадесантниками. - Эта была опасная стратегия, которая должна была учитывать возможность атаки Тифа.

- Необходимость, - ответил Юстиниан. У него не было доступа к командной инфосфере - системы были перегружены - но он мог представить потери гарнизона и экипажа Галатана, если силы Хаоса решили бы напасть на меньшие орудийные батареи и кольцевые двигатели вместо наступления на ядро. - Если мы не удержим центр, то нас ждёт смерть в пустоте. Наш курс неизменен. Флот предателей не может повлиять на наше перемещение, если не захватит контроль над хабом управления. И при этом они не могут вывести из строя наше главное оружие. Мы можем прилететь к планете, киша еретиками, и всё равно повернуть исход сражения в пользу примарха.

- На нас лежит тяжёлый долг.

- С нами могущественные союзники, - Юстиниан указал сквозь бойницу во внутренний двор, где в тених

ожидали войны в серебряной броне. – Что ты знаешь об этих серых братьях?

– Не слишком много, – ответил Максентий-Дронтио. – Их называют Серыми Рыцарями. Они – специалисты, охотники на демонов. Псайкеры. Держатся замкнуто. Лучше не задавать о них вопросы.

– Это всё, что ты знаешь?

Максентий-Дронтио кивнул.

Юстиниан снова посмотрел во двор:

– Жаль. Я и сам знаю только это. Я сражался в четырнадцати разных битвах рядом с этим орденом. И никогда не разговаривал ни с одним из них. И знаешь, что ещё?

– Просвети меня.

– Я никогда не видел примарис-десантника среди них. Почему, как думаешь?

– Какими интересными не были бы эти вопросы, мы не из тех, кто может дать на них ответы, – сказал Максентий-Дронтио.

Юстиниан посмотрел на своего заместителя:

– С такими разговорами скоро тебе потребуется мой сержантский знак-череп.

– Мой долг – помогать тебе исполнять свой, – сухо ответил Максентий-Дронтио.

– Тогда спасибо, – сказал Юстиниан.

– Смотри, – сказал Максентий-Дронтио, указывая над плечом. – Лорд Доваро идёт.

Ни Юстиниан, ни Максентий-Дронтио не встречались с магистром ордена и с интересом наблюдали за его появлением. Доваро вышел из темноты позади линии “Лэндрейдеров” и шагнул среди своих людей. Он был выше среднего космического десантника, и его окрашенные в костяной и тёмно-синий цвета терминаторские доспехи были покрыты множеством украшений, отмечавшими его многочисленные достижения. На левом наплечнике была изображена шипастая сверхновая звезда и череп ордена, на правом располагался изысканно украшенный щит с личной геральдикой, разделённый пополам сгук terminatus. Соединённый с бронёй ребристыми кабелями сервочереп покачивался над головой, единственная линза-ауспик светилась красным цветом. Пара смертных сервов тащила деревянные сани с лежащим на бархатной подушке огромным двуручным силовым мечом Доваро.

Магистр ордена подошёл к центру внутреннего двора и начал произносить речь. Именно этого и следовало ожидать перед битвой. Юстиниан слышал много подобных речей и произнёс несколько сам. Он остался равнодушным, несмотря на её пыл.

– Его слова снова и снова обращаются к братству, – сказал Юстиниан Максентию-Дронтио. – Признаюсь, что ещё не испытываю ничего подобного к этим воинам.

– Оно придёт, – ответил Максентий-Дронтио. По его тону нельзя было понять, испытывает ли он такое же чувство отчуждения, как Юстиниан или нет. – Это – благородный орден.

– И треть его здесь на редуте, – сказал Юстиниан, понимая, что ступает на опасную почву. – Как мало в сравнении с Ненумерованными Сыновьями.

- Те дни прошли, брат, - сказал Максентий-Дронтио. - Лорд Жиллиман подчинился своему же закону, изложенному в его же кодексе, который гласит, что никто не должен командовать больше, чем тысячью космических десантников.

- Подчинился, - согласился Юстиниан. - Но какой ценой?

- Это касается его, а не нас, - сказал Максентий-Дронтио, и в его голосе ясно прозвучало предупреждение.

- Как давно ты с Новадесантниками? - спросил Юстиниан.

- Четыре стандартных года, - ответил Максентий-Дронтио. - Примерно двадцать относительных. Орден много путешествует.

- И ты испытываешь к ним чувство братства?

Наступила тишина.

- Я понимаю, о чём ты меня спрашиваешь, брат-сержант Паррис, - произнёс Максентий-Дронтио, тщательно подбирая слова. - Покинуть наше братство в Ненумерованных Сыновьях, быть прикомандированными к орденам, чью историю мы не разделяем, и которые справедливо рассматривают нас, как их замену, для некоторых это проходит тяжело.

- Это тяжело для тебя? - спросил Юстиниан, надеясь услышать что-то похожее на отражение собственной скорби.

Максентий-Дронтио посмотрел на Юстиниана:

- Честно говоря, меня это не волнует. У меня есть долг. Для этого меня создали. Где я его исполняю для меня не важно.

Смущённый Юстиниан сменил тему:

- По общему мнению, Доваро - великий воин.

- Многие из них великие, - ответил Максентий-Дронтио. - Со временем ты увидишь.

Во внутреннем дворе Доваро закончил речь, и Новадесантники разразились приветственными криками.

Максентий-Дронтио надел шлем.

- Речь закончена, - прорычал он сквозь вокс-решётку шлема. - Уже недолго.

- Оставь дверь в бункер открытой, как и перегородку в стене, - сказал Юстиниан, осматривая внутренний бункер, пока они уходили. - Скоро он нам понадобится. Каждая доля секунды будет играть нам на руку.

Первым признаком приближения врага стало то, что турели на поле смерти прекратили поворачиваться, остановились и прицелились в одну точку радиального коридора.

Несколько секунд спустя ушей достигло скандирование последователей Нургла, напоминавшее далёкое раздражающее гудение.

Юстиниан всмотрелся в путь. Идеально прямые стороны коридора казалось соприкасались вдали. Затем он увидел, что конец прохода, похоже, становился ближе.

- Они идут, - обратился он к отделению. За его словами последовал лязг досылаемых в патронники болтов.

- *Всем подразделениям приготовиться к бою*, - обратился Доваро по воксу к ордену. - *Враг атакует*.

Гигантские орудия бастаионов открыли огонь, обрушив вдоль всего коридора ревущий уничтожающий шквал. Галатан дрожал от наказания, которое отмерил сам себе. Нарастающий военный гул врагов заглушили.

Вскоре и меньшие орудия полевых турелей открыли огонь. Сначала дальнобойное лазерное оружие и макропушки. Многочисленные автоматические орудия и тяжёлые болтеры ждали подтверждение дальности и точных захватов целей.

Казалось, что сквозь кипевшие вдоль коридора взрывы конец прохода становится всё ближе и ближе. Орды Нургла продвигались за стеной медленно перемещаемых осадных мантелет. Они были такими высокими, что их вершины срывали трубы и кабели с потолка станции и настолько толстыми, что отклоняли попадавшие в них выстрелы. Большинство вообще не достигали металла, взрываясь на значительном расстоянии от мантелет на мерцающем энергетическом щите.

- Прах Терры, - произнёс Максентий-Дронтио. - Посмотрите на размер этих штуквин.

- Один только Император знает, что движет ими, - сказал Ахиллей.

Они ждали, когда появится брешь, пальцы застыли на спусковых крючках.

Мантелеты двигались вперёд на скрипящих железных колёсах. Их было девять: гладких, чёрных от недавнейковки, почти не нёсших следов распада, который сокрушал всё, что использовали приспешники Чумного бога. Обстрел со стен усилился, целясь в пересечения энергетических полей, где волновые формы были наиболее растянутые и самые слабые.

Двухмильное поле смерти ярко осветилось отражённым огнём. Рубиновые лазерные лучи рассекали воздух. В замкнутом пространстве быстро распространялся резкий запах фуцелина и выбросов прометиума, заполнявших воздух густым дымом битвы.

Защитный лазер ударил в энергетический щит на расстоянии, которое для оружия такого размера было равносильно стрельбе в упор. Поле замерцало на мгновение, но этого оказалось вполне достаточно, чтобы снаряды и лазерный огонь выбили барабанную дробь на крайней левой мантелете, и распилили её пополам. Она отклонилась и упала, показав толкавшую её полумеханическую демоническую тварь. Появилась брешь, защитные системы стены прицелились в механизм и уничтожили существо.

Дымящиеся куски металла и мяса дождем пролились на поле смерти. Позади показалась размытая орда тварей, множество искривлённых тел, рогатых голов и шлемов. Найдя для себя цели, меньшие турели присоединились к грохоту и рёву войны. Вой штурмовых пушек прорезал дым. К хору добавился немелодичный треск автоматических орудий. Раздавались быстрые очереди тройных залпов тяжёлых болтеров. Несмотря на оглушительный грохот имперской обороны враг продолжал приближаться. Они всё громче восхваляли своего тёмного бога.

И всё же мантелеты продолжали двигаться вперёд, их импульс был настолько большим, что они

массивными колёсами сокрушали самые отдалённые из меньших защитных турелей. Они были огромными, добрых сто метров в высоту. Враги подошли к надвратной башне уже на расстояние одного километра, затем на три четверти. Ещё одна мантелета, на этот раз ближе к центру, превратилась в расплавленные обломки. Брешь закрывалась со свинцовой медлительностью, по мере наступления оставшихся семи. Имперское тяжёлое оружие пожинало высокую цену с двигавшихся сзади чудовищ.

На расстоянии в полмили раздалась зловещие звуки фанфар, и враги вышли из-за щитов.

Множество бронетехники с грохотом покинуло укрытие мантелет, открывая огонь и строясь в боевой порядок. Громоздкие осадные танки выпускали над ордой снаряды, которые врезались во внешние стены центра и разбрызгивали сверхкислоты на защитные сооружения. Повалил ядовитый дым, когда растворялся металл и стволы оружия вываливались из креплений. “Лэндрейдеры” в количестве, недоступном ни одному лояльному ордену, сосредотачивали огонь из лазерных пушек на одном орудии за другим, разнося их на куски. Позади них маячили демонические механизмы, их варп-пушки выплёвывали молнии, которые укореняли инфекцию в ворота и стены.

Мантелеты всё быстрее приближались к воротам. Предатели стреляли по орудиям защитников, заставив многие из них замолчать, хотя и гниющие танки заплатили высокую цену, и вскоре поле боя было загромождено горящими обломками, дым которых пахнул обугленной плотью. Мрачный зловонный туман поднимался над ордой, ещё больше закрывая поле смерти.

Враги подошли на расстояние в несколько сотен метров, оказавшись на дальности эффективной стрельбы болтерной винтовки.

- Открыть огонь! - приказал Юстиниан. Его отделение тщательно прицелилось из болт-винтовок, следя за тем, чтобы каждый выстрел был смертельным. Со стен хлынул дождь лазерных разрядов и болтов. Врагов изрешетили сверху. Многие упали.

Мантелеты раздвинулись, разойдясь в стороны, чтобы защитить атакующих от продольного огня. Тысячи Чумных Десантников подняли ржавое оружие и открыли огонь. Удары болтов обрушились на смотровые щели и амбразуры Scucius Portis II, и к какофонии добавились крики умирающих в крепости.

Вперёд выдвинулось устройство длиной в четыреста метров. В нём истекающей гнилью плоти было не меньше, чем механических частей. Вонь стала просто невыносимой. Изрыгающие дым двигатели не могли в одиночку сдвинуть его с места, и им помогали тысячи больных рабов, толкавшие колёса под ударами плетей Гвардии Смерти.

Спереди располагалась отчасти органическая вытянутая морда, направленная вверх под углом в двадцать градусов. Сквозь металл и омертвевшую плоть проступали челюсти, с которых капала грязная слизь. В дырявых щеках виднелись ряды зубов, но они были сплавлены вместе, став ничем иным, как креплениями для выступавших из горла мелтапушек. Сзади размещалось множество выпуклых двигателей. В пожелтевших пластековых баках вдоль всего позвоночника хлюпала яркая желчь.

На механизме из плоти беспорядочно располагалось множество платформ, на которых работали невероятно искривлённые фигуры. Прозвучала команда. Двигатели извергли ещё больше едкого дыма, ещё сильнее ухудшив видимость. Желчь в баках закипела. Морда со скрипом опустилась. Вся конструкция сильно задрожала, и передние части повернулись, опускаясь на уровень ворот, вращаясь всё быстрее и быстрее. С ревушей отрыжкой вспыхнули мелтапушки. Вулканический жар омыл позицию Юстиниана, заставив воинов на мгновение отступить, пока доспехи не компенсировали внезапное увеличение температуры.

Оставшиеся орудия Scucius Portis II зашлись грохотом, но зелёная плоть демонического механизма принимала попадания без видимого вреда. Механизм злорадно заурчал. Ревущая жаром морда прижалась к надвратной башне.

Механизм начал проплавливать путь. Пока он работал, приблизились меньшие осадные команды и стали атаковать подножие стены мелтаустройствами и брызгами зловонной кислоты. Чумные Десантники карабкались по ненадёжным лестницам и бросали гранаты в амбразуры. Ухмылявшиеся демоны на гигантских мухах размером с лошадь гудели вдоль всей стены. Юстиниан изрешетил одного болтами. Вязкие жидкости хлынули из ран, словно из полного гноя мешка, и существо рухнуло в кипящую у подножия стен массу, но их были ещё сотни, возможно, тысячи.

- Видимо они вызвали этих тварей уже на борту, - сказал Максентий-Дронтио. - Они никак не могли высадить столько войск обычными средствами.

- Огонь вниз! - приказал Юстиниан. Его люди переместились.

В размытом пятне термоядерного огня демонический таран прожигал путь сквозь ворота, проделывая достаточно широкое отверстие, чтобы в него мог пройти дредноут. Жар от бреши запекал покрывавшее его тело гнилую плоть, и он вопил в боли сквозь сплавленный рот, но хозяева гнали его вперёд. Его морда погружалась всё глубже и уже полностью скрылась в воротах. Платформа на спине двигалась под позицией Юстиниана, и он увидел адептов Тёмных Механикум, которые работали с рядами переключателей или изучали экраны, погруженные прямо в болезненную шкуру твари. Резервуары желчи вокруг них булькали и пустели, поглощаемые нечестивыми механизмами, которые располагались прямо перед постами управления.

- Убейте операторов! - произнёс по воксу Юстиниан. Пули, болты и лазерные разряды обрушились на позицию отделения "Паррис", испещряя гладкие металлические края зазубренными вмятинами. Подлетела демоническая муха и швырнула внутрь отрубленную голову. Череп треснул, подобно лопнувшему грибу, и помещение заполнилось токсичными газами, которые проедали мягкие уплотнители доспехов и разъедали респираторы. Прицелы примарисов не сбились ни на миллиметр.

Юстиниан прикончил одного из предательских техножрецов, разорвав болтом на чёрные ошметки. Его люди прикончили ещё одного. Демонические сервиторы навели на бункер загадочное оружие и снесли Донасто голову лучом зелёного огня. Юстиниан продолжал всаживать болты в адептов и их оборудование, но его усилия не имели видимого эффекта.

- *Ворота пробиты. Всем защитникам приготовиться к рукопашной.* - Раздалось краткое сообщение Доваро.

Лязгая гусеницами, демонический таран отступил и откатился в сторону, раздавив сотни демонов и вопящих сектантов. Всё это время он оставался под обстрелом и из него хлестали вонючие жидкости. Он жутко визжал от боли, словно свинья, заживо горевшая на ферме, но своё дело он уже сделал. Орда расступилась, пропуская к бреши в воротах фалангу Чумных Десантников. Семь передних рядов толкали щиты на колёсах, миниатюрные копии гигантских мантилет, остановившиеся перед осаждёнными воротами. Остальные несли ржавые секиры и клинки, а также капающие химические распылители. Прикрытые тысячами болтеров своих товарищей, они гордо шагали в тесном строю в отвратительной пародии на имперскую дисциплину. Их бронированные ботинки давили погибших. Юстиниан и его люди остались у амбразур для стрельбы, и объединили огонь с другими, кто целился в Гвардию Смерти, хотя их бункер звенел от града и грохота бесконечных ударов снаружи, и внутри непрерывно свистели

микроосколки.

Гвардия Смерти потеряла всего несколько человек, не больше, проходя в дымивший туннель в воротах.

Стена кишела врагами. По всей её протяжённости сектанты и демоны перебирались через трещины. Взрывы вырывались из орудийных камор. Последнее оружие стены замолчало.

Болт пронёсся мимо Юстиниана, настолько близко, что топливный след вспыхнул перед глазами. Он открикошетил от потолка и взорвался.

- От нас здесь больше нет толка, - крикнул Юстиниан посреди непрерывного треска взрывающихся с внешней стороны болтов. - Михаил и Ахиллей берут боеприпасы. Максентий-Дронтио, установи гранаты на двери. Возможно, это прикончит нескольких из них, когда они ворвутся сюда.

Он выбил дымившуюся обойму из болт-винтовки и вставил другую:

- Отступаем к внутренней палате.

Двадцать вторая глава

ВОЛЯ ИМПЕРАТОРА

Вечернее сражение удалялось от Тироса. Кашляющий грохот защитных лазеров Келетона иногда тревожил сумерки, но время между выстрелами увеличивалось по мере того, как сражавшийся флот уходил с линии огня. Огромный силуэт Галатана рос, обесцвеченный последними умирающими лучами дневного света. В воздухе вырисовывался замок, крепостные валы которого были окрашены оттенками эфирного синего и фиолетового цветов, сиявшие десятком миллионами точек света. Призрачная крепость, чья разрушительная сила была слишком реальна. Вокруг неё кружились армады, ведя собственные войны. Пласталевые террасы Галатана вырисовывались позади сражавшихся флотов, горный хребет посреди космоса, который скорее казался фоном для битвы, чем его частью, словно далёкие холмы, окружавшие поле боя земных армий. Но эти холмы говорили огнём и громом, целясь во всех и вся вблизи крепости. Солдаты на стенах Тироса не могли определить принадлежность каждого отдельного корабля. Матьё достаточно изучил искусство войны во всех её проявлениях, чтобы предположить, что на Галатане кипели абордажные бои и различные системы оружия стреляли в различные цели в зависимости от того, кто их контролировал.

Сзади слышались шаги облачённых в броню ног. Машинное гудение силовой брони было теперь ему хорошо известно. Слишком лёгкие для космического десантника. "Сестра", - подумал он. Он улыбнулся сам себе. Иоланта пришла к нему, как он и ожидал. Всё шло, как предопределил Император.

- Старшая сестра Иоланта, - не оборачиваясь произнёс он.

- Фратер Матьё, - сказала она и встала рядом с ним. Она положила руки в красной броне на парапет. От наступавшей темноты цвет её доспехов потускнел, придав им кровавый оттенок. "Такие руки описывают в житиях мучеников", - подумал Матьё. Близость к столь чистому инструменту воли Императора вызвала у него дрожь восхищения, что угрожало запустить карательные процедуры автобичевателя. Он постучал по грибовидной кнопке указательным пальцем, раздумывая о том не запустить ли его вручную, чтобы наказать себя за неподобающее удовольствие.

- Мне приятно, что вы используете мой скромный титул, - ответил Матьё. - Смирение - добродетель в глазах Владыки Терры.

- Тщеславный человек не может ожидать милости, - согласилась она. - И всё же я уважаю вас как милитант-апостола не меньше, чем простого брата. Вы смелы и сражаетесь с честью. Репутация о вашей доблести достигла моих ушей.

- Не называйте меня храбрым, - поправил он её. - Я не знаю страха, потому что мне нечего бояться. Император - мой товарищ по оружию и всегда защищает меня.

- Слава Ему, - сказала она.

- Слава Ему, - отозвался он.

- Это тяжёлая битва, - сказала она, наблюдая за вспышками и рёвом на равнинах, а затем за призрачным замком. Мне жаль, что я здесь, а не в бою.

- Вы могли бы, - произнёс Матьё с хитрым взглядом. - Ступайте на поля богослужения, несите ваши инструменты в кровавой молитве, и я никому не скажу.

Она рассмеялась над его заговорщическим тоном:

- У меня есть долг здесь. Может нам и отказали в опеке над святым ребёнком, но мы готовы к тому, что нас призовут. Император предопределил это. Красное причастие может подождать. Что насчёт вас? Почему вы не идёте на фронт?

- Мне также приказали остаться здесь, - сказал Матьё. Это было чем-то вроде лжи. Он сам попросил остаться, чтобы быть ближе к девочке.

- Ради ребёнка? - спросила она.

- Не совсем, - смущённо рассмеялся он. - Потому что я раздражаю наисвятейшего примарха.

Это во многом было правдой.

- Характером или призванием? - нейтрально спросила она.

- Я достаточно тщеславен, чтобы полагать, что он уделяет мне мало времени, как человеку, но он вообще испытывает очень мало уважения к священникам, - ответил Матьё.

- Значит то, что о нём говорят правда? Он не верит в божественность наисвятейшего Бога-Императора?

Матьё кивнул:

- Печально, но так. Он видел все чудеса своего отца и всё же не видит за ними Его силу. Жиллиман отрицает её.

- Как он может не верить? - спросила Иоланта, обеспокоенная самой идеей этого.

Матьё задумчиво произнёс:

- Как если бы он добровольно ослеп. Он не хочет видеть, поэтому и не видит. Лорд Жиллиман редко говорит о своём отце. Когда же говорит, то настаивает на Его человечности. Я считаю своей священной целью открыть глаза лорду Жиллиману. Сделать так, чтобы он увидел, помочь ему *поверить*. - Он замолчал. - У меня был сон.

- Хороший или плохой?

- Плохой, с хорошим сообщением.

- Император говорит с самыми верными через сны.

- Так говорят, - двусмысленно произнёс Матьё. Пусть Иоланта сама сделает выводы.

- Что сон сказал вам?

- Песчинки времени скользят так быстро, - ответил Матьё. - Сражение в космосе и на равнине продолжается. Мы балансируем на грани поражения. Скоро этот корабль, могучий Галатан, подойдёт достаточно близко, чтобы точно прицелиться в поверхность этого мира и исход сражения будет решён. Если предатели захватят его - мы погибнем. Представьте себе насколько более вероятным станет благоприятный исход, если примарх сможет свободно помочь защитникам. Его удерживают здесь, и всё же здесь, на этом мире, находится ключ к лёгкой победе. Мы должны использовать то, что у нас есть, помочь ему и позволить как можно быстрее попасть на орбиту.

- Вы говорите о ребёнке.

- Именно так.

- Лорд-командующий Жиллиман приказал удерживать её здесь, - сказала Иоланта.

Матьё безмятежно улыбнулся, посмотрев на туман над равнинами, где титаны бились друг с другом оружием света и силы, и отчаянно сражался невидимый им отсюда миллион человек.

- Я готов умереть, чтобы спасти примарха. Я с радостью вынесу все муки варпа, если он хотя бы на секунду увидит правду о природе своего отца. Уверен, что, если он так сделает, тогда человечество ждёт такое процветание, которое не видели никогда прежде. - Он замолчал, затем резко повернулся, чтобы смотреть старшей сестре прямо в глаза и пылко продолжил. - Скажите мне, Сестра Иоланта. Вы готовы умереть, дабы всецело и навсегда привести сына Императора к Его свету, как я?

- Готова, - ответила она. - Я ничего не желаю, кроме как служить Повелителю Человечества своей жизнью и смертью.

- Тогда преклоните колено, - сказал он.

Она колебалась. Он раскрыл ладонь и показал на пол.

Иоланта опустила на колено. Пряди волос закачались перед её лицом. Матьё бережно положил руку ей на макушку:

- Я не могу сказать вам, что должно произойти, потому что только Император обладает этим даром. Но я могу сказать, что ребёнок может спасти примарха. Она может показать ему, что он сражается не один и рядом с ним его отец, и этим привести примарха к свету Императора. Она может спасти весь Империиум, если откроет ему глаза. Всякий, кто поможет девочке, будет назван святым.

Иоланта посмотрела на него:

- Почему вы сами не сделаете это?

- Я не могу действовать. Примарх будет рассержен на того, кто откроет ему правду. Я должен быть там, чтобы направлять его, когда это произойдёт. Сначала он будет сопротивляться.

- У вас есть все возможности, чтобы показать ему путь, - сказала Иоланта.

Он кивнул.

- Тогда я знаю, что следует сделать, - сказала она.

- Я не стану приказывать вам, - сказал Матьё. - Я не могу. Если вы решите пойти этим путём, это должно быть ваше собственное решение.

- Я сделала выбор, - её голос упал до шёпота. - Благословите меня, милитант-апостол, даруйте прощение за любые прегрешения, на которые мне придётся пойти, исполняя волю Императора.

- Иногда для осуществления хороших намерений требуются плохие поступки. Милость Императора уже окружает вас. Я вижу её. Вас окутывает свет чистоты.

- Я - хороший слуга. Моя вера сильна.

- Я вижу это. Это чистая и сильная вера. Вот почему вы нужны примарху, когда я не могу ему помочь. - Он сжал её голову и закрыл глаза. - Во имя Императора Терры, Владыки и Повелителя всего Человечества, я благословляю вас и вверяю Его защите.

Он открыл глаза.

- Встаньте, старшая сестра Иоланта, - прошептал он.

Иоланта встала. Она впиалась в Матьё взглядом:

- Я - воин Императора и буду служить Ему до самой смерти.

Матьё улыбнулся:

- Это всё, что Он требует от нас. Теперь ступайте и исполните волю Императора.

Воительницы Иоланты были облачены в броню с головы до ног, но при необходимости умели двигаться бесшумно. Две из них крались по коридору к той части Берегового бастиона, где содержалась девочка, слабый гул механизмов доспехов скрывал грохот орудий в сотне километров отсюда. Они держались теней, две двигались сзади с взятыми наизготовку болтерами, третья впереди с ножом в руке. Ведущая Сестра тихо остановилась и подняла руку. Сёстры замерли в нескольких метрах позади неё в коридоре и прицелились.

Преимущество скрытого проникновения в собственный комплекс заключалось в том, что вы знаете все его "слепые пятна".

Одинокий солдат из полка Девора стоял на страже на перекрёстке. Он был один, никто не ожидал нападение изнутри имперских рядов. Дверь была заперта. Все шесть контрольных лампочек на пульте управления дверью были абсолютно красными. Хотя Тиросу в настоящее время ничто не угрожало, солдат относился к своему долгу серьёзно, он держался не слишком расслабленно и не слишком напряжённо, чтобы ничто не мешало ему выполнять работу правильно. Он стоял одновременно настороженно и непринуждённо, держа ладонь наготове поперёк груди, палец лежал на предохранителе. Бдительный взгляд перемещался назад и вперёд, держа под контролем все подходы к двери: центральный, левый и правый. Сёстры сжались и подались назад, когда его внимательные глаза

посмотрели в их сторону.

Иоланта направилась к нему по центральному проходу. Он не встал по стойке “смирно” и не отдал честь, а совсем немного переместил оружие, приготовившись к стрельбе. Он был ветераном-убийцей. Обычные люди, принимавшие всё на веру, недолго выживали в Имперской Гвардии.

- Старшая сестра Иоланта, - представилась она. - Я здесь, чтобы увидеть ребёнка. Откройте дверь.

- Я знаю, кто вы, Сестра, - сказал солдат. - Я догадываюсь, почему вы здесь, и я не открою дверь.

Некоторые солдаты были очень религиозными и с благоговением относились к Боевому Сестринству. Некоторых это не волновало. Девор тщательно подобрал часового.

- Хорошо, - сказала Иоланта. - Я сформулирую свою просьбу, как приказ. Откройте дверь.

Она переместилась на несколько сантиметров влево. Солдат последовал за ней, достаточно, чтобы она полностью осталась в его поле зрения, но он не повернулся спиной к коридору слева от себя, где в тених скрывались три Сестры.

Солдат поднял оружие и навёл на неё.

- Отойдите от двери, Сестра, - произнёс он. - Я не могу вас пропустить.

- Прискорбно, - сказала Сестра Иоланта.

Солдат был опытным, но она была лучше, она шагнула в сторону и схватила ствол лазгана правой рукой. Оружие выстрелило, раздался одинокий треск перегретого воздуха. К тому времени, когда Иоланта сломала ствол, другие Сёстры уже двигались.

Нож ведущей Сестры рассёк шею часового, раздробив голосовые связки и вскрыв вены прежде, чем он успел позвать на помощь. Он упал с беспомощным бульканьем.

Это им не помогло.

На груди солдата замигал датчик, фиксируя остановку сердца. Активировался сигнал тревоги. Теперь игры закончились, и остальные Сёстры бежали по коридорам, занимая позиции для стрельбы.

- Трон, - произнесла Иоланта. К сожалению задание не обошлось без крови. Лампочки на двери мигнули и стали синими. - Строгая изоляция. Отделение “Евангелист”, оставайтесь здесь и сдерживайте подкрепление. Сестра Рапсодия, взорви дверь. Все остальные приготовьтесь следовать за мной, как только будет открыт путь.

Она привела оружие в готовность:

- Император решил, чтобы мы встретились с проблемой. Во славу Его, мы выдержим испытание.

Сестра Рапсодия сняла овальный направленный заряд с пояса и прикрепила к двери.

- Не приближайтесь! - сказала она и отошла.

Граната взорвалась. Дверь выгнулась внутрь. Рапсодия выбила её ударом ноги и отошла в сторону, освобождая дорогу Иоланде, которая перешагнула через солдата. Он дёрнулся в последний раз, когда она направилась по коридору.

Война мерцала над равнинами Гекатона, отбрасывая разноцветные блики на потолок. Ночь уже давно наступила, но сражение не прекращалось. “Оно продлится несколько дней”, – подумал Девор. Он был рад приказам остаться в тылу, но теперь скучал, а компаньоны заставляли его чувствовать себя не в своей тарелке. Он желал присоединиться к остальной армии в более простой работе битвы.

В помещении находились четыре человека: Девор, девочка, Сестра Тишины и гигантский космический примарис-десантник, которого тетрарх Феликс поставил присматривать за ними. Все космические десантники казались странными для обычного человека, и большинство из них были эмоционально отсталыми, не демонстрируя заинтересованности в разговорах с другими людьми. Но поколение примарисов казалось даже менее общительным, чем их предшественники. Этот стоял в углу, неподвижный, как гора, его синие доспехи слились с тенями.

Сестра была ещё хуже. Она опустилась на колени на противоположной стороне помещения, опираясь острием обнажённого меча в пол и закрыв глаза для медитации. “У неё есть имя, Вой”, – подумал он. Ему несколько раз говорили, но оно не откладывалось в памяти, и каждый раз, когда он напоминал себе о нём, то сомневался. Её присутствие вызывало у него тошноту. И всё же несмотря на вызываемое у него отвращение его взгляд постоянно возвращался к ней. Когда она подошла к нему, он почувствовал ужасающую сосущую пустоту, словно рядом стояла смерть. Он неоднократно переживал это ощущение, и оно каждый раз вызывало дрожь, словно воспалённый зуб, который не хотел оставить его в покое.

Ему нужно было отвлечься.

– Почему ты не называешь своё имя? – спросил Девор девочку уже в четвёртый раз за сегодня. Сейчас он вообще не ждал ответа. Она не разговаривала с ним после первой встречи. Её психическое и физическое состояние ухудшилось.

Девочка подтянула колени ближе к подбородку, уткнувшись лицом в руки и показывая сальную шевелюру волос. Она выглядела здоровее, когда её привела Иоланта. Он наполовину боялся, что она заболела одним из вражеских недугов. Ей дали длинную ночную рубашку, сотканную из мягких растительных волокон, очень качественную одежду, которую носили только состоятельные граждане. Она не раздражала кожу, но рукава и высокий воротник не могли скрыть шрамы от пыток, и ещё виднелись жёсткие участки, особенно на спине, где затвердели вытекшие из ран жидкости. Гексаграмматические оковы стягивали запястья и лодыжки. На затылке среди волос виднелись цепочки.

– Прости, что продолжаю спрашивать, – сказал Девор с улыбкой в голосе, которую он совсем не чувствовал. – Это кажется вполне разумным вопросом. Нам придётся находиться здесь некоторое время, пока не закончится бой.

Девору нравилось быть бесполезным лишь немногим больше, чем скучать, другими словами совсем не нравилось. Он уже вдоволь насмотрелся на битву на равнине и в космосе. Днём он почти ничего не увидел даже сквозь магнукуляры, а теперь оба сражения свелись к световым представлениям, от которых болели глаза.

Он сдался и сел на единственный стул в комнате. Неосознанно он поставил его как можно дальше от Сестры Тишины, у противоположной стороны кровати. Это приблизило его к космическому десантнику, но лучше так, чем находиться рядом с ней. Поддавшись импульсу, он вытянул ноги. Обычно он следил за тем, как себя вёл. Он высокопоставленный офицер и должен придерживаться определённых стандартов, но он так устал, что это перестало его волновать. Отдохнув несколько секунд, он почувствовал, как тяжесть месяцев усталости снова навалилась на него. Он удивлённо хмыкнул, точнее неожиданно для

самого себя выдохнул хриплый порыв воздуха, и сел прямо.

- Отлично. Сидеть плохо.

- Вы устали, - тихо произнесла девочка. - Я чувствую это.

Девор с трудом справился с изумлением от её слов. Он должен вести себя осторожно, потому что был уверен, что в противном случае она замолчит насовсем.

- Теперь можно, - сказал он с напускной беспечностью. Он провёл руками по лицу и зевнул. Глаза не хотели оставаться открытыми. - Знаешь, с тех пор как пришёл примарх, у меня появилось немного времени, чтобы поспать. От этого я стал ещё более усталым.

- Почему вы не сражаетесь? - спросила она. Она всё ещё не поднимала голову, чтобы посмотреть на него.

- Примарх, да благословит его Император, посчитал моих людей и меня достойными передышки от наших долгих трудов. - Он наклонился и прижал руку ко рту, комично прикрываясь от примарис-десантника. - Он сказал мне остаться здесь и позаботиться о тебе. Он думает, что я хорошо подойду для этой работы.

- Так приказал тетрарх Феликс, - словно робот произнёс примарис-десантник.

- Ну и ну, вы тоже можете говорить, - сказал Девор, обращаясь к синему гиганту. - Ну, да, можно и так сказать.

Он вспомнил слова и произнёс их низким голосом:

- "Лорд Жиллиман проверит её", сказал тетрарх. У него очень низкий голос, - пояснил он девочке. - "До тех пор она останется здесь. Не позволяйте ей покидать комплекс. Не позволяйте никому, Девор, общаться с ней. Считайте, что эти приказы исходят непосредственно от примарха." Вот насколько всё серьёзно.

Десантник-примарис по-прежнему не двигался.

- И это всё? Вы проснулись ради мелкого педантизма, а теперь собираетесь снова уснуть?

- Я не сплю, - ответил десантник-примарис. - Я не буду нуждаться во сне ещё тридцать шесть часов.

- Отлично, - сказал он. Десантник-примарис пугал его почти также сильно, как и Сестра. Его страх перерос в раздражение.

- Я поправил вас, потому что неверная информация ставит под угрозу эффективность, - объяснил десантник-примарис.

- Этот парень просто душка, - сказал Девор. Девочка выглянула из-под чёлки волос. Девор наклонился немного ближе.

- Пожалуй обаяние не особо и нужно, когда ты такой большой. Не так ли? - обратился он к десантнику-примарис.

Тот ничего не ответил.

- Итак, - сказал он. Хлопнул ладонями по коленям, приложив все усилия, чтобы снова не посмотреть на

Сестру, и снова повернулся к девочке. – Мы здесь вместе. Я подумал, что спросить твоё имя будет вполне разумным вопросом.

– Кайлия, – прошептала она. – Меня зовут Кайлия.

Девор улыбнулся. Он чувствовал себя победителем:

– Спасибо.

– Я не говорила его раньше, потому что это больше не важно, – прошептала она. – Только Он.

– Почему бы нам не поговорить о Нём? – спросил Девор. – Я начинаю скучать и здесь плохо с собеседниками. – Он кивнул на десантника-примарис, не поворачивая голову в сторону Сестры.

“Не смотри на неё, – подумал Девор. – Просто не смотри”.

– Ему просто не о чём особо говорить, – сказала Кайлия. – Он думает не так, как вы. Его не волнуют вещи, которые волнуют вас. Ни еда, ни сон, ни любовь, ни мир. Он хочет служить, как и вы, но это всё, чего он хочет. Он хочет сражаться.

– Вот как? – спросил Девор. Он бросил взгляд на гексаграмматические цепи. Они защищали от психических способностей. И была ещё Сестра... Кайлия не могла прочесть мысли воина. Он повернулся к десантнику-примарис. Тот уверенно смотрел перед собой.

– Я могу чувствовать это, – сказала она. – С тех пор, как Он пришёл ко мне, я многое знаю о людях без слов.

– Когда это началось? – спросил Девор.

– Неделю назад.

– Твои силы были полностью развиты?

Обычно он не распространялся о своих незначительных познаниях про псайкеров. Подобные разговоры привлекали нежелательное внимание, и в любом случае он не знал много. Что он действительно знал, так это то, что проявление психических способностей в подростковом возрасте не являлось редкостью. И всё же он сомневался, что сейчас был такой же случай. Он внимательно посмотрел на Кайлию. Раньше, когда он сталкивался с пробуждавшимися колдовскими умениями всё выглядело совсем иначе. Незначительная активность полтергейста или необъяснимые чтения Таро Императора. Такие люди обычно не задерживались на этом свете. Девор сам принимал участие в нескольких облавах. Устройства, используемые для сдерживания псайкеров, оказывали на них разрушительное воздействие. Их разум притуплялся почти до состояния глупости, они страдали от боли. Девор всего один раз видел такие цепи, как на Кайлии, когда могучая ведьма сопротивлялась задержанию и экипажи чёрного корабля спустились с небес, подобно мести Самого Императора. Оказанный цепями на псайкера эффект был ужасен. Когда Девор коснулся их, его стошнило, хотя в нём психических способностей было столько же, сколько в плите феррокрита. Поэтому казалось странным, что девочка носила их словно простые украшения. И всё же он не чувствовал, что от неё исходит опасность.

– Это не мои силы, – ответила она. – Они Его. – Она вызывающе посмотрела на Девора. – Вы хотите служить, Он хочет служить. Как и я. Поэтому я позволила им причинить мне боль. Я позволила это им, чтобы показать, что говорю правду. Император. Это Он. Он говорит мне сражаться. Почему меня держат здесь? Он не хочет этого. Он хочет помочь примарху.

Колдовской огонь вспыхнул в её глазах. Во рту Девора появился призрачный привкус. Её плоть должна была гореть под цепями.

Он сглотнул. Он посмотрел на Сестру. Та враждебно смотрела на девочку.

- Вы боитесь меня, - сказала Кайлия. - Вы не должны. Я не причиню вам боль, но должна уйти.

- Думаю, лучше всего тебе остаться здесь, - сказал Девор. Он снова посмотрел на космического десантника-примарис, ожидая поддержки. Воин смотрел вперёд, такой же красноречивый, как пустые доспехи.

- Пожалуйста, - сказала она. - Она убьёт вас, если вы не отпустите меня.

У Девора мурашки побежали по спине. Он снова посмотрел на Сестру. Она встала и подняла меч. Кайлия могла говорить о Вои.

Он снова встал и поправил мундир:

- Посмотрим, что скажет примарх.

- Ему нужна моя помощь, - сказала девочка.

- Посмотрим, что скажет...

Взвывший сигнал тревоги перебил Девора. Он напрягся. Рука мгновенно скользнула к лазерному пистолету в кобуре. Послышались крики его людей, расположившихся рядом в караульном помещении, когда они выбегали в коридор.

Раздался взрыв, короткий и глухой. Сестра Тишины подошла к девочке, держа наготове огромный меч. Её близость вызывала у Девора тошноту, но девочка снова казалась равнодушной.

- Бронебойная бомба, - произнёс Девор. Последовали новые взрывы.

- Болтеры? - недоверчиво спросил он, но уже знал, кто идёт.

- Ждите здесь, - сказал десантник-примарис.

Космический десантник вышел боком в дверь, даже не посмотрев на то, что его ждёт, он поднял оружие и выстрелил, едва покинул комнату. Девор не обратил внимания на его слова и последовал за ним, выглянув в промежуток между сверхчеловеческим воином и дверным косяком.

Люди кричали. В коридоре висела плотная пелена фуцелина и стоял озоновый запах ионизированного воздуха. Тело одного из его солдат лежало на полу. Девор не мог увидеть много из-за десантника-примарис. Космический десантник крепко прижал болт-винтовку к плечу и с пугающей уверенностью менял цели, выпуская стаккато очередей. Рёв мелтагана изменил это. Десантник-примарис покачнулся назад. Порыв горячего воздуха с испарившимся керамитом и сожжённой плотью обжёг ноздри Девора. Он едва ли не медленно отступил назад. Перед глазами стояла пелена жара. Десантник-примарис тяжело упал на пол с ровным отверстием в туловище. Жирный мясной дым поднимался из раны. Невероятно, но он был ещё жив и пытался встать, хотя половина его органов зажалась.

Град болтов обрушился на него, пробивая броню и взрываясь в плоти. Осколки металла изрешетили ногу Девора. Было больно, но он получал ранения и тяжелее, и прицелился из лазерного пистолета в наступавших по коридору женщин. Он не дрогнул, даже когда они останавливались добить его людей.

Из оружейного дыма появилась Иоланта.

- Положите оружие, - сказала она. Вокс-передатчик добавлял её голосу властности. Он едва не подчинился.

- Не думаю, что соглашусь с вашим предложением, - ответил он. - Лучше вам сдаться, пока ситуация не стала ещё хуже.

- Вы не можете ранить меня из этого пистолета, не в доспехах.

- Смогу, - сказал он.

- Вам должно повести, а Император сегодня на моей стороне, Девор. Вы знаете, кто она. У Императора есть для неё предназначение. Вы - верующий человек, истинный воин Императора. Прислушайтесь к Его зову. Ему нужна ваша помощь.

- Я предпочёл бы, чтобы решение принимал примарх. Она - псайкер. Она может быть опасной.

- Примарх не видит того, что прямо перед ним. Она - не псайкер.

- Хорошо его знаете? - спросил Девор. - Я приму вашу капитуляцию. Опустите оружие. Давайте, сделайте это сейчас. Это может закончиться, если вы захотите.

Воительницы Иоланты рассредоточились по узкому коридору, занимая позиции в дверных проёмах и прикрывая путь, по которому они пришли.

- Вы видели совершённое ею чудо, Девор, - сказала Иоланта. - Эти цепи не останавливают её. Она затронута не варпом, а чем-то другим, чем-то великолепным.

- Я видел много вещей, - сказал Девор. - Некоторые были похожи на это. Одни из них совершили хорошие люди, другие - плохие насквозь. Все без исключения закончились плохо. Она может спасти этот мир, но может и ввергнуть его в проклятье.

- В галактике действует много сил. Не все они злые.

Он грустно улыбнулся:

- Не могу с этим согласиться. Всегда, всегда лучше ожидать худшего. - Он провёл большим пальцем по затвору лазерного пистолета, переключив его на максимальную мощность.

- Майор Девор, вы - хороший человек. Но хорошим людям приходится страдать всю свою жизнь. Они - блаженные мученики, ибо вечно будут стоять рядом с Ним. Опустите оружие на пол и сможете продолжить служить Ему в этой жизни.

- Я не могу сделать этого. У меня приказы примарха. Ребёнок должна оставаться здесь.

- Меня направляет более высокая власть. Самая высочайшая.

Палец Девора дёрнулся на спусковом крючке.

- Я не могу позволить вам. Извините.

Вспыхнул лазерный свет. Время действия луча было слишком коротким, чтобы мог заметить человек. Шум импульса и удара произошли почти одновременно и смешались в один громкий хлопок.

Дым кружился над сердцем Иоланты. Девор был хорошим стрелком. Иоланта находилась на расстоянии метра, но её доспехи были среди лучших в Империи, и хотя сквозь дыру виднелся подроспешник, она была цела и невредима. Девор слегка удивился, что всё же сумел пробить поверхность брони.

- Мне жаль, Девор, - сказала Иоланта. - Никто не может помешать исполнению воли Императора особенно такой незначительный человек, как вы. Вы будете вечно жить в Его свете.

Оружие Иоланты выстрелило.

Иоланта вошла в комнату, перешагнув через тело Девора, её оружие ревели.

Двадцать третья глава

ПОЯВЛЕНИЕ ЧУМНОЙ ГВАРДИИ

Наступило болезненное утро, и бледное солнце вскарабкалось на небо. Проникавший сквозь поверхностные туманы свет превращал все окружающие предметы в силуэты и заставлял казаться нереальными.

"Гнев бога" пробирался сквозь зловонный туман, который поднимался всё выше и выше в течение ночи, пока не оказался выше головы *"Разбойника"*. Титан стал таким же слепым, как и все остальные, и полагался только на прерывистые инфоимпульсы от собратьев и машинные чувства, переполненные ложными срабатываниями. Общая картина сражения ускользнула от Дюнкеля. Его тактические экраны были подёрнуты помехами, показывая полученные по манифольдной связи ужасные изображения, наложенные на картографическую схему задания. Поступавшие обрывки информации показывали формирование Мортариона, похожее с орбиты на муху и никогда не нарушавшееся, не важно сколько солдат погибало. Легио Мортис продолжал сопротивляться, его поддавшиеся порче боги-машины упорно держали строй на востоке, хотя несколько из них подбили в течение ночи. Дюнкеля злило насколько эффективными оказались машины предателей, соотношение потерь титанов было на пять пунктов в их пользу в сравнении с имперцами.

Сейчас большая схватка происходила без его участия. Ранним утром легио Мортис всё же отступил. Их строй наконец лишился целостности. *"Гнев бога"* и *"Воля бога"* были направлены в ближайшую брешь. При поддержке *"Пса войны"* и дюжины рыцарей Конора они погрузились в бурлящие орды меньших врагов с миссией истребления, получив приказ выжечь их с поверхности Пармениона. Тактика была здоровой, если не общепринятой: проникнуть за вражеские позиции, уничтожить поток подкреплений и позволить меньшим людям и механизмам имперской военной машины сломать атаку с фронта. Но враг не сломался. Они наступали без остановки: танки, демонические механизмы и тысячи, и тысячи пехотинцев. Титаны испаряли их сотнями. Посмевающие поднять стволы орудий на высокие силуэты титанов танки были разбиты на атомы. Заблудшие человеческие культисты получили последние уроки неодобрения Императора.

"Раскаялись ли они в своих грехах? - подумал Дюнкель. - Узрели ли они свет Императора-Омниссии в самый последний момент, прежде чем лишились жизни?"

Показатели убийств ползли вверх на экранах кабины. Цифры были только примерными, потому что оружие титанов являлось слишком разрушительным для точного подсчёта таких небольших целей. Тысячи и тысячи погибли, и сотни добавлялись к счёту с каждым встряхивающим корпус залпом орудий титанов. *"Гнев бога"* израсходовал все ракеты. Презренная пехота находилась слишком низко для того, чтобы титан пустил в ход цепной кулак. Но ноги подходили для бойни ничуть не хуже, чем любое

загадочное оружие, пока мелтапушка превращала живых в пар.

Пустотные щиты пульсировали под ливнем снарядов. Рёв термоядерного оружия главного калибра повторялся с методичностью шума прибора. Реактор увеличивал и уменьшал обороты с каждым выстрелом, его звук настолько стал частью принцепса, что Дюнкель перестал замечать его. Ноги титана постоянно сотрясали землю. Дюнкель потерял ощущение собственного тела. Он, его люди и их машина стали едиными согласно священной воли Омниссии, объединившись в даровании смерти.

Какое-то ощущение вырвало Дюнкеля из благословенного единства, рябь пробежала по поверхности реальности, нежная, как кольца волн в тихом пруду в пещере. *“Гнев бога”* посмотрел на запад, где легио Мортис всё ещё держался, обмениваясь ударами с Фортис и Атар. Символы опасности появились на картографическом изображении, и он снова переключил внимание на восточное направление. Три полных дома чумных рыцарей-предателей перемещались вокруг хвоста запятой, образовавшейся в ходе вчерашнего отступления Мортис, стремясь обойти Оберон с фланга и выйти Фортис в тыл.

Верный признак новой атаки.

- Обнаружено присутствие вражеских машин-минорис, координаты: три-три-девять, семь-шесть-восемь. Вражеские рыцари, быстро приближаются.

- *Вас услышали и поняли*, - донёсся по воксу ответ Урскейна.

Рыцари были всего лишь авангардом. Массивные силуэты, обширнее титанов, проступали из тумана, или, возможно, они пришли из какого-то другого измерения, возникли из ниоткуда здесь и сейчас, чтобы выступить против титанов Бога Машины. Там, где раньше не было ничего, теперь определённо что-то появилось.

Дюнкель прищурился. Ни его глаза, ни *“Гнев бога”* не давали ему чёткого вида.

- Очистите ауспик, я должен рассмотреть эти машины, - приказал он. Горн *“Гнева бога”* прогудел вместе с его словами.

Силуэты скорее напоминали здания, чем механизмы. Они представляли собой высокие прямоугольники, словно бастионы. Но они не были зданиями. Они двигались.

- *Доступна стабилизированная пикт-трансляция*, - произнёс по воксу адепт Син из реакторного отсека. - *Максимальное приближение.*

Перед мысленным взором Дюнкеля появилось передаваемое безжизненным взглядом *“Разбойника”* зернистое изображение.

Семь огромных башен на колёсах катились из тумана к имперской линии, окружённые ордами гуманоидов со звериными головами.

- *Шестерёнка и зубы. Откуда они взялись?* - требовательно спросил по воксу Урскейн. Связь неожиданно стала чёткой, словно враг обладал чувством юмора и хотел насладиться их смятением.

- *Идентифицируйте машины*, - сказал по воксу Ранштейн, принцепс *“Воли бога”*. Он находился в нескольких сотнях метров позади, слишком далеко, чтобы увидеть сам.

- Это башни, башни на колёсах. - Инфосписок прокручивался по экрану мысленно-импульсной связи Дюнкеля, когда он недоверчиво замолчал. - Они сделаны из... дерева.

- *И какую они могут представлять угрозу?* - спросил Ранштейн. Он не насмехался. Дюнкель чувствовал его неловкость по манифольду. Законы вселенной перевернулись с ног на голову. Они сражались с тварями, сотканными из кошмарных снов. Почему же тогда деревянная башня не могла быть столь же смертоносной?

- *Будьте осторожны,* - сказал Урскейн. - *Легио Оберон, вперёд. Равнение на "Гнев бога" и "Волю бога".*

Титаны Атар и Фортис отреагировали на изменение обстановки, прижав титанов Мортис сконцентрированными залпами, пока Оберон покидал строй. Воспользовавшись временным отсутствием помех, между многочисленными уровнями командования заметались приказы.

Дюнкель увеличил изображение ауспиков *"Гнева бога"*. Над полем боя пронёсся жёлтый туман, снова затеняя башни и мешая увидеть новые детали.

Беспокойство ускорило выход титанов на позиции. *"Возмездие"* встало позади *"Гнева бога"*. Враг был в зоне досягаемости его оружия, и они заговорили в один голос, целясь в ведущую башню. *"Воля бога"* присоединилась к их огню. Рубиновые полосы лазерных деструкторов, ярко-розовые посередине, ударили в конструкцию. Туманы затанцевали вокруг света, затеняя цель.

- *Я ничего не вижу. Манипула пять, отчёт. Башня всё ещё стоит?* - спросил Урскейн.

Дюнкель направил мысленный взор к внешним трансляциям *"Гнева бога"*. Сквозь клубы тумана в передовом пиктере снова показалась башня, неповреждённая, языки пламени трепетали на её передней стороне.

- С ней никаких изменений. Она защищена щитами.

- *Тогда приготовьтесь к переходу в ближний бой, к рукопашной. Дюнкель, ты первый. Мы повергнем их силой своего презрения. Манипула один, мне нужно, чтобы вы отвлекли и атаковали машины рыцарей-предателей.*

- *Как пожелаете, Урскейн, но вы должны мне хороший бой,* - сказал по воксу Описа Элиас, старший принцепс первой манипулы.

- *Не подпускайте их к сверхтяжёлым танкам. Барон Конон, мы можем рассчитывать на вашу поддержку?*

- *Это честь сражаться вместе с вашими богами-машинами. Мы обещаем вам свою службу.*

- *"Гнев бога", "Воля бога", вперёд на максимальной скорости. "Возмездие" следует за вами. Принцепс Элиас, атакуйте вашей манипулой и удерживайте позицию в точке четыре-девять-два, шесть-шесть-четыре, атакуйте из всего дальнобойного оружия. Прикройте наше наступление.*

Построившись в форме полого наконечника стрелы, *"Возмездие"* и его хранители двинулись вперёд. Ничто не могло устоять перед ними. Они олицетворяли собой месть Императора.

Зелёный разряд вспыхнул на вершине ведущего силуэта. Дымчатый свет по дуге поднимался в небо, словно брошенные чудовищной катапульты фосфорные бомбы.

Дюнкель смотрел, как ракета превращается в пылающую комету. Зенитное оружие открыло огонь вдоль всех имперских линий. Трассирующие снаряды мелькали воинственными вспышками. Ракеты врезались в падающую массу, но ничто не остановило её. Когда она упала, задрожала земля, а вслед за ней в

рвотных конвульсиях забился весь мир. Полусфера зелёного огня взорвалась посреди имперских линий. Пульсирующие энергии заполнили вокс-сеть потусторонними криками, а вскоре последовал и физический удар, который зажёл фосфоресцирующее пламя вдоль рук *“Воли бога”*. Когда сила прошла сквозь бога-машину, её дух задрожал, словно собака в присутствии призраков.

- *Во имя Трона, что это?* - спросил по воксу Урскейн.

От попавших под огонь не поступило никаких сообщений о потерях. Просто не осталось никого живого, чтобы сообщить о повреждениях. Затем данные хлынули сплошной волной и не останавливались. Тысячи погибли в одно мгновение.

- *Увеличить скорость!* - приказал Урскейн. - *Смертельные Молнии, манипула пять, наступать и вести огонь на ходу. Мы должны разрушить башни! Я запрашиваю немедленное подкрепление от командования легио. Все принцепсы, передайте данные о целях союзным войскам.*

Из-за *“Гнева бога”* подобно дротикам хлынули потоки света. Перегретый туман безумно танцевал вокруг выжженных лазерными лучами ровных линий. Рыцари дома Конор смяли вражескую пехоту и бронетехнику, но без поддержки более тяжёлых машин их наступление быстро захлебнётся. Дюнкель заставил *“Гнев бога”* ускориться.

Теперь замерцали все семь башен. Зелёные шары молний просвистели сквозь туман, разряжаясь и летя почти бесшумно.

- *Пустотные щиты на максимум. Приготовиться к удару,* - сказал Урскейн. - *Траектория...*

Это были его последние слова. Зелёные кометы падали мягко, словно дождь: четыре были нацелены на *“Возмездие”* и три на *“Волю бога”*.

Статичный вой уничтоженных щитов разнёсся по вокс-сети. *“Гнев бога”* побежал прежде, чем шум прекратился, и прежде, чем Дюнкель понял, что означал этот звук.

Смерть титана.

Сначала взорвался реактор *“Возмездия”*, выбросив вихрь жара, который пробил землю на сто метров в глубину. *“Воля бога”* умерла микросекунду спустя, объята пламенем упав в зловонную грязь. Её плазменное ядро отключилось в штатном режиме, но машина была мертва, слишком повреждённая, чтобы когда-нибудь пойти снова.

“Гнев бога” выдержал электромагнитную бурю отказавшего реактора *“Возмездия”*, он спотыкался на бегу, но не упал. Горячая жидкость *“Воли бога”* пролилась на его ногу и обожгла броню. Он взвыл от смерти братьев и ещё больше увеличил скорость, погружаясь глубоко в болото, в которое враг превратил равнины Гекатона.

- Я познаю радость убийства, я познаю радость мести! - закричал Дюнкель, но он не мог сказать, вырвались из горла его слова или слова титана.

Ведущая башня продвигалась сквозь жижу, её гигантские колёса покрывала грязь. Она не задумываясь давила окружавших её звероподобных существ, смазывая себя их кровью.

Башня не была достойна названия машины. Она напоминала осадные башни отсталых народов, а вовсе не священную военную конструкцию Бога Машины. Железные пластины с оранжевыми прожилками защищали её от основания до самого верха, но основным материалом служила необработанная

древесина. Слои расщеплённых досок покрывали бока. Целые стволы стали частью её корпуса. Никакое разумное существо не захотело бы увидеть леса, в которых росли такие деревья, настолько изогнутыми и отталкивающими они выглядели. Башню покрывали их узловатые наросты. Ветви хлестали, словно злобные когти. Скользкие верёвки скрепляли башню. Повсюду торчали согнутые гвозди величиной с человека. Огромные и зловеще ухмылявшиеся лица из меди и зелёной бронзы украшали три обращённые вперёд секции, стволы примитивных орудий высывались, словно языки из их открытых ртов. Из каждой щели сочился гной, покрывая всех и вся. С передней стороны башня была наклонена вниз к основанию, в котором размещался огромный двигатель, изрыгавший ядовитый дым. Поршни размером с пушку *“Гнева бога”* заставляли вращаться большие промежуточные колёса и двигать тварь вперёд. Она была абсолютно примитивной и абсолютно нечестивой.

- Сжечь её! - проревел Дюнкель.

Его приказ был излишним. *“Гнев бога”* уже принял такое же решение. Конус перегретого воздуха замерцал перед мелтапушкой и поразил башню посередине. Чуждые энергии сплотились, чтобы сдержать ярость бога-машины. И потерпели неудачу.

Дюнкель почувствовал дикое ликование экипажа и титана, когда металл потёк и гнилая древесина загорелась. Он собирался выстрелить ещё раз, но контроль Дюнкеля над воинственным духом ослабел, и *“Гнев бога”* взял управление на себя. Рванув вперёд, с повреждённой ногой, которая всё ещё дымилась химическими ожогами, он перешёл на неуклюжий бег, отводя гигантский цепной кулак для удара.

“Гнев бога” тяжело врезался в боковую сторону башни. Осадная машина была вдвое выше его, но с узким основанием. Она покачнулась на колёсах, слегка отклонившись с пути из-за столкновения. С бешеной энергией *“Гнев бога”* пробил гнилую секцию башни, цепной клинок вырывал огромные влажные куски древесины. *“Гнев бога”* завыл. Предвкушавшие убийство рыцари следовали за ним. Боевые пушки выпустили в колёса очереди по три снаряда. Тепловые пушки перерезали среднюю ось пополам.

Башня остановилась, заклинившие колёса дымились. Верхнюю часть объяло пламя.

- Если её можно ранить, то можно и убить! - взвыл Дюнкель и приготовился нанести завершающий удар.

У башни ещё оставался последний сюрприз.

Широкие потоки гнилой жидкости хлынули из расположенных на ней резных ртов, изливаясь из труб огромными дугами. Грязь полилась с передовой арки башни, окатив *“Гнев бога”* и рыскавших в его ногах рыцарей.

Пустотные щиты мигали и вспыхивали. Нечистоты текли слишком медленно для срабатывания защитной реакции вытеснения, но жидкость взаимодействовала с полем каким-то странным образом и в некоторых местах стекала по нему, словно оно было материальным. В других же она беспрепятственно миновала поле и врезалась в металлический корпус титана. Керамитовый композит зашипел, пласталь вспыхнула. Броня плавилась, словно пластик под плазменной горелкой. Дюнкель завизжал от машинной боли. *“Гнев бога”* гневно взревел, наполовину в агонии, наполовину в неповиновении.

Башня забулькала. Из выступавших из шершавой спины труб вырвался зеленоватый пар, и горгулий стошнило снова.

На этот раз защитные щиты *“Разбойника”* не сработали совсем, и вся жидкость разлилась по его туловищу. Гиперкислота потекла вниз до самых ног. Знамя на поясе сгнило до нитей. Краска пузырилась

и отслаивалась, окрашивая нечистоты украденным цветом. Изоляцию на кабелях разъело. Гидравлические трубы разрушились и полопались. Состав пожирал металл почти с такой же скоростью, что и мягкие части, наклонные пластины брони "Разбойника" проржавели до губчатой провисшей массы.

Смерть позволила "Разбойнику" нанести последний удар. Цепной кулак врезался в поверхность башни, прорезая путь и разрывая внутренние баки. Стена ядовитой жидкости хлынула за пределы башни, поглотив ужасный сад из ветвей и плесени, её собственная структура таяла с такой же лёгкостью, что и "Разбойника".

Титан развалился на части и соскользнул по передней стороне башни, обхватив её руками в воинственном объятии, когда отсоединились ноги.

"Гнев бога" упал на бурлившую и растворяющуюся землю, и стал погружаться в неё. Рядом барахтались три расплавлявшихся рыцаря. Их братья проревели рождённый и озвученный машиной гимн ненависти, и открыли огонь из боевых пушек и термоядерных копий в проделанные последним ударом "Гневом бога" в древесине бреши. Бурлившая внутри жидкость вспыхнула и затем яростно взорвалась. Рыцари бурно приветствовали свою месть.

Первая башня была остановлена.

Дюнкель кричал, пока машина умирала вокруг него. Затем, когда жидкость проела броню кабины и пролилась на его человеческую плоть, он закричал снова. "Гнев бога" выл за них обоих, пока они умирали, его последний крик был на полпути между громом и львиным рыком, когда кислота растворила последние соединения и "Разбойник" замолчал навсегда.

Оставшиеся Пагубные башни неумолимо катились к линии имперских титанов. За ними следовали легионы демонов. Они явились не какими-то смертными путями, а воплотили себя из тумана. Пары сгустились в демоническую форму и тысячи шли там, где раньше не было ни одного. Впереди шагали бесчисленные нурглинги, хотя это не мешало следовавшим за ними чумоносцам пытаться их сосчитать. Рои гигантских демонических мух спустились с грязных небес. Стаи бегущих в припрыжку зверей повизгивали от волнения в предчувствии веселья. Великие нечистые возвышались над своими слугами – огромные, раздутые холмы плоти, которые покачиваясь приближались к врагу. Они гордо выставляли напоказ всевозможные ужасающие болезни и уродства своих тел. Из зияющих ран на землю вываливались внутренности. Потоки личинок сыпались из дыр в коже. Вонь гниения неотступно цеплялась за всех и каждого. Но с покрытых оспинами лиц смотрели наполненные интеллектом и злобой глаза. Разложение и упадок сделали детей Нургла сильными. Острые разумы жили в мягкой плоти. На сегодня они отложили шутки и расчётливо изучали врага.

Барабаны били всё громче, рога хрипели. Безумная музыка кошмаров поражала живые умы. В смертных подразделениях армии Мортариона люди валялись замертво при прибытии легионов. Они падали покрытые язвами, изрыгая гной, разрывая голыми руками животы, чтобы вытащить внутренности. Товарищи с завистью смотрели на них, приближенных и отмеченных благосклонностью Нургла. Гвардия Смерти приветствовала демонических союзников и продолжила заниматься собственными задачами.

После появления демонов из головы построения в форме мухи выросли огромные глаза и длинный хоботок. Мощью Нерождённых Мортарион собирался сломить оборону врага.

В центре демонического воинства находилась Чумная Гвардия, кавалькада Ку'гата, один из сильнейших легионов Нургла. Семь его величайших демонов командовали Чумной Гвардией, которая была втрое многочисленнее любого легиона и в семь раз сильнее.

Они шли по засасывающему болоту под вой труб и гудение подсчётов. Повторяющиеся песнопения, глупые и мрачные, изрыгались из прогорклых глоток.

Впереди этой визжащей массы двигался паланкин Ку'гата. Его окружали шесть заместителей: Септик, Долговязый, Пестус Тран, чудовищно разжиревший Голод, Бубондубон и Толстозадый.

Вид легионов обрекал человека на безумие, но, пусть они и обладали силой, превосходящей знания смертных, с детьми Нургла не всё было в порядке. Хватка варпа соскальзывала с Пармениона. Освежающие ветра из сада их хозяина стихли. Его влияния едва хватало, чтобы поддерживать их, и каждое усилие, каждое колдовство делало его ещё меньше. Печи душ на башнях помогали, питая демонов украденными жизненными силами и направляя ветры перемен сквозь сами их сущности. Но одна башня уже пала. Если падут и остальные, то это же ждёт и демонов.

- Быстрее! Быстрее! - кричал Септик. **- Эта война отвлекает Чумного Отца от его дел! Ку'гат должен вернуться на Иакс, чтобы создать величайшую чуму из всех. Быстрее! Быстрее!**

Другие заместители хлестали меньших демонов по спинам, смеясь с каждым ударом.

Колдовской взор Септика видел в тумане колеблющиеся свечи человеческих душ. В своём множестве они представляли приятное зрелище, достойное любого мрачного храма, хотя их число уменьшалось целыми сотнями, ярко вспыхивая и уходя в варп. Каким бы прекрасным ни было зрелище, какими бы вкусными они ни казались, не эти низшие сущности являлись добычей Септика. Душа, которую он искал, была ярче, чем эти смертные люди, костром почти таким же ярким, как и он сам, потому что в создании, за которым он охотился, варпа было столько же, сколько и материума.

Мортарион низко опустился на крыльях, как у летучей мыши, и развернулся вокруг шатавшегося паланкина Ку'гата.

- Найдите и приведите моего брата, - сказал Мортарион, его голос прозвучал бесстрастным шёпотом. Его крылья поднимали мягкие вихри в тумане. **- Не убивайте его. Не здесь. Раньше его, заразите его, сокрушите его армии. Но оставьте его в живых! Семена должны быть посажены в почву отчаяния. Пусть они взойдут и опустошат его, прежде чем мы покончим с ним на Иаксе.**

Ку'гат нахмурился. Септик, который отказался от дудок в пользу чумного цепа и чумного меча, прервал своё весёлое бормотание для ответа:

- Заманите его, поймайте в ловушку, а затем мы отправимся на Иакс, чтобы завершить план примарха и покончить со всей этой утомительной ерундой!

Остальные давились от смеха. Бубондубон шумно расхохотался.

Настроение Мортариона было не таким, как у них. Своей мрачностью он скорее напоминал Ку'гата.

- Найдите его! - прошипел он. Великие нечистые смеялись над его серьёзностью, когда он улетал.

Очертания танков освещались изнутри душами, словно бумажные фонари. Титаны выглядели

огромными плетёными людьми, объатыми пламенем в языческом ритуале, их странные машинные сущности светились наполовину осознанными жизнями. Двигавшаяся сзади масса пехоты представляла собой океан раскачивавшихся точек, светящихся существ в ночном прибое, таинственными, но видимыми.

Свет душ на стороне поля боя Септика отличался: красный, как старые стружья; жёлтый, словно собиравшиеся лопнуть гнойники. Кипящее лихорадочно горячее море большого света. Испорченные военные машины мерцали от ярости заточённых внутри демонов. Смертные, которые присягнули Дедушке, казались исчезающими волдырями. Гигантские Пагубные башни сияли ядовито-зелёным светом, освещаемые горящими внутри душами. Где эти две линии встречались, огни смешивались, синие-белые и болезненно-красные пылинки кружились вокруг друг друга.

- **Он здесь!** - прохрипел Долговязый, вытянув тощую руку. Его чёрный коготь дрожал от паралича.

Септик посмотрел. Огромный силуэт, полностью материальный, гроыхал позади шестидесяти гигантских танков. На его вершине, словно маяк на далёком берегу, пылала душа столь чистая и мощная, что Септику было больно на неё смотреть.

- **Жиллиман!** - воскликнул Септик. - **Там Жиллиман! Он пришёл, он пришёл встретить свою судьбу! Вперёд, мои милые, вперёд!**

Изъеденные ржавчиной колокола громко зазвенели. Демонические легионы поковыляли вперёд. Первой шла Чумная Гвардия.

Выше Мортарион издал триумфальный крик и спикировал к земле.

- **Выходи, брат мой!** - проревел он. - **Приди ко мне!**

Мортарион облетел вокруг Чумной Гвардии. Над зловонной фалангой он прокричал снова:

- **Робаут Жиллиман! Выходи! Выходи!**

Его призыв слышали. Левиафан остановился. Передовой пандус опустился.

Жиллиман вышел, и Мортарион взмыл в небо.

Двадцать четвёртая глава

ГЕРОЙ ПОБЕЖДЁН

Scius Portis II дрожал от взрывов, пока отделение "Парис" бежало во внутренний бункер и занимало позицию, выходящую на разрушенные ворота. Со своего места Юстиниан видел только небольшое отверстие в воротах. Расплавленный металл ещё светился. Наступил момент тишины, в котором его доспехи издавали тихие сигналы тревоги. Несколько систем получили повреждения и их герметичность оказалась под угрозой. Он больше не мог доверять им в защите от вражеских болезней.

Он отключил предупреждения. Сейчас он ничего не мог сделать с повреждениями. Он прицелился из болт-винтовки во внутренний двор.

Выгнутая линия терминаторов ждала врага. Тысяча стволов была направлена на вход.

Момент тишины. Каждый воин стоял неподвижно, целясь в пролом. Дыхание застыло в горле.

Из туннеля доносилось эхо боевых кличей.

Враг двигался на стену смерти.

Сыновья Мортариона вступили в бой. Они толкали перед собой тяжёлые щиты, перебрасывали через них ядовитые гранаты и стреляли с достойной восхищения дисциплиной сквозь амбразуры. Никакая защита, земная или божественная, не смогла оградить их от огня, который Новадесантники обрушили в пролом. Десятки погибли, лазерные пушки и лучи мелт прожигали их щиты насквозь. Но их было невероятно много, ведомых безграничной ненавистью к космическим десантникам, и они продолжали прибывать, идущие сзади толкали раздувшихся мертвецов вперёд. Шаг за шагом, смерть за смертью, Гвардия Смерти вышла во внутренний двор. Они перегруппировались позади сомкнутых осадных щитов и мантелет на колёсах, затем щиты открылись, и враги бросились вперёд. На этом этапе погибло ещё больше, кружась, словно лепестки гнилого цветка, но каждая павшая волна позволяла следующей продвинуться дальше, приближаясь к орудиям первой роты. Стоял невероятный грохот, давя на авточувства. Системы Юстиниана заглушили какофонию, сведя её к тихому потрескиванию бесчисленных выстрелов и шипению белого шума.

Отделение "Паррис" стреляло с внутренней стороны ворот. Гвардия Смерти наступала так плотно, что они не могли промахнуться. Древние шлемы широко раскалывались. Существа, которые должны были погибнуть триста поколений назад, наконец-то умирали.

Возможно, всё было бы хорошо, если сражение продолжилось бы таким же образом. Но на внешней стороне, на полях смерти, враг пробивался сквозь стену больше не встречая сопротивления. Защитники внешней линии погибли от болезней и ядов или отступили к внутренней стороне. Чумные Десантники Гвардии Смерти не были единственными воинами во вражеской армии.

- Стена пробита в укреплённом пункте ро-семь, требуется помощь!

Юстиниан проигнорировал сообщение. Ро-7 находился на расстоянии в полмили, слишком далеко, чтобы помочь. Его битва здесь, у ворот. Более насущными являлись сообщения по вокс-сети о ближайших прорывах.

- Направляйся к двери, - приказал он Максентию-Дронтию. - Прикрой вход.

Не успел его заместитель дойти до двери, как крикнул назад в бункер:

- Они двигаются по внутреннему коридору!

Юстиниан выругался и сделал ещё три выстрела из болт-винтовки. Затем он присоединился к Максентию-Дронтию. Внутри стены протянулся поперечный коридор, соединявший внутренние защиты. Расположенные в сотне метров от них укреплённые двери были выбиты, и Чумные Десантники пробивались к последней в линии позиции отделения "Паррис". Люди атаковали их из боковых бункеров, но их уничтожали по мере того, как враги зачищали огневые галереи и редуты один за другим.

Юстиниан открыл огонь, Максентий-Дронтию присоединился к нему. Их болты изрешетили ведущего воина, гиганта в гнило-зелёных доспехах, сочившихся чёрными жидкостями. Он задёргался словно в танце под попаданиями болтов, поглотив столько взрывной силы, которой хватило бы на взвод обычных людей, пока, наконец, не рухнул. Его товарищи осмотрели бронированный дверной проём, где укрылись Юстиниан и Максентий-Дронтию, и отступили.

- Мы попали в него четырнадцать раз, прежде чем он решил умереть, - сказал Максентий-Дронтию,

прячась от врага.

- Бронебойные гранаты, - произнёс Юстиниан.

Они бросили несколько вглубь коридора. Приглушённые взрывы заставили противника отойти ещё дальше.

- Закройте дверь бункера. Михаил, присматривай за ней.

Противовзрывная дверь с лязгом встала на место, поршневой замок закрылся с глухим звуком.

- Мы убьём столько снаружи, сколько сможем, прежде чем те, кто внутри стены, прорвутся на нашу позицию, - сказал Юстиниан.

- Да, - сказал Максентий-Дронтио. - Потому что они прорвутся.

Юстиниан снова обратил своё внимание на происходящее снаружи. Положение во внутреннем дворе изменилось к худшему. Множество брешей в стене заставили Доваро перераспределить людей, сдерживавших врага у ворот. Повсюду ревели сигналы тревоги, впрочем, их почти не было слышно среди бесконечного рёва оружия. Враги выходили из коридоров стены среди защитных сооружений. Сначала их было немного, простое отвлечение, но они продолжали прибывать. Обойдённые с флангов Новадесантники понесли значительные потери. Терминаторы стояли твёрдо, их оружие дымилось, когда они стреляли и стреляли, но воины в силовой броне вокруг них не были настолько удачливыми. Многие пали от плазменных лучей и болтов, одновременно безжалостно истреблялись и сервы, которые спешили доставить боеприпасы своим хозяевам, и начинала ощущаться нехватка пуль. Юстиниан и его люди стреляли сверху по плотной толпе Еретических Астартес, но их оружие оказывало мало эффекта.

В течение нескольких минут сражение колебалось на острие ножа. Новадесантники сдерживали Гвардию Смерти. Затем наступил переломный момент. Первая рота перестала получать боеприпасы. Оружие замолкало, когда они заканчивались или его владельцы погибали от ответного огня. Победа склонилась на чашу весов сыновей Мортариона. Без непрерывного огня от первой роты всё больше Гвардейцев Смерти проникали во внутренний двор. Скоро их было уже не меньше сотни. Безумно воя, враги сошлись с терминаторами в свирепой рукопашной.

- Они прорвались! - прорычал Юстиниан, стреляя в раздутую массу сломанной брони и больной плоти ниже бункера.

Бруцелл осматривал ящики на полу.

- Брат-сержант, мы почти израсходовали боеприпасы, - сказал он.

- Сколько осталось? - спросил Юстиниан, продолжая стрелять.

- Пятнадцать обойм, - ответил Бруцелл.

- Раздай их. Сейчас. Никаких перерывов. Стреляем, пока не закончатся все патроны.

Раздался стук в дверь, затем громкий щелчок сработавших магнитных замков. Несколько мгновений спустя послышался термоядерный рёв.

- Мелты, - сказал Михаил. Он переместил оружие, хотя оно и так было идеально нацелено. Металл скрипел. Дверь держалась.

- Керамитовая прошивка. Им потребуется время, чтобы пробиться сквозь неё. Им необходимо что-то получше, чтобы расколоть нашу скорлупу, - усмехнулся Максентий-Дронтио.

- Они продолжат и пройдут, - сказал Юстиниан и посмотрел на своих людей. - До тех пор продолжаем сражаться.

Ужасный жужжащий звук, громче сотни цепных мечей перекрыл шум сражения.

- Трон, что теперь? - спросил Ахиллей. Его раненая рука свободно свисала вдоль тела, но болт-пистолет дымился в правой руке.

Юстиниан вернулся к амбразуре и увидел появление нового ужаса. Из бреши в воротах вырывалась ревущая туча мух. Они обладали крыльями, фасетчатыми глазами, шестью ногами и всеми остальные признаками терранских насекомых, но сходство было поверхностным. Они принадлежали к демонической породе, мором из царства Чумного бога, и несли на крыльях смерть. Они прогудели мимо амбразуры бункера, на мгновение заслони́в обзор, затем заложили круг и спикировали на воинов во внутреннем дворе.

Демонические мухи роились вокруг защитников. Там, где они соприкасались, они убивали. Броня разваливалась ржавыми хлопьями, космические десантники превращались в изъеденных болезнью калек. Рой развернулся веером, разрушая всё, до чего мог дотянуться, забывая механизмы тех машин, которые не сумел уничтожить напрямую.

В его центре шагала массивная однорогая фигура, облачённая в древние терминаторские доспехи, и с огромной косой в руках. Из её спины торчали костяные наросты, из которых вырывался бесконечный поток мух.

- Золотой Трон Терры, это - Тиф, первый капитан Гвардии Смерти, - произнёс Максентий-Дронтио. - Если бы у меня только был шанс сразиться с ним...

- Молись, чтобы он тебя не услышал, - сказал Юстиниан. - Он прикончит нас всех.

Герольд Нургла и хозяин роя разрушения прибыл на поле боя.

Терминатор шагнул ему навстречу. Тиф вытянул руку, и ветеран упал на колени, кашляя венозной кровью сквозь дыхательную решётку шлема.

Размахивая косой, Тиф прорубался сквозь удерживавшую пролом линию, рассекая космических десантников пополам, словно они были в доспехах из бумаги. За Тифом следовали его личные гвардейцы-терминаторы, все такие же раздутые и неудержимые, как он. Они шли за ним, вовлекая своих отчуждённых и облачённых в бело-синюю броню родственников в поединки, продолжая начатое давным-давно сражение. Оставшиеся люди Юстиниана обрушили огонь на почётную стражу капитана-предателя. Их болты вспыхивали и исчезали в никуда на древних щитах эгиды или безвредно взрывались на искривлённых доспехах.

Тиф самоуверенно направился к "Лэндрейдерам" позади шеренги терминаторов. Плотность огня с внутренней стороны стены уменьшилась. Юстиниан продолжал целиться и методично стрелять, его болты отлетали от капюшонов вражеских терминаторов вниз. Но он не мог видеть далеко сквозь рой улья, а мухи разлетались, убивая всех и вся. На главной вокс-частоте слышались крики. Мольбы о помощи и испуганные отчёты звучали на фоне стрельбы и ужасного скандирования предателей.

За терминаторами наступали другие чумные воины и демоны, и теперь они хлынули вперёд, обрушившись на ветеранов первой роты Новадесанта, расширяя промежутки и позволяя всё большему количеству отвратительных тварей вступить в бой. Дисциплинированные залпы огня из-за линии Новадесанта сменились локальными перестрелками, когда враги вошли в непосредственное соприкосновение. Двигатели “Лэндрейдеров” взревели, и они отъехали назад, увеличивая дистанцию между собой и атакующими, непрерывно стреляя по Гвардии Смерти, пока в глубине главного транзитного пути формировали вторую линию. Тиф бесстрашно шагнул в их огонь. Разряды из лазерных пушек отскакивали от его энергетического щита. Он снова поднял руку. Воздух слегка задрожал вокруг его кулака. Между пальцами затрещала энергия и он резко отвёл руку в сторону. “Лэндрейдер” врезался в стену, визжа гусеницами. Тиф сжал кулак, и танк смялся, сломанные пластины брони врезались в стены и сбивали с ног верных людей.

Позади имперской линии раздался рёв огня. Волны фиолетового пламени сжигали демонических мух слева и справа, очищая от них воздух.

Отделение серых братьев с силовым оружием на длинных древках и в сверкающих сине-серебряных терминаторских доспехах преградили путь Тифу. С ними были магистр ордена Новадесанта Доваро и его почётная стража.

- Отбросьте их! - призвал Доваро. - Вышвырнете их! Мы сражаемся за Макрагг!

В безмолвном вызове Тиф поднял косу. Варп-молния потрескивала на её лезвии.

Юстиниан прицелился в первого капитана. Ему редко выпадала возможность для такого идеального выстрела. Он нажал на спусковой крючок и оружие щёлкнуло впустую. Выругавшись он вставил новую обойму, но уже не смог найти лёгкую цель. Вихрь рукопашной в центре оказался слишком стремительным. Тиф двигался с ужасающим изяществом, его огромное больное тело никак не сказывалось на умении. Гигантская коса являлась неподходящим оружием для боя. Тиф же держал её так, словно она была сбалансирована, как рапира. Болезненный свет сиял вокруг его рук и лезвия жнеца людей. Воины серого братства кололи и рубили его с почти равным умением, и их шлемы сияли нимбами чистой варп-силы, но Тиф сражался уже десять тысяч лет. Он погрузился в магию ещё когда был ребёнком. Его мастерство клинка и варпа было абсолютным. Один из серых братьев упал от копья чёрного света. Второй был разрублен пополам косой Тифа. Алебарды серых братьев не могли найти путь к первому капитану Гвардии Смерти. Скользящая деревянная рукоять косы блокировала их, хотя должна была сломаться. Изъеденный ржавчиной клинок отводил каждый выпад и рубящий удар. Осталось трое. Тиф заставил их отступить и рассёк руку одному размытым взмахом ржавой стали. Серый Рыцарь с криком упал, чёрные вены порчи протянулись из раны, повреждая его сине-серебряные доспехи.

Раздался крик:

- Тиф! Предатель, повелитель болезни и мерзости! Я бросаю тебе вызов!

Бардан Доваро, магистр Новадесанта, вышел вперёд на поединок.

Колдовской мощью Тиф отшвырнул двух последних Серых Рыцарей. Его телохранители обрушились на них, поднимая и опуская косы в кровавых дугах. Люди Доваро бросились навстречу телохранителям, смело встретив трёх воинов, пока их лорды сражались в поединке.

Не было никакого позёрства и разговоров. Они яростно атаковали друг друга. Оба были в терминаторской броне. У Доваро подвижный “Индомитус”, у Тифа - “Катафракт”, медленнее, но с

мощными щитовыми генераторами. Доваро провёл серию могучих и быстрых атак потрескивающим двуручным силовым мечом. Тиф отступил, вращая косу обеими руками, отклоняя удары, которые ввели в заблуждение и прикончили бы любого другого противника.

- Доваро теснит предателя! - воскликнул Бруцелл. - Победа близко!

Казалось, что так и было. Магистр ордена сражался с таким мастерством, что Юстиниан подумал, что Тиф падёт и ход боя будет переломлен. Он заворожённо наблюдал за демонстрацией мастерства.

Тиф отступил ещё на несколько шагов, терпеливо выжидая, пока не увидел ошибку, которую не заметил Юстиниан. Его коса ударила с безжалостной неизбежностью, прорубив броню. Доваро резко остановился, дополнительная мускулатура его доспехов задёргалась, сбита с толку входящими сенсорными сигналами. Меч упал. Он протянул руку, чтобы схватить клинок косы, который по рукоять погрузился ему в грудь.

Влажный смех прогремел из белого шлема Тифа. Он рванул косу назад. Длинный клинок выскочил из грудной клетки Доваро, разрушительное поле уничтожило керамику, кости и плоть. Оставшиеся внутренности Доваро были вытащены наружу и разбросаны по полу.

Магистр ордена умер мгновенно.

- Всё пропало, - произнёс Бруцелл.

- Не говори так! - прорычал Юстиниан. Он удивительно близко к сердцу воспринял гибель магистра ордена. Доваро был человеком, за которым он мог бы последовать.

В своём смятении Новадесантники стояли твёрдо, но меньшие люди пали духом. На их долю выпало столько страха и ужаса, что Юстиниан удивлялся, что они до сих пор держались. Линия лоялистов дрогнула.

- Цельтесь в телохранителей предателя! Лишите его защиты! - Юстиниан снова открыл огонь, сдерживая и подавляя гнев, не позволяя ему мешать целиться. Его болты сверкали точно, но каждый выстрел отклонялся энергетическими полями и тяжёлыми пластинами доспехов предателей. Болты взрывались вокруг людей Тифа, когда оставшиеся в стене и между "Лэндрейдерами" космические десантники стреляли по ним. Упал всего один воин, слепой и с акульими ужасными зубами, терминаторские пластины которого скреплялись ржавой проволокой. Остальные смеялись, не обращая внимания на попадания, которые уничтожили бы дредноут, и продолжали резню. Они пожинали обильный урожай плоти для своего лорда. Пол внутреннего двора заливала кровь, когда они неумолимо пробивались вперёд. Огонь с внутренней стороны стены почти стих. Враг прорвался в нескольких местах. Скоро Гвардия Смерти окажется среди танков, и последняя линия обороны падёт.

Юстиниан быстро израсходовал обойму. Когда он потянулся к поясу за новой, то не обнаружил ни одной.

- Боеприпасы! - крикнул он.

- Ничего не осталось! - ответил Бруцелл.

- Брат, снаружи что-то происходит! - Михаил кивнул головой в сторону двери.

Лязгали молоты. За короткой тишиной последовал звук большого предмета, который зафиксировали на месте. Свёрла с визгом вгрызлись в металл. Сквозь дверь донеслась череда злобных тяжёлых ударов.

- Они близко! - крикнул Максентий-Дронтио. Он отложил болтер и достал болт-пистолет и боевой нож. - Гранаты, когда они войдут. Затем ножи и пистолеты!

Юстиниан бросил опустевшее оружие. Снаружи новый претендент приблизился к Тифу. Один из Серых Рыцарей, лорд-псайкер. На нём были изумительные серебряные доспехи. От брони исходил сверхъестественный свет. Запутанные геральдические символы украшали наплечники и оплечья. Нимб варп-энергии сиял вокруг его головы, а огромная алебарда мерцала таинственной силой.

Шум снаружи бункера достиг кульминации.

- Приготовьтесь! - произнёс Максентий-Дронтио.

Во внутреннем дворе лорд-псайкер и Тиф сражались, почти также, как сражался Доваро. Лорд-псайкер не уступал Тифу в колдовстве, и воздух разрывали демонические крики и вопли, пока они боролись за свои души.

За дверью раздался громкий звон, отвлекая Юстиниана от поединка внизу. Когда он снова посмотрел в амбразуру, то увидел мощный выпад библиария.

С нечеловеческим криком Тиф отступил, сверкающее копьё пронзило его броню. Жидкая красная кровь потекла из раны. Психическая сила вырвалась из оружия, и предатель пошатнулся.

Юстиниан успел подумать о победе, прежде чем дверь бункера взорвалась внутрь. Последним, что он увидел, стали раскалённые докрасна осколки, разорвавшие Михаила, затем поглотивший его ослепительный свет взрыва, а затем ничего.

Двадцать пятая глава

СУДЬБА МИРА

Иоланта вывела девочку из лихтера "Арвус", пока её сёстры жертвовали собой, сдерживая Астра Милитарум.

Они ушли, прежде чем люди прорвались внутрь и полетели сквозь вечерний сумрак над узкой гаванью, затем повернули и направились вдоль побережья к ожидавшему их тёмно-красному "Носорогу".

Иоланта отключила вокс и сигнум доспехов, чтобы её не смогли отследить. Девочка впала в ступор и смотрела перед собой немигающими глазами. Лихтер уносился прочь от Тироса, прижимаясь к поверхности воды. За пределами защищавшего от волн острова Речное море стало беспокойным и океанские брызги бились о корпус машины.

Девочка ни разу не пошевелилась, только обмякла в оковах. Взгляд Иоланды снова и снова возвращался к расплавленным остаткам гексаграмматических цепей. Ночная рубашка девочки была опалена жаром. Длинные чёрные разрывы порвали ткань. Но кожа осталась чистой, не появилось никаких новых шрамов.

- Мне жаль. - Это были единственные слова, которые она услышала от девочки. - Мне жаль.

Это произошло так.

Убив Девора, Иоланта вошла в дверь, направив болтер на Обсидианового Рыцаря. Сражение с одной из личных служанок Императора вызывало богохульную дрожь.

- Я пришла забрать девочку во имя Императора. Она нужна, чтобы выиграть войну, - произнесла Иоланта, зная, что её слова проигнорируют.

Сестра Тишины была готова и ждала. Иоланта подняла оружие и выстрелила, едва вошла в комнату, но женщина двигалась слишком быстро и её болты только выбивали куски из стен. Девочка закричала. Затем Обсидиановый Рыцарь атаковала.

Иоланту славил в конvente за её воинское мастерство. Она считала себя живым доказательством того, что женщины ничем не уступали мужчинам в бою. Она являлась чемпионом своего ордена. Ксеносы, демоны и еретики пали от её меча.

Она ещё никогда не сражалась с кем-то вроде Аширы Вои.

Обсидиановый Рыцарь наступала, вытянув перед собой длинный клинок в защитной стойке. Иоланта отбросила болтер, одним движением достала и активировала силовой меч, превратив взмах своего оружия в парирование, отводившее оружие Вои в сторону. Силовые поля затрещали, когда клинки вгрызлись друг в друга. Вои быстро отступила и снова атаковала, целясь в ногу противницы. Иоланта взмахнула мечом, и клинок Вои прошёл в нескольких сантиметрах от бедра. Иоланта была ловкой и точной. Её движения были идеальными, но Вои была лучше.

- Остановитесь! - сказала Иоланта. - Так не должно быть. Позвольте мне забрать девочку. Я выполняю работу Императора.

Глаза Вои сверкали ненавистью над глубоким буггером. Они говорили: *Ты предала свои клятвы. Ты предала саму себя.* Она повернулась и выпрямилась, и снова нанесла удар направив гудящий меч к горлу Иоланты.

Иоланта бросилась в сторону, мощь силовой брони помогла отпрыгнуть вовремя. Она неудачно приземлилась, силовой ранец лязгнул о камнебетон. Вои мгновенно нависла над ней, занеся длинный меч над Сестрой Битвы словно копьё. Иоланта перекатилась в сторону вдоль стены, её собственное оружие бесполезно стучало по полу. Она перекатилась ещё раз. Клинок Вои погрузился глубоко в камнебетон, разрушительное поле вырезало дымящийся кратер. Она возобновила атаку так быстро, что Иоланта почувствовала укол страха.

Иоланта парировала три раза: над головой, слева и справа, и повернула запястье вниз, чтобы заблокировать удар по туловищу. Вои была настолько быстрой, что она не могла отреагировать на угрозу ни ответным ударом, ни прямой атакой. Шум боя снаружи становился громче, к грохоту и стремительному свисту болт-оружия присоединялось всё больше трескучих звуков лазганов. Полк Девора приближался. У неё оставалось мало времени.

Единственный исход, который она видела, был её собственной гибелью. Вои намного превосходила её.

Обсидиановый Рыцарь беспощадно атаковала Иоланту и заставила её отступить от девочки. Тошнотворное присутствие пустой души Вои затопило Иоланту, ошеломив нервную систему. Её живот восстал. Она теряла силы быстрее, чем когда-либо прежде в бою. Разум не мог сосредоточиться. На фоне не присутствия сущности Вои, она почувствовала вкус собственных мыслей, и испытала отвращение к ним. Её тоска по славе, фетишизация долга, отказ от индивидуальности, гордыня. Вои была безжалостным зеркалом. Иоланта почувствовала себя грязной и маленькой в сравнении с величайшей преданностью женщины Императору.

- Остановитесь! - снова воскликнула она, сжимая меч двумя руками и блокируя удар, который отбросил

её назад. – Вы знаете Его, как и я. Мы обе Его слуги! Я исполняю Его волю, как и вы!

Вои впиалась в неё взглядом. Она подняла меч. Иоланта едва увидела удар. Он рассёк броню на боку. Лезвие прочертило горящую линию на коже.

Меч уже возвращался.

– *Остановись!* – Голос. Тот голос. *Его* голос. Иоланта застонала, услышав его. Слово стало гвоздём, вбитым в барабанные перепонки. Она почувствовала во рту привкус крови.

– *Немедленно остановись*, – повторил голос. – *Я приказываю.*

Она и Вои покачнулись, слова давили, причиняя боль. Девочка встала с кровати, на которой лежала, и парила в воздухе. Золотой свет исходил от её кожи. Гексаграмматические цепи раскалились докрасна, затем побелели, а потом исчезли в порыве обжигающего пара.

Девочка поднялась выше, невредимая, и выпрямилась, теперь её ноги висели в трёх футах от пола. Ярче всего свет пылал в её глазах. Божественный свет. Свет Императора.

Вои остановилась. Иоланта вероломно воспользовалась возможностью, ненавидя себя за удар, но Вои увидела атаку и поймала меч Иоланты на гарду своего оружия. Они давили друг на друга, пока не оказались лицом к лицу, доспехи столкнулись, носы почти касались, и в этот момент золотой свет вспыхнул ещё ярче.

Вои покачала головой. С яростным поворотом она вырвала оружие из рук Иоланты. Оно отскочило от пола, силовое поле отключилось и меч отлетел в угол.

Вои шагнула, чтобы прикончить её.

– *Нет*, – произнёс божественный голос. Вои отлетела в сторону, согнувшись пополам, словно от удара гигантского кнута. Она врезалась в стену и упала.

Иоланта посмотрела на парящую девочку, окружённую нимбом энергии. Девочка посмотрела в ответ: могучая, властная, всесильная.

– О, милорд, – сказала Иоланта. Она упала на колени, склонила голову и крепко закрыла глаза, ожидая решения. – О, мой Император.

– Мне жаль, – произнесла девочка своим голосом. – Мне жаль.

Свет исчез. Мягкий удар упавшего тела заставил Иоланту открыть глаза. Девочка лежала на полу, часто дыша и глядя в потолок. Кожа вокруг её глаз покрылась волдырями. Белки покраснели. По щекам текли слёзы. Снаружи не затихал грохот и треск братоубийства.

Морщась от вызванной раной боли, Иоланта подобрала оружие и подняла девочку. Она бросила взгляд на потерявшую сознание Сестру Тишины. Иоланта решила, что та сломала позвоночник. Она на мгновение задумалась об убийстве, и поняла, что проклянет себя за это.

Она оставила Рыцаря и прошептала молитву, чтобы её нашли и вылечили.

Защищая обмякшее тело девочки своими доспехами, Иоланта выбежала в коридор. Огонь лазганов колот её спину и поджёг плащ, пока она мчалась к лестнице. На крыше она села в лихтер “Арвус”.

Вокс-связь с кабиной резко затрещала, вернув Иоланту из воспоминаний.

- *Старшая Сестра, мы приземлимся через две минуты.*

Иоланта приготовилась. Дорога к гибели ждала.

“Арвус” подлетал к отмели гальки, сиявшей оранжевым цветом в лучах восходящего солнца. Брызги воды образовали высокую дугу позади заходящего на посадку корабля. Сквозь фонарь кабины пилота Иоланта мельком увидела в приливной волне мёртвых существ, убитых болезнями Чумного бога. Корабль заложил вираж над покрытыми деревянистыми растениями песчаными дюнам, затем сбросил скорость и приземлился около накрытого камуфляжной сеткой “Носорога”.

- Высаживаемся. Не оставляйте никаких следов нашего присутствия на этом корабле, - сказала она двум Сёстрам в кабине. - Затем сожгите его.

Она вернулась в пассажирский отсек. Девочка сидела глубже в кресле после приземления, но по-прежнему с отсутствующим выражением лица смотрела в никуда. Иоланта отстегнула её и подняла. Пассажирский трап зашипел, открываясь. Снаружи ждали ещё три Сестры Битвы. Иоланта передала им девочку.

- Где остальные? - спросила одна из Сестёр.

- Ушли к свету Императора, Сестра Верити, - ответила Иоланта.

- А девочка, она проснётся? - Сестра Верити последовала за Иолантой, шагавшей по ночной траве к “Носорогу”. Остальные Сёстры снимали маскировочную сеть. Мигнули люмены. Завёлся двигатель. Открылся боковой люк, пролив красный боевой свет в наступавшее утро, и девочка оказалась внутри.

- Если на то будет воля Императора, - произнесла Иоланта.

- Тогда это произойдёт, - пылко сказала Верити.

- Я верю, что так и будет, - ответила Иоланта. - Он снова явился мне. Когда я забирала её. Он отбросил одну из Сестёр Тишины, саму Рыцаря, чтобы позволить взять девочку.

- Тогда мы благословлены.

Иоланта остановилась в круглом люке “Носорога”. Две Сестры, которые пилотировали лихтер, бежали от него. Он взорвался за их спинами. Иоланта смотрела, как он горел.

- Или мы благословлены, или сломя голову мчимся навстречу проклятью. Будем молиться, что мы сделали правильный выбор, - сказала она и шагнула внутрь.

“Носорог” ехал сквозь толпы солдат в железную бурю. Ливни снарядов обрушивались на уже и так изрытую воронками многострадальную землю. Лучи когерентного света разрывали небеса. Насилие приходило внезапно, и как всегда несло ужас. Выпущенные из далёких орудий мины убивали без разбора, забирая как тех, кто ожидал умереть именно сейчас, так и тех, кто думал, что встретит смерть через несколько часов на линии фронта.

Война - это хаос. Информация поступает нерегулярно, какими бы технологиями не обладала армия. Группа Иоланты миновала тыловые подразделения армии без происшествий, просто очередной

приземистый военный транспорт, пробиравшийся к передовой. Если новости о преступлениях Иоланты и покинули стены Тироса, то они не достигли никого, кто мог бы остановить её. Волновало ли это кого-нибудь, задумалась она. Длинные колонны войск тянулись по искалеченным равнинам, рассеиваясь под обстрелом и снова собираясь, когда переставали падать снаряды. Солдаты в тылу были лишены благословенного геносемени или силы её веры, которые могли бы защитить их. Они были обычными людьми с самой базовой подготовкой, ненадёжным снаряжением и смутной, наполовину верой, наполовину надеждой, что Император защитит их и спасёт от судьбы, которая хуже, чем смерть.

Она и её воины являлись олицетворением их далёкого бога. Украшенный символами преданности тёмно-красный “Носорог” вызывал приветствия и усталые взмахи от многих солдат, когда проезжал мимо. Некоторые опускались на колени и молились. Жрецы указывали на бронетранспортёр, выкрикивая благословения и слова поддержки. Целые полки расступались, заходя в зловонную тину, чтобы очистить Сёстрам дорогу. И они даже не знали, кто ехал с ней. “Ох, - подумала Иоланта, - если бы они увидели её”.

Армия растянулась между заставами, складами и санитарными лагерями. Жиллиман прочертил аккуратную сеть над пустошами Гекатона, разделив бессмысленное разрушение Мортариона линиями связи, пересекающимися дорогами, точно расположенными пунктами снабжения и всем остальным, словно мог повернуть вспять поток хаоса, наложив на него порядок. Рука примарха чувствовалась повсюду: в организованном характере отступления, пополнения людьми и припасами. Одного ландшафта уже хватило бы, чтобы обычный командующий опустил руки. Полки проходили друг мимо друга в противоположных направлениях по обе стороны от танка Иоланты, опустив головы. Один поток состоял из потрёпанных частей, которые возвращались в тыл, солдаты шли, погрузившись в увиденные ими ужасы, их кожа обгорела, руки и ноги покрывала кровь, их ослеплённые товарищи шагали длинными колоннами, положив руки на плечи людей впереди. Подкрепления двигались в противоположную сторону, охваченные страхом перед тем, что им предстоит увидеть. Иоланта подумывала открыть большой огневой люк над пассажирским отсеком “Носорога” и показать им всем девочку, чтобы они получили силы от святой.

Если бы всех можно было защитить, но она почти с самого рождения знала, что невозможно спасти всех. Говорили, что Император защищает, но большинство мирян неправильно понимали высказывание. Они считали, что Император защищает лично их, но роль Императора заключалась в сохранении расы. Один человек вообще ничего не значил. Хотя каждое событие каждой несчастной человеческой жизни вопило об этой истине, люди продолжали надеяться, продолжали молиться своему сражавшемуся богу, чтобы Он присмотрел за ними вопреки всем фактам.

Это было печально и безнадежно. Знание сокрушило бы дух каждого человека, даже её, если бы не такие чудеса, как святая.

- Император защищает, - произнесла она, пока грохочущий “Носорог” пробивался вперёд. Она посмотрела на девочку.

Святая сидела молча и смотрела прямо перед собой.

Когда они на некоторое время застряли в воронке от снаряда, она не сделала ничего, чтобы помочь. Сестра Верити завела двигатель и произнесла слова, которые не должны были срывать с губ воительниц Императора. Только молитвы Сестёр заставили гусеницы зацепиться и вытащить их из болота. Дальше дорога стала ещё хуже. Земли Гекатона были хорошо осушены и обладали хорошей почвой, подходящей для всех видов зерновых культур. Затопившее их болото высохло, но всё равно оставалось достаточно

влаги, и состоявшая из зёрен грязи и песка земля превратилась в вязкую субстанцию, даже более смертоносную, чем свободно текущая вода, потому что не отпускала то, что в неё попало, а там, где зыбучим пескам не находилось места, почва поднималась в мягкие холмы непрерывными артобстрелами. Проложенные сверху временные дороги сближались, их становилось всё меньше по мере приближения к фронту. Всё чаще они оказывались заблокированы, разбомблены или запружены ранеными. В этих случаях Иоланта приказывала водителю ехать по старым дорогам между городами региона, но они также были забиты техникой и солдатами, пытающимися пройти, и часто приходилось идти в обход по ненадёжной земле. Они молились об очищенных путях.

А девочка продолжала молчать.

Они достигли боевого арьергарда армии, где развернули укомплектованные и наполненные бурной деятельностью командные центры, позже они снова снялись с места и переместились на полмили дальше, следуя за ходом сражения. Батареи дальнобойной артиллерии занимали вершины низких холмов, где грязь сохранила форму. Орудия стреляли без перерыва, их стволы раскалились. Ракеты с воем срывались с направляющих, пока офицеры без видимого эффекта кричали на сервиторов, требуя быстрее подносить боеприпасы с тягачей. Туман дрожал от грохота орудий. Вдалеке раздавался треск выстрелов, резких, как сухие листья или раздавленные ногами сухие пайки. Сёстры медленно миновали шесть готовых к стрельбе “Смертельных ударов” с нацеленными в небеса ракетами. Они выглядели безвредными, грубыми и неопасными. Когда первая сползла с наклонной пусковой установки, то показалось, что она не сможет взлететь и упадёт где-то недалеко впереди в грязь. Но она поднималась и поднималась, исчезая и превращаясь в двигавшееся в тумане солнце. За ней последовали остальные, словно впервые покинувшие гнездо неоперившиеся птенцы, поднимавшиеся в пасмурное утро.

Три минуты спустя ослепительный свет окутал мир и задрожала земля. “Носорог” проезжал мимо целого полка людей, которые ожидали приказа вступить в бой и сосредоточились на утверждённых безопасных позициях. В атомном взрыве эти позиции превратились в плотные скопления тьмы. Когда первая вспышка рассеялась, раздались свистки, солдаты покинули укрытия и побежали трусцой. Горячий ветер обдувал грязь и рассеял туман, но от высухавшей земли поднималось столько пара, что он быстро сгустился снова. Солдаты исчезли, поглощённые свежими испарениями.

Они миновали всё большее количество полков, занятых выполнением боевых задач. По мере приближения к линии фронта на дорогах становилось спокойнее. Они прижались к обочине, позволяя нагруженному мешками с сообщениями разведывательному мотоциклу космического десанта свернуть на грязную дорогу. Затем арьергард остался позади, и они приблизились к границе полей смерти.

Ситуация за передовым фронтом создавала ложное впечатление. Перемещавшие линии битвы отрывались от соседних и рассеивали по равнинам локальные сражения, пока имперская армия продолжала наступление. Между арьергардом и основной зоной боевых действий развернулось множество ожесточённых боёв, угасавших, как забытые костры. Все виды войск сошлись в схватках друг с другом. Яростная перестрелка бушевала вокруг разрушенной агриколы, где лёгкая пехота и шагатели “Часовые” сражались с космическими десантниками-отступниками. В другом месте в поединке сошлись батальоны танков. Впереди пара оторвавшихся от своих боевых групп титанов обменивалась залпами неистовой энергии, пока вокруг их ног кибернетическая пехота Адептус Механикус сражалась с ордой чумных козлоголовых мутантов. Виднелись следы траншейных сетей и других укреплений, возведённых в более ранних сражениях, когда Парменион пал, но ни одна из сторон не горела желанием их занять. Только ближе к фронту эти отдельные стычки соединялись в грандиозные битвы, где целые ордена космических десантников воевали в грязи со своими проклятыми братьями, а солдаты Астра Милитарум

сражались штыками против когтей, накатывавших на них потоков отвратительных тварей.

Это они также проехали. Иоланта ожидала худшего, когда они оказались в зоне яростного соприкосновения предателей и лоялистов, но “Носорог” миновал их всех незамеченным. Их не просто не замечали. Проходы открывались во фронте, пропуская их. Иоланта произнесла благодарственную молитву, зная, что это было делом рук Императора.

Подобная милость не продлится долго. Для достижения цели Иоланте придётся встретиться с единственным человеком в армии, который несомненно убьёт её за то, что она сделала. Ей нужно встретиться с Робаутом Жиллиманом. Она чувствовала это, как боль в костях, сердце и голове. Тело говорило ей, где находится примарх; Он говорил ей, куда идти.

Они доехали до места, где сражалось большое количество богов-машин. Их туловища и головы терялись во мгле. Было видно только ноги, которые вздымали потоки воды и крови, когда поднимались и опускались на взрыхлённую землю. Высоко над головой сверкали актинические вспышки. Грохочущий треск и необычные стоны доносились с небес, где сражались могучие машины. Иоланта была потрясена, увидев эти грозные олицетворения Императора настолько близко. Их было так много, выстроившихся длинными рядами и фалангами. Война продвинулась так далеко, что сделала полный круг, вернувшись к племенным войнам древних людей, ведомых горсткой чемпионов, стоявших на поле и сражавшихся лицом к лицу, пока одна из сторон не отступит. Изменился только их размер.

- *Старшая Сестра, я определила местоположение левиафана лорда Жиллимана.* - Голос Сестры Верити рассеял чары. Иоланта отвернулась от смотровой щели.

- Доставь нас к нему, как можно быстрее, - сказала она. Транспорт дёрнулся на одной гусенице, как только она произнесла эти слова, немного заскользив, но затем выровнялся. Иоланта посмотрела на девочку. - Судьба Империиума в наших руках.

Двадцать шестая глава

НЕРОЖДЁННЫЕ

Робаут Жиллиман вышел первым, вопреки предостережениям своей охраны.

- Я пойду впереди, как и должен, - настоял он.

Малдовар Кольцюань и Адептус Кустодес неохотно подчинились и последовали за примархом узким полумесяцем. На их флангах шла дюжина чемпионов Сестёр Тишины. Затем высадилась Виктрикс Гвардия, спокойно спустившись по пандусу, они держали оружие высоко и наготове, всматриваясь в безликий туман. Они рассредоточились по грязной слякоти. Раскрашенные доспехи несколько мгновений казались сияющими пятнами, но затем, словно растворившаяся в воде краска, их яркость поблекла во мраке. Туман был густым, как вата. До него можно было дотронуться и придать форму. Пугающая злоба скрывалась внутри кружившихся капель, наблюдая за чемпионами человечества жадными глазами.

Жиллиман изучал стену тумана. Влага покрыла его доспехи. Капли стекали по пластинам брони. Примарх предстал рыцарственным чемпионом из далёкой эпохи, стоявшим у ворот замка своего врага, впереди его ждало завершение поисков, где смерть была столь же вероятным результатом, что и успех. Или так должно было быть. Он что-то увидел... Ничего.

Грохот орудий непрерывно разносился по равнинам на сотни километров. Поступь титанов звучала чудовищным сердцебиением. Слева и справа от левиафана “Гибельные клинки” и “Штормовые молоты” в Ультрамарской геральдике прокладывали путь сквозь опостылевшую грязь. Сверхтяжёлый танк “Астрей” рычал, его гравитационное поле превращало землю в сочащийся блин. Но туман поглощал весь шум. Раскраска выцветала, очертания размывались и блекли, пока бронетехника занимала позиции. Они растворились. Примарх и его окружение как будто потерялись на каком-то пустынном нагорье. Хотя они находились достаточно близко к левиафану, чтобы коснуться его открытого пандуса и искупаться в сиявшем изнутри чистом синем свете, даже он казался далёким. Туман Нургла скрадывал расстояние. Война бушевала везде, кроме того места, где стоял примарх. Перед Жиллиманом раскинулась влажная пустота. Ни врагов, ни брата, только пустота, холод и иссушающая душу сырость.

Не впечатлённый уловкой Мортариона, Жиллиман презрительно фыркнул и быстро отдал приказ в вокс-передатчик.

Несколько сотен пехотинцев космического десанта в доспехах самых разных цветов появились вокруг левиафана и построились: болтеры наготове, тихие и напряжённые, глазные линзы светились, словно у призраков, жёлтые, зелёные, синие и красные.

- Мой брат - трус, - произнёс Жиллиман. Затем обнажил меч Императора и поднял над головой. Клинок окутывали языки пламени, вырывавшиеся и трепетавшие в слабых ветрах далёких взрывов. Туман двигался против ветра, уклоняясь от пламени.

- Мортарион! - воскликнул Жиллиман, доспехи тысячекратно усилили его праведный голос. - Я здесь. Приходи и предстань передо мной!

Тишина.

- Мортарион! Я - твой брат, последний верный сын Императора. Если у тебя осталась хотя бы капля мужества - предстань передо мной!

Громкий голос Жиллимана был поглощён без следа.

Жиллиман опустил меч.

- Предстань передо мной, - сказал он. - Он зовёт меня, но не приходит.

- Он не придёт, милорд. Он хочет спровоцировать вас, - тревожно произнёс Сикарий. Его голос звучал настолько тише, чем у примарха, что был задушен до шёпота.

- Тогда считайте, что у него получилось - ответил Жиллиман. - Он хочет выманить меня, я - хочу выманить его. У нас одна и та же цель в этой войне. Наш бой неизбежен. Я приготовил для него ловушку, как и он для меня. Мне нужен он, здесь и сейчас, чтобы мы покончили с этим делом.

Земля задрожала. Кольцоань посмотрел на затянутые небеса.

- Осталось недолго ждать развязки, - сказал он. - Галатан близко. Его масса тревожит мир. Мы не знаем под чьим он контролем, и скоро он откроет огонь. Это место небезопасно. Мы должны увести вас отсюда.

- Я согласен с трибуном. Вы должны диктовать свои правила, - сказал Сикарий. - Я прошу вас отступить. Пагубные башни...

- Я не отступлю, пока мой брат не предстанет передо мной, - твёрдо ответил Жиллиман.

- Где Нерождённые? - спросил Кольцюань. - Титаны видели их. Псайкеры в левиафане говорят, что здесь находится многотысячная орда.

Он и его воины ждали вокруг примарха, исподволь соперничая с более многочисленной Виктрикс Гвардией за его охрану.

- Они здесь, - сказал Жиллиман. - Просто этот бог болезни склонен к театральности.

В ответ на утверждение Жиллимана раздался настолько тоскливый удар колокола, что все, кто услышал его, испытали резкий приступ меланхолии.

- Они идут! - воскликнул Сикарий.

- Я убью их столько, что Мортарион явится сюда от гнева, - сказал Жиллиман. - Приготовьтесь!

Прокатился второй удар, вздымая туман, подобно дыханию дракона. Появились размытые лица, невнятно бормотавшие на растущем гнилом ветру.

Кольцюань и его воины приготовили клинки копий хранителя. Сикарий зашептал имена потерянной второй роты в личной литании, пока его люди расходились веером. Ударная группа космических десантников рассредоточилась, отделение за отделением, максимизируя эффективность позиций для стрельбы.

- Я - Робаут Жиллиман! - воскликнул примарх. - Я не потерплю ваше присутствие на этом мире!

Усиленное его гневом пламя меча Императора вспыхнул ещё ярче.

Третий удар, теперь близкий и громкий. Туман закружился в муках. Расплывчатые фигуры затанцевали в болезненном экстазе, разделяясь, меняясь, завывая и рассеиваясь.

В ответ проревела воинственная песня военных горнов титанов. Земля задрожала от их поступи. Жиллиман стоял во главе армии металлических богов.

Заиграла музыка, печальные и озорные мелодии на весёлой войне. Из тумана появился карнавал распада. Впереди нёсся ковёр хихикающих приземистых бесов, которые сбивали друг друга, настолько они торопились добраться до свежего мяса. Гудение перекрыло звуки труб и колокола. Ленивые силуэты мелькали наверху. За ними возвышались рогатые звери. Гигантские рои гудящих мух кружились над ордой.

Жиллиман крепче сжал меч.

- Открыть огонь, - произнёс он.

Расположившиеся сзади танки заговорили как один.

Под аккомпанемент грозовой канонады примарх атаковал.

“Носорог” Иоланты направлялся к левиафану. Командный пункт примарха плыл сквозь туман, исчезая и вновь появляясь со сверхъестественным непостоянством. Хотя его гусеницы не двигались, местоположение постоянно менялось. Вот он в четырёхстах метрах, потом в двухстах, а затем в тысяче;

то слева, то справа, а потом едва ли не за спиной.

- Я не могу сохранять курс на командном левиафане, - с нескрываемым разочарованием произнесла Верити. - Он всё время перемещается!

“Носорог” покачнулся, пока она пыталась сохранить выбранное направление.

Девочка пошевелилась и подняла голову. Её волосы стали сальными и гладкими, а кожа побледнела. Лицо покрывал пот. Губ потрескались и побелели, но в глазах сиял золотистый свет, заставляя казаться чистой, как никогда.

- Мы почти на месте, - сказала она. Она посмотрела на Иоланту. - Вы должны отвести меня к сыну Императора.

- Отведу, - ответила Иоланта. - Но сначала вы должны направить нас.

После этого непродолжительного разговора девочка снова опустила голову. Но теперь левиафан оставался там, где и должен был быть. “Носорог” быстро преодолел оставшееся расстояние, приблизившись настолько близко, что оказался под защитой пустотных щитов командного вездехода.

- Остановитесь, - слабо произнесла девочка. - Мы должны идти пешком. Пожалуйста, Сестра, помогите мне. Мои силы уходят.

Её умоляющее лицо тронуло сердце Иоланты. Она была такой юной, и сила внутри иссушала её душу. Но это было неизбежно, когда потеря одной души противостояла потере миллиардов.

Иоланта наклонилась, помогая девочке встать, и вздрогнула от боли в раненом боку. Она позволила ей перебросить слабую и мягкую руку через своё плечо.

- Вы готовы?

Девочка кивнула.

- Тогда мы идём, - Иоланта подняла её. Она почти ничего не весила.

Задняя рампа опустилась на мягкую землю. Внутрь ворвалась сырость вместе с какофонией стрельбы, стонами и ужасными воплями.

Сёстры выбежали наружу. Иоланта последовала за ними, целясь из болтера одной рукой, а другой поддерживая девочку.

Вокруг гремела танковая канонада. Гигантское орудие на передней стороне левиафана обрушивало гром и изрыгало пламя. Девочка испуганно посмотрела на него.

- Не обращайтесь внимания, мы доставим вас на место, - сказала Иоланта.

Шесть Сестёр разошлись веером по обе стороны от неё, водя болтерами в бегущем тумане. Сражение шло своим чередом. Пузырившиеся останки Нерождённых буквально усеивали грязь, изредка встречались трупы Адептус Астартес, чьи яркие доспехи казались чужеродными и разноцветными островками посреди скользкого ила.

- Идём за самым толстым следом из трупов, - сказала Иоланта. - Там мы найдём примарха.

Туман приглушал звуки. Сражение казалось далёким до самого последнего момента, когда они

наткнулись на него.

Слюнявая тварь возникла из тумана без предупреждения и врезалась в одну из Сестёр Иоланты. Зверь радостно облизал её, сжал зубами и подбросил в воздух. Кислота с шипением начала разъедать доспехи. К тому времени, как зверь перепрыгнул через неё, чтобы ещё немного поиграть, она была уже мертва. Всё это произошло прежде, чем остальная группа Иоланты успела отреагировать.

Демонический зверь ткнулся носом в труп и заскулил от разочарования. Первый выстрел заставил его повернуться с новым воодушевлением, от чего копна волос-шупалец неистово закачалась. Его идиотская морда говорила, что где-то рядом появились новые друзья. Он радостно взвизгнул и побежал к ним.

Это была ужасная тварь: помесь моллюска, собаки и человека; коллекция частей тел, которые никогда не должны были становиться одним существом, быстро приближавшимся к смерти и разложению. Но оно было в своём роде живым и полным энтузиазма. Оно булькало, хихикало и лаяло.

Болты врезались в скользкую шкуру чудовища. Полетели куски плоти. Из рваных ран в шкуре засочилась слизь. Зверь побежал.

- Убейте его! - закричала Иоланта. - Немедленно!

Верити отслеживала движения врага, крепко сжимая болтер. Она ждала до самого последнего момента. Она ждала так долго, что Иоланта подумала, что возможность упущена.

Игриво визжа, зверь Нургла мчался к ним.

Оружие Верити выстрелило. Существо заскользило и остановилось, нахмурилось и посмотрело на отверстие в своём чешуйчатом лбу. Текла кровь. Оно издало любопытный звук.

Болт взорвался. Зверь разочарованно заскулил, упал и растворился в почве.

- Их вера не так сильна, как наша, - с удовлетворением отметила Иоланта. - Смотрите, как быстро они распадаются. У повелителей варпа нет власти здесь.

- Их сила ограничена, и они слабеют, - устало сказала девочка. - Но худшее ещё впереди.

Робавт Жиллиман бросился в толпу зловонных существ. Их общепринятым названием было чумоносцы, хотя встречалось и много других. Они царапали его скользкими руками, кожа на которых потрескалась под опухшей плотью. Они лязгали чёрными зубами и стонали его имя. Мечи кристаллизованной смерти, тёмно-зелёные и чёрные, замахивались на него, и пока они сражались, то непрерывно продолжали подсчёты, бормоча бессмысленные числа.

Снаряды погружались в орду, разрывая демонов в клочья, высоко подбрасывая в столбах пламени оторванные руки и ноги, которые прямо в воздухе растворялись в чёрную жижу. Оружие титанов пропахивало плоть и землю, смешивая их и добавляя к туману в виде перегретого пара.

- Вы слабы! - прокричал Жиллиман в лицо гниющей ужасной твари. - Ваши души бессильны в моём царстве! Вы здесь чужие! Убирайтесь назад в грязь, из которой пришли. Убирайтесь!

Меч Императора мелькал вокруг него огненно-оранжевыми дугами. Все демоны, которых он касался, жалобно вопили, когда их сущности сгорали в гневе Императора. Меч являлся могучим инструментом войны против любого врага, но не было оружия лучше против Нерождённых. Наполненный силой

Императора, он сжигал их в ничто, рассекая неестественные души на жалкие полосы психической энергии. Постепенно среди счетоводов Нургла распространилось понимание, что Жиллиман представляет угрозу самому их бессмертному существованию. Они дрогнули и в страхе подались назад, бормоча цифры. Жиллиман ещё сильнее рванулся вперёд, используя их страх перед собой, чтобы глубоко вклиниться во вражеские ряды.

- Я несущу вам конец, истинную смерть, уничтожение ваших злобных душ! В моей правой руке слава Повелителя Человечества! Вам нет здесь места!

Меч рубил. Меч рассекал. Меч ревел огнём. Его прикосновение несло гибель любому демону, и они падали в ошеломляющем количестве перед Жиллиманом. Трибун Кольцюань и его воины держались близко к примарху. Они сражались отдельно друг от друга, каждого золотого воина окружала масса болезненных тел. Копья хранителей гудели в воздухе размытыми пятнами, отсекая конечности и разрубая тела. Они были воинами-индивидуалистами, следовавшими уникальными путями. Их техники принадлежали только им, и не повторялись никем, кроме них самих.

По дуге вокруг облачённого в синие доспехи примарха и его золотых телохранителей сражались Сёстры Тишины. Там, куда они шли, Нерождённые вопили и умирали, их сущности распрыскали нулевые поля подобных бездне душ Сестёр.

Капитан Сикарий и Виктрикс Гвардия олицетворяли другую грань воинского мастерства. Если Сёстры и кустодии сражались разрозненными группами или по отдельности, космические десантники действовали единым подразделением, каждый был частью машины разрушения. Их болтеры гремели в унисон, истребляя демонов десятками. Дальше, другие космические десантники, не столь величественные, наступали крыльями клина, острием которого был Жиллиман, всё глубже погружаясь в орду и расширяя разрыв. И позади них катились сверхтяжёлые танки Ультрамара, орудия которых повергали демонов в упор, и поэтому их геральдические изображения покрывала свернувшаяся кровь и слизь распавшихся тварей варпа.

Тишина стала водоворотом, а Жиллиман его центром.

Гигантские мухи жужжали в небесах, их наездники бросали гнилые головы в следовавшую за танками пехоту. Жиллиман не использовал смертных воинов в своей атаке, но даже космические десантники падали, когда головы взрывались облаками прожорливых спор, даже их тела опустошали выпущенные ими болезни. Мимо промчались мотоциклы Белых Шрамов, снежная буря белых и развевающихся вымпелов. Прыгающие звери нежно облизывали танки, кислотная слюна разъедала броню и подвергала экипажи воздействию ядовитого воздуха. Варп-энергия поражала боевые машины. Нурглинги вливались в разбитую бронетехнику. Космические десантники сражались с демонами, сила которых противоречила их тщедушной внешности.

Демоническая орда сдержала имперское наступление. Линии войск остановились, но не там, где шёл Жиллиман. Он пробивался вперёд, когда танки увязли под тяжестью тел и космические десантники отстали. Рядом были только Виктрикс Гвардия и Когти Императора.

На полях Гекатона царил столпотворение. Когда-то братоубийственные битвы времён Ереси казались Жиллиману верхом безумия. Это было до того, как он стал сражаться непосредственно против сил, которые манипулировали его братьями, отравили их сердца и привели человечество на грань апокалипсиса. Бой с демонами означал бой с кошмарами. Они являли собой больные лихорадочные грёзы безумных и извращённых разумов, одиноких и испуганных. Каждая прихоть, каждое тёмное

желание, каждая заблудшая мысль являлась семенем, которое проросло в бурлении варпа. Легионы демонов шагали по земле Терры во время осады. Долгое время Жиллиман задавал себе вопрос, почему его отец держал тайны варпа при Себе. Он сражался с демонами так много раз, что их невозможность стала нормой. Но только после пробуждения и обнаружения Cicatrix Maledictum он и в самом деле понял то, что пытался сделать Император, что не эти твари являлись подлинными врагами его отца, а скорее их источник. Раскрытие правды о демонах усилило бы их чрезвычайно, потому что люди никогда не смогли бы больше не думать о них.

Император пытался спасти человечество от ужасов разума самого человечества.

Вселенная повисла на грани разрушения. Равновесие настолько сместилось в сторону зла, что Жиллиман не видел возможности склонить чашу весов в другую сторону. За пределами поля боя капризы судьбы давили на него тяжким грузом.

В такие же моменты, это не имело значения. Жиллиман освобождался ото всех своих устремлений к порядку и прогрессу. Он давал выход всем своим умениям разрушения. Сражения за смертного человека – вот то, ради чего он был создан, освобождая Императора для ведения высшей войны.

Робаут Жиллиман был живым оружием.

Раздались взрывы, когда приказы пробились сквозь забившие вокс-частоты демонические голоса. Артиллерия пристрелялась. Штурмовые корабли ревели, сбрасывая зажигательные бомбы с идеальной точностью.

Демоны играли свою адскую музыку всё громче. Теперь Жиллиман прорубался сквозь их более могучих солдат: высоких чемпионов, опустошённых гнилью полководцев, гигантских тварей с полными щупальцами пастями. Он поверг слоноподобного многоглазого зверя и прорвался к жуткому марширующему оркестру флейтистов, игравших на перфорированных берцовых костях, и волынщиков, хрипевших в живые желудки. Барабаны с кричащими лицами, плачущие колокола, все виды безумия вспыхивали перед его глазами, прежде чем огонь меча поглощал их и превращал в пепел.

Жиллиман разрубил стенающего чумоносца и оказался на открытом месте. Шесть гигантских существ неуклюже окружали его. Они были разными: толстыми и худыми, грустными и весёлыми. Но все они гнили. И воняли. И несли гигантское оружие из ржавого железа и покрытой патиной бронзы.

- Так, так, так, не самый ли занудный сын Анафемы перед нами? – произнёс один, ковыляя вперёд и занимая место их представителя. Он снял с плеча ржавый боевой цеп с замшелыми каменными черепами. **- Я искал тебя. Я - Септик Седьмой, седьмой повелитель седьмого поместья, и открыто говорю тебе об этом. Ни один смертный не может назвать меня и удержать в своей власти, и уж тем более не ты.**

Залитый зелёной кровью Кольцоань ворвался в кольцо, когда Жиллиман взревел и замахнулся пламенным мечом. Септик Седьмой расхохотался и размахнулся над головой боевым цепом.

- Тогда давай начнём, Робаут Жиллиман, – сказал он. **- Я с нетерпением ждал этого.**

Демоническое железо встретилось с божественным огнём. Ударная волна обрушилась на гигантов, отбросив меньших существ. Септик сжимал дымящиеся остатки своего оружия. Кольцоань звал к себе кустодиев. Вместе с ними появились Сёстры, как и поредевшая вдвое Виктрикс Гвардия. Громкие приказы воинов Жиллимана казались не важными в этом кольце плоти. Противостояние между примархом и заместителем Ку'гата приковало внимание всей вселенной.

- **Это было интересно**, - произнёс Септик. Он достал из-за спины огромный меч, и слизал яд с лезвия влажным и покрытым язвами языком. - **Попробуем ещё раз, а?**

И бой начался всерьёз.

Двадцать седьмая глава

ПЛАН ИМПЕРАТОРА

Ку'гат старался не вступать в рукопашный бой. Он довольствовался тем, что швырял во врагов банки с культивированными болезнями, которые брал с полок своего паланкина. С его скользких пальцев срывались разряды варп-энергии, повергая воинов во вспышках колдовской энергии. Из рта вылетали зловонные ветра, от которых трескался керамит и сползала плоть.

Остальные лорды Гвардии Смерти сражались когтями и мечами в рядах смертных. Долговязый пробивался сквозь группы космических десантников, опрокидывая их дико раскачивавшимися покалеченными ногами и разбрасывая худыми руками, пока их болты погружались в его тело, не причиняя никакого вреда. Пестус Тран забавлялся с полуротой воинов в ярких доспехах. Голод душил людей под своими широкими складками плоти. Смертные сражались слишком хорошо и упорно, чтобы Ку'гат чувствовал себя в полной безопасности. Их танки пробивались сквозь демоническую орду и почти окружили его позицию. Большие группы военных машин прорвались сквозь линию верных Нурглу титанов, устроили опустошение среди его воинов и направились к Пагубным башням. Артиллерийский огонь волновал туман. Облака мух и гудящих чумных трутней сохраняли небо свободным от машин, но это являлось мимолётным преимуществом. Множеству смертных воинов на стороне Ку'гата не хватало физической стойкости, и их безжалостно истребляли. Только сыновья распада Мортариона, Гвардия Смерти, сдерживали врага и в редких местах теснили.

- **Чёрт бы вас всех побрал**, - проворчал Ку'гат. - **Такому существу, как я, здесь нечего делать.**

Он бросил грязную колбу в наступавшие танки. Стекло разбилось об щиток гусеницы и по ней растеклось липкое месиво. Танк проехал ещё несколько метров, прежде чем распространявшая со скоростью лесного пожара ржавчина разъела пластины брони и заклинила гусеницы. Орудия продолжали стрелять, но вскоре и они уступили коррозии. Застрявший в неисправном стволе снаряд взорвался, подбросив турель в приглушённом хлопке пламени. Другой великий нечистый пришёл бы в восторг от такого пожирающего металл вируса, но Ку'гат только вздохнул и апатично пронзил Ультрадесантнику голову деревянной щепкой, которую он наколдовал в воздухе.

- **Я должен быть на Иаксе и варить величайшее проклятье**, - простонал он. - **Или я больше не буду улыбаться, никогда, клянусь. Почему у меня ничего не получается?**

Септик же напротив наслаждался. Недалеко от своего хозяина он, хихикая, сражался с примархом. Его гигантский меч со свистом рассекал воздух, встречая оружие Жиллимана в серии звонких столкновений, которые выбрасывали сгустки огня и яда. Там, где яд брызгал на доспехи судьбы, они покрывались пузырями. Там, где огонь касался Септика, из плоти поднимался чёрный дым, но веселье никогда не покидало его.

- **Почему я не могу получать такое же удовольствие от войны?** - проворчал Ку'гат. - **Почему?**

Мимо пролетели отряды чумных трутней, их рваные крылья казались размытыми пятнами, черепа дождём лились на слуг Трупа-Императора.

- Я просто хочу, чтобы вы остановились. Разве вы не видите, – обратился Ку'гат к воинам Императора, **- вы все так заблуждаетесь.** – Он наклонился вперёд, заставив нурглингов нести его ближе к аудитории. **- Ваш бог - лжец, и при этом ещё и молчит. Он даже не говорит! За все ваши усилия во имя Него Он дарует вам только улыбку трупа. Вы умираете, а затем ваши сущности отправляются угасать в диком и диком варпе. Но!** – объявил он. **- Если вы придёте в сад Нургла, вас ждёт иная судьба. Сад - рай для всех, где ничто никогда не умирает. Каждая душа, каждая жизненная сила, от мельчайшего вируса до величайшего зверя могут снова возродиться из жижи. Нет ни смерти, ни боли, а страдание - это сладкая и постоянная радость! Ваш бог не предлагает ни возрождения, ни надежды! Почему вы сражаетесь за Него?**

Его проповедь не возымела никакого эффекта. Космические десантники остались глухи к словам Ку'гата.

- Хорошо, – обиделся он, **- вы сами запросились.** – И продолжил их убивать вместо увещаний.

Толстозадого первым изгнали в варп. Его окружили с трёх сторон Кустодианская Гвардия и сыны-солдаты Жиллимана. Изрешечённый болтами так, что большинство внутренностей просто вывалились, он ослабел. Сёстры Тишины направились к нему, чтобы прикончить.

Встревоженный их приближением, грозившим истинной смертью, Толстозадый мощно пёрнул и отрубил себе голову своим же мечом. Ку'гат засопел, когда душа Толстозадого с воплем покинула смертное царство. Это было нехорошо, совсем нехорошо. Он погиб слишком легко. Поток варпа для демонов на Парменионе был ручейком, слишком слабым, чтобы поддерживать их без связи с часами Мортариона. Их время истекало.

- Ох, лорд Мортарион, где вы? – обратился Ку'гат к небесам. Он нервно наблюдал, как Долговязый сошёлся в поединке с предводителем кустодиев.

Ещё один взрыв душевной силы сотряс плоть мироздания. Невидимый для сражавшихся смертных, он являлся болезненным светом для глаз демонов, поскольку освещал поражение. Он сиял над бедствием. Ку'гат стал искать источник света и увидел Бубондубона, который лежал на спине, раскинув руки, его смеющийся рот замолчал, пока его труп растворялся в свернувшуюся слизь и множество корчащихся личинок.

- Не может быть, ох, нет! – произнёс Ку'гат. **- Бубондубон больше не улыбается!**

Изгнание двух великих нечистых дорого обошлось смертным, но армия Жиллимана всё равно ликовала и развивала полученное преимущество. Кустодии отправили сотни чумоносцев назад в палаты Дедушки, где они будут ожидать снисхождения своего бога. Им повезло. Сёстры Тишины убивали их соплеменников десятками, разрывая души в клочья и уничтожая навсегда.

Ку'гат нервно облизал губы. Успех полностью покоился на плечах Септика. "Ему может потребоваться помощь", – подумал Ку'гат. Он осмотрелся. Долговязый продолжал сражаться с лордом в золоте. Пестус Тран вопил и бил атакующих безумно звеневшим ручным колоколом, от раскатов которого ближайшие демоны бросались в радостный пляс. Голод продолжал перекатываться, как сорвавшаяся мясная бочка в трюме попавшего в волю шторма корабля. Жиллимана отрезали от остальных, но он всё равно оставался очень могучим. Дела складывались не самым лучшим образом.

Ку'гат всплеснул руками. **- Сам я, конечно, помочь не могу,** – пробормотал он. **- Я - слишком**

важный. - Он боялся клинка примарха. - **Если я нападу, то могу умереть, навсегда! Давай, Септик, пусти кровь, всего капельку, это всё, что нам нужно для связывания.**

Его нос дёрнулся. Тревога ушла. Он почти улыбнулся. Кровь скоро прольётся. Он почувствовал её запах, приближавшийся по извилистым путям времени.

Жиллиман сражался с ужасающим мастерством. "Он, - подумал Ку'гат, - по-своему тоже бог, пусть и выращенный в колбе, самом безбожном месте творения даже в сравнении с его собственным недостойным рождением в котле Нургла". Но он сражался как бог, неустанно, мощно, со скоростью, с которой не мог сравниться ни один смертный и мало кто из демонов, хотя и он совершал ошибки. Ку'гат был тесно связан с божественным. Он знал, что ни один бог не мог полностью избежать ошибок.

Жиллиман вырезал пылающую борозду в брюхе Септика. Хихиканье великого демона достигло ещё более высокой ноты, когда смех сменился криком, но он подавил боль, и пока примарх готовился нанести следующий удар, вытянул руку. Крошечный просвет появился перед Септиком. Длинный чёрный коготь погладил руку примарха. Хотя он и покрылся пузырями в нечестивой ауре, окружавшей сына Анафемы, он сделал свою работу, зацепившись за мягкое уплотнение локтя Жиллимана и открыв место между наручем и наплечником.

Тело примарха закрылось. Его иммунная система приговорила лучшие болезни Септика к быстрому исчезновению. Доспехи выпустили герметизирующие гели, которые запечатали ребристый гиперпластик, но не раньше, чем единственная капля крови полубога выскользнула из раны и упала, искрясь, на землю.

Септик торжествующе завопил:

- Пора, дорогой Ку'гат, пора!

- **Ох-хо!** - воскликнул Ку'гат, почти испытав что-то похожее на счастье. Он высоко поднял левую руку и щёлкнул пальцами.

Произведённый шум был не телесным щелчком, а ревущим раскатом грома. Гниющие рога громко запели, а за ними и скрытые в туманах башни. Они обратили печи душ к новой цели. Грязные линзы на их вершинах со скрипом повернулись.

В тумане мелькнуло что-то зелёное. Извивавшиеся лучи энергии вырвались из мглы, по одному от каждой из невидимых башен. Первый обвил запястье Жиллимана, когда он поднял клинок, собираясь ударить Септика. Второй обернулся вокруг шеи. Третий - талии. Каждая петля хватала его и удерживала, пока полностью не обездвжили.

Септик злобно усмехнулся. Ку'гат торжествующе завопил:

- Мы схватили его! Мы схватили примарха!

По зову Ку'гата холодные нисходящие потоки воздуха разогнали туман. С небес спустился Повелитель Смерти, Мортарион, примарх Гвардии Смерти. Он приземлился, расправив крылья и сжимая Тишину. Земля задрожала.

Мортарион шумно вдохнул воздух сквозь респиратор. Клубы горчично-жёлтых паров вырвались из нижней половины маски.

- Привет, брат, - произнёс он.

Жиллиман пытался освободиться от пут. Сражавшийся с ним демон отступил и злорадствовал. Битва продолжала идти своим чередом. Имперская бронетехника наступала на врага. Кольцоань и остальные по-прежнему сражались в своих схватках, не имея возможности помочь своему господину с оставшимися лордами Чумной Гвардии. Он не мог пошевелиться. Энергетический хлыст вокруг его руки с мечом был самым слабым, его варп-энергии истощались силой меча Императора. Возможно, со временем он сможет освободить её. Но у него не было времени.

Жиллиман посмотрел на лицо брата. Как и Фулгрим и Магнус, Мортарион больше не был созданием, сотворённым древней наукой, он стал чем-то большим и меньшим: получеловеком, изменённым Хаосом.

Мортарион всегда был выше брата, но как демон он стал настолько больше, что сравнение в росте потеряло всякий смысл. Для Жиллимана Мортарион стал существом другого порядка: полубогом, переделанном в чудовище, как в детской сказке. Угрюмое лицо под капюшоном прогнило до кости. Глаза были белыми, кожа – серой, из видневшейся поверх респиратора бесплотной дыры на месте носа свисала слизь. Всё оставшееся в нём человеческое раздулось до нелепой степени и позолотилось безумием.

За его спиной развернулись два гигантских крыла, как у летучей мыши. Не избежало изменений и его военное снаряжение. Первоначально белые барбаранские доспехи поменяли цвет на водянисто-зелёный, покрылись блестящими язвами и увеличились в соответствии с новыми размерами своего хозяина. Вонючие кадилницы и безделушки свисали на цепях, демонстрируя верность Мортариона богу чумы. Боевая коса стала величиной с мачту связи и нарастила костяные оборки. Его ксенопистолет, Лампион шенлонги, изменился меньше всего и только увеличился.

Из-под мантии Мортариона изливалось свечение, стелясь по земле и заполняя туман призрачными лицами. Демонические мухи и клещи летали вокруг него торжественными кругами, неся символы ложной религии.

- Наконец-то мы встретились, брат мой, – произнёс Жиллиман.

Мортарион усмехнулся:

- Ты говоришь так, словно поставил меня на колени и победил в бою! После десяти тысяч лет ты так и остался напыщенным. Оглянись вокруг. Ты мой. Я победил.

- Ты ещё не победил.

- Если это не победа, – сказал Мортарион, – то мне, видимо, стоит обратиться к одному из твоих утомительных руководств, чтобы лучше ознакомиться со значением этого слова.

- Ничего ещё не закончено.

Жиллиман продолжал пытаться освободить руку, пока говорил. Мортарион посмотрел на меч Императора.

- Вижу отец дал тебе Свой клинок. Или ты забрал его с Его мёртвых колен? Полагаю, что это не важно. Ты не сможешь воспользоваться им против меня.

- Сразись со мной, трус, – прорычал Жиллиман. Пламя меча Императора вспыхнуло ярче.

Мортарион рассмеялся:

- Ты думаешь, что я опущусь до того, что стану сражаться с тобой, брат мой? Посмотри на меня! – Он широко расправил крылья, обдув Жиллимана чумными ветрами. **- Ты настолько ниже меня. Я могуשתвеннее, чем ты когда-либо сможешь стать. Почему я должен впустую тратить силы на то, чтобы раздавить такое насекомое, как ты?**

- Вместо этого ты поберегаешь свою порчу для моих людей, которые вообще не могут тебе сопротивляться, – произнёс Жиллиман. – Как благородно с твоей стороны.

- Порчу? – спросил Мортарион. **- Вот что ты видишь? Я приношу им спасение из созданного нашим отцом ада. Я приношу им радость бесконечного возрождения. Я приношу им жизнь.**

- Ты называешь себя полководцем-пророком. Но ты – раб. Мне жаль тебя, брат, ты обманываешь самого себя.

- Это ты – раб! – прошипел Мортарион. **- Раб нашего равнодушного отца, который создал нас выполнять Его приказы! Ты – кто шёл по проложенному Им пути без вопросов, абсолютно поверивший в сказанную Им ложь, слишком глупый и доверчивый, чтобы усомниться в услышанном. Ты никогда не видел, что Он сделал со мной. В первый раз, когда я встретил Его, Он украл борьбу всей моей жизни. Это ничего не значило для Него – просто ухаж на Его ровном пути к божественности. Он без колебаний взял то, ради чего я работал и страдал! Он назвал себя Императором! Какое создание имеет право претендовать на такой титул? Кто берёт и берёт привязанности Своих сыновей и даёт так мало в ответ? Он даже не соизволил назвать нам Своё имя! Ты проглотил всё это, отравленное молоко нашей машинной матери, Он создал машины, такие как мы. Я попробовал Его путь. Я никогда не должен был отказываться от своих принципов. Но я сделал это. Я был чемпионом простых людей. Я покинул их ради галактического деспота. Теперь я снова служу людям.**

Мортарион уставился на Жиллимана молочными глазами, словно бросая ему вызов возразить сказанному.

- Если я – марионетка равнодушного хозяина, тогда кто ты? – спросил Жиллиман. – Существо, которое буквально купается в силе варпа и кричит о ненависти к колдовству? Игрушка для порчи и болезни? Ты долго и упорно выступал против психических сил, заявлял о полном бесстрашии и неукротимости, с которыми никто не может сравниться, и всё же столкнувшись со смертью, с самым главным вызовом, ты потерпел неудачу.

Мортарион вздрогнул и поднялся в воздух, быстро замахав насекомоподобными крыльями.

- Ты не знаешь, о чём говоришь! Ты не знаешь, как это было! Мне показали глубины таких страданий, которые ты никогда не сможешь понять, и когда смерть манила, мне дали силу противостоять им.

- Я не знаю страдания? – холодно рассмеялся Жиллиман. – Я видел, как мои братья, многих из которых я любил и всех уважал, повернулись спиной к нашему создателю и погрузили галактику в войну. Я видел, как человечество потянулось к золотому моменту мира, коснулось его своими пальцами, и затем я увидел, как ты и остальные плюнули на него и разорвали. Я умер от руки своего брата. Я проснулся в галактике настолько далёкой от великолепного просвещения Императора, что она напоминает ад катериков. Ты повернулся спиной ко всему, что обещал отстаивать, малодушно и не задумываясь. Куда пропал мой брат, который мог выдержать любую бурю, тело которого отвергало любой яд, который никогда, никогда не сдавался? Что с ним случилось? Прежний Мортарион никогда не позволил бы этому

произойти. Он умер бы с честью. Ты должен был видеть, как твои воины превращаются в этих неуклюжих чудовищ, и понимать, что тебя ждёт, если ты скажешь спасению “да”. Ты, называвший себя сильнейшим из нас, устрашающим, повелителем любой боли или недуга! Какими пустыми эти слова кажутся мне сейчас. Я, по крайней мере, знаю, кто я. Я смотрю на себя, и пускай я видел много неудач, я знаю с непоколебимой уверенностью, что исполняю долг, ради которого был создан. Я сражаюсь за сохранение человечества.

- *Другими словами ты не сражаешься за Императора?* - вкрадчиво спросил Мортарион.

- Я сражаюсь за то, во что Он верил.

- *Адвокатская отговорка. Ты сражаешься за себя.*

- Я остаюсь чемпионом человечества, тогда как ты - прислужник зла.

- *Я?* - переспросил Мортарион, мягко взмахнув крыльями. - *Тогда скажи мне, Робаут, если наш отец был таким хорошим, посмотри мне в глаза и скажи мне, что Он любил всех нас, как любой отец должен любить своих сыновей.*

Жиллиман смотрел на него, в гневе стиснув зубы.

Мортарион рассмеялся. Смех начался с хрипа в его забитых мокротой лёгких, поднялся по сухому горлу и щёлкнул зубами за дыхательной маской, прежде чем зашипеть в клубах жёлтого газа.

- *Ты же знаешь, не так ли, Робаут? Ты видел это.* - Он погрозил брату длинным костлявым пальцем. - *Я знал, что в тебе что-то изменилось.* - Он наклонился ближе. - *Ты говорил с Ним на Терре. Скажи мне, что Он сказал? Он молил об освобождении? Он просил тебя освободить Его с Золотого Трона?*

Жиллиман промолчал.

- *О, брат мой, этого не может быть,* - произнёс Мортарион в притворном ужасе. - *Он ничего не сказал? Наш отец мёртв?* - Он отступил и покачал кадавровой головой. - *Конечно же Он не мёртв, не так ли? Не в реальном смысле. Такие сущности как Он находятся за пределами смертности. Ты так заблуждаешься. Он искал божественность и в известном смысле нашёл то, что хотел. Он - Бог-Труп, лорд смерти, более ужасный и мерзкий, чем принявший меня дедушка, который предлагает своим последователям дар бесконечного обновления!* - Мортарион взмахнул Тишиной. - *Ты смотришь на эту землю и видишь только разрушение. Ты должен стыдиться, что не видишь потенциал Нургла. Где ты видишь разрушение, я вижу одну из фаз цикла смерти, возрождения, плодородия и распада. Это великолепно, красочно, жизненно! Настолько больше, чем бледная ложь нашего отца. В варпе можно познать все тайны,* - сказал Мортарион. - *Он вне времени и вечен. Всё происходящее здесь бесконечно отражается там. Каждый момент можно увидеть, каждую ложь - услышать, каждое нарушенное обещание - пережить вновь. Я был глубоко внутри, далеко от сада Нургла, куда тайны слетаются подобно трупным мухам. Там я нашёл много интересного. Знаешь, зачем Он создал нас?* - Он отвёл косу назад. - *Думаешь, что ради привязанности? Полагаю, что когда я покалечу тебя, и ты будешь лежать слепой и беспомощный в железной клетке, моля о смерти, то я смогу рассказать тебе, и тогда твои красивые слова будут гореть в твоём рту.* - Мортарион издал позади маски влажный сдавленный звук. Его внимательный взгляд скользнул по конечностям Жиллимана. - *Но это ещё*

вперед. Думаю, начну с ног, – сказал он. – Больше они тебе не понадобятся. Не волнуйся, брат мой, коса острая и будет не слишком больно.

Тишина опустилась.

Ослепительный свет остановил её в воздухе.

Малдовар Кольцюань, трибун Адептус Кустодес, стал первым, кто увидел приближение девочки.

Он сражался с длинноруким демоном с большими ногами, который прорывался сквозь имперские порядки, словно хромая обезьяна, пока трибун не встал у него на пути, не схватил за грязную истощённую руку и не притянул к себе. Их поединок продолжался до сих пор.

Болтер на копье вспыхнул, выпустив разрывные снаряды в упор, вырывая кратеры в плоти твари. По шкуре чудовища лилась чёрная кровь. Оно не сдавалось. Оно блокировало удары твёрдыми, как железо предплечьями, отбивая его клинок. Враг был безоружен. Он представлял собой немногим большее, чем обёрнутую разлагающейся плотью коллекцию костей, рёбра отчётливо виднелись сквозь его дряблые мышцы, но он был чудовищно силён, и опирался на одну руку, нанося удары другой. Мерзкие жидкости постоянно сочились из парализованной задней части его тела. Моча стекала между узловатыми бёдрами. Фекальные отходы брызгали на золотую броню Кольцюаня, пока он уклонялся и атаковал. Его доспехи не могли противостоять ударам грязных лап, только скорость позволяла трибуну оставаться в безопасности. Кустодианский Гвардеец был огромным в полных доспехах, но двигался с ангельским изяществом.

Кольцюань не доверял мотивам Жиллимана. Он был среди нескольких несогласных в рядах Десяти Тысяч, кто задавался вопросом об истинных намерениях вернувшегося к Трону примарха. Но Хаос он ненавидел сильнее. Когда Жиллимана поймали в ловушку и Мортарион приземлился перед примархом, он закричал, призывая кустодиев пробиваться к Жиллиману. Путь им преградила стена демонической плоти. Четыре великих демона всё ещё неистовствовали на поле битвы, игнорируя атаки, способные разрушить скальные утёсы. Бесчисленные меньшие демоны нападали со всех сторон. Двоих его воинов повергли, их золотые фигуры втоптали в грязь. Тварь, которую он не подпускал к последнему из живых верных сыновей Императора, зарычала и рыгнула от радости, и с удвоенной силой атаковала его своими длинными руками.

– К примарху! – закричал он. – К примарху!

Демонический смех заклокотал в опустошённом болезнью горле. Проклятая тварь похоже не имела собственного голоса, изъясняясь только с помощью насилия и веселья. Кольцюань нанёс быстрый колющий удар, оттесняя врага. Демон вертелся на заскорюзлых нижних конечностях, уклоняясь от каждой атаки.

И затем в самый отчаянный момент появилась она: девушка шагала сквозь толпу порождённого магией зла, словно прогуливалась по рыночной площади. Рядом шла Сестра Битвы, сопровождающая, ставшая герольдом. Девочка светилась золотом и ступала легко. Хотя землю размягчили до состояния грязи, её ноги не оставляли следов там, где её спутница поскользнулась и боролась за каждый шаг.

– Святая Тироса, – прошептал он сам себе. Он не мог подобрать никакое другое слово. Время замедлилось. Звуки сражения отступили на неземное расстояние. Его копьё остановилось. Бой покинул его. Девочка затронула что-то внутри него, что заставило его забыть, где он находился.

Её глаза были пустыми, а кожу покрывали пятна. Волосы на голове торчали во все стороны. Лёгкое белое платье было в ожогах. Она казалась невероятно хрупкой, но вокруг неё распространялось мягкое сияние, которое росло, пока она приближалась к двум примархам, просачиваясь между сражавшимися, заставляя туман пылать, превращая его из чего-то грязного в сеть великолепного света. Кольцоань не мог отвести от неё взгляда. Разговор братьев-примархов исчез из его ушей. Противостоявшее ему существо перестало его интересовать. Он мог погибнуть, быть убитым демоном, но Нерождённый также был зачарован. Лишённая плоти перегородка его носа задрожала, когда девочка прошла мимо. Демон поднял дрожащий палец и заговорил шипящим и мычащим голосом, хрипя и задыхаясь могильной пылью:

- **А...на...фе...ма...**

Одно слово. Оно поплыло к девочке, мягкое, как шёлк на ветру.

Время остановилось. Атомы прекратили движение. Свет повис в неподвижном воздухе. Брызги крови образовали прочные арки над полем битвы, болты зависли в полёте, свечи их двигателей замерли. Вечный холод сковал Кольцоаня. Только он по непонятной причине мог свободно оглядываться. Все воины неподвижно застыли в живой картине. Жиллиман напрягся в путях живого света. Мортарион поднял косу над головой.

Но хотя всё прекратило двигаться, словно вселенная на мгновение попала в ловушку, столь же иллюзорного мгновения, как пикт из воды, девочка продолжала идти. Она повернула голову и посмотрела на Кольцоаня. На её лице светились древние, как само время золотые глаза, изо рта вырывалось звёздное сияние.

Под украшенным шлемом Кольцоань открыл рот.

- Милорд? - прошептал он.

Остановленное время прорвалось, запустив часовые механизмы реальности. Снова развитие событий катилось своим неостановимым курсом.

Всё остановившееся помчалось вперёд, восстанавливая упущенные секунды и произошло мгновенно.

Долговязый демон покачнулся на парализованных нижних конечностях, поражённый увиденным. Кольцоань первым пришёл в себя, и взмахнул копьём по широкой дуге. Клинок со свистом рассёк воздух, соединив Кольцоаня с шеей Нерождённого мостом энергии. Демон повернулся ударить в ответ. В этот момент его чудовищная голова слетела с плеч. Душа улетела в вихре мух, а тело превратилось в ничто.

Девочка шла по воздуху над рукопашной схваткой. Из земли появился купол света. Он расширялся со скоростью света, захватывая всё в своём сияющем радиусе. Люди и космические десантники пошатнулись. Нерождённые закричали. Оружие Мортариона было поймано за мгновение перед тем, как успело опуститься.

Подул сильный ветер, разогнав туман. Вокруг девочки он просто исчез. Дальше он быстро отступал, открывая поле битвы всё больше и больше, пока не остались скрытыми только самые дальние пределы. Пробилось солнце и осветило истерзанную равнину. Меньшие Нерождённые испарялись, подобно льду в печи, с воплями изгнанные назад в имматериум. Большие шатались, их тела терзало сияние девочки. Их кожа покрывалась пузырями. Глаза запекались в головах. Они выли и кричали. Мортариона, который сейчас был больше демоном, чем человеком, отшвырнуло назад, его крылья свернулись вокруг тела.

Сдерживавшие Жиллимана путы разлетелись на пылающие пылинки и примарх освободился.

Жиллиман не стал тратить время на размышления о странности своего освобождения, а сразу шагнул вперёд, взмахнув мечом отца.

- Хватит, Мортарион! Теперь ты встретишься со мной лицом к лицу и получишь по заслугам за предательство! - воскликнул Жиллиман.

Повелитель Смерти покачиваясь встал на ноги и поднял косу, но не повернулся, чтобы атаковать неиспорченного брата. Вместо этого он взмахнул за спиной Тишиной, её лезвие оставило разрез во времени и пространстве. Первым туда бросился демон Ку'гат. Его паланкин остался на поле битвы в виде объятых пламенем обломков, а его спина была охвачена огнём.

- Я встречу с тобой лицом к лицу, Робаут Жиллиман, - сказал Мортарион, - на Иаксе. Следуй за мной туда, где произойдёт наша последняя битва. Мы закончим с этим, ты и я. Ты лишишься жизни, и я заберу твоё королевство себе. На Иаксе!

- Стой, трус, будь ты проклят! Вернись и сразись со мной! - проревел Жиллиман.

Мортарион покачал головой и шагнул в разлом. Он закрылся позади него.

- Мортарион! - закричал Жиллиман. - Мортарион, ты - вероломный ублюдок! Вернись!

Примарх издал бессловесный рёв. Разочарование и гнев кипели в его теле. Он сорвал шлем доспехов судьбы и закричал в прояснявшееся небо. Его лицо было красным. Вены на шее вздулись. Кольцоуань никогда не видел у Жиллимана такое выражение лица.

- Мортарион!

- К примарху! - снова воскликнул Кольцоуань. - Защитите примарха!

На этот раз его воины смогли исполнить приказ.

Септик Седьмой оказался в ловушке. Кожа слезала обожжёнными полосами с его спины, пока он ковылял к разлому в варпе, и добрался до него прямо в тот момент, когда тот захлопнулся за спиной Мортариона. Он развернулся, смаргивая жир с глаз. Его контроль над реальностью слабел. Тело было ранено и распадалось. Земля дрожала от подземной лихорадки. Звёздная крепость приближалась.

Остальные пали, их связи с непостоянными телами перерубили, а души вышвырнули из мира назад в кипящую энергию варпа. В его течениях их рассеянные сущности преобразуются и робко потянутся назад к саду Нургла, где возродятся из стручков величественных искривлённых пастей, если Дедушка простит их неудачу. Долговязый присоединился к Толстозадому и Бубондубону в их путешествии сквозь завесу. Другие скоро последуют за ними. С жировой прослойки Пестуса Трана полностью содрали кожу, которая теперь лежал вокруг него, словно выброшенная одежда. Кожа на ногах сморщилась вокруг лодыжек, как брюки у удивлённого человека в момент одевания. Он ослеп, его великое чумное оружие валялось в грязи. Реальность сильно давила на всех них, пока энергии варпа мчались прочь с Пармениона.

Голод лежал в собственном наполовину расплавленном жире и не мог подняться. Меньших Чумных Гвардейцев уже изгнали или неудержимо приближали к этому. Прямо на глазах Септика чумные трутни

в полёте рассыпались прямо в воздухе в ничто. Нурглинги лопались, как печальные воздушные шарики. Имперская армия неудержимо наступала. Трана окружили сорок космических десантников и разорвали в клочья тысячью болтов. Голод встал на ноги триумфальным смешком, но обнаружил, что смотрит прямо на главное орудие “Штормового молота” и разлетелся на мелкие куски. Их души уходили, воя от муки, но уверенные в возрождении.

Септик и сам проходил через подобное бесчисленное число раз, но он боялся, что этот станет самым последним.

Робавт Жиллиман набросился на него в бешенстве, достойном его брата Ангрона. За мечом тянулся полумесяц огня, который обжигал Септика, не касаясь его, изгибая края его чёрной души своим яростным жаром.

- **Перемирие! Предложение!** - закричал Септик, останавливая меч Императора своим клинком. Глубокие слои его сущности дрожали от звона металла о металл.

- Говорить? С тобой? Я уничтожу вас всех! - взревел Жиллиман. - Всех вас: демонов, чумных чудовищ, вестников изменения, почитателей крови. Я вышвырну тебя в ничто. Я сотру вашу порчу из существования. Я не буду знать покоя, - воскликнул он, снова вскинув оружие Императора одной рукой над головой и атакуя, но Септик отклонил удар, - пока каждый из вашего мерзкого вида, - Жиллиман нацелился Септику в живот, и снова великий нечистый парировал атаку и отступил, - не будет уничтожен, и галактика не будет освобождена от вашего присутствия!

- **Нас нельзя уничтожить!** - сказал Септик. - **Мы - часть варпа!**

Он замахнулся мечом на Жиллимана. Примарх отбил его перчаткой “Державная длань”. Септик не мог победить Мстящего Сына, не сейчас. Он мог только сдерживать примарха достаточно долго, пока его тело не распадётся и душа не сможет сбежать. Он чувствовал, как это происходило, чувствовал, как оковы телесности ослабевают вокруг его духа. Усилием воли он ускорил этот процесс, смеясь от предвкушения увидеть выражение лица примарха, когда он ускользнёт от него.

- **Тебе не победить! Галатан близко!** - Он указал потной рукой на небо. Когда туманы рассеялись, стало возможно различить очертания огромной крепости. - **Там Тиф. Ты можешь перерезать нас всех, как свиней, но с этим тебе не справиться! Мы - легион. Нас невозможно уничтожить.**

- Может и невозможно, - сказал Жиллиман. - Но я могу начать с тебя.

Меч Императора ярко вспыхнул. Септик отшатнулся от обжигающего рёва. Его глаза сморщились, их жидкости побежали густыми слезами по лицу. Он так и не увидел удар, который покончил с ним.

Пламя меча окутало его внутренности. Септик невидящим взглядом посмотрел на оружие, которое по рукоять погрузилось в его сердце.

- И когда тебя вышвырнут из нашей вселенной, - сказал Жиллиман, - я займусь и твоей, пока варп не будет очищен и спокойствие не вернётся в умы и души человечества, хотя ты этого никогда не увидишь.

Ни одна хроника не отметила бы последние слова Септика, как достойные.

- **Но...** - вот и всё, что он сказал.

С криком Жиллиман поднял меч Императора вверх, пронзив разлагающееся тело Септика, прорубив

смягчившиеся рёбра, зажарив прогорклые органы, разрезав многочисленные подбородки и верблюжий череп, пока клинок не взорвался из макушки Септика в фонтане запёкшейся крови.

Чернота вырвалась из убитого демона. Меч Жиллимана снова ярко вспыхнул, изгнав её в тень и из существования.

Свет Императора сжёг Септика навсегда.

Свет солнца померк. Галатан двигался по небу, принеся ложный вечер на равнины. Жиллиман отошёл от зловонных остатков Септика Седьмого и осмотрелся. Он справился с гневом. Сражение ещё могло быть проиграно.

Центр вражеской армии был прорван. Трупы демонов превратились в прогорклые пятна чёрной липкой слизи. Чем больше их падало, тем быстрее остальные теряли контроль над реальностью. Легио Мортис отступали с поля боя, направив орудия на врага, но их боевой строй был окружён стягивавшимися стаями имперских титанов, и Жиллиман не сомневался в их неизбежном поражении. Он внимательно изучил равнину, зрение примарха позволяло ему видеть на километры, пока завеса боя и остатки тумана не скрыли расстояние с его точки обзора. Пагубные башни оставались проблемой, какими хрупкими не казались на вид. Они швыряли магию из своего оружия, нанося большие потери его армии.

- Мортарион, - произнёс он. - Мортарион.

К нему подошёл Кольцюань. Остальные кустодии окружили их. Земля снова задрожала, теперь сильнее, когда необъятность Галатана тянула ядро планеты.

- Враг отступает, - сказал он. - Галатан здесь.

- Значит скоро мы узнаем, кто победил, а кто проиграл, - ответил Жиллиман. Он искал источник освободившего его света. И видел только тела, лежавшие перед громадным левиафаном. Его орудия грохотали. Теперь, когда туман рассеялся, он казался огромным.

- Девочка, - произнёс Жиллиман. - Это девочка освободила меня.

- Да, милорд.

- Как она попала сюда? - спросил он.

- Разве это важно? - ответил Кольцюань. Он указал на звёздный форт, чёрный на фоне неба.

- Да, это важно, трибун. Это очень важно. Я должен найти её. Идёмте.

Они нашли девочку несколько минут спустя. Старшая Сестра Иоланта, бледная от потери крови, сидела рядом с ней. Тело девочки разрушило то, что захватило её, но она ещё дышала. Её грудь очень медленно поднималась и опускалась. Смерть пришла за ней. Губы вокруг зубов покрывали ожоги. Ни один смертный не мог долго удерживать так много силы. Она была не на своём месте на поле битвы, но в остальном выглядела также как бесчисленные невинные мёртвые, которых Жиллиман видел на планетах по всему Империи. Он опустился рядом с ней на колени и взял её крошечную руку массивной перчаткой.

- Оставьте меня, - сказал Жиллиман.

Кольцоань отвернулся, махнув своим людям отойти.

- Она жива? - спросил Жиллиман Сестру Битвы.

- Пока, да, - ответила Иоланта.

- Как она попала сюда?

- Я доставила её, - сказала Иоланта.

- Мои приказы предписывали, чтобы она оставалась в Тиросе.

- Иногда Император велит принимать горькие решения.

- И теперь она умрёт, - сказал Жиллиман.

- Вас волнует её смерть?

- А вас нет?

- Разве вас больше не беспокоит, что она может оказаться вражеской хитростью или опасным псайкером, милорд? - Иоланта разозлилась и говорила, не заботясь о последствиях.

- Я вижу только умирающую девочку, - сказал Жиллиман. - Кем бы она ни была, в первую очередь она - дитя Терры. - Он посмотрел вверх на заполнявший небеса Галатан. Огни вспыхивали там, где истребители сражались друг с другом, уклоняясь, петляя, стреляя и взрываясь в безумных воздушных схватках. Они казались совершенно незначительными рядом с громадной звёздной крепостью. - Через несколько секунд мы или победим, или будем уничтожены, - продолжил он. - Скажите мне, Сестра, вы считаете, что это лучшее на что может надеяться человечество? Вы надеетесь, что мы сможем всё пережить и познать мир?

Иоланту удивил его вопрос.

Он внимательно смотрел на неё.

- У меня есть вера, милорд.

- Вера?

- Да, милорд. Вера в вашего отца.

Жиллиман кивнул:

- Иногда и мне хочется обрести веру.

Девочка застонала и повернула к нему ослепшее лицо.

- Вы - Император, снова обрётший плоть? - спросила она очень тихим голосом. Теперь, когда она очнулась, её раны выглядели ещё хуже. Слова были искажёнными и едва понятными.

- Я - не Он, - ответил Жиллиман. - Он создал меня. Я - Его творение. Я - Его сын, тринадцатый и единственный примарх, Робаут Жиллиман из Ультрамара.

- Вы похожи на Него, - сказала она, хотя и была слепой. Она вздохнула, на её лице появилась улыбка. - Я видела такие чудесные вещи.

- Кто ты? - спросил Жиллиман. - Магнус? - Он поколебался. - Отец?

Её голова обмякла. Последний выдох покинул рот.

- Кто ты? - требовательно спросил Жиллиман.

Девочка больше не могла ему ответить.

Подошла Иоланта, прижимая руку к раненому боку.

- Не отчаивайтесь, - сказала она. - Те, кто умирают в милосердии Императора, не теряются, а находят убежище в Его свете в бесконечных эмпиреях. О, милорд, как это прекрасно. - Она убрала прядь волос с лица девочки и улыбнулась окровавленной улыбкой. - Император защищает, - произнесла Иоланта. - Никогда не забывайте, что Император защищает.

Жиллиман посмотрел на искалеченное тело девочки.

- Я никогда не смогу поверить в это, - сказал он.

Растущий вой заряжавшегося мощного оружия разнёсся в небесах. Жиллиман посмотрел на Галатан:

- Но через секунду мы увидим, истинно ли это, Сестра.

Орудия Галатана заговорили. Горячие оболочки воздуха вспыхнули вокруг копий плазмы. Новые огни осветили лицо примарха.

Пагубная башня была сожжена в единственном взрыве, затем вторая. Залпы меньших пушек последовали за солнечным огнём и обрушились на отступающих титанов. Предательский "Владыка войны" закачался под обстрелом, пустотные щиты сорвало, и он рухнул пылающими обломками. Бомбы сыпались градом дальше в сторону гор, поглощая вражеские формирования расширявшимися волнами пульсирующего огня, столь же широкими и густыми, как туман.

Жиллиман некоторое время наблюдал, как Галатан принёс свой суд на Парменион, затем отпустил руку девочки, встал и ушёл, приказав генералам прислать ему отчёты в левиафан.

Двадцать восьмая глава

СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ

Черноту пронзила игла боли. Мягкий свет мерцал внутри шлема Юстиниана. Звучали сигналы предупреждений.

Свечение исходило от уменьшенной резервной пластины шлема. Юстиниан видел только размытое пятно сквозь покрывавшую глаза корку мукраноида. Он сморгнул её.

Экран треснул. Яркие жидкости сочились из стекла. Где он ещё работал, символы информировали о катастрофическом количестве повреждений и травм. Доспехи несколько дней функционировали в режиме минимального потребления энергии. Он впал в гибернацию. Глядя на перечень ран, представший перед ним, он не был удивлён. Если он выживет, то исцеление займёт немало времени.

В груди работало велизариево горнило, заставляя человеческие целительные системы трудиться в режиме перегрузки. Оно вело его по опасному пути. Оно поддерживало его, но опасно повысило температуру и потребляло ресурсы тела. Если его не спасут в ближайшее время, то горнило убьёт его.

Сколько у него оставалось времени, пока это не произойдёт, находилось за пределами вычислительных способностей Юстиниана.

Но он был жив. Боль в спине являлась хорошим свидетельством этого. Он попытался пошевелиться, но сумел только повернуть голову. Металл поцарапал глазные линзы. Его тело под бронёй было окутано мукраноидным коконом, который мешал двигаться. Информационные руны предупреждающе замигали. Реактор доспехов работал плохо и не мог предоставить энергию для дополнительных мышечных волокон. Он был слаб. Оставалось только ждать. Он ужасно хотел пить. Он послал доспехам команду предоставить ему питание. Ничего не произошло.

Спустя несколько секунд броня успокоила его, и он снова погрузился в сон без сновидений.

Когда он проснулся в следующий раз, то почувствовал себя сильнее. Но по-прежнему не мог пошевелиться, и тихий писк в левом ухе подсказывал, что запас воздуха близок к истощению.

Над лицом звучал режущий вой силовых пил. Он прекратился, сменившись мучительным визгом металла. Затем снова раздался шум пилы, за которым последовало шипение пневматических ножниц и мягкий податливый звук перерезанной пластины. Кто-то копал в его сторону. Он задумался кто. Его ждало спасение или мучение? Он понял, что в прошлый раз, когда он по-настоящему думал о смерти, был тот день в школе, когда за ним пришли вербовщики со строгими лицами и навсегда изменили его жизнь.

Почему-то это показалось забавным.

Он всё ещё смеялся, когда с него сняли последнюю тяжесть. Только тогда он понял, насколько тесно был зажат. Доспехи открыли дыхательную маску, чтобы пополнить запасы воздуха. Он выгнул спину и сделал глубокий хриплый вдох, но ещё не был свободен. Длинная пласталевая балка поперёк груди продолжала прочно удерживать его на месте.

Сервитор с безвольным ртом смотрел на него сверху, его бледно-серая голова размещалась между парой массивных подъёмных клешней. Он наклонился, открыл захваты и потянулся к нему. Слабоумный мозг существа принял его за ещё одну часть обломков, которую надо убрать. Его спасли, чтобы раздавить.

- Подожди, остановись! - произнёс Юстиниан.

Сервитор нагнулся ближе.

- Стоять! - приказал голос. Сервитор выпрямился и повернулся в сторону. Лампочки на прикрепленном к его черепу устройстве выжидательно замигали. Послышались приближавшиеся по обломкам шаги. Наверху показался Новадесантник в ржаво-красных цветах Марсианского духовенства. Пара сервочерепов парила позади него, направляя сканирующие лучи на распростёртого космического десантника.

- У меня здесь один! - крикнул технодесантник кому-то, кого не видел Юстиниан. - Брат-аптекарий! Пожалуйста помощи, он жив. - Технодесантник обратился к нему. - Держись, брат. Помощь близко.

- Если освободишь меня, я сам смогу вылезти, - сказал Юстиниан. Его вокс-передатчик потрескивал. - Я хочу выбраться из этой дыры.

- Вы, десантники-примарис, сильны, - с восхищением произнёс технодесантник. Ещё один сканирующий

луч пробежал по телу Юстиниана сверху вниз. – Ты ранен, но не смертельно, – продолжил технодесантник. – Я помогу тебе.

Его серворука распрямилась сбоку от силового ранца, и переместилась вперёд, открываясь. Плазменная горелка под захватами вспыхнула. Технодесантник начал перерезать пласталевую балку.

– Мы победили? – прохрипел Юстиниан.

– Победили, – ответил технодесантник. – Тиф отступил. Галатан вовремя вышел на орбиту, повернув ход сражения в пользу примарха. Последние враги изгнаны со станции переброшенными с поверхности армиями.

– Доваро, – он сглотнул. – Он выжил?

Плазменный факел прошёл сквозь металл. Он переломился с громким звоном. Ещё большая тяжесть ушла с Юстиниана. Наконец-то, он смог пошевелить руками.

– Магистр ордена мёртв, – печально произнёс технодесантник.

– Что с моими воинами? Неужели я – единственный выживший?

– Другими десанниками-примарис из этого бункера? – Технодесантник осторожно переместил серворуку на другую сторону обломков. Плазменная горелка снова вспыхнула. – Двое уцелели. Они в аптекарионе. Они должны выжить.

– Это хорошо. – Металл исчез. Юстиниан убрал его с тела. Обесточенные доспехи мешали ему и потребовалось две попытки, чтобы его сдвинуть.

Он попытался встать.

– Осторожнее! – приказал технодесантник. – Твои доспехи неисправны, и ты наполовину замурован.

– Я встану, – сказал Юстиниан.

– Ну, если ты настаиваешь. – Технодесантник спустился во временную могилу Юстиниана и протянул руку, показав сине-костяной наплечник красной брони. Юстиниан протянулся и схватил руку воина.

Технодесантник осторожно поднял Юстиниана. Тот вздрогнул от прострелившей ноги боли. Он облокотился на технодесантника для поддержки.

– Не спеши, – произнёс облачённый в красное брат. – Уверен, что не хочешь присесть?

– Уверен. – Юстиниан бросил вызов боли, чтобы стоять без посторонней помощи. Он позволил технодесантнику помочь ему.

– Где брат Локо? – позвал технодесантник. – Локо! Иди сюда, пока наш брат-примарис не ушёл на своих двоих.

Повсюду были сервиторы, копавшиеся в развалинах Scucius Portis II под руководством дюжины технодесантников. Аптекарий в белом спешил, вытирая окровавленный редуктор.

– Я иду. В отличие от твоих подопечных, мои истекут кровью и умрут, если я поспешу посмотреть на что-то новое, – сказал Локо.

- Теперь ты свободен и получишь помощь, - сказал технодесантник.

- Спасибо, - сказал Юстиниан технодесантнику. Он помолчал и добавил. - Брат.

На Парменионе наступило время безмолвной заупокойной службы. По тёмным улицам Тироса в собор несли свечи. Люди плакали, провожая тело святой. Возносились молитвы. Поющие голоса декларировали благодарности примарху и Императору. На орбите в *"Чести Макрагга"* царила совсем другая атмосфера. На закрытом конклаве Жиллиман и его высшие должностные лица судили Иоланту; он сидел на троне, они - на чёрных стальных стульях, расположенных полукругом вокруг него. Иоланта была в простом платье, мало чем отличавшимся от одежды, в которой умерла Кайлия. Её руки и обнажённые ноги были закованы, но она гордо держала голову и бесстрашно смотрела Жиллиману в глаза.

- Ты признаёшь, что не подчинилась моим приказам? - спросил Жиллиман. - И что сделала это, чтобы освободить из заключения девочку Кайлию из Тироса?

- Признаю, милорд, - ответила Иоланта. - Только ради того, чтобы спасти вас.

- И твои воины убили моих слуг, совершая это преступление.

- Они сделали это по моему приказу, - сказала Иоланта.

- Кто-то ещё поощрял тебя к подобному плану действий? - спросил Жиллиман.

- Нет, милорд.

- Ты клянёшься?

- Клянусь.

- Императором Человечества?

- Да, милорд, - сказала она. - Я клянусь Тем, кто сидит на Золотом Троне.

- Очень хорошо, - Жиллиман повернул величественную голову и посмотрел на Матьё. На его лице застыла такая каменная враждебность, что у Матьё душа ушла в пятки.

- Лорд-арбитратор, пожалуйста, скажите суду, какое наказание полагается за измену. - Жиллиман продолжал сверлить милитант-апостола взглядом.

Старший судья Жиллимана встал со своего места. Это был старик, оставивший линию фронта много лет назад. Его ястребиный глаз безжалостно смотрел на Иоланту.

- Никто из тех, кто бросает вызов священной воле имперского регента не может быть оставлен в живых. За неповиновение вам она должна быть приговорена к смерти.

- А за нарушение клятв перед законом Министорума?

- Смерть через искупительную жертву.

- Смерть от огня?

- Таково наказание, милорд, - ответил старший судья.

Матьё почувствовал, как за спокойной внешностью Жиллимана растёт гнев. Он был готовым взорваться вулканом, но всё, что показывал примарх сводилось к подёргиванию верхней губы. Матьё обрадовался, когда Жиллиман вернул внимание к Иоланте.

- Ты раскаиваешься, Сестра Иоланта?

- Мне не в чём раскаиваться, милорд, - гордо ответила Иоланта. - Я не прошу вашего прощения. Я не подчинилась вам, но если бы случившееся повторилось, то не задумываясь поступила бы так снова, и даже если мне представились бы множество вариантов спасения моей жизни, ради моей души и любви Императора, и ради вас, милорд, я снова привела бы ребёнка на поле битвы.

- Да будет так, - произнёс Жиллиман. - Огласите моё решение.

- За преступное нарушение приказа примарха - смерть, - объявил главный судья. В зале наступила тишина. - За преступное убийство - смерть. За преступное создание угрозы жизни имперского регента - смерть. За преступное освобождение несанкционированного псайкера - смерть.

Жиллиман встал. Его присутствие ощущалось за пределами его роста, сжимая воздух в лёгких Матьё.

- К тебе отнесутся справедливо за твою прошлую службу, - сказал он и повернулся к паре Виктрикс Гвардейцев. - Уведите её. Пусть её смерть будет быстрой и чистой.

Космические десантники вывели Иоланту из помещения. Хотя впереди её ждала смерть, она высоко держала голову.

Жиллиман осмотрелся:

- Очистить зал.

Лорды и генералы штаба Жиллимана встали со своих мест, поклонились и вышли. Матьё собрался уйти вместе с ними.

- Не вы, милитант-апостол, - сказал Жиллиман.

- Я останусь, как вы приказываете, имперский регент, - сказал Матьё. Он вернулся, чтобы сестра снова.

- Вы останетесь стоять, жрец, - заявил гигант, Малдовар Кольцюань. На лице трибуна застыло жестокое выражение, что делало его благородные черты уродливыми. Один посреди зала, он был в доспехах и указывал золотым пальцем на место, освобождённое Сестрой Иолантой. - Там, - сказал он.

Тетрарх Феликс посмотрел на Жиллимана. Они обменялись взглядами. Феликс слегка кивнул. Матьё понятия не имел, что произошло между ними. Они уже приговорили его между собой? Его ждёт казнь? Он заставил себя отбросить подобную возможность. Не было более великой смерти, чем на этой службе. Он будет храбр.

- Тетрарх, проследите, чтобы меня не беспокоили, - сказал Жиллиман, - и что помещение защищено от всех форм наблюдения. Отключите вокс и пиктеры. Наш разговор не покинет эти стены. Кольцюань, вы должны остаться, как единственный свидетель. Вы напишете под присягой отчёт о том, что было сказано, сделаете копии, запечатаете и отправите Инквизиции Терры, верховным лордам и в мой архив, если Адептус Министорум решат использовать это событие в собственных целях.

- Милорд, - сказал Кольцоань.

Феликс ушёл. Двери зашипели, закрываясь.

Жиллиман ждал сигнала от Феликса. Когда перезвон объявил, что все протоколы конфиденциальности запущены, он снова посмотрел на жреца. Матьё вздрогнул от силы его враждебности.

- Вы что-нибудь можете сказать в своё оправдание, милитант-апостол?

- Сестра Иоланта действовала самостоятельно, милорд. Истинные слуги Императора признали девочку той, кем она и была, и поспешили вам на помощь.

Жиллиман подошёл ближе и навис над жрецом.

- Вы никогда больше не будете мне лгать, милитант-апостол, - ровным голосом произнёс он. - Сейчас вы лжёте мне. Вы даже убедили Сестру Иоланту солгать под присягой. Трон, человек, насколько же ты неискренен внутри.

- Милорд, если я могу...

- Вы не можете! - Крик Жиллимана был внезапным и ужасающим. - Это вы сделали, - снова спокойно сказал он. - Хороший человек погиб. Мои воины сражались друг против друга. Чемпион Императора тяжело ранена, другая - казнена, и всему виной ваша высокомерие. Вы считаете, что лучше информированы, чем я. Я хочу, чтобы вы теперь поняли, что это не так.

- Клянусь, что Иоланта не действовала по моим приказам, - сказал Матьё.

Глубоко в горле Жиллимана родился рык, нечеловеческий звук, который никогда не должен был исходить от такого совершенного создания. Это вселило страх в Матьё, который он не мог скрыть.

Жиллиман презрительно фыркнул.

- Вы снова не подчинились моим приказам. Вы лжёте. Признайтесь. Вы ответственные.

- Милорд-регент... - начал Матьё. Он посмотрел в глаза Жиллимана и увидел ярость, которая поглотит его, если он снова посмеет отрицать.

- Вы видели, что произошло, - сказал он вместо этого.

- Признайтесь, проповедник, - сказал Жиллиман. Жар его гнева врезался в Матьё. - Скажите мне, что вы сделали это. Я хочу услышать, как вы это скажете.

Матьё шагнул назад.

- Разве вы не видели! Ваш отец был на поле боя с нами, действуя через ребёнка, - сказал Матьё. - Она была сосудом для силы вашего отца, избранной Им. Его воля действовала через неё. - Он отступил ещё, потому что Жиллиман продолжал наступать. - Она изгнала демонов. Ни один ребёнок не мог этого сделать! От неё исходил золотой свет... Император был там, Он был с нами, среди нас. Он помог вам победить! Император с вами! - сбивчиво говорил Матьё.

- И где он теперь? - сказал Жиллиман. - Я видел высвобождение неограниченной психической способности. Она могла исходить из любого источника, не в последнюю очередь от богов, которые соперничают с покровителем моего брата. - Жиллиман наклонился вперёд. На его широком лбу

пульсировала вена. – Вы говорите, вы жрецы, словно знаете моего так называемого отца, словно посвящены в Его волю и Его слова, словно Он говорит через вас! – Он сжал кулак. Без доспехов он казался ещё опаснее. – Вы никогда не говорили с Ним. Ни один из вас, мерзких фанатиков, никогда даже словом не обменялся с Императором. Я жил рядом с Ним. Я сражался вместе с Ним несколько веков. Я учился с Ним. Я узнал о Его мечтах о человечестве из Его собственных уст, и поднимал меч и проливал свою кровь, чтобы сделать их реальностью!

– Но видения...

– Они – ложь! – закричал Жиллиман. – Я – единственное живое создание, которое говорило с Императором за последние десять лет. Десять тысяч лет, Матьё, и всё же вы смеете полагать, что знаете Его мысли? Вы, священники, сжигаете, калечите и осуждаете на основании предположений. Вы исповедуете свою варварскую религию во имя человека, который презирал и хотел свергнуть всё это. Цель Императора состояла в том, чтобы вывести нас из тьмы. Вы, фратер Матьё, вы и подобные вам – *тьма*. – Он с отвращением отвернулся. – Эти подвиги веры могут быть объяснены работой эмпиристов. Ни к какому богу не нужно взывать, и если он и есть, то вряд ли ответит. Есть сущности в варпе, которые прислушиваются к таким просьбам. И уверяю вас, что они – не боги, и Император – ни один из них. Ничему из того, во что вы верите, нельзя доверять. Ничему! – Его голос повысился до осуждающего крика, который эхом отразился от мраморных стен. Кольцоань выглядел потрясённым. Матьё рухнул на колени. Он склонил голову и сжался.

Жиллиман сдержал гнев, его голос опустился до резкого шёпота. – Вам нельзя доверять. – Он сглотнул и продолжил более размеренным тоном. – Человек, который создал меня, сделал Свою работу хорошо. Сражение было бы выиграно без вмешательства сил варпа. Эта девочка была псайкером с редкой способностью и только, присутствие которой на поле битвы могло причинить большой вред. Приказав Иоланте...

– Но, милорд, я ничего не приказывал!

– Не перебивайте меня! – произнёс Жиллиман. Он вытянул руки, словно собирался схватить Матьё за домотканую мантию, поднять в воздух и сокрушить его череп, но пальцы примарха не коснулись жреца, хотя и дрожали от гнева. – Приказав Иоланте, – повторил Жиллиман, – привести её на поле битвы, вы рисковали уничтожением всех наших сил. Если бы она не справилась со своей способностью, если бы стала проводником в варп... – Жиллиман обнажил зубы.

Матьё и представить не мог, что примарх может таить такие глубины гнева. Жиллиман всегда описывался, как вежливый собрат, компетентный гений, избавленный от недостатков, связанных с необузданным темпераментом. В священных писаниях теми, кто проявлял нечестивые черты гнева были его братья, в основном дьявольские предатели. Но примарх был в ярости, и это был первобытный гнев, родившийся в сердцах замученных планет и стремительно сгоревших звёзд. В центре его неистовства была ярость самого Бога-Императора.

Матьё испугался, и одновременно почувствовал, как внутри него растёт религиозный экстаз. Мысль о том, что его уничтожит Жиллиман, что он падёт о руки единственного живого сына Императора, почти обессилила его.

Жиллиман отступил от засиявшего в глазах Матьё обожания.

– Вы мне отвратительны. Я не убью вас. Я не могу. Я просчитался, выбрав вас. Я должен был назначить другого паразита на вашу должность, как Гисан и ему подобные. Вместо этого я решил, что лучше иметь

рядом с собой вдохновляющего человека, сделать вашу религию добродетелью. И вот расплата, которую я получил за то, что придал вес вашей вере? Вы могли убить нас всех! Хаос пытался обмануть несколько раз меня – меня! Вы считаете себя ниже его внимания? Он пойдёт на всё, чтобы увидеть падение нашей расы. Смотрите, чтобы ваша вера не стала для него открытыми воротами в ваше сердце.

- Вы видели, милорд. Вы видели свет своего отца!

- Он мне не отец, – сказал Жиллиман. – Он создал меня, но уверяю вас, жрец, что Он им не был. Моим отцом был король Конор.

Матьё моргнул, глядя на него:

- Милорд, пожалуйста.

- Слушайте меня. Вы живы только по моей милости. Возможно, вы манипулировали тетрархом Феликсом. Возможно, вы даже одурачили меня. Наслаждайтесь своим успехом, больше такого не произойдёт. – Жиллиман вытянул вперёд кулак. Матьё снова подумал, что примарх собрался его задушить, но он указал единственным обвиняющим пальцем. – Ещё одно неповиновение, Матьё, букве ли моих приказов, духу ли моего лидерства, или вы хотя бы приукрасите одно из моих слов, и я предам вас очищающему пламени, которое так любит ваш культ, не важно к каким последствиям это приведёт. Вы можете желать привлечь меня на свою сторону, чтобы получить больше власти для вашей религии. Я говорю, что этого никогда, никогда не произойдёт. Я никогда не стану поклоняться Императору. Я не стану зависеть от вас, вас и всех остальных жрецов. Я терплю Адептус Министорум, как необходимое зло. Не вынуждайте меня изменить моё мнение.

Матьё растянулся на полу.

- Я стремлюсь только служить вам, милорд.

- Мы закончили. – Гнев примарха исчез. Жар покинул зал. Жиллиман снова казался меньше.

- Осторожнее, жрец, – произнёс Кольцоань. – Лорд Жиллиман, может и пожалеет тебя, но меня ничто не остановит.

- Кольцоань, – сказал Жиллиман. – Достаточно.

Кольцоань указал на Матьё:

- Я слежу за вами.

- Кольцоань! – Жиллиман направился к двери. – Охрана, я закончил. – Его голос охрип от гнева.

Двери открылись. Матьё поднялся с пола и крикнул ему вслед:

- Наступит день, – произнёс он. – Наступит день, когда вы увидите, милорд! Вы увидите правду! Это будет чудесный день, благодатный день. Я не оставлю попытки спасти вас! Я не могу! Ваш отец возложил эту цель на меня!

Капитан Сикарий стоял по стойке “смирно” и отдал честь выходящему Жиллиману, затем он и Виктрикс Гвардия встали позади Кольцоаня. Среди них изменилось соотношение десантников-примарис и космических десантников. Павших в бою заменило новое поколение.

- Вы увидите! – крикнул Матьё. Двери скользнули, закрываясь, оставив его одного.

- Император наблюдает за всеми нами, - прошептал он.

Он сложил руки и закрыл глаза в молитве.

- Слава, слава, - зашептал он. - Жиллиман видит! Он начинает видеть! Слава, слава.

Ночь и день на борту корабля - условные вещи. Выключите свет - и узрите! - наступила ночь. Снова щёлкните выключателем и наступит день. Некогда такая власть являлась уделом богов.

Робаут Жиллиман сидел один в выбранной им ночи. Скрипторий был пуст. Жизнь корабля продолжалась за закрытыми дверями, но внутри, в тишине, Жиллиман мог обманывать себя, что находился в одиночестве незадолго перед рассветом и звёзды снаружи сияли для него одного.

Он сидел за своим столом. Казалось, что ничего не изменилось с прошлого раза, когда он выкроил несколько минут, чтобы посидеть и подумать. Инфосписок продолжал бесконечно прокручиваться на экранах, но, если обычно он просматривал его во время работы и вмешивался, когда требовалось срочно принять решение, отвлекаясь от текущих дел, на этот раз примарх не обращал на него внимания. Строки данных появлялись зелёным текстом, прокручивались по экрану и незамеченными исчезали внизу во тьме.

Каждая мысль Жиллимана была направлена к стазисной шкатулке, переданной ему Яссилли Сулиманией, и книге, которая в ней хранилась. Сейчас контейнер был закрыт, ничего более зловещего, чем деревянная коробка с незатейливыми украшениями на крышке. Но он занимал главное место на столе примарха. Он вспомнил о коробке скорби из древней легенды, которую никто не помнил в этой эпохе.

Он обдумывал, стоит ли открыть её и прочитать книгу внутри.

- Ты не найдёшь там никакой надежды, - предупредил он себя.

Жиллиман никогда не читал лежавшую в шкатулке книгу. Он отказался от этого в те времена, когда она была впервые напечатана. Никогда не принимавший подобного решения в отношении любой другой книги, её он демонстративно игнорировал. Тогда в эпоху Просвещения Жиллиман всегда считал себя, одним из самых рассудительных примархов. Он был человеком познания, рациональность стала его первым и последним убежищем, и всё же он открыто порицал эту работу. Почему? Он сделал так, чтобы угодить Императору, как и всё, что он тогда делал, но это не было единственной причиной. Он должен был составить собственное мнение. Он должен был прочитать аргументы и рассмотреть их, а не отклонять. Кредо Имперской истины, которого он так упорно придерживался, было именно что кредо. Оно было испорченным и в значительной мере основано на лжи.

Его отказ представлял собой просчитанное оскорбление. Они с Лоргаром никогда не сходились во взглядах. Жиллиман был рационалистом, Лоргар - искателем метафизических истин. Вера была его способом мышления, и Жиллиман презирал её. Манера войны Несущих Слово раздражала его. Как мелочно с его стороны. Он знал, что, отвергая верования брата так резко, он ускорил конец всего, во что верил Император.

Декларативно верил, поправил себя Жиллиман. У него никогда не было возможности поговорить с Императором о правде. Война помешала этому, а когда она закончилась, Император оказался за пределами общения. Только один раз по возвращению на Терру Жиллиман находился в Его присутствии,

и получил от создателя нечто большее, чем молчание.

Он вспомнил о встрече, как часто делал, всё ещё не способный примирить то, что, как ему казалось, он увидел, с тем, что должно было быть возможным.

“Возможно, – подумал он, – я не прочитал её, потому что боялся, что Лоргар прав”.

Как я могу знать, не прочитав её? Его беспокоило не то, что он обидел Лоргара, а то, что он отказался от своей интеллектуальной строгости. По-своему он был таким же фанатиком, как и Лоргар.

Теоретически я должен это исправить. Практически я должен это прочитать.

Жиллиман открыл крышку шкатулки. Книга была тонкой и лежала в неглубоком отделении, по-прежнему омываемая светом стазисного поля. Она была старой, почти такой же старой, как и он. Вместе они были реликвиями другой эпохи, потерянными во времени вещами.

Во внешнем виде книги не было ничего, что указывало бы на власть, которой она обладала. Но она обладала такой силой и влиянием, что Жиллиман лично запретил её после предательства Гора. Каждая найденная копия сжигалась, её слова считались испорченной ложью предателя. Она была вычеркнута из истории, вычищена из записей. Люди умирали, защищая её. Верующие называли их мучениками, но Имперский Культ тогда был маленьким и нелепым, и он игнорировал его. Но вред уже был нанесён. Мысли разлетались, миметический вирус распространялся от разума к разуму. У этого не было лечения. Написанные в этой книге мысли и верования архипредателя стали фундаментом Имперского Культа.

Он размышлял, знали ли первосвященники Экклезиархии об этом факте.

Большинство экземпляров были плохого качества, выпущенными на подпольных типографиях в тайных акциях самиздата. Эта была изготовлена хорошо, собственностью богатого человека. Возможно, это объясняло, почему она уцелела. Одинокое название украшало обложку отслаивающимся сусальным золотом, оттиснутом на светло-коричневой коже. Не было имени автора. Масла для кожи её бывшего владельца испачкали нижний правый угол обложки. Единственный след человека, который умер десять тысячелетий назад; книгу читали много раз. Жиллиман задумался, что за люди это были. Воображение являлось бесплодным упражнением, которое давало бесконечное теоретизирование без практического результата. Пустая трата времени. Он прервал подобный ход мыслей.

Имперский готик развивался с тех пор, как была написана книга, даже самая высокая и окостеневшая форма оказалась размыта приливами изменения. Шрифт книги был невероятно древним. Его чтение вызвало у примарха внезапную волну воспоминаний. Они усилили чувство отрешения Жиллимана, и он почти отказался от идеи в пользу уничтожения книги и шкатулки.

Он не стал так делать. Его палец нажал на скрытую шляпку гвоздя, отключив стазисное поле. Он ещё немного посмотрел на книгу.

Он взял её. Кожа была сухой и отслаивалась. Бумага пахла, как и должна пахнуть старая бумага: затхлой резкостью, запахом скрытой мудрости и умирающих воспоминаний.

Спустя десять тысяч лет после того, как Лоргар Аврелиан коснулся пером бумаги, чтобы написать этот трактат, Жиллиман начал читать его.

Возрадуйтесь, ибо я принёс вам славную весть.

Бог среди нас.

Такими были первые две строки *Lectitio Divinitatus*.

ОБ АВТОРЕ

Гай Хейли - автор романов Ереси Гора "*Волчья погибель*" и "*Фарос*", романа серии Примархи "*Пертурабо: Молот Олимпии*" и романов Warhammer 40,000 "*Тёмный Имперуум*", "*Опустошении Ваала*", "*Данте*", "*Гибельный клинок*", "*Теневой меч*", "*Валедор*" и "*Гибель Единства*". Также он написал "*Тронный мир*" и "*Обезглавливание*" для цикла Возвышение Зверя. Энтузиазм на тему зелёнокожих также побудил написать его одноимённый роман Warhammer "*Скарсник*", а также роман Конца времён "*Возвышение Рогатой Крысы*". Ещё он написал несколько рассказов в Эпохе Зигмара, включая "*Военный шторм*", "*Гхал Мараз*" и "*Зов Архаона*". Он живёт в Йоркшире со своей женой и сыном.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Тёмный_Имперуум:_Чумная_война_/Dark_Imperium:_Plague_War_\(роман\)&oldid=17520](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Тёмный_Имперуум:_Чумная_война_/Dark_Imperium:_Plague_War_(роман)&oldid=17520)

Эта страница в последний раз была отредактирована 7 августа 2021 в 15:43.